

Стивен П. Кершоу

Путеводитель по греческой мифологии

Посвящаю трем своим грациям: длинноволосой Лале, оборожительной Дороти и благоухающей Гебе

От автора

Большую помощь при написании этой книги мне оказали Фил и Дороти Кершоу, Сирил Кершоу, Алан Гай, Филипп Хайли, Фрэнк Хейг, Джон Бетгс, Ричард Бакстон, Энди Томпсон, Роб Батлер, Эйлин Шиптон и Сьюки Христиансен. Всем им я приношу глубокую благодарность. Я также весьма признателен сотрудникам круизной компании «Свон Хелленик Крузис», а также моим коллегам по Уорикскому университету, факультету повышения квалификации Оксфорда, колледжу Родса, университету Юга и Техасскому христианскому университету. Ни один из этих людей не повинен в возможных неточностях, допущенных в этой книге. Если в нее вкрались ошибки, это полностью мое упущение.

Я также выражаю признательность всем сотрудникам издательства «Констебл и Робинсон», среди которых мне наиболее помогли Бекки Харди, Лео Холлис, Клаудиа Дайер и Мораб Лайол. Возношу благодарность Тихе, Немезиде и Кайросу, ниспославшим мне вдохновение при написании этой книги. Во время моих ночных писательских бдений мою компанию разделяла, поддерживая меня, спаниель Геба. И, наконец, с любовью благодарю за постоянную благожелательность и поддержку свою жену Лалу, неизменную помощницу во всех моих начинаниях.

Введение

Греция — страна мифов, где каждого гостя принимают как современного бога. Здесь слышны голоса сирен, заманивающих вас своим чарующим пением в глубины виноцветного моря. Здесь ласковый бриз, овевающий величественные руины, нашептывает ваше имя, а танцы до рассвета напоминают прежние дионисии. В Греции мифы, повествующие о приключениях великих героев, живы по сей день, а каждого гостя ждет необыкновенное приключение. Чтобы его пережить, пользуйтесь услугами гида¹.

Мы, люди двадцать первого века, то и дело соприкасаемся с отголосками греческой мифологии, хотя редко заостряем на этом свое внимание. Случается, мы говорим о хаосе в нашей жизни (изначальном беспорядочном состоянии мира); пользователи компьютеров сетуют на «тройных коней», «Аякс» — фирменное наименование универсального моющего средства, а также название голландской футбольной команды. Политики обвиняют своих оппонентов в насаждении мифов (то есть, во лжи), а телевизионные «археологи» пытаются рассказать правду об Атлантиде. Кентавры фигурируют на страницах произведений Клайва С. Льюиса о Нарнии и романов Джоан Роулинг о похождениях Гарри Поттера. Спортивные обозреватели, восхваляя звезд американского футбола, говорят о присущей им «хватке Мидаса»; мужчин сравнивают с Адонисом, а женщин, бывает, — с сиренами или гарпиями; ахиллесова пята есть у каждого человека. Для достижения своих целей мы порой совершаем Геракловы подвиги, страдаем, случается, эдиповым комплексом, предпринимаем собственные одиссеи и остерегаемся «даров данайцев».

Во времена Возрождения ни один приличный палаццо не обходился без скульптур античных героев и росписей на мифологические сюжеты. На эти сюжеты написаны и многие

¹ Текст плаката, установленного в 2006 г. в афинском аэропорту Министерством туризма Греции (здесь и далее примечания автора).

оперы: от «Орфея» Клаудио Монтеверди до «Эдипа-царя» Стравинского. Не обошли эту тематику и балеты, как классические, так и новомодные, современные. Так, Марта Грэм, основательница школы современного танца в Нью-Йорке, поставила балет «Страдающая Андромаха». По мотивам греческих мифов поставлены и многие кинофильмы, например «Ясон и аргонавты» (1963) английского режиссера Дона Чэффи и «Троя» (2004) американского режиссера Вуди Аллена — фильм, в котором похищение Елены оправдывает нападение греческой «супердержавы» на восточное государство, аналогией которому, как некоторые считают, является вторжение американцев в Ирак, открывшее «ящик Пандоры» на Среднем Востоке. Другой фильм Вуди Аллена — «Могучая Афродита» (1995) воспевае силу любви, являясь в то же время пародией на греческую трагедию.

Мифологические сюжеты нашли свое отражение и в современной джазовой и рок-музыке. Так, британская группа «Лед Зеппелин» исполнила музыкальную композицию «Последняя стоянка Ахиллеса», американская группа «Верджин Стил» создала саундтрек «Дом Атрея» к кинофильму «Гладиатор»; Иво Папазов, руководитель болгарского свадебного оркестра, поставил музыкальную композицию «Вознесение Орфея», а англо-скандинавское музыкальное трио создало композицию «Икар». Мифологические сюжеты и поныне используются в декоративном искусстве. Иан Гамильтон Финлей, дизайнер садов и парков, спроектировал в Шотландии парк «Малая Спарта», а Джо Тилсон создал для летней выставки Лондонской королевской академии скульптуры девяти муз.

В настоящей книге рассказывается о многих греческих мифах, а сам рассказ сопровождается цитатами из произведений античных авторов, что позволило мифам заговорить собственным голосом. Некоторые мифы в изложении разных авторов имеют различные варианты развития действия, и большинство этих отличающихся друг от друга сюжетов в книге рассмотрены. В книге также сделана попытка рассмотреть влияние греческих мифов на общество, начиная со времен Древней Греции по настоящее время.

Настоящая книга состоит из трех частей.

Первая часть — исследование мифов и мифологии, в котором рассматриваются следующие вопросы: возможно ли точно определить, что собой представляют греческие мифы, и можно ли их отличить от других традиционных сказаний.

Во второй части излагаются основные греческие мифы и главные варианты развития сюжетов (рассказать обо всех мифах — титанический, обременительный труд). В книге, где оказалось возможным, мифы изложены в хронологическом, последовательном порядке, начиная с происхождения богов и заканчивая возвращением героев с Троянской войны. Наряду с известными мифами о Ясоне и аргонавтах, Геракле и Одиссее в книге рассказывается и о менее значительных мифах. Помимо изложения мифов, в книге рассматриваются и вытекающие из этих мифов вопросы. Была ли Троянская война? Существовала ли Атлантида? Как мифы воспринимаются в настоящее время?

В третьей части приведен краткий анализ различных научных (или не слишком научных) интерпретаций греческих мифов, начиная с античных времен и заканчивая нашими днями. Ученые вечно спорят о происхождении и значении мифов, и в книге дается обзор основных взглядов на мифы, начиная с Евгемера и заканчивая Зигмундом Фрейдом и теми, кто интересовался этим вопросом следом за ним.

Часть первая

Мифы и мифология

Греки, жившие в V веке до нашей эры, не нуждались в подобной книге. Их мифология была сродни воздуху, которым они дышали, и книги, повествующие о греческих мифах, появились относительно позже. Наиболее важное собрание греческих мифов — «Библиотека» Аполлодора — датируется первым столетием нашей эры. «Библиотека» представляет собой единственное из дошедших до нас античных сочинений по мифологии,

где мифы Древней Греции излагаются не только в наиболее полном, но и систематизированном виде. Однако целиком это сочинение до наших дней не дошло. В сохранившейся его части изложение мифов доведено до событий Троянской войны. Недостающую часть «Библиотеки» Аполлодора восполняют две эпитомы, обнаруженные в XIX веке.

Греческим мифам посвящены и многие произведения классических авторов. Вот эти авторы и их сочинения:

- Гомер (VIII век до н. э.), автор «Илиады», посвященной событиям Троянской войны, и «Одиссеи», посвященной возвращению Одиссея домой из-под Трои. В основе этих поэм лежит устное народное творчество. Гомеру приписывают и собрание греческих религиозных гимнов, посвященных богам и героям, персонажам греческих мифов.

- Гесиод (около 700 г. до н. э.), автор героического эпоса «Теогония», рассказывающего о происхождении богов, сочинения «Работы и дни» (с мифологическими вставками) и «Каталога женщин» (представительниц знатных родов).

- Пиндар (518–438), древнегреческий поэт-лирик, сочинявший похвальные песни и торжественные хоровые песнопения, в которых прославление победителя соединено с мифологическим повествованием.

- Геродот (середина V века до н. э.), Отец истории, предпринимавший долгие путешествия, во время которых он записал множество мифов, несмотря на свой скептицизм.

- Эсхил (525–456), Софокл (496–406) и Еврипид (485–406) — «Великая троица», классические античные трагики, создавшие драмы на материале греческих мифов, которые они нередко перерабатывали.

- Аристофан (ок. 445–385), выдающийся представитель древнегреческой комедии, пародировавший мифы в своих сочинениях.

- Платон (427–347), выдающийся греческий мыслитель, использовавший мифы для иллюстрации собственных правил и принципов. В своих произведениях изложил миф об Атлантиде.

- Каллимах (III век до н. э.), эллинистический поэт и ученый (начинавший как школьный учитель в Александрии), мастер малой литературной формы, автор шести гимнов, посвященных основным греческим божествам.

- Аполлоний Родосский (III век до н. э.), древнегреческий эпический поэт, был главой библиотеки в Александрии. Автор поэмы «Аргонавтика», посвященной путешествию аргонавтов за золотым руном.

- Феокрит (III век до н. э.), эллинистический поэт, автор поэм на мифологические сюжеты и эпиллии «Маленький Геракл».

- Вергилий (70–19), римский эпический поэт, автор поэмы «Энеида», в которой рассказывается о герое Троянской войны Энее и его путешествии из Трои в Италию.

- Овидий (45–17), римский поэт, который в своем сочинении «Метаморфозы» изложил множество мифов о превращениях греческих богов и героев. Его труды стали весьма популярны во времена Возрождения. В западной литературе Овидий — признанный авторитет в области греческой мифологии.

- Плутарх (50–120), древнегреческий писатель, автор «Сравнительных жизнеописаний», содержащих биографии выдающихся греков и римлян, включая жизнеописание Тесея.

- Павсаний (середина II века), греческий историк и путешественник, чьи отчеты о путешествиях (важные для изучения мифологии) основаны на собственных наблюдениях.

Кроме того, немало менее известных писателей, затронувших в своем творчестве мифологию, чьи работы или потеряны или сохранились лишь фрагментарно. Стоит также отметить ученых, изучавших мифологическую тематику и включивших в свои труды различные варианты греческих мифов и выдержки из работ, которые целиком до нас не дошли.

Дополняют представления о греческих мифах сохранившиеся папирусы и произведения изобразительного искусства. Росписи на вазах и скульптуры, бывает, рассказывают о не дошедших до нас греческих мифах или являют альтернативу известному мифологическому сюжету. Дошли до нашего времени и описания не сохранившихся знаменитых картин, толковавших многие мифы.

Древних героев постоянно окружало мифологическое наследие, что помогало им лучше понять себя, осмыслить свои намерения и поступки, а также достаточным образом оценить свои силы.

В наше время слова «миф» и «мифология» используются в широком смысле в зависимости от контекста. К примеру, Оксфордский словарь английского языка определяет миф как «исключительно вымышленный рассказ». Слово «миф» часто используют с целью означить неправильное представление о чем-либо, примером чему служит ложное утверждение, что лемминги имеют привычку бросаться с утеса в море; то, что эти животные так поступают, — миф, созданный Уолтом Диснеем.

Источником создания мифов является и Википедия, в которую пользователь, бывает, вносит неверную информацию, которая дополняется ложью другого пользователя, а та, в свою очередь, обрастает новыми невероятными фактами, в результате чего ложная информация получает распространение и кажется истинной.

Однако греческие мифы нельзя рассматривать как обыкновенную ложь, даже если они полностью представляются небылицей. Греческие мифы имели большое социальное значение и помогали людям осмыслить ценности общества и определить свое место в окружающем мире. Как сказал один из мыслителей, «мифы — правда для тех, кто ими успешно пользуется». Для древних греков мифы были гораздо большим, чем детские сказки, хотя некоторые считали, что мифы — всего-навсего мифы. Ксенофан писал в своем сочинении, что люди создают богов по образу и подобию своему: «Люди считают, что боги рождаются, выглядят, одеваются и говорят точно так же, как они сами».

Для современных людей слово «миф» имеет разноречивое значение. Когда политики называют мифом утверждение оппонента, то подразумевают, что оно ложно. Но слову «миф» присущ и другой подтекст — погружающий в важные реалии прошлого.

В сущности, греческие мифы — традиционные рассказы, уместные для существовавшего общества и воплощавшие многое из того, что помогало грекам понимать окружающий мир. Греки не считали мифы «священным писанием», представляющим истину о богах, а старались с их помощью установить отношения с божествами. И помогал им в этом антропоморфизм. В представлении древних греков боги выглядели как люди и вели себя, словно люди. Они сердились, спорили, враждовали, злоупотребляли спиртным, занимались любовью на стороне, и потому истории о богах легко передавались из уст в уста. Боги и герои греческой мифологии придавали рассказам большую занимательность.

Слово «миф» происходит от греческого *mythos*, что значит «слово», использовавшегося в широком диапазоне значения — от обычного утверждения до разговора, рассказа и даже сюжета пьесы. Значение этого слова со временем изменялось. Так, в VIII веке до нашей эры, при жизни Гомера, слово *mythos* не означало «ложное утверждение». В поэме «Илиада» Гектор спрашивает, где его жена Андромаха, и просит, чтобы ему «поведали правду».

...ему отвечала усердная ключница дома [дала ответ — *mythos*]:
«Гектор, когда повелел ты, тебе я поведаю [*mytheisthai*] правду».

Когда в той же поэме Ахилл отклоняет просьбу вернуться на поле боя под Троию, реакция окружающих такова:

...и молчание долгое все сохраняли,
Речью [*mythos*] его пораженные.

Другое значение слова *mythos* появляется в V веке до нашей эры у историка Фукидида, который пишет, что его работы не относятся к категории, названной им *mythodes*, а являются серьезными научными исследованиями, не относящимися к обыкновенным рассказам. С тех пор словом «*mythos*» стали называться лишь мифы, хотя они, как выразился анонимный автор, «и не ложь, и не правда».

Слово «мифология» означает науку, изучающую происхождение мифов, а также их совокупность. Мифы можно представить в виде как устного, так и письменного рассказа, на их сюжет можно написать пьесу, их герои могут стать персонажами произведений изобразительного искусства; наконец, мифам можно придать новое толкование. Чтобы облегчить понимание, стоит сказать о том, кто, где, когда и кому рассказывал мифы. Это сделать нетрудно, ибо, к счастью, в литературе немало тому примеров. Отметим, что мифы часто рассказывали женщины, проводившие время за прялками:

...А рядом с ним
Кто-то с факелом пламенным.
Помню, часто у кросен ведь
Нам о нем говорили:
Иолай со щитом своим
Верен сыну Кронидову
И в бою, и в трудах он был.

.....

Много сказок у кросен,
Много знаю вестей людских,
Но такого не помню,
Чтобы счастье венчало
Порожденного девой
От союза с бессмертным.

В произведении Платона «Государство» в диалоге Сократа с Адимантом говорится о влиянии мифов, которые рассказывают детям матери и кормилицы.

— В словесности же есть два вида: один — истинный, а другой — ложный?

— Да.

— И воспитывать надо в обоих видах, но сперва — в ложном?

— Вовсе не понимаю, о чем это ты говоришь.

— Ты не понимаешь, что малым детям мы сперва рассказываем мифы? Они, вообще говоря, ложь, но есть в них и истина. Имея дело с детьми, мы к мифам прибегаем раньше, чем к гимнастическим упражнениям... Разве можем мы так легко допустить, чтобы дети слушали и воспринимали душой какие попало и кем попало выдуманные мифы, большей частью противоречащие тем мнениям, которые, как мы считаем, должны быть у них, когда они повзрослеют?

— Мы этого ни в коем случае не допустим.

— Прежде всего нам, вероятно, надо смотреть за творцами мифов: если их произведение хорошо, мы допустим его, если же нет — отвергнем. Мы уговорим воспитательниц и матерей рассказывать детям лишь признанные мифы, чтобы с их помощью формировать души детей скорее, чем их тела — руками. А большинство мифов, которые они теперь рассказывают, надо отбросить.

— Какие именно?

— По более значительным мифам мы сможем судить и о второстепенных: ведь и те и другие должны иметь одинаковые черты и одинаковую силу воздействия. Или ты не согласен?

— Согласен, но я не понимаю, о каких более значительных мифах ты говоришь?

— О тех, которые рассказывали Гесиод, Гомер и остальные поэты. Составив для людей лживые сказания, они стали им их рассказывать, да и до сих пор рассказывают.

Проведенный в недавнее время научный анализ греческой мифологии установил, что мифы — традиционные, укоренившиеся рассказы, бытовавшие в Древней Греции. По определению Вальтера Буркерта, «миф — традиционный рассказ с сопутствующей ему общественной значимостью».

Однако большая часть мифов записана сравнительно недавно, и потому трудно определить время их первоначального появления, о чем можно судить лишь приблизительно. Так, можно считать, что мифы, описанные Гомером в его сочинениях (о фиванских событиях, о путешествии аргонавтов, о подвигах Геракла), впервые появились до жизни Гомера, то есть раньше VIII века до нашей эры.

Кроме того, стоит отметить, что, в соответствии со «сравнительной мифологией», некоторые греческие мифы схожи с мифами других народов. Так, миф об убийстве Гераклом разбойника Кака, укравшего у Геракла часть стада и спрятавшего животных в пещере, схож с сюжетом древнеиндийского мифа, герой которого Индра поражает демона Вишварупу, похитившего и спрятавшего в пещере коров.

Однако некоторые мифы созданы явно позже других. К примеру, мифы о возвращении героев домой после взятия Трои должны относиться ко времени колонизации греками Южной Италии, имевшей место в VIII веке до нашей эры. Оригинальность каждого мифа лучше оценивать по его первоначальному содержанию, ибо он мог стать частью традиционного цикла мифов, объединенных общим сюжетом. Кроме того, уместно добавить, что люди могут стать «легендой» при жизни.

В наше время с мифами можно ознакомиться в книге, а во времена Гомера с *mythoi* публику знакомили *aidos* (аэды, то есть барды), которым приходилось принимать во внимание вкусы аудитории. Изложение аэдом хотя и нового, но неинтересного мифа или неприемлемой версии старого мифа могло привести к неприятию публикой, что и случилось с первой редакцией «Аргонавтики» Аполлония Родосского. Со временем положение изменилось, и поэты стали более уверены в своих силах. Если Гомер начинает «Илиаду» словами «Гнев, богиня, воспой Ахиллеса, Пелеева сына», прося богиню о вдохновении, то римский поэт Вергилий начинает «Энеиду», намеренно подчеркивая свое авторство: «Битвы и мужа пою».

Развитие грамотности также изменило отношение к мифам, ибо интеллектуалы отныне могли собирать и анализировать мифы, а философы и историки — подвергать их критике. Когда Павсаний во II веке, путешествуя по Греции, записал немалое число мифов, многие из них не были восприняты обществом. Зато греческие мифы прижились в Римской империи. «Метаморфозы» Овидия — один из главных трудов, донесших до римлян большое число греческих мифов. Можно заключить, что мифы для греков на разных этапах их истории имели разную значимость.

Часто спорят, можно ли дать четкое, конкретное определение греческим мифам, отличив их от других народных текстов — легенд и сказок. Обстоятельное разграничение этих понятий провели в начале XIX столетия братья Вильгельм и Якоб Гримм, а до этого ни в одной европейской стране такая попытка даже не делалась.

Иногда легче разграничить два из этих понятий. В 1991 году известный ирландский интервьюер Терри Уоган, комментируя проводившийся Евровидением международный

конкурс певцов, заметил: «Здесь говорят: „Пеппино — миф итальянской песни“, но Пеппино вполне реален. Скорее, он не „миф“, а „живая легенда“». Однако в других случаях выбор нужного термина не так ясен, хотя имеющиеся во многих языках слова «миф», «легенда», «сказание», казалось, должны иметь особый, присущий только им смысл.

Сказки можно прочитать в книге, а также услышать или рассказать дома. Обычно они начинаются словами «Однажды жил-был...»; в них никогда конкретно не говорится, где и когда происходит действие, а заканчиваются сказки часто словами «Они жили долго и счастливо», что явно свидетельствует о том, что история вымышлена. Кроме того, в сказках герои носят обычно наиболее употребительные или символические имена — к примеру, Джек, Великан, Красная Шапочка. Действующими лицами сказок нередко бывают феи, божества, людоеды, колдуны, но чаще в них рассказывается о похождениях людей и животных.

Греческие мифы совсем другие: их персонажи, в особенности герои, — яркие индивидуальности с указанной родословной и упомянутым местом жительства; они тесно связаны со своим народом, семьей, городом проживания, со своими богами и другими героями. Как пишет Беркерт, история Елены может показаться обычной (ибо многих героинь сказаний и сказок похищают и возвращают), но в связи с тем, что в мире, в котором она фигурирует, рассказывается также об Агамемноне из Микен, Менелее из Спарты и греках, воевавших с троянцами, миф этот становится кладезем информации, помогавшей грекам, жившим в V веке до нашей эры, проявить свою личность в отношениях с варварами. Уберите конкретику, и миф превратится в сказку. Каждая сказка живет сама по себе, а многие греческие мифы увязываются друг с другом. Хотя и сказки, и мифы часто служат морализации, сказки стремятся развлечь, а не объяснить мир.

Слово «легенда» происходит от латинского *legenda*, что значит «то, что надо читать», а «миф» — от греческого *mythos* (слово). Легенды, по сравнению с мифами, более мирские повествования; их главными героями являются люди. В легендах рассказывается о переселении народов, о войнах, подвигах великих героев, успехах в управлении государством; они часто включают в себя второстепенные вставки: рассказы о зарытых кладях, духах, волшебниках и святых. Хотя легенды и претендуют на истинность, в них обычно не говорится, что они созданы автором благодаря вдохновению, ниспосланному богами. Известна легенда об основании Рима Ремом и Ромулом; в отличие от большинства мифов, она исполнена в прозе, а не в стихах. Таким образом, можно найти отличия легенды от мифа.

Существует еще один вид историй, которые греки классифицировали как *mythoi*. В комедии Аристофана «Осы» модник Бделиклеон придел своего простоватого отца Филоклеона, подготавливая его к встрече с учеными мужами. Он спрашивает отца, сможет ли он поддержать с ними пристойный разговор. Филоклеон отвечает, что, разумеется, сможет, и поясняет:

Филоклеон:

Найдется много тем:

О том, как Ламия, попавшись, наклала,
И вот еще о чем: раз Кардопион мать...

Бделиклеон:

Нет, сказки [*mythoi*] прочь! Скажи из жизни что-нибудь,
Как мы в кругу семьи беседуем всегда.

Филоклеон:

А на семейный лад я вот что расскажу:
«Вот жили как-то раз мышонок да хорек...»

Бделиклеон:

«О неуч темный, — так однажды Феоген
Сказал золотарю в досаде на него, —
В почтенном обществе — мышата и хорьки!»

Как видно, Филоклеон не готов к ученому разговору, а Лампия и Кардопион, о которых он говорит, — персонажи устного народного творчества.

Среди произведений греческого фольклора выделялись *ainos* (басни). В эллинистический период развития Греции Деметрий Фалерский (I век до н. э.) собрал басни, ходившие в народе и приписывавшиеся Эзопу (VI век до н. э.). Время создания этих басен можно примерно определить формулировкой морали, в них содержащейся. В период, предшествующий правлению Александра Великого, басни обычно назывались греческим словом *logos* (слово, понятие, мысль, разум), а, начиная с эллинистического периода, басни стали называть *mythos*.

Вот пример басни.

Рабыня и Афродита

В одну рабыню, дурную и безобразную, влюбился хозяин. Она брала у него деньги, ходила разодетой и разубранной и даже с самой хозяйкой заводила ссоры; а богине Афродите без усталости приносила жертвы и обеты, будто та даровала ей красоту. Но богиня явилась ей во сне и сказала: «Не с чего тебе меня благодарить, не сделала я тебя краше: лишь тому ты хороша, кто мне противен».

Не к лицу гордыня тому, кто разбогател дурными средствами, да еще вдобавок сам дурного нрава и дурного вида.

Другой вид фольклора представлен историями, рассказанными друг другу хором стариков и хором женщин в комедии Аристофана «Лисистрата». Эти истории затрагивают моральные ценности и отражают сложившуюся ситуацию в пьесе. Хор стариков вещает *mythos* о молодом человеке по имени Меланион, презиравшем женщин и проводившем время на охоте в горах.

Вон как
Не терпел он женщин.
В этом не уступим
Мы Меланиону.

Хору стариков отвечает хор женщин:

Сказкой [*mythos*]
Я хочу и вам ответить славной
На Меланиона.
Тимон
Непреклонный жил, и по недоступным
Чашам лик свой укрывал он,
Внук Эриний грозных.

Ну, так этот Тимон
Убежал во гневе,
Насказав проклятий вам, мужчинам мерзким.
Вон как.
Он не смог терпеть вас,
Злых мужчин, вовеки
Женам был он другом.

Еще одним видом греческого фольклора являлись анекдоты — юмористические истории, которые давали характеристику той или иной исторической личности или событию, не являясь при этом правдивыми. Типичным анекдотом является история о царе Ксерксе, узнавшем, что мосты, построенные через Геллеспонт, разрушены сильной бурей.

Узнав об этом, Ксеркс распалился страшным гневом и повелел бичевать Геллеспонт, наказав дать триста ударов бича, и затем погрузить в открытое море пару оков. Передают еще, что царь послал палачей заклеить Геллеспонт. Впрочем, верно лишь то, что царь велел палачам сечь море, приговаривая при этом варварские и нечестивые слова: «О ты, горькая влага Геллеспонта. Так тебя карает наш владыка за оскорбление, которое ты нанесла ему, хотя он тебя ничем не оскорбил. И царь Ксеркс все-таки перейдет тебя, желаешь ты этого или нет. По заслугам тебе, конечно, ни один человек не станет приносить жертв, как мутной и соленой реке».

Интересно, что многими столетиями позже да и в другой стране подобную историю приписали королю Кнуду (Кануту), якобы приказавшему морскому прибою остановиться. На самом деле ничего подобного не случилось, что следует из труда Генри Хантингдонского, сообщившего, что Кнуд, оказавшись на морском побережье вместе со своими придворными-льстецами, сказал им, что даже он не может бороться со стихией и ее Создателем, но позже завзятые юмористы переиначили это сообщение на свой лад.

Еще одним видом греческого фольклора являются шутки. Около двухсот пятидесяти таких шуток собраны в «Филогеле», сборнике, появившемся в III или IV столетии. Главными героями этих шуток являются сицилийцы или абдериты (пользовавшиеся у греков славой наивных простаков), а также схоластики, всех поучающие.

Вот две такие шутки:

Некто, повстречав педанта, сказал ему: «Раб, которого ты мне продал, умер». — «Клянусь богами, — сказал педант, — пока он был у меня, он никогда так не делал».

Сидонский схоластик разговаривал со своими приятелями. Один из них сказал, что не стоит убивать овец, потому что они дают молоко и шерсть. Другой заметил, что не стоит убивать и коров, потому что они дают молоко и помогают пахать. На это схоластик глубокомысленно заявил, что не следует убивать и свиней, ибо они дают печень, почки и вымя.

Таким образом, *mythoi* рассказываются по разным поводам и причинам: чтобы развлечь, о чем-то проинформировать, к чему-то склонить, что-то продемонстрировать на примере. Мифы редко рассказывают без повода, и, хотя слово *mythos* относится не только к собственно мифам, но и к легендам, сказам и другим видам фольклора, можно выделить основные признаки мифа.

- Греческий миф — собрание вариантов одной и той же истории, нашедшей воплощение в письменной форме и/или в устном рассказе и/или в произведении искусства.
- Персонажами мифов могут быть боги, сверхъестественные существа, герои, исторические личности, обыкновенные люди, а также животные.
- Действие мифа обычно относится к определенному историческому периоду.
- Каждый пересказ мифа может привести к его новому варианту.
- Миф — традиционный рассказ.
- Миф приспособлен к обществу.

За рабочее определение мифа можно принять дефиницию Р. Г. А. Бакстона: «Миф — социально значимая традиционная история».

Исходя из этой формулировки, можно сказать, что греческая мифология — это собрание мифов о жизни людей. Притягательность мифов создают не действующие в них боги, сверхъестественные существа или говорящие животные, а люди, жившие в прежние времена. Аристотель писал: «В стародавние времена героями нарекали лишь лидеров, а весь остальной народ... считался просто людьми».

Часть вторая

От первозданного хаоса к потерянному континенту: основные греческие мифы

Глава первая

От хаоса и кастрации к порядку: рождение богов

Главные действующие лица

- Хаос** — Изначальное беспорядочное и бесформенное состояние мира.
- Уран** — Небо, супруг Геи (Земли), оскоплен Кроном.
- Гея** — Земля, производительница и носительница всех живых существ, праmaterь и прабожество, супруга Урана.
- Эрот (Купидон, Амур)** — Бог любви.
- Кронос (Крон)** — Сын Урана и Геи, низвергнут Зевсом.
- Рея** — Супруга Кроноса.
- Зевс (Юпитер)** — Верховный бог, сын Кроноса и Реи.
- Гиганты** — Противники богов-олимпийцев.
- Тифон** — Стоглавое чудовище, противник Зевса.
- Титаны** — Противники богов-олимпийцев.
- Гера (Юнона)** — Супруга Зевса.
- Афродита (Венера)** — Богиня любви.

Мифы, рассказывающие о происхождении мира и богов, свойственны мифологиям многих народов. Подобные греческие мифы изложены, главным образом, в труде Гесиода (ок. 700 г. до н. э.) «Теогония» («Происхождение богов»), В своем произведении Гесиод, определив место своей поэзии и подчеркнув ее освящение музами, не только описал три поколения богов, создавших мир, — Урана и Гею, Кроноса и Рею, Зевса и Геру, — но и

рассказал о рациональном устройстве мира под предводительством Зевса.

Первое поколение: Уран (Небо), Гея (Земля) и их отпрыски: титаны, киклопы и гекатонхейры (сторукие)

Согласно Гесиоду, сначала существовал Хаос, появившийся в результате бесполого процесса. Греческое слово *chaos* означает «зев», «разверстое пространство» и, видимо, могло пониматься как пустое мировое пространство, первозданная бездна. Из Хаоса произошли «широкогрудая» Гея (Земля) и сумрачный Тартар, ужасная бездна, полная вечной тьмы, отстоящая от земли, на сколько земля от неба: бронзовая наковальня станет падать с неба на землю девять дней и ночей и столько же дней и ночей она станет падать с земли на небо. Из Хаоса появился и Эрот (Любовь), «самый прекрасный из всех бессмертных богов».

Сладкоистомный — у всех он богов и людей земнородных
Душу в груди покоряет и всех рассужденья лишает.

Хаос породил Никту (Ночь) и Эреба (Мрак, подземную тьму, схожую с Тартаром), а они породили Гемеру (День) и Эфир (Небо). Никта также родила целый сонм ужасных божеств: мойр (Судьбы), кер (Несчастья), Танатоса (Смерть), Гипноса (Сон), Сновидения, и без связи с кем-либо: Гесперид, Мома (Порицание), Ойзиса (Горе), Апату (Обман), Филота (Болезнь), Гераса (Старость) и Эриду (Раздор).

Подобно Хаосу, Гея бесполом способом породила Урана (Небо), «чтоб точно покрыл ее всюду и чтобы прочным жилищем служил для богов всеблаженных», затем Горы и Понт (Море). Затем, когда Эрот стал возбуждать любовь между мужчиной и женщиной, Гея, вступив в любовную связь с Ураном, родила могучих грозных титанов (этим великанам название дал Гесиод, произведя его от греческого *teino* («злоупотребляю»), ибо «руку простерли они к нечестивому делу»). За титанами последовали киклопы, великаны с одним глазом во лбу (киклопы, страшные и кровожадные существа, повстречавшиеся Одиссею, не уважали богов и разительно отличались от киклопов, рожденных Геей, которые пришли на помощь Зевсу в его противоборстве с титанами). Затем Гея породила гекатонхейров, сторуких и пятидесятиголовых гигантов.

Контролировать своих детей-великанов Урану было весьма затруднительно. Они стали ненавистны ему, и он прятал их в потайном месте в недрах Земли (по другому варианту — в Тартаре). Гея тяжело страдала от этого и в конце концов, изготовив из адаманта серп, попросила своего сына — одного из титанов, Кроноса — оскопить Урана, когда тот уляжется рядом с ней, «пылая любовным желаньем». Кронос согласился, и, когда Уран возлег около Геи,

...Неожиданно левую руку
Сын протянул из засады, а правой, схвативши огромный
Серп острозубый, отсек у родителя милого быстро
Член детородный и бросил назад его сильным размахом².

² Аполлодор в своем сочинении излагает другую версию. Гея, возмущенная тем, что Уран держит ее детей в Тартаре, убедила титанов напасть на него и дала Кроносу серп, сделанный из адаманта. Все, кроме Океана, приняли участие в нападении на отца, и Кронос отсек ему гениталии и бросил их в море у мыса Дрепанон, что в

Впитав кровь оскопленного Урана, Гея породила Эриний Алекто, Тисифону и Мегеру, а также гигантов и Мелийских нимф. От упавшего в море семени с детородного члена Урана родилась Афродита. Существует суждение, что имя этой богини произошло от греческого *aphros* (пена), ибо, по Гесиоду, она родилась из морской пены около острова Кифера, после чего легкий, ласкающий ветерок принес ее на остров Кипр. Отсюда прозвища этой богини любви — Афродита Киферийская и Афродита Киприда. Афродиту сопровождает Эрот (по одной из версий, ее сын), и вместе они обладают мощной силой любви, пронизывающей весь свет и производящей потомство. Римский поэт Лукреций в своем сочинении «О природе вещей» выделяет из этой пары богиню:

Ты возбуждаешь у всех к продолжению рода желанье,
Ибо одна ты в руках своих держишь кормило природы,
И ничего без тебя на божественный свет не родится,
Радости нет без тебя никакой и прелести в мире.

Об опасности, которую может представлять Афродита, писал Еврипид в «Ипполите»:

Ограда священная Фивы,
Диркеи кипящая пена,
Вы ужасы миру о силе
Могли бы Киприды поведать.
Она, средь блистаний и громов
Склонивши на брачное ложе
Грядущую Вакхову мать,
В объятия кинула смерти,
О, страшная сила и сладость!
Пчела с ее медом и жалом!

Гесиод в «Теогонии» выделяет благотворное влияние Афродиты:

К племени вечных блаженных отправилась тотчас богиня,
Эрос сопутствовал деве, и следовал Гимер прекрасный.
С самого было начала дано ей в удел и владенье
Между земными людьми и богами бессмертными вот что:
Девичий шепот любовный, улыбки, и смех, и обманы,
Сладкая нега любви и пьянящая радость объятий.

После того как Урана оскопили, он оказался отстраненным от продолжения рода богов-чудовищ, уступив власть Кроносу, который женился на своей сестре Рее.

Второе поколение: Кронос и Рея

В этот переходный период возникли Солнце, Луна, Звезды, Реки и Ветры, а также появились на свет Фемида (Правосудие), Мнемосина (Воспоминание), Метида (Мудрость), Ника (Победа), Зелос (Слава) и Кратос (Сила).

В связи с тем, что Кроносу предсказали, что его лишит власти собственный сын,

Ахайе (греческое *drepanon* — серп). Из капель крови, упавших на Землю при оскоплении Урана, родились Эринии.

Кронос, как только у Реи рождались дети, тотчас проглатывал их, чтобы избежать исполнения предсказания. Он проглотил Гестию, Деметру, Геру, Аида, а по одной из версий — Посейдона.

Когда Рея собиралась родить Зевса (который как сын Кроноса известен также под именами Кронион и Кронид), она не захотела потерять и этого ребенка и по совету своих родителей, Урана и Геи, удалилась на остров Крит, где и родила Зевса. То, что местом рождения Зевса положен Крит, предположительно является влиянием минойской культуры (культуры Крита, достигшей расцвета в 3–2 тысячелетиях до н. э.), ибо Зевс, скорее, походит на обычное средиземноморское божество, обеспечивающее плодородие земли, а не на индоевропейского бога неба, посылающего на землю живительные дожди. Если это предположение верно, то Гесиод в своем сочинении объединил оба мотива, ибо несомненно, что именно бог неба одолел Кроноса.

Согласно одной из версий мифа, Рея родила Зевса в пещере горы Дикта, согласно другой — в пещере на горе Ида. Аполлодор называет местом его рождения город Дикта, а Идой называет одну из его кормилиц. Рея поручила воспитание Зевса *daimones* — куретам³, демоническим существам, и нимфам Адрастее и Иде, вскормившим его молоком Амалфеи, являвшейся, согласно сочинению Каллимаха, не нимфой, а козой, спустившейся с Гелиоса (Солнца). Амалфея поместила колыбель с Зевсом на дереве, чтобы Кронос не нашел его ни на небесах, ни на земле, ни в море⁴. Куреты заглушали плач Зевса ударами копий о щиты, криками и плясками. Рея, чтобы обмануть мужа, дала ему проглотить вместо сына длинный камень, завернутый в пеленки.

Когда Зевс вырос и возмужал, он восстал против Кроноса, как в свое время Кронос восстал против Урана. Примечательно, что оба этих мифа развиваются по одному и тому же сюжету: и Зевс, и Кронос беспощадно свергают своих отцов, используя при этом жестокость, до этого проявленную родителем.

Гея вынудила Кроноса вернуть на свет проглоченных им детей, что он и сделал в обратном порядке, извергнув вначале камень. Получилось, что Зевс стал старшим ребенком, ибо его братья и сестра появились на свет позже него. Аполлодор рассказывает, что над Кроносом взяли верх после того, как Метида дала ему опьяняющее зелье, а, согласно другому источнику, Кроноса, по инициативе Никты, опоили крепким медовым напитком, после чего связали и оскопили тем же серпом, которым он оскопил Урана. Согласно Плутарху, Кронос спит вечным сном на острове близ Британии, а извергнутый им камень стал предметом поклонения в Дельфах.

После того как Зевс пришел к власти и встал во главе нового поколения богов-олимпийцев, против него выступили титаны, а на его стороне встали киклопы и гекатонхейры (сторукие). В результате началась ожесточенная война (титаномахия), длившаяся десять лет.

...Заревело ужасно безбрежное море,
Глухо земля застонала, широкое ахнуло небо
И содрогнулось; великий Олимп задрожал до подножья
От ужасающей схватки. Тяжелое почвы дрожанье,

³ Происхождение куретов, по различным источникам, разное. Чаще всего их называют сыновьями Комбы и Сокоса.

⁴ Согласно другому мифу, Зевс нашел рог козы и отдал его Амалфее, пообещав ей, что рог этот всегда будет полон фруктов. В представлении древних он стал олицетворять рог изобилия.

Ног топотанье глухое и свист от могучих метаний
Недр глубочайших достигли окутанной тьмой преисподней.
Так они друг против друга метали стеньящие стрелы,
Тех и других голоса доносились до звездного неба.
Криком себя ободряя, сходились боги на битву.

Киклопы выковали Зевсу гром и молнию, Аид вручил ему шлем, а Посейдон — трезубец, и Зевс одолел титанов, низвергнул их в тартар и поставил у входа сторуких.

Хотя титаны и были побеждены, они оставили большое потомство: реки, ветры и звезды, персонификации Убеждения, Случайности, Хитрости, Интеллекта, Победы, Власти, Силы, Рассвета, Солнца, Луны, а также Атласа, Прометея, кентавра Хирона, морского старца Нереея, Ириду, крылатую вестницу богов, сходявшую на Землю по радуге, нимф, nereид, горгон, гарпий и Ехидну, полузмею-полуженщину.

После победы над титанами в мире установился порядок. Зевс женился на Метиде (Мудрости) и стал верховным божеством, разделив сферы влияния с другими богами. Себе Зевс взял небо, Посейдон получил море, Аид — подземное царство. Вот как об этом распределении сфер влияния рассказывает Посейдон в «Илиаде» Гомера:

Натрое все делено, и досталось каждому царство:
Жребий бросившим нам, в обладание вечное пало
Мне волношумное море, Аиду подземные мраки,
Зевсу досталось меж туч и эфира пространное небо;
Общего всем остается земля и Олимп многохолмный.

Зевс — имя индоевропейского происхождения и восходит к имени ведийского бога Дьяуса (*dyaus* — «небо»). Имя Дьяуса образовано от санскритских корней **diut* («светить») и **dik* («небо» и «день»); *Zeus pater* («Зевс-отец») имеет те же индоевропейские корни. Германский бог неба Тиу (давший свое название вторнику) имеет то же происхождение. От тех же корней образовано имя Юпитера (в римской мифологии бог неба), звавшегося первоначально *Diespater* («отец дня») и латинские слова *deus* («бог») и *dies* («день»). Но Зевс больше, чем бог неба, он царит над всеми богами, живущими на горе Олимп, богами-олимпийцами. Его власть характеризует Эсхил:

Зевс — и эфир, Зевс — и земля, и небо — Зевс:
Все сущее и все превьше сущего.

Зевс — покровитель общности людей, городской жизни, но он может и возвысить, и покарать.

Слава ль кого посетит, неизвестность ли, честь иль бесчестье
—
Все происходит по воле великого Зевса-владыки.
Силу бессильному дать и в ничтожество сильного ввергнуть,
Счастье отнять у счастливецца, безвестного вдруг возвеличить,
Выпрямить сгорбленный стан или спину надменному
сгорбить —
Очень легко громовержцу Кронида, живущему в вышних.

Произведение Гесиода «Теогония» посвящено происхождению богов. В нем ничего не говорится о происхождении человечества, а вот из сочинения «Работы и дни» следует, что люди были созданы титанами и жили они уже при правлении Кроноса.

Третье поколение: Зевс и боги-олимпийцы

Хотя Зевс и стал верховным богом, установившим контроль над миром, его власти угрожала опасность. Аполлодор рассказывает о том, что супруга Зевса Метида предпринимала попытки лишить Зевса могущества. Когда она была беременна Афиной, Зевсу предсказали, что после Афины супруга родит сына, который лишит его власти. Чтобы предсказание не сбылось, Зевс проглотил Метиду, но после этого через некоторое время почувствовал страшную головную боль. Чтобы избавиться от страданий, Зевс призвал своего сына Гефеста, бога огня и кузнечного ремесла, и тот мощным ударом топора раскроил ему череп, и из головы Зевса вышла могучая воительница богиня Афина⁵ в полном вооружении. Это необычное деяние послужило сюжетом для вазописи и рельефа восточного фронтона Парфенона в Афинах. Рожденная из головы Зевса дочь не представляла для него никакой опасности, а сын, который, по предсказанию, должен был родиться следом за ней, на свет так и не появился.

Однако против Зевса выступили гиганты, сыновья Геи, в результате чего произошла грандиозная битва богов-олимпийцев с гигантами — гигантомахия. Эта битва также послужила сюжетом для произведений искусства, скульптур и вазописи; его использование прослеживается от VI века до нашей эры (сокровищница сикионцев в Дельфах) до I века до нашей эры (грандиозный алтарь, посвященный Зевсу в Пергаме).

Гиганты родились на Флегрийских полях⁶ на полуострове Паллена. Они внушали ужас исполинским видом, густыми темными волосами до плеч, косматыми бородами и змеиными ногами. Гиганты атаковали небо огромными скалами и пылающими вырванными с корнями дубами. Богам-олимпийцам предсказали, что они одолеют гигантов только с помощью смертного, и они призвали для участия в битве героя Геракла.

Геракл сразил стрелой Алкионея, но этот гигант был бессмертен на земле, где родился, и возвращался к жизни, упав на землю, и Гераклу пришлось унести его с полуострова Паллена и убить в другом месте. Порфирион, предводитель гигантов, пытавшийся овладеть Герой, был поражен перунами Зевса. Аполлон и Геракл поразили Эфиальта, каждый попав стрелой ему в глаз. Дионис одолел Эврита, Геката с помощью пылающих факелов взяла верх над Клитием, Гефест поразил Миманта⁷ с помощью метательных снарядов из раскаленного металла. Афина обрушила на Энкелада остров Сицилия, а с еще живого Палланта содрала кожу и сделала из нее себе панцирь. Посейдон преследовал Полидора по морю и, нагнав его у острова Кос, обрушил на него часть этого острова. Гермес, надев шлем Аида, сделавший его невидимым, убил Ипполита. Артемида покончила с Гратионом, а мойры, вооружившись бронзовыми дубинками, расправились с Агрием и Тооном. Остальных поразил перунами Зевс, а Геракл добил гигантов своими стрелами.

Однако Гея на этом не успокоилась и продолжила борьбу с Зевсом. Она родила Тифона — по одной версии, от Тартара, по другой — от Кроноса. Тифон родился в Киликии (на южном побережье современной Турции) и представлял собою ужасную помесь человека с животным. Часть его туловища, покрытого перьями у бедер, была человеческая, а ногами служили клубки змей. Он был выше гор и часто задевал головой звезды; одна его рука могла достичь запада, а другая — востока.

⁵ В трагедии Еврипида «Ион» роды Афины инициирует Прометей. Согласно другим источникам, череп Зевсу вскрыл Палаймон или Гермес.

⁶ По некоторым данным, Флегры — прежнее название Паллены.

⁷ По другим источникам, Миманта убили Зевс и Арес.

...над плечами

Сотня голов поднималась ужасного змея-дракона.
В воздухе темные жала мелькали. Глаза под бровями
Пламенем ярким горели на главах змеиных огромных.
Взглянет любой головою — и пламя из глаз ее брызнет.
Глотки же всех этих страшных голов голоса испускали
Невыразимые, самые разные.

Шипя, грозно крича и изрыгая изо рта пламя, Тифон атаковал небеса раскаленными скалами. И все же, согласно «Теогонии» Гесиода, Зевс быстро с ним справился: он испепелил Тифона стрелами-молниями, поразил перунами и низверг в мрачный Тартар. Но и там Тифон продолжал грозить богам и всему живому, вызывая бури и ураганы.

По другой версии мифа, победа далась Зевсу с великим трудом, ибо другие боги, превратившись в животных, бежали в Египет. Однако Зевс не побоялся вступить в схватку с Тифоном и, используя молнии, перуны и серп, заставил его бежать до устья реки Оронт в Сирии. Там Зевс схватился с Тифоном, но чудовищу удалось опоясать Зевса кольцами своих змей, вырвать у него серп и перерезать сухожилия на руках и ногах. После этого Тифон доставил Зевса в Киликию, где запер в Корикийской пещере, поставив его охранять драконшу Дельфину. Но Гермес и Эгипан (козел Пан) выкрали спрятанные в пещере сухожилия Зевса и вставили их на место⁸, после чего Зевс атаковал Тифона молниями и перунами из колесницы, запряженной крылатыми лошадьми. Тифон бежал на гору Ниса, где мойры обманули его, дав отведать ему однодневные плоды (ядовитые растения «однодневка»), якобы для увеличения силы. Отведав этих плодов, Тифон добрался до горы Гайма во Фракии, где стал швырять в настигшего его Зевса огромные скалы, но Зевс ударами молний посылал их обратно в Тифона. С Гаймы, «Кровавой горы» (греч. *haima* — «кровь») хлынули кровавые потоки, а когда Тифон попытался скрыться от Зевса в водах Сицилийского моря, Зевс навалил на него огромную гору Этна⁹.

Некоторые древние авторы намекают на то, что вулканическая активность Этны вызывается ударами молний, которыми Зевс все еще поражает Тифона, а вот почти наш современник Дж. Д. Фрэнгер писал, что миф о схватке Зевса с Тифоном, произошедшей у горы Этна, навеян извержениями вулкана и находками возле него огромных окаменелых костей. На взгляд Майкла Гранта, миф этот выразил сопротивление древних греков загадочным богам семитов и хеттов; кроме того, Грант полагает, что Зевс явился предтечей многих победивших драконов, славных воителей, включая Георгия Каппадонского.

Одолов всех недругов и утвердив свою власть, Зевс женился на Гере¹⁰, родившей от него Гебу, Илифию и Ареса. Но это не помешало Зевсу вступать в любовную связь со

⁸ По другому варианту, Зевсу помог Кадм, сын финикийского царя Агенора. Переодевшись пастухом, он забрал сухожилия Зевса, поясняя, что хочет сделать из них струны для лиры, после чего сыграл на ней и усыпил Дельфину.

⁹ Такое развитие мифа, возможно, произошло под восточным влиянием. В аккадской поэме «Энума Элиш» Мардук, центральное божество вавилонского пантеона, которого называют также Сирсир, что значит «Тот, кто водрузил гору на Тиамат» (семиголовая гидра или драконша), вступает в борьбу с Тиамат, соиздательницей первых богов. Битва Мардука с Тиамат напоминает схватку Зевса с Тифоном, ибо в результате обоих противоборств на земле появляются «злые ветры», хотя появление в деталях не совпадает. Согласно Гесиоду, разрушительные ветры породил Тифон, после того как Зевс низверг его в мрачный Тартар (добрые ветры были порождены задолго до этого богиней утренней зари Эос), а в поэме «Энума Элиш» «злые ветры» разрушительной силы помогают победителю одолеть противника (Мардук получил четыре «злых ветра» от своего деда Ану и с их помощью справился с Тиамат).

¹⁰ По Гесиоду, Гера была третьей женой Зевса после Метиды и Фемиды.

многими смертными и бессмертными женщинами, которые принесли ему многочисленное потомство. На свет появились Времена Года, мойры, хариты, Персефона, девять муз (Каллиопа, Клио, Мельпомена, Эвтерпа, Эрато, Терпсихора, Урания, Талия и Полигимния), а также Артемида и Аполлон, Пан, Геракл, Персей, Минос и Сарпедон, Елена, Кастор и Полидевк (Поллукс) и Дионис.

Поведение Зевса не только повлекло матримониальную дисгармонию, но и вызвало раздражение ранних христиан, чье мнение выразил Арнобий, ритор в Сикке: «Неужели Юноны [Геры] недостаточно для него?» Выходило, что недостаточно. Впрочем, своим любовным связям Зевс не придавал большого значения (если только не возникало конфликта) да и не скрывал их.

Оказавшись наедине с Герой, он ей говорит:

Гера супруга, идти к Океану и после ты можешь.
Ныне почием с тобой и взаимной любви насладимся.
Гера, такая любовь никогда, ни к богине, ни к смертной,
В грудь не вливалась мне и душою моею не владела!
Так не любил я, пленяся младой Иксиона супругой,
Родшею мне Пирифоя, советами равного богу;
Ни Данаей прельстясь, белоногой Акрисия дочерью,
Родшею сына Персея, славнейшего в сонме героев;
Ни владея младой знаменитого Феникса дочерью,
Родшею Криту Миноса и славу мужей Радаманта;
Ни прекраснейшей смертной пленяся, Алкменою в Фивах,
Сына родившей героя, великого духом Геракла;
Даже Семелой, родившею радость людей Диониса;
Так не любил я, пленяся лепокудрой царицей Деметрой,
Самою Летою славной, ни даже тобою, о Гера!
Ныне пылаю тобою, желания сладкого полный!

Гера, возлежав рядом с Зевсом, могла воспользоваться подходящим моментом, чтобы заявить о своих правах, но она не пошла на это. Но она не всегда была столь уступчивой. В отместку Зевсу, родившему Афины Палладу, Гера родила без супруга Гефеста.

Зевс воцарился во главе богов-олимпийцев, каждый из которых отвечал за свою сферу деятельности и имел свои атрибуты.

Отголоски других мифологий

Внушающие ужас и все же притягательные рассказы о мучениях, которые претерпели отцы от своих сыновей, вызывают шок и протест со времен античности. Так, Платон в своем произведении «Государство» устами Софокла, ведущего разговор с Адимантом, заявлял:

— Величайшая ложь, будто Уран совершил поступок, упоминаемый Гесиодом, и будто Кронос ему отомстил. О делах же Кроноса, даже если бы это было правдой, я не считал бы нужным так запросто рассказывать тем, кто еще неразумен и молод, — гораздо лучше обходить это молчанием, а если уж и нужно почему-либо рассказывать, так пусть лишь весьма немногие выслушают это

втайне...

— В самом деле, рассказывать об этом трудно.

— Да их и не следует рассказывать, Адимант.

Однако многие исследователи не отвергают, подобно Платону, эти рассказы, придя к заключению, что эти первые со времени действия мифы изложены в женской интерпретации, и в них превалирует женский принцип, отстаивающий самостоятельность и независимость в браке и, в частности, резкое осуждение мужа, расправившегося с собственными детьми. В то же время в эти ужасные по содержанию мифы вторгается и мужское начало, которое позволяет патриархату установить верховенство (хотя и не всегда полностью) над все еще сильным матриархатом.

Эти мифы представляют обширное поле деятельности для специалистов по психоанализу, ибо изобилуют интересными бинарными противопоставлениями: хаос /порядок, мужчина/ женщина, молодой/старый, красивый/уродливый и тому подобными. Фрейдисты могут проанализировать эти мифы, особенно мотивы кастрации и повторяющиеся победы амбициозных сыновей над жестокими безжалостными отцами. В этих мифах трижды появляется юнговский архетип священного брака (Уран и Гея, Кронос и Рея, Зевс и Гера), да и сами герои мифов могут быть рассмотрены в качестве архетипов.

Стоит также отметить, что греческие мифы о Земле и Небе не уникальны, а схожи с аналогичными по содержанию мифами других стран и народов. В египетской мифологии — Кеб (или Геб, Земля) муж Нут (Небо). Аборигены Южной Африки называют Землю своей матерью, а Небо — отцом. Эве Того считают, что Земля — жена Неба, которые осуществляют брачные отношения в сезон дождей, когда дождь оплодотворяет Землю, в результате чего на свет появляются дети Земли. Похожий миф существует у индейцев архипелага Сан-Блас, согласно которому Небо (муж) и Земля (жена) вступают в брачную связь во время дождя, тот оплодотворяет Землю, после чего на ней начинают произрастать сельскохозяйственные растения.

Греческие мифы о Небе и Земле наиболее близки к мифам хеттов, народа, жившего в Малой Азии неподалеку от Греции. Содержание «Теогонии» Гесиода и хеттских эпических сочинений «О царствовании на небесах», «Песня об Улликумме» и «Мифа об Иллуянке» во многом схоже. В этой связи интересно отметить, что местом рождения Тифона иногда называют Киликию (рядом с которой в стародавние времена находились границы греческих поселений), а главным местом действия мифа о нем называют гору Хаззи. Хеттское царство достигло расцвета в 1460–1200 годах до н. э. и в те времена владело большой территорией, включая Киликию и гору Хаззи. Хеттские клинописные таблицы наводят на мысль, что элементы мифа о Тифоне позаимствованы на Ближнем Востоке.

Сочинение «О царствовании на небесах» сохранилось лишь фрагментарно, но и из дошедшего до нас текста можно понять, что первым на небе царствует бог Алалу, у которого отнимает власть его сын Ану, а того в свою очередь свергает Кумарби. Ану в испуге бежит, взлетая на небо, но Кумарби настигает и оскопляет его, а сперму выплевывает на землю, и из семени этого появляются горы, реки и боги. Но Кумарби не удается выплюнуть сперму Тешуба, бога грозы, которому, согласно предсказанию, предназначено лишить Кумарби верховной власти и тем самым отомстить за отца. Затем из головы Кумарби рождается бог Казал. Кумарби решает его проглотить, но, как можно понять из текста, вместо Казала пытается проглотить камень, который выплевывает, и тот становится предметом хеттского культа.

Тешуб все же рождается, появившись на свет, возможно, из пениса Кумарби. Свергнув отца, он занимает небесный престол, а Кумарби низвергает в подземный мир. В дальнейшем, согласно «Песне об Улликумме», Кумарби, свергнутый Тешубом, пытается ему отомстить и вернуть себе верховную власть. Для этого он сочетается со Скалой, и она порождает каменное чудовище Улликумме, которое кладут на плечо Убеллури, гиганта,

поддерживающего небо и землю, подобно Атланту. Улликумме растет не по дням, а по часам и через пятнадцать дней вырастает таким большим, что море ему лишь по пояс. Встревоженный Тешуб отправляется на гору Хаззи взглянуть на чудовище и ужасается его видом: рост Улликумме достигает 9000 стадий, голова его возвышается над воротами обители богов. Но боги во главе с Тешубом, вооружившись медным резаком (которым в минувшие времена земля была отделена от неба), отрезают Улликумме от Убеллури и тем самым лишают силы, в результате чего Тешуб одолевает его.

Однако на этом горести Тешуба не кончились. Согласно «Мифу об Иллуянке», его одолевает дракон Иллуянка, вырвав глаза и сердце. Тешуб оставляет власть и женится на дочери бедняка, и вскоре у него появляется сын, который, когда вырос и возмужал, женится на дочери Иллуянки. Сын Тешуба, войдя в дом тестя, просит себе (по совету отца) сердце и глаза бога грозы. Когда Тешуб восстанавливает свой прежний облик, богиня Инара помогает ему одолеть Иллуянку. Она приглашает дракона на пир, и там Иллуянка выпивает так много хмельного, что не может вернуться к себе. Тогда Тешуб убивает его, а когда сын Тешуба вступает за Иллуянку, бог грозы убивает и сына.

Сходства между греческими и хеттскими мифами можно свести в таблицу, хотя действия мифов не всегда развиваются в одной и той же последовательности.

Все же можно отметить, что нередко в схожих элементах сюжета греческих и хеттских мифов принимают участие разные по своей природе и назначению персонажи, а сходственные события в греческой мифологии случаются чаще, чем в хеттской.

К примеру, мужская беременность Кумарби сравнима с беременностью Кроноса, но в греческих мифах эта тема появляется чаще — например, при рождении Афины из головы Зевса и Диониса из бедра этого бога. О кастрации в хеттских мифах рассказывается лишь раз (Кумарби оскопляет Ану), а в греческих мифах о ней говорится дважды (сначала оскопляют Урана, а потом Кроноса). О резаке в хеттских мифах упоминается дважды (сначала им отделяют Землю от Неба, а затем Улликумме от Убеллури), а в греческих мифах об одном и том же серпе говорится трижды (сначала им оскопляют Урана, потом Кроноса, а затем с его помощью Тифон перерезает сухожилия Зевсу).

Отметим и разницу в хеттских и греческих мифах о происхождении Земли и Неба.

- Ану (Небо) имеет предшественника Алалу. У Урана (Неба) предшественника нет.
- Отец богов — Кумарби (Кронос), а не Тешуб (Зевс).
- Улликумме — каменное чудовище, а не помесь человека с животным, как Тифон.
- Родословная богов — центральная тема в произведении Гесиода «Теогония», а в хеттских мифах она почти не прослеживается.

Гесиод, по всей вероятности, был знаком с хеттскими мифами, но едва ли что-нибудь позаимствовал напрямую. Греки и в архаический, и в микенский периоды соседствовали с хеттами и поддерживали с ними торговые отношения, и вполне вероятно, что до них доходили хеттские мифы, хотя очевидно, что в пересказах они передавались по-разному. Поэтому неправильно полагать, что греческие мифы возникли из хеттского народного творчества, если к тому же учесть, что они имеют сходство с египетскими, вавилонскими и финикийскими мифами. Так, в египетском мифе о сотворении мира говорится об отделении Земли (Геб) от Неба (Нут), но в этом случае Небо — женщина, которая поедает своих детей.

Маловероятно, что одна базовая история разделилась на несколько вариантов; в этом случае мифы должны быть схожими. Скорее, различие указывает на то, что наличествует творческая переработка развивающихся пластов мифологических постулатов. Отношения

между этими мифами, как считают, строились на общем, «генетическом фонде», а их отличительные особенности оставались неизменными в течение долгого времени, но там, где «генетический код» постоянно менялся, мифы часто сохраняли между собой более близкие отношения, чем со своим прародителем.

Мифы о происхождении богов нашли широкое отражение в творчестве древних художников и ваятелей. Так, гигантомахия стала сюжетом многих живописных и скульптурных произведений. Битва гигантов с богами изображена на фризах сокровищницы сикионцев в Дельфах, на метопах Парфенона, а также на фризе алтаря Зевса в Пергаме, где гиганты со змеиными хвостами меряются силами с невозмутимыми олимпийцами. Все эти изображения с очевидностью демонстрируют, что победа останется за богами, а порядок и здравый смысл восторжествуют над хаосом и варварством. Возможно, такой благоприятный исход событий оказывал положительное влияние на психологию греков во время Персидских войн (середина I века до н. э.).

Интересные отголоски греческих мифов получили развитие в более поздние времена. Так, алтарь Зевса в Апокалипсисе (2:13) назван «престолом Сатаны», а в произведении Мильтона «Потерянный рай» низвержение с небес Сатаны включает в себя элементы «Теогонии» Гесиода. Греческим богам посвящены картина Рубенса «Падение титанов», выполненная в 1656 году по заказу испанского короля Филиппа IV, и мрачная картина Гойи «Сатурн [Кронос] пожирает собственных детей» (1821–1823), в которой художник выразил протест против человеческой беспощадности и самоуничтожения.

Большое число произведений искусства посвящено Афродите, олицетворяющей красоту и любовь. Скульпторов и художников особенно привлекала тема рождения этой богини. Этой теме посвящены рельеф трона Лудовизи, а также сцена встречи Эротом выходящей из морских вод Афродиты, изображенная на пьедестале статуи Зевса в Олимпии работы Фидия (V век до н. э.). Афродита часто изображается выходящей из моря и отжимающей мокрые волосы или подплывающей к берегу на морской раковине. На картине Сандро Боттичелли «Рождение Венеры» (ок. 1490 г.) богиня подплывает к берегу на морской раковине, ее сопровождают Флора, богиня юности и цветов, и Зефир, бог западного ветра, который дует Венере в спину, помогая ей добраться до берега. Контраст между юной, обворожительной, прелестной Венерой Сандро Боттичелли и опасной первобытной Афродитой, описанной Гесиодом, — прекрасная иллюстрация того, как по-разному могут быть обрисованы одни и те же герои мифов. Рассмотрев даже один этот пример, можно смело сказать, что греческие мифы и их герои живут полноценной жизнью и в постклассическое время.

Глава вторая **Аполлон и Артемида: музыка, любовь и охота**

Главные действующие лица

- Латона/Лето** — Мать Аполлона и Артемиды.
- Аполлон** — Бог света и пророчества; музыкант, лучник.
- Артемида (Диана)** — Сестра Аполлона, девственная охотница.
- Орфей** — Искусный музыкант.
- Эвридика** — Возлюбленная Орфея.
- Гиакинф (Гиацинт)** — Прекрасный юноша, любимец Аполлона.
- Марсий** — Сатир, вызвавший Аполлона на музыкальное состязание.
- Мидас** — Царь Фригии.
- Орион** — Отважный охотник, превращенный в созвездие.

Любвеобильному Зевсу, несмотря на его высокое положение, не всегда уступали. Так, Астерия, дочь титанов Коя и Фебы, чтобы избежать его домогательств, бросилась в море и превратилась в остров, впоследствии названный Делосом. Каллимах в гимне «К острову Делосу» писал:

...старое имя
Было тогда у тебя — Астерия, ибо в пучину
Пала звездой ты с небес, убегая от Зевсова ложа.
Так; покуда золотая Лето у тебя не гостила,
Было Астерия имя тебе, а вовсе не Делос.

А вот сестра Астерии Лето (Латона) забеременела от Зевса и готовилась родить близнецов — Аполлона и Артемиду. Однако ревнивая Гера преследовала ее и не давала возможности найти пристанище, чтобы разрешиться от бремени.

Лето восклицает:

О фессалийские нимфы, о дочери потока! Просите
Все вы, касаясь брады родительской, да успокоит
Волны отец, чтобы Зевсовых чад в водах я родила.

Аполлон из чрева матери успокаивает ее:

«...А ты ободришь, о мать:
Видишь, в волнах морских невеликий остров приметен,
Что плывет над зыбями, в земле же корней не имеет,
Словно побег асфодели, гоним повсюду теченьем.

Вот к нему и ступай — и нам прибежище будет!»
Так он вещал; между тем острова разбегались по морю,
Но приближалась ты, Астерия, милая песне,
Вспять от Эвбеи спеша повидать Киклады скорее.

Все поняв, сдержала ты бег и стала недвижно,
И провещала Гере самой дерзновенное слово,
В тяжких томлениях видя богиню перед собою:
«Гера, что хочешь со мною твори, но я преступила
Ныне запрет. Ко мне, о Лето! Ко мне! Поспеши же!»

Выбравшись на остров, Лето

...плечи свои прислонила
К древу пальмы, вконец ослабев от натиска жгучих
Болей, и холодный пот по коже ее заструился.
Громко стенала она: «Что мать терзаешь, о сыне?
Чадо, вот ведь и остров тебе нашелся плавучий.
Сыне, рождайся скорей! и кроток выйди из чрева».

Гера перестала мешать Лето рожать после того, как лебеди, певцы Аполлона, сотворили над Делосом семь кругов.

И тогда

Стала золотою окрест, Астерия, вся твоя почва,

Стали золотыми в сей день округленного озера воды,
Стали золотыми листья осеневшей роды маслины,
Стали золотыми струи виющего русло Инопа.

В сочинении Пиндара, посвященном той же теме, со дна моря поднялись четыре мощные колонны, чтобы удержать плавающий остров на месте, и тогда Лето разрешилась от бремени. По той причине, что Аполлон, бог света, родился на этом острове, Астерию впоследствии переименовали в Делос («бриллиант»).

По версии Аполлодора, Латона сначала родила Артемиду, и та, только что появившись на свет, помогла матери принять родившегося вслед за ней Аполлона. Артемиде стала считаться покровительницей деторождения, к которой часто при родах взывали женщины, и этим, возможно, объясняется то, что сама Артемиде осталась девственницей.

В гомеровском гимне «К Аполлону» приводится еще одна версия этого мифа. Согласно этому сочинению, Аполлон родился на Делосе, а Артемиде — на острове Артигия — возможно, необитаемый остров Рения, находящийся рядом с Делосом. В определенный период греческой истории считалось противозаконным родиться или умереть на Делосе, поэтому женщины на сносях и люди при смерти отправлялись на Рению.

Артемиде посвятила себя охоте, а Аполлон перенимал искусство прорицания у Пана, а затем отправился в Дельфы, где Фемида владела Дельфийским оракулом. Когда Пифон, чудовищный змей, охранявший оракула, попытался остановить Аполлона, раскрыв свою ужасную пасть, чтобы его проглотить, Аполлон прикончил чудовище, после чего основал Пифийский оракул и учредил в свою честь Пифийские игры.

Вскоре после этого Аполлон убил Титию, великана, сына Зевса и Эллары. Ференид из Афин, автор произведений с мифологической окраской (VI век до н. э.), рассказывает, что Зевс скрыл от гнева Геры свою возлюбленную в недрах Земли, где она и родила Титию. Мстительная Гера внушила Титию страсть к любимой Зевсом Лето. Великан попытался овладеть ею в Дельфах, но Лето позвала на помощь своих детей Аполлона и Артемиду, и они пронзили Титию стрелами. Титий оказался в царстве мертвых, и там грифы стали терзать его печень. Этой теме посвящена роспись в Дельфах, выполненная Полигнотом, греческим живописцем первой половины V века до нашей эры.

После этого Аполлон вступил в любовную связь с нимфой Каллионой, родившей ему двух сыновей: Лина¹¹, который погиб от руки Геракла, и Орфея¹², певца и музыканта (принявшего участие в походе аргонавтов), наделенного магической силой искусства, которой покорялись не только люди, но и природа.

Жена Орфея, нимфа Эвридика, по вине Аристея, погибла от укуса змеи, и Орфей отправился за женой в царство мертвых. Эта тема затрагивается в трагедии Еврипида «Алкестида», но более полно изложена в произведениях Вергилия и Овидия. Орфей, спустившись в подземное царство, покорил своей музыкой Кербера, свирепого пса, охраняющего ворота Аида, и Харона, перевозчика мертвых. Оказавшись в подземном царстве, Орфей заиграл на кифаре, и музыка эта привела к поразительному эффекту: Тантал забывает голод и жажду, грифы перестают терзать печень Титию, Сисиф прекращает свой бесполезный труд и садится на камень, который вкатывал в гору, колесо Иксиона перестает вертеться, а тени умерших и Эринии ударяются в слезы. Аид и Персефона, покоренные игрой Орфея, соглашаются возвратить ему Эвридику, но с тем условием, что он не взглянет на нее до тех пор, пока не выйдет из царства мертвых.

¹¹ Матерью Лина также называют музу Уранию и Псамафу, дочь Кротопа; еще по одной версии, Лин — сын Магнета и музы Клио.

¹² Родителями Орфея также называют Эагра и Каллиопу, а матерью — также музу Полигимнию.

Вот уж в молчанье немом по наклонной взбираются оба
Темной тропинке, крутой, густою укутанной мглою.
И уже были они от границы земной недалеко, —
Но, убоясь, чтоб она не отстала, и в жажде увидеть,
Полный любви, он взор обратил, и супруга — исчезла!
Руки простер он вперед, объятья взаимного ищет,
Но понапрасну — одно дуновенье хватает несчастный.

Орфей удалился во Фракию, где проводил время среди зверей, которых привлекали к нему его нежные грустные песни. Менады открыли его убежище и старались заманить к себе на свои веселые празднества, но Орфей отверг их приглашение, сохраняя верность жене, и тогда менады порвали его на части, бросив голову в реку Гебр. По другой версии, в гибели Орфея оказалась замешана Афродита. Этим она отомстила его матери Каллиопе, которая в споре между Афродитой и Персефоной об участии Адониса приняла сторону Персефоны. Еще по одной версии, менады растерзали Орфея по повелению Диониса, который разгневался на Орфея за то, что тот отказался его прославлять и отдал предпочтение Гелиосу (Солнцу), которого считал величайшим богом. (Орфей ежедневно вставал с рассветом и с горы Панганион наблюдал за восходом солнца.)

Голова Орфея поплыла по Гебру, и — о чудо! — запела. Река вынесла ее в море, и она пристала к берегам Лесбоса (родине Алкея и Сафо, знаменитых поэтов). Жители Лесбоса, похоронив голову, обрели способности к музыке и поэзии. Останки Орфея музы похоронили в Пиерии, где с тех пор соловьи поют лучше, чем где бы то ни было. Кифару Орфея Зевс поместил на небо, и она стала созвездием Лира. Душа Орфея сошла в царство мертвых и соединилась с тенью его любимой жены Эвридики.

Что касается Аполлона, отца Орфея, то он влюбился в красавца-юношу Гиакинфа (Гиацинта), сына царя Спарты Амикла и Диомеды. (По другой версии, родителями Гиакинфа были Пиер и муза Клио.) Однако начало однополый любви положил фракийский певец Фамирид, тоже влюбившийся в Гиакинфа, которого также полюбил и Зефир (Западный Ветер). Но Гиакинфу больше нравился Аполлон, и Зефир, решив ему отомстить, когда Аполлон метал диск, своим дуновением изменил полет диска, и тот угодил в голову Гиакинфа.

Из крови Гиакинфа выросли цветы гиацинты, как бы обгащенные кровью. По Овидию, на их лепестках вырисовывается восклицание «Ай, ай!» — предсмертный крик прекрасного юноши. Другие авторы полагают, что в очертании гиацинта можно усмотреть букву «Υ» — первую букву в греческом написании имени Гиакинфа.

Другой искатель расположения Гиакинфа, Фамирид, отличался необыкновенной красотой и искусной игрой на кифаре. Уверенный в своих необыкновенных музыкальных способностях, он вызвал на соревнование муз. Согласно Гомеру, Фамирид не только потерпел поражение, но и лишился голоса и умения играть на кифаре. А согласно Аполлодору, по условиям состязания Фамирид в случае победы мог овладеть всеми музами, а в случае поражения музы могли взять у него все, что пожелают. Музы-победительницы в наказание за дерзость ослепили Фамирида и лишили его музыкальных способностей.

Еще одним музыкантом, которого и вовсе погубила уверенность в своих необыкновенных музыкальных способностях, был сатир Марсий. Он подобрал флейту, брошенную Афиной. Богиня изготовила этот инструмент своими руками, чтобы сыграть мелодию песни, которую пели горгоны, оплакивая погибшую Медузу, свою сестру. Афина бросила флейту, когда увидела, как безобразно раздуваются при игре ее щеки. В игре на флейте Марсий достиг необыкновенного совершенства и, возгордись, вызвал на соревнование Аполлона. По условиям состязания победитель мог сделать с проигравшим все, что угодно. Аполлон победил, после чего привязал несчастного Марсия к дереву и содрал с соперника кожу.

В результате еще одного музыкального состязания, в котором участвовал Аполлон,

пострадал Мидас, царь Фригии. Но до этого он едва не поплатился за свою жадность. Однажды к Мидасу привели подвыпившего Силена, который отстал от веселой компании Диониса и сбился с пути. В награду за освобождение Силена Дионис предложил Мидасу исполнить его желание. Не подумав о последствиях, Мидас попросил, чтобы все, к чему он прикоснется, превращалось в золото. Дионис выполнил желание царя, и Мидас, желая в этом убедиться, срывал ветки с деревьев, брал в руки камни, и они тотчас делались золотыми. Но вскоре радость Мидаса превратилась в отчаяние, когда он увидел, что в золото превращаются и еда, и питье, что грозило голодной смертью. Мидас стал просить Диониса отнять у него дар, и бог повелел ему выкупаться в источнике Пиктор, который с тех пор стал золотоносным.

Позже Мидас допустил и другую оплошность. Аполлон и Пан устроили музыкальное состязание. Судьей был Тмол, присудивший первенство Аполлону, игравшему на кифаре, а Мидас, при этом присутствовавший, предпочел Пана, игравшего на флейте. Пришедший в негодование Аполлон наделил Мидаса длинными ослиными ушами. Мидасу пришлось носить на голове фригийский колпак, но от своего брадобрея уродства было не скрыть. Брадобрей, увидев уши Мидаса и мучаясь тайной, которую никому не мог рассказать, вырыл в земле ямку и, нагнувшись, шепнул ей о секрете Мидаса. На этом месте вырос тростник, который до сих пор шелестит: «У царя Мидаса длинные уши».

А вот Орион, сын Посейдона и Эвриалы или Геи (Земли), по одной из версий мифа о нем, нашел себе смерть, осмелившись вызвать богиню на состязание. Орион — чудовищный великан-охотник, способный ходить по морю или по его дну, ибо был очень высок. Он вступил в любовную связь с красавицей Сидой, но та похвасталась тем, что превосходит красотой Геру, и за свое бахвальство попала в подземный мир.

После этого Орион отправился на Хиос (остров в Эгейском море) и посватался к дочери царя Ойнопиона Меропе. Ойнопион пообещал Ориону дочь, если он освободит остров от диких зверей. Орион выполнил поручение, однако царь своего обещания не сдержал, и тогда Орион овладел Меропой. Разгневанный Ойнопион, напоив охотника допьяна, лишил его зрения. Тогда Орион отправился на Лемнос, где Гефест держал кузницу. Посадив себе на плечи одного из его учеников, Орион приказал ему подсказать путь к восходу солнца. Придя туда, Орион подставил глаза лучам восходящего солнца и прозрел. Восстановив зрение, он отправился обратно к Ойнопиону, чтобы его наказать. Но сделать это не удалось, ибо Ойнопион успел перебраться в построенное Гефестом жилище в подземном мире.

По другой версии, в Ориона влюбилась Эос, богиня утренней зари. Афродита отомстила Эос за то, что та разделила ложе с ее мужем Аресом, вселив в нее постоянное желание. Движимая этой страстью, Эос похитила Ориона и отправилась с ним на Делос.

Орион нашел себе смерть на Крите, где охотился вместе с Артемидой и Лето. По недомыслию, он похвастался, что на земле не существует такого зверя, которого он не в силах убить, и тогда Гея (Земля) наслала на Ориона гигантского скорпиона, и охотник погиб от его укуса.

По другой версии, к его смерти причастна Артемида, то ли наставшая на него скорпиона, наказав за небывалую дерзость (он вызвал богиню на состязание), то ли поразившая его стрелой за то, что он совершил насилие над гиперборейской девой Опис. Еще по одной версии, к гибели Ориона причастен Аполлон, которому не понравилось, что его сестра Артемида, влюбившись в Ориона, собиралась выйти за него замуж. Аполлон вызвал сестру на состязание в стрельбе из лука, целью которой стала возвышавшаяся вдали голова Ориона, и Артемида, не зная, что это за цель, поразила ее стрелой.

Ориона и скорпиона боги поместили на небо и превратили в созвездия.

Аполлон и Артемида (в римской мифологии Диана) — частые персонажи произведений классического искусства, и мифы о них до сих пор привлекают внимание художников, поэтов и драматургов. Оба они хорошо узнаваемы в живописи: Аполлон с луком и стрелами,

с кифарой или другим струнным музыкальным инструментом, часто увенчан лавровым венком или нимбом; Артемида также изображается с луком и стрелами, часто ее рисуют в окружении собак, серн и оленей, иногда ее голова увенчана полумесяцем.

Миф о состязании Марсия с Аполлоном стал весьма популярным, особенно в эллинистическом и римском изобразительном искусстве. Марсий обычно изображается привязанным к дереву с поднятыми руками, его лицо перекошено от ожидания страшной боли, перед ним — зловещая фигура с острым ножом. Для художников Возрождения состязание между струнными и духовыми музыкальными инструментами символизировало соперничество между чувственными и интеллектуальными видами музыки, и художники эти, пренебрегая классическими пристрастиями, отдавали предпочтение духовым инструментам.

Миф о несчастном Марсии проиллюстрирован в «Метаморфозах» Овидия, изданных в Италии в 1497 году. Миф этот представлен несколькими рисунками: на первом Минерва (Афина) хозяйничает за столом, на другом — богиня любит себя своим отражением, глядя в воду, на следующем рисунке изображено состязание между Аполлоном и Марсием, дальше — сцена экзекуции Марсия, и, наконец, на последнем рисунке изображена кожа проигравшего состязание музыканта, выставленная на обозрение в храме. Эта тема также нашла отражение в живописных произведениях Рафаэля (1483–1520), Тициана (1487/90–1576) и Гверчино (1591–1666).

Современный художник Хью О’Донохью видел картину Тициана «Убийство Марсия» (на которой сатир подвешен к дереву вниз головой) на выставке «Гений Венеции», организованной Королевской академией в 1983 году. Воспользовавшись этим сюжетом и впечатлениями от принадлежащей его отцу почтовой открытки с изображением греческой скульптуры Марсия, О’Донохью создал серию рисунков под названием «Переправа через Рапидо» (1999–2000), на которых Марсий подвешен к дереву, в одном случае — за запястье, а в другом — за ноги. Художнику удалось привнести в рисунки подтекст замолкнувшей музыки, что отражает событие из жизни его отца, который во время Второй мировой войны, переправляясь через Рапидо (реку в Италии), уронил в воду флейту. У отца художника также нашлась фотография Муссолини, повешенного (как и Марсий) за ноги (после казни в 1945 году). Муссолини стал персонажем иконографии О’Донохью «Переправа через Рапидо VI», а до этого художник создал иконографию «Переправа через Рапидо IV», на которой изображен немецкий солдат с целиком обгоревшей кожей. Так неслыханная жестокость, проявленная греческим богом музыки, стала реальностью наших дней.

Мифы о Мидасе также нашли отражение в произведениях изобразительного искусства. Этой теме посвящены картины Веронезе (1528–1588), Рубенса (1577–1640), Пуссена (1594–1665) и Тьеполо (1696–1770). В наше время спортивные обозреватели, восхваляя звезд американского футбола, говорят о присущей им «хватке Мидаса», а в одном из фильмов «бондианы» «Золотой палец», герой, богач Аурик Голдфингер, помешан на золоте. Существует предположение, что миф об ослиных ушах Мидаса послужил подсказкой Шекспиру, который в пьесе «Сон в летнюю ночь» одного из персонажей — ткача Основу — наделил головой осла.

Шекспир в своей комедии «Два веронца» не обошел вниманием и миф об Орфее:

Орфей, создав магическую лютню,
Поэтов жилы взял для вещей струн,
И золотыми звуками она
Смягчила сталь и вековые скалы,
И приручала львов, и заставляла
Левиафана, чудище морское,
Покинув глубь, плясать на берегу.

Возможно, на эти строки Шекспира вдохновил средневековый рыцарский роман «Сэр

Орфео», в котором заглавный герой спасает королеву Юродис из Волшебной страны. Миф об Орфее привлекал многих поэтов и музыкантов, что и понятно: музыка и любовь всегда притягательны. Поэт Райнер Мария Рильке в своем «Сонете об Орфее» писал:

И дерево себя перерастало.
Орфей поет. О мощный ствол в ушах!
В молчанье было новое начало.
Был в немоте намечен первый шаг.

Спешили звери из дремучей дали,
Кто с лежбища, кто из берлог и нор,
Не хитрость и не страх, как до сих пор,
Их красться светлым лесом побуждали,
Лишь собственные уши.

Миф об Орфее послужил также сюжетом для опер и оперетт. Вот некоторые из них: опера Монтеверди «Орфей»; опера Глюка «Орфей и Эвридика» (со счастливым концом), оперетта Оффенбаха «Орфей в аду».

В наше время миф об Орфее послужил основой кинофильмов. Три фильма о нем поставил Марсель Камю. В фильме «Орфей» (1950) герой — пресыщенный жизнью и славой поэт, живущий в послевоенном Париже. Все меняет встреча с принцессой Ада. Она сама влюбляется в Орфея, а ее слуга Артебиз — в Эвридику. Движимая запретной любовью, принцесса забирает Эвридику в подземное царство, а Орфей с Артебизом отправляются в погоню. В 1959 году Камю поставил фильм «Черный Орфей», музыку к которому написали Антониу Карлуш Жобим и Луис Бонфа. Действие фильма происходит во время карнавала в Рио-де-Жанейро. Наконец, в том же 1959 году вышел фильм Камю «Завещание Орфея», в котором черные мотоциклисты и эротическая фигура смерти в «роллс-ройсе» сопровождают Орфея в подземный мир.

Примечательно, что мифы об Орфее, герое греческих мифов, интересны и в наше время, а фильмы о нем собирают большую аудиторию.

В заключение этой темы привожу песню девушки из трагедии Шекспира «Генрих VIII» (акт III, сцена 1):

Вечно снежные вершины,
Лес, луга, холмы, долины —
Лютней все пленял Орфей.
Все растенья оживали,
Как весною, расцветали
В смене солнца и дождей.

Все кругом, певцу внимая,
Умолкало, засыпая,
Даже бурная волна.
Музыка волшебной властью
Гонит мысли о несчастье,
Смерть несет им в неге сна.

Глава третья

Создание мужчины и женщины. Потоп. Возмутители правопорядка и героини

Основные действующие лица

Зевс (Юпитер) — Верховный бог.

Прометей — («Предвидящий»), Похитил огонь у богов.

Эпиметей — («Крепкий задним умом»). Брат Прометея.

Пандора — («Всем одаренная»). Первая женщина.

Девкалион — Греческий Ной.

Пирра — Жена Девкалиона.

Пеласг — Прародитель пеласгов (древнейшего населения Греции).

Ликаон — Убит Зевсом вместе со своими сыновьями за нанесенное богу оскорбление.

Каллисто — Мать Аркада, превращена в медведицу.

Триптолем — Учил людей земледелию.

Эллин — Сын Девкалиона и Пирры, родоначальник греков (эллинов), эпоним Эллады.

Мелеагр — Сын Ойнея, возглавил охоту на калидонского вепря.

Атланта — Девственная охотница, проиграла состязание в беге, подымая с земли золотые яблоки.

Сисиф — Хитростью нарушил законы богов, за что был сурово наказан.

Салмоней — Самонадеянно уподоблял себя Зевсу, за что Зевс поразил его перуном.

Адмет — Царь города Фер, ему дали право избежать смерти, если кто-нибудь добровольно обречет себя на смерть вместо него.

Алкестида — Жена Адмета, решившаяся отдать свою жизнь ради спасения мужа от гибели.

Пять веков

В своем сочинении «Теогония» Гесиод повествует о происхождении богов, а в поэме «Работы и дни» излагает миф о пяти веках (эпохах) в жизни людей, рассказывая о том, что с ними произошло и что случится в будущем.

Гесиод начинает «Работы и дни» рассказом о том, что боги-олимпийцы первый род людской сделали счастливым. Это был золотой век, олицетворением которого стал бог Кронос. В те времена люди не знали ни забот, ни труда, ни печали, и их жизнь была вечным пиром. В золотом веке люди не старились, а смерть приходила к ним в виде сна, и они превращались в духов.

Второй — серебряный — век был уже не таким счастливым. Люди оставались детьми на протяжении сотни лет, а в зрелом возрасте их жизнь была коротка, и были они безрассудными, непочтительными друг к другу, полными *hybris* (высокомерия). В этот век люди не повиновались богам, и Зевс упрятал их в подземное царство, превратив в духов.

Медный век принес дальнейший регресс. Люди этого века имели весьма странные отношения с ясенем: либо они выросли из ясеня как побеги, либо стали потомками ясеневых нимф, либо «проросли из древков ясеневых копий». Они считали себя крепкими, как ясень (ср. понятие наших дней «стальной человек»), Люди этого века использовали для своих потребностей медь: из меди строили дома, из меди изготавливали оружие. Они были властными, жестокими, дерзкими и сами себя привели к деградации.

Но деградация эта не была окончательной, и в новом, четвертом веке люди стали более благородными. Появились герои, сражавшиеся под Фивами и осаждавшие Троию. Некоторым из них после смерти дозволили жить на островах блаженных.

Затем наступил пятый, железный век, который и теперь продолжается на земле. Пессимист Гесиод горестно восклицает:

Если бы мог я не жить с поколением пятого века!
Раньше его умереть я хотел бы иль позже родиться.

Наш век — время печали, тяжких забот и смерти, а будущее представляется еще более мрачным: в мире будут править гордость и сила, мораль исчезнет, восторжествуют зло и насилие, а богини Совесть и Справедливость покинут людей.

Прометей, огонь и первая женщина

Наряду с повествованием Гесиода, существует и другая версия происхождения человечества. По этой версии, людей создали титаны в правление Кроноса. Согласно ряду источников, титан Прометей, древнейшее божество, сам вылепил первых людей из земли и воды, стал их благодетелем, а величайшим даром, который он им преподнес, явился огонь.

Прометей был хитроумным (его имя значит «Предвидящий»), но, к несчастью, у него был недалекий брат Эпиметей («Крепкий задним умом»), Гесиод рассказывает о том, как в Меконе (что близ Коринфа) Прометей пошел на обман Зевса, когда боги и смертные делили между собой мясо быка. Он подсунул Зевсу вместо хорошего куска мяса покрытые жиром кости, что ввело в дальнейшем обычай приносить богам в качестве пожертвования только кости, а мясо съедать. Зевс обман разгадал, но не подал виду, чтобы иметь повод наказать людей, а с ними и Прометея. В результате Зевс лишил людей огня, но Прометей проявил находчивость и украл огонь.

Неутомимый огонь он украл, издалека заметный,
Спрятавши в нарфексе полом. И Зевсу, гремящему в высях,
Дух уязвил тем глубоко. Разгневался милым он сердцем,
Как увидал у людей свой огонь, издалека заметный.

Зевс, разгневанный тем, что Прометей похитил огонь, решил отомстить людям и приказал создать женщину, вложив в ее грудь «льстивые речи, обманы и лживую, хитрую душу».

По приказу Зевса, Гефест, смешав землю с водой, создал прелестную деву, похожую на богиню. Афина наделила ее изящной одеждой и обучила ткать превосходные ткани, Афродита научила ее искусству обольщения, Пейто и хариты обвили ее шею золотым ожерельем, Оры (Времена года) украсили ее волосы венком весенних цветов, а Гермес вложил в нее собачий разум и двуличную, лживую душу и назвал Пандорой («Всем одаренной»).

Диву бессмертные боги далися и смертные люди.
Как увидали приманку искусную, гибель для смертных.
Женщин губительный род от нее на земле происходит.
Нам на великое горе они меж мужчин обитают,
В бедности горькой не спутницы — спутницы только в
богатстве.

Гермес, по приказанию Зевса, отвел Пандору к недалекому Эпиметею, и она его соблазнила, хотя до этого Прометей уговаривал своего брата ничего не принимать от Зевса. Затем Пандора открыла принесенный с собой сосуд, подаренный ей богами, и выпустила все заключенные в нем бедствия.

В прежнее время людей племена на земле обитали,

Горестей тяжких не зная, не зная ни трудной работы,
Ни вредоносных болезней, погибель несущих для смертных.
Снявши великую крышку с сосуда, их все распустила
Женщина эта и беды лихие наслала на смертных.
Только Надежда одна в середине за краем сосуда
В крепком осталась своем обиталище — вместе с другими
Не улетела наружу: успела захлопнуть Пандора
Крышку сосуда по воле эгидодержавного Зевса.
Тысячи ж бед улетевших меж нами блуждают повсюду.

Действия Пандоры породили загадку: осталась ли Надежда в ее сосуде, или люди все же могут надеяться на лучшее будущее, по крайней мере тогда, когда им ничего другого не остается.

Зевс покарал не только людей, но и оскорбившего его Прометея. По приказанию Зевса Гефест приковал Прометея к скале в горах Кавказа в пределах Скифии. Там орел днем пожирал его печень, которая восстанавливалась за ночь.

Пандору так и хочется сравнить с Евой, рассказ о которой изложен в Книге Бытие. Это сравнение напрашивается, ибо обе они — первые женщины, носители женской природы и женского принципа. Бытует суждение, что мифы о Пандоре и Еве возникли с целью предупредить мужчин о женском коварстве, но на самом деле эти мифы по сути разные, а женщины эти появились на свет для выполнения различных задач, и только спустя столетия Ева в суждениях о ней стала схожа с Пандорой.

В греческих мифах, так же, как в Ветхом Завете, вавилонском мифе о Гильгамеше и мифах североамериканских индейцев, повествуется о потопе. Согласно Аполлодору, у Прометея был сын Девкалион, женившийся на Пирре, дочери Эпитемея и Пандоры. Как и Гесиод, Аполлодор пишет о том, что в медном веке надменные и нечестивые люди погрязли в неблагоприятных поступках и не повиновались богам. Зевс решил наказать людей и наслал на землю потоп.

Девкалион, отличавшийся от других людей праведной жизнью, по совету своего отца Прометея построил огромный ящик (ковчег), запасся продуктами и вошел в него вместе с женой Пиррой. Ящик носился по волнам моря девять дней и ночей, а на десятый его прибило к горе Парнас, где Девкалион принес жертву Зевсу. Умиротворенный верховный бог послал к Девкалиону Гермеса, чтобы тот спросил у него, что он хочет в награду за свое благочестие. Девкалион пожелал возродить род человеческий. Тогда Зевс повелел Девкалиону и Пирре набрать камней и бросить их, не оборачиваясь, через голову. Из камней, брошенных Девкалионом, возникали мужчины, из камней Пирры — женщины.

Прометей был не единственным благодетелем человечества, научившим людей различным ремеслам и искусствам. В Аркадии существует своя версия происхождения человека. Согласно ей, первым человеком называют Пеласга, хотя Павсаний на этот счет придерживался другого мнения:

В сказаниях аркадян говорится, что Пеласг был первым человеком, который жил на этой земле. Но на основании этого рассказа можно заключить, что вместе с Пеласгом жили и другие и что не один только Пеласг жил здесь, так как в противном случае над кем же из людей властвовал бы тогда Пеласг?

Пеласг, сын Зевса, — высокий, красивый, сильный человек, покровитель людей. Он научил их строить жилища, шить одежду и, воспротивившись тому, что люди питались несъедобными плодами, травой и листьями, научил их питаться съедобной полезной пищей.

Пеласгу наследовал Ликаон, имевший от разных жен пятьдесят сыновей. Он продолжал

дело отца, но однажды, когда Зевс под видом странника посетил его дом, он, заподозрив божественное происхождение своего гостя, чтобы это проверить, подал ему в качестве угощения мясо ребенка. Разгневанный Зевс перунами уничтожил сыновей Ликаона, а его самого превратил в кровожадного волка. По одной из версий, это дикое происшествие переполнило чашу терпения Зевса и послужило причиной потопа, который верховный бог наслал на людей.

Павсаний предлагает другую версию мифа. Он писал, что Ликаон принес человеческую жертву Зевсу на горе Ликеон, за что и был превращен в волка. Вероятно, здесь налицо связь между мифом и в свое время бытовавшим ритуалом, ибо вплоть до второго века на Ликеоне поклонение божествам сопровождалось зловещими церемониями. Существовало поверье: кто бы ни попробовал человечину, превращается в волка и может вновь стать человеком только в том случае, если в течение восьми лет не повторит чудовищного поступка. Человек-волк покидал общину, что, возможно, обратилось в традицию, согласно которой юные аркадяне, чтобы обрести статус полноправного гражданина, какое-то время жили за пределами общинного поселения.

Дочь Ликаона Каллисто¹³, одна из спутниц Артемиды-охотницы, дала клятву сохранить девственность. Однако Зевс, увидев задремавшую в роце Каллисто, воспылал к ней любовью.

«Эту проделку жена не узнает, наверно, — промолвил, —
Если ж узнает, о пусть! Это ль ругани женской не стоит?»

Позже Каллисто погибла от стрелы Артемиды, которая пошла на этот поступок или потому, что хотела угодить разгневанной Гере, или по той причине, что Каллисто, нарушив клятву, не сохранила девственность. Зевс послал Гермеса извлечь из утробы Каллисто зачатого ею сына, которому дал имя Аркад, а Каллисто превратил в созвездие Большая Медведица¹⁴.

Аркад, воцарившись в Аркадии, продолжал помогать людям (пеласгам), которые стали называть себя аркадянами. Он научил их земледелию, переняв это искусство у Триптолема, этим навыкам обязанного Деметре.

Когда Деметра, богиня плодородия и земледелия, отправилась искать свою дочь Персефону, похищенную Аидом, она зашла в дом Келея, который был то ли правителем Элевсина, то ли бедным крестьянином. В доме Келея Деметру приняли радушно, приветливо, а веселая служанка Ямба, видя, как глубока печаль гостыи, стала веселить ее скабрзными шутками, и Деметра впервые после потери дочери улыбнулась (этим, видимо, объясняется, почему при проведении Фесмофорий — праздника в честь Деметры и Персефоны — женщины делают неприличные жесты). Деметра осталась у гостеприимных хозяев, и ей отдали на воспитание Демофонта, сына Келея и Метаниры. Желая сделать мальчика бессмертным. Деметра стала ночью закалять его в огне, а днем натирать амброзией. Однажды ночью Метанира застала Деметру за магическим действием и богине пришлось удалиться. Но перед тем как покинуть дом Келея, она подарила Триптолему, старшему брату Демофонта, золотую колесницу с крылатыми драконами и зерна пшеницы, после чего Триптолем¹⁵ стал учить людей земледелию.

¹³ Гесиод писал, что Каллисто — нимфа, однако по другим вариантам мифа о ней, она дочь Никтея или Кефея и внучка Ликаона, иногда ее называют Мегисто.

¹⁴ По некоторым вариантам этого мифа, Зевс явился к Каллисто в облике Аполлона или Артемиды. Превращение ее в медведицу также приписывают ревливой Гере или Артемиде, возмущившейся тем, что Каллисто нарушила клятву.

¹⁵ По другим версиям Триптолем — сын Элевсиды или Океана и Земли. Иногда его отождествляют с

Некоторые исследователи полагают, что первые серьезные знания и жизненно важная практика, полученные людьми, связаны с конкретной легендарной, мифологической личностью. Действительно, в греческих мифах, действие которых происходит после потопа, начинает прослеживаться ряд родословных, положивших узнаваемое историческое начало греческим племенам. Каждая родословная содержит легендарные личности, давшие свои имена местностям, городам, рекам...

Первым сыном Девкалиона и Пирры стал Эллин¹⁶, родоначальник эллинов. Так, согласно Паросской хронике, греки называли себя, начиная с 1521 года до нашей эры. От нимфы Орсеиды Эллин имел трех сыновей — Дора, Ксуфа¹⁷ и Эола. Между ними Эллин и поделил Грецию.

Дор получил во владение землю «против Пелопоннеса», жители которой стали называть себя дорийцами.

Ксуфу достался Пелопоннес. Его сыновья, Ахей и Ион, дали свои имена ахейцам и ионийцам.

Эол воцарился в Фессалии, жители которой стали называться эолийцами. Эол имел семерых сыновей и пятерых дочерей.

Одной из дочерей Эола была Канака, а одним из детей, рожденных ею от Посейдона, был Алоэй, женившийся на дочери своего брата Триопа Ифимедии. Та же воспылала любовью к своему деду Посейдону, богу моря¹⁸. Она заходила в море, черпала воду, поливалась и, испытывая эротическое желание, оплодотворяла себя.

От связи с Посейдоном Ифимедия родила двух сыновей — Ота и Эфиальта, известных как Алоады. Дети эти росли не по дням, а по часам, ежедневно вырастая в ширину на один локоть (45 см), а в высоту — на одну сажень (2 м). Когда Алоады достигли в ширину и в высоту девяти саженей, они вознамерились напасть на богов, для чего решили взгромоздить гору Оссу на Олимп, а на Оссу — гору Пелион и тем самым достичь небес. Они были повержены благодаря хитрости Артемиды, заманившей их на остров Наксос. Там Артемида приняла облик лани, и, когда эта лань промчалась между Отом и Эфиальтом, они, пытаясь ее поразить, пронзили друг друга копьями.

Другая дочь Эола Алкиона вышла замуж за Кейка, сына Утренней Звезды, лицо которого, по словам Овидия, отражало свет своего отца. Алкиону и Кейка погубило высокомерие. Когда Кейк по недомыслию заявил, что его жена — Гера, а Алкиона, следуя этой недалекновидности, заявила что ее муж — Зевс, их превратили в птиц: Кейка — в баклана, а Алкиону — в зимородка.

Сестра Алкионы Алика от Аэтлиа родила Эндимиона¹⁹, столь красивого, что в него влюбилась Селена (Луна). Когда Зевс предложил Эндимиону просить, чего пожелает, Эндимион, чтобы сохранить молодость, попросил наслать на него вечный сон. «Сон Эндимиона» превратился в образное выражение. Сын Эндимиона Этол дал свое имя Этолии.

Демофонтом.

¹⁶ Вторым ребенком Девкалиона и Пирры был Амфикион, правивший в Аттике после Краная; третьим ребенком была Протогения, родившая от Зевса Ахелоя.

¹⁷ Иногда Ксуфа считают сыном Эола.

¹⁸ Бессмертные боги не гнушались кровосмесительными любовными связями.

¹⁹ По другой версии, Эндимион — сын Зевса.

У него было много потомков. Одним из наиболее известных стал праправнук Ойней, царь Калидона, который первым получил в дар виноградник от Диониса (*oinos* — вино). У Ойнея был сын Токсей, которого он убил, когда тот перепрыгивал через ров (что созвучно легенде об основателях Рима Ромуле и Реме — Ромул убил Рема, когда тот, насмехаясь над Ромулом, перескакивал через ров, который должен был очертить контуры будущего города). Сестра Токсея Деянира (по одной из версий дочь жены Ойнея Алфеи и бога Диониса) научилась владеть оружием и править колесницей. Она стала женой Геракла, который ради нее одолел Ахелоя, другого претендента на ее руку.

Калидонская охота

У Ойнея и Алфеи был сын Мелеагр (по другому варианту, отцом Мелеагра был бог войны Арес). Сбор плодов в винограднике Мелеагра, описанный в «Илиаде» Гомера, послужил сюжетом для трагедий Софокла и Еврипида и относится к тем историям, когда чья-то жизнь зависит от какого-то, казалось бы, несущественного предмета или животного.

Когда Мелеагру было семь дней от роду, мойры предсказали его матери Алфее, что ее сын умрет, как только догорит пылавшее в этот миг в очаге полено. Алфея тут же выхватила полено из огня, погасила его и спрятала.

Мелеагр прославился как герой, но избежать предсказания не сумел. События, приведшие к его гибели, начались с того дня, когда Ойней, муж Алфеи, собрав обильный урожай винограда и принеся после этого жертвы богам, забыл Артемиду. Разгневанная богиня наслала на Калидон огромного свирепого вепря, который стал опустошать окрестности, уничтожая виноградники и поля и убивая людей. Ойней решил устроить охоту на вепря и пригласил участвовать в ней многих героев Греции, пообещав тому, кто убьет вепря, в награду шкуру. В охоте приняло участие большое число героев, в том числе Тесей, Ясон, Кастор и Полидевк.

Девять дней пировали собравшиеся герои у гостеприимного Ойнея, а на десятый день, когда следовало отправиться на охоту, Кефей, Анкей и некоторые другие герои участвовать в ней отказались, ибо в охоте собралась принять участие женщина — Аталанта. Однако Мелеагр все же заставил всех героев отправиться на охоту, ибо сам хотел иметь от Аталанты ребенка, хотя уже был женат на Клеопатре, дочери Идаса и Марпессы²⁰.

Охота началась, и когда собаки выгнали вепря из леса, свирепый зверь сразу бросился на охотников. Своими клыками он сразил двух охотников, а Пелей в пылу схватки случайно ранил копьем Эвритиона. Но затем Аталанта попала в вепря стрелой, Амфиарай угодил копьем ему в глаз, а Мелеагр его добил. Мелеагру и достался почетный трофей — шкура вепря, но он отдал ее Аталанте. Этот поступок привел в негодование сыновей Фестия. Возмущившись тем, что шкура вепря досталась женщине, они отняли ее у Аталанты, сославшись на то, что раз шкура не нужна Мелеагру, то она должна принадлежать им по праву рождения. Взбешенный Мелеагр убил обоих и вернул шкуру вепря Аталанте, чем и обрек себя на смерть. Сыновья Фестия были братьями Алфеи, и та, узнав, что их убил Мелеагр, пришла в неистовый гнев, достала спрятанное полено и бросила его в огонь, после чего Мелеагр и умер.

В «Илиаде» Гомера приведена другая версия смерти Мелеагра. Сыновья Фестия поклялись, что вепря убил Ификл, в результате чего за охотничий трофей началась война

²⁰ Марпессу во время сватовства к ней Аполлона похитил Идас и увез в подаренной ему Посейдоном крылатой колеснице. Отец Марпессы Эвен бросился в погоню за беглецами, но догнать их не смог. Тогда он заколол своих коней и бросился в реку, которая стала называться его именем. Беглецов настиг Аполлон, и Идас осмелился вступить в схватку с богом. Их разнял Зевс и предложил Марпессе самой выбрать себе мужа. Опасаясь, что Аполлон бросит ее, когда она состарится, Марпесса выбрала Идаса.

между калидонцами и родственными им жителями Плеврона куретами. Куреты осадили Калидон, и во время вылазки Мелеагр убил одного из сыновей Фестия. Алфея прокляла Мелеагра, и он вернулся домой. В его отсутствие куреты стали одерживать победы, а когда они были уже на стенах Калидона, Клеопатра, жена Мелеагра, уговорила его снова взяться за оружие. Мелеагр вернулся на поле боя, убил другого сына Фестия, но и погиб сам. С горя Алфея и Клеопатра повесились, а плакальщицы на похоронах превратились в цесарок (*meleagrides*).

Калидонская охота стала сюжетом многих произведений искусства, особенно вазописи. Наиболее известна ваза Франсуа (вторая четверть VI века до нашей эры) работы Эрготима и Клейтия. На вазе изображены охотники и собаки, настигшие рассвирепевшего вепря. А Светоний рассказывал о том, что римскому императору Тиберию подарили картину Паррасия с малоприличной любовной сценой меду Аталантой и Мелеагром. Тиберию, когда вручали картину, сказали, что он, если захочет, сможет ее вернуть, получив взамен десять тысяч золотых монет. Но император, повесив картину у себя в спальне, от нее так и не отказался.

Заслуживает внимания и миф об Аталанте. Ее отец²¹, недовольный тем, что родилась дочь, а не сын, выбросил ребенка, и Аталанта бы умерла, но ее нашла и вскормила медведица, а воспитали охотники. Аталанта, как и Артемида, поначалу девственная охотница. Она была сильна не по-женски, в чем убедился Пелей, царь Фтии, когда она одолела его в состязании по борьбе, устроенном на свадьбе Пелия, сына Посейдона. Аталанта отказывалась от замужества и застрелила из лука покушавшихся на ее девственность двух кентавров. Ей удалось разыскать своих родителей, и отец возжелал выдать ее замуж. Аталанта посоветовалась с оракулом.

«...Муж, — он ответил, —
Не для тебя, Аталанта! Беги от супруга ложа.
Но не удастся бежать — и живая себя ты лишишься!»

Обеспокоенная таким пророчеством, Аталанта всем добивавшимся ее руки предлагала состязаться в беге, обещая выйти за того замуж, кто обгонит ее. Но это никому не удавалось, а Аталанта всех, кого обгоняла, пронзала копьем.

Но это не остановило влюбившегося в нее Гиппомена.

Юноша видит ее аонийский, — как мчится быстрее
Пущенной скифом стрелы, — но сильнее девичьей красою
Он поражен; на бегу она ярче сияет красою!
Бьет пятаями подол, назад его ветер относит,
По белоснежной спине разметались волосы вольно;
Бьются подвязки ее подколенные с краем узорным.
Вот заалелось уже белоснежное тело девичье.

Решив во что бы то ни стало получить Аталанту в жены, Гиппомен победил ее хитростью. Он выбрасывал на бегу золотые яблоки, поднимая которые, Аталанта состязание проиграла, но, как пишет Феокрит, проиграла специально.

Как захотел Гиппомен получить себе девушку в жены,
Яблоки взял он с собой, Аталанта же, с ним состязаясь,
Глянув, лишилась ума, да и прыгнула к Эросу в бездну.

²¹ Иас, Схеней или Менал.

Однако супружество дикой и необузданной Аталанты продолжалось недолго. Она занялась любовью с мужем в храме Зевса, что категорически воспрещалось, и Зевс за это превратил обоих во львов. По представлениям древних греков, львицы сочетаются только с леопардами, поэтому постигшее Аталанту наказание лишило ее возможности продолжить брачные отношения с мужем. Над Аталантой и Гиппоменом сжалилась Кибела, богиня материнской силы и плодородия. Она запрягла обоих в свою колесницу.

Аталанта изображена на вазе Франсуа среди участников Калидонской охоты; по белой коже она легко узнаваема. Древнегреческие художники нередко изображали и сцену состязания по борьбе между Аталантой и Пелеем. На этих изображениях Аталанта в короткой тунике или в одежде, едва ее прикрывающей. В более поздние времена голландский художник Ван Бален, писавший на мифологические сюжеты, создал картину «Аталанта и золотые яблоки» (1619). На этой картине Аталанта на бегу поднимает яблоки, а Гиппомен, обернувшись через плечо, тайно наблюдает за ней.

Сыновья Эола и их потомки

У Эола, родоначальника племени эолийцев, было семь сыновей, среди них: Афамант, Кретей, Сисиф и Салмоней.

Афамант правил в Беотии. Его жена Нефела родила ему сына Фрикса и дочь Геллу. Но этот брачный союз распался, и Афамант женился на Ино, родившей ему Леарха и Меликерта. Ино невзлюбила детей Афаманта от первого брака и, стараясь их погубить, своими кознями вызвала в стране засуху. Афамант отправил посланцев к Дельфийскому оракулу, но Ино уговорила их сообщить Афаманту, что для того чтобы засуха прекратилась, следует принести в жертву Фрикса²². Но Нефела спасла сына. Она отправила его и Геллу на полученном от Гермеса златорунном баране в Колхиду. Гелла погибла в пути, упав в воду пролива, получившего ее имя — Геллеспонт (море Геллы). Фрике благополучно добрался до Колхиды, владения царя Ээта, сына Гелиоса и нимфы Персеиды, брата Кирки и Пасифаи, пресловутой жены Миноса. Ээт приютил Фрикса и дал в жены Халкиопу. Фрике принес в жертву Зевсу Спасителю барана, а золотое руно повесил на дереве в роще Ареса.

Тем временем Гера наслала на Афаманта и Ино безумие, и те убили своих детей. Излечившись от безумия, Афамант узнал от оракула, что ему суждено основать город на том месте, где предложат угощение дикие звери. Однажды Афамант набрел на стаю волков, которые разбежались, оставив мясо убитых ими овец. На этом месте Афамант основал город, названный Афамантием.

В трагедии Еврипида «Ино» рассказывается о третьем браке Афаманта. Ино удалилась в горы служить Дионису, а Афамант, решив, что она умерла, женился на Фемисто, которая родила Орхомена и Сфингия. Но Ино тайно вернулась в город и пришла к Афаманту, и тот ввел ее в свой дворец как служанку. Фемисто проведала, что Ино жива, но где она находится, не узнала. Тогда Фемисто решила убить детей Ино под покровом темноты, а чтобы отличить чужих детей от своих, одела детей Ино в черные одежды, а своих в белые. Решив, что ей понадобится помощь служанки, Фемисто рассказала ей о своем плане. Служанкой (ясное дело) оказалась Ино. Узнав о коварном плане Фемисто, она поменяла на детях одежду, и Фемисто, умертвив по ошибке своих детей, покончила с собой.

Другим сыном Эола был Сисиф, хитрец, способный обмануть даже богов (по одной из версий, он отец Одиссея). Одиссей (у Гомера — не сын Сисифа), оказавшись в подземном царстве, видел Сисифа, наказанного за свое прегрешение.

Видел я также Сисифа, казнимого страшною казнью:

²² В трагедии Софокла «Афамант» заглавный герой решает принести в жертву себя, но его спасает Геракл.

Тяжкий камень снизу обеими влек он руками
В гору; напрягши мышцы, ногами в землю упершись,
Камень двигал он вверх, но едва достигал он вершины,
Вниз по горе на равнину катился обманчивый камень.

Гомер не уточнял, за какой проступок боги наказали Сисифа, но из других источников следует, что, когда Зевс похитил дочь речного бога Асопа Эгину, Сисиф назвал ее отцу имя похитителя, за что Зевс поразил его перуном.

Одна из версий мифа считает Сисифа отцом Одиссея. Автолик, ловкий разбойник, попытался похитить коров Сисифа, но был уличен, ибо Сисиф тайно пометил своих животных особым знаком. Чтобы отомстить вору, Сисиф принял образ жениха дочери Автолика Антиклей и овладел ею. От этого союза родился Одиссей.

Сисифу дважды удалось обмануть Танатоса (Смерть). Сначала он сумел заковать его в цепи, и люди не умирали, пока боги не принудили Сисифа снять с Танатоса оковы. Освобожденный Танатос первой своей жертвой избрал Сисифа. Но тот снова его обманул. Перед самой смертью Сисиф попросил свою жену, чтобы она не погребала его тела и не приносила жертвы подземным богам. Оказавшись в подземном царстве, Сисиф упросил Танатоса разрешить ему вернуться на землю, чтобы наказать жену, нарушившую обычаи. Танатос на время отпустил Сисифа, но он возвращаться не собирался и, оставшись среди живых, дожил до преклонного возраста. И все же боги сурово наказали его, избрав кару, символизирующую тщетность попыток Сисифа их обмануть.

Другой сын Эола Салмоней основал в Элиде город Салмону. Он был чрезмерно высокомерен, стал уподоблять себя Зевсу и настаивать, чтобы жертвы приносили ему. Влача за своей колесницей высушенные шкуры и медные кастрюли, он заявлял, что производит гром, а бросая в небо зажженные факелы, имитировал молнии. Возмущенный Зевс поразил его настоящими громом и молнией, после чего уничтожил Салмону вместе со всем населением.

У Салмоней и его жены Алкидики была дочь Тиро. После смерти отца ее воспитывал его брат Кретея. Тиро воспылала любовью к потоку Энипею.

Сердце свое Энипеем, рекою божественно-светлой.
Между реками земными прекраснейшей, Тиро пленила;
Часто она посещала прекрасный поток Энипея;
В образ облекся его Посейдон земледержец, чтоб с нею
В устье волнистокипучем реки сочетаться любовью.
Воды пурпурные встали горой и, слившись прозрачным
Сводом над ними, сокрыли от взоров и бога и деву.

Потеряв таким путем девственность, Тиро втайне родила двух близнецов, но растить их не стала и бросила на произвол судьбы. В это время пастухи гнали табун, и кобылица, наткнувшись на близнецов, задела одного из них копытом, отчего на лице его осталось темное пятно, и поэтому мальчика назвали Пелий (Темный). Его брат получил имя Нелей.

Впоследствии мать нашла своих сыновей. По словам Аристотеля, Софокл написал пьесу «Тиро»: опознанию близнецов помог сохранившийся сундук, в котором мать их оставила. А вот Менандр в комедии «Третейский суд» писал, что детей нашел старый козопас, а их опознанию послужила кожаная сумка с особой приметой.

По Аполлодору, братья-близнецы, вернувшись к матери, узнали, что ту притесняет ненавидящая ее Сидеро, вторая жена Салмоней. Пелий заколол Сидеро в храме Геры у самого алтаря богини, чем вызвал ее гнев. Впоследствии между братьями начались раздоры, вынудившие Нелея покинуть страну. Пелий остался в Фессалии, где у него вскоре родился Алкает.

История братьев-близнецов, родившихся от бога и смертной женщины, воспитанных

пастухами, а в зрелом возрасте вступивших между собой в борьбу, может быть сопоставлена с историей Ромула и Рема, и есть основания полагать, что миф о Пелие и Нелее лег в основу легенды об основании Рима, изложенной римским историком Квинтом Фабием Пиктором.

Брат Салмонейя Кретея основал Иолк, откуда его внук Ясон отправился за золотым руном. Двумя другими его внуками были Биант и Меламп (Черноногий), получивший свое имя из-за недосмотра матери, которая, когда он был малым ребенком, однажды уложили его в тень, оставив ноги на солнце.

Рядом с жилищем Мелампа рос дуб, в котором гнездились змеи. Когда их нору разорили слуги, Меламп взял змеенышей и вскормил их. Когда змеи выросли, они своими языками прочистили Мелампу уши, после чего он стал понимать язык животных и предсказывать будущее. Этот случай не единичен. Близнецы Елен и Кассандра получили дар ясновидения точно таким же способом от священной змеи в храме Аполлона, где были забыты взрослыми во время празднества. Да и в мифах многих народов люди постигают язык животных с помощью змей.

Брат Мелампа Биант стал одним из соискателей руки Перо, дочери пилосского царя Нелея, пообещавшего выдать свою дочь за того, кто доставит ему быков фессалийского царя Филака²³, которых охраняла собака. Бианту не удалось похитить быков, и тогда на помощь ему пришел брат, хотя, обладая даром предвидения, он знал, что за свой дерзкий поступок проведет год в тюрьме. И действительно, в миг совершения кражи Меламп схватили и затем заключили в темницу. Но Меламп, понимая язык животных, узнал от червей-древоточцев, что дом, в котором его содержат, в скором времени рухнет, и попросил перевести его в другое помещение. Когда дом рухнул, Филак, убедившись в пророческом даре Мелампа, спросил у него, что следует предпринять, чтобы его сын Ификл излечился от бесплодия. Меламп пообещал представить нужные сведения, если получит взамен быков. Филак согласился.

Тогда Меламп убил двух быков и разделал туши, предвидя, что, позарившись на мясо, прилетит местный гриф. Прилетевший гриф, в благодарность за богатое угощение, рассказал Мелампу о событии, произошедшем несколько лет назад. Однажды Филак в присутствии Ификла, тогда еще мальчика, кастрировал барана и положил окровавленный нож рядом с сыном. Ификл так испугался, что страх подавил его способность к деторождению. Ификл убежал, а Филак воткнул нож в дерево. Если найти этот нож, сообщил гриф, соскоблить с него ржавчину, приготовить из нее настой и дать его выпить Ификлу, то он избавится от полового бессилия. Меламп нашел нож, излечил Ификла и, приобретя быков, пригнал их в Пилос. Получив в награду Перо, он отдал ее Бианту.

Внуком Кретея, сына Эола, был Адмет, царь города Фер в Фессалии. Когда Аполлон за убийство киклопов был осужден Зевсом, его отдали на год в услужение Адмету. В это время Адмет добивался руки дочери Пелия Алкестида, но Пелий соглашался отдать ему в жены дочь только в том случае, если он приедет на свадьбу в колеснице, запряженной львом и вепрем. Аполлону не составило труда помочь Адмету выполнить это требование. Однако при совершении бракосочетания Адмет забыл принести жертву Артемиде, и когда он вошел в спальню новобрачных, то увидел, что она полна змей. Аполлон рассказал Адмету, как умиротворить Артемиду, а затем выговорил у мойр для Адмета право отсрочить смерть, если кто-либо захочет заменить его в царстве мертвых. Однако когда смерть для Адмета стала реальной угрозой, никто, даже его престарелый отец Ферет, не соглашался сойти в подземное царство вместо него. Тогда собой решила пожертвовать Алкестида.

Ее решение умереть проистекало из чувства долга перед мужем (а не от страстной любви к нему) и соотносилось с бытовавшим в те времена представлением о семье, хотя ясно, что Алкестида храбрая, добрая и любящая жена. Она любила Адмета — и не стала бы

²³ По другой версии, быки принадлежали Ификлу, сыну Филака. Даже в «Одиссее» Гомера содержатся противоречивые сведения: в 11-й песне эпоса быки принадлежат Ификлу, а в 15-й — Филаку.

умирать вместо него, если бы не любила, — но сцена смерти показывает, главным образом, ее разочарование в браке: она сожалела о своем непродуманном обещании, данном Адмету в первую брачную ночь.

В V веке до нашей эры в афинской общественной жизни женщины целиком зависели от мужчин, и поэтому Адмет принял жертву жены как само собой разумеющееся. Сложившуюся ситуацию Еврипид оценивал в трагедии как с мужской, так и с женской точки зрения. Мнение мужчин выражает хор местных старцев, сочувствующих Адмету, попавшему в тяжелое положение, а мнение женщин выражает рабыня, но суждение это быстро изглаживается из памяти.

Как только Алкестида умерла, в доме Адмета появляется Геракл, и Адмету приходится скрывать свое горе, чтобы оказать гостю радушный прием. Но когда он остается с глазу на глаз с отцом, то с возмущением обвиняет его:

...Когда
Над головой висела смерть мою,
Ты не пришел, старик, ты пожалел
Остатком дней пожертвовать.
Зачем же
Над юностью, загубленной тобою,
Теперь приходишь плакать? Обличен
Перед людьми достаточно, едва ли
Ты даже был моим отцом, старик.
О, среди мужей запятнан ты навеки
Бездушием отныне. Осушить
Свой кубок и жалеть последней капли,
Чтобы спасти родного сына... Да,
Вы с матерью позволили спокойно
Чужой жене вас заменить. Так пусть
Отца и мать в ней хороню сегодня.

Ферет отвергает обвинения сына:

...Слова ж твои ребячьи
Меня задеть не могут. Я родил
И воспитал тебя, чтоб дом отцовский
Тебе отдать, а вовсе не затем,
Чтоб выкупать тебя у смерти жизнью.
Обычая между отцовских я
Такого не припомню и как эллин
Всегда считал, что, счастлив кто иль нет, —
Такой удел его.

Мой долг исполнен:
Над многими ты царь, твои поля
Умножились. Отцовское оставлю
Я полностью Адмету. Чем, скажи,
Обижен ты? Чего лишил тебя я?
Просил ли я, чтобы ты заменой был
Мне в доме том бессолнечном? Нимало.
И ты меня о том же не проси.

Тебя ль учить мне, впрочем? За него
В борьбе с судьбой Адмет, ожесточившись,

Не пощадил жены... Но как же он
Клянет мою, своей не видя, трусость,
Во цвете лет женою побежден.
Придуманно отлично... хоть и вовсе
Не умирай, сменяя верных жен...
И у тебя других хватает духа
За то, в чем сам виновен, упрекать.
Молчи, дитя: жизнелюбивы все мы.

Тем временем Геракл, несмотря на радушный прием, замечает, что все домочадцы опечалены и, узнав причину их горя, решает изменить ситуацию.

Адмет искренне страдает из-за смерти жены, но все же, хотя, на его взгляд, Алкестида «лучшая из женщин», даже она не стоит мужчины, и он больше жалеет себя, чем ее.

Он говорит:

Почившая счастливой,
Чем муж ее. Что солнце? Что Аид?
Уж никогда и никакое горе
Алкесты не коснется: от забот
Свободная, она приемлет славу
Великую. А что дала Адмету
Такой ценой им купленная жизнь?
Вот я сейчас ступлю за эти двери...
И кто же мне навстречу выйдет? Кто
Мне на привет ответит? А куда же,
Коль не домой, идти?

После того как хор старцев поет о неизбежности смерти, неожиданно появляется Геракл вместе со статной женщиной, покрытой длинным покрывалом. Он заявляет, что получил эту женщину в качестве приза за победу в состязании атлетов, и просит Адмета оставить ее тут. Адмет возражает, мотивируя тем, что дал жене слово больше никогда не жениться. Тогда Геракл снимает женщины покрывало, и перед Адметом предстает Алкестида, которую, как выясняется, Геракл отбил у Танатоса (Смерти), подкараулив ее у могилы Алкестиды, когда Танатос пришел за ней. На радостях Адмет устраивает празднество с танцами.

Определение сути цивилизации

Мифы о Прометее и Пандоре в изложении Гесиода не так просты, как может показаться на первый взгляд; если их осмыслить, станет ясно, что в них говорится о составляющих жизни греков в те времена.

Оперируя событиями, случившимися в Меконе, Гесиод называл три таких составляющих: технологию (огонь и развитие ремесел с его обретением), религию (жертвоприношения) и жизненные невзгоды (по мифу, вызванные Пандорой) — болезни, старость, семейные неурядицы.

В центре повествования Гесиода — огонь, необходимый людям для развития различных ремесел, приготовления пищи и жертвоприношений, а принесение жертв, с одной стороны, является обыкновением с многочисленными богами, а с другой стороны — возможностью, проявив смекалку и хитрость, их обделить и тем самым противостоять миру богов, чтобы принести пользу людям.

Греки обычно считали принесение жертв богам, огонь и брачные отношения

основными атрибутами цивилизованной жизни — атрибутами, не существовавшими в те времена, когда люди жили, как звери, и не присущими жизни варваров, их современников, живших за пределами известного мира. Таким образом, Гесиод давал характеристику человечеству, которое живет под эгидой Зевса. Каким образом оно физически появилось, для Гесиода менее важно: он определяет цивилизацию как взаимодействие религии и культуры.

Посмертная жизнь Прометея

Совсем иное толкование мифа о Прометее приводит Зигмунд Фрейд, который в своих работах нередко упоминает героев греческих мифов. Миф о Прометее — один из немногих, подвергнутых Фрейдом специфическому анализу. По мнению Фрейда, результаты этого анализа очевидны: огонь — символ либидо; полый тростник, в котором Прометей принес людям огонь, — символ фаллоса, а печень Прометея, которую клюет орел Зевса, — символ кастрации.

Фрейд интересуется, за что так сурово наказан герой, давший человечеству огонь, а с ним и возможность технического прогресса. В интерпретации Фрейда, миф базируется на действиях реальных людей: огонь мог быть сохранен, если бы «естественный» мужской инстинкт мочиться на огонь (что Фрейд подтверждает психоанализом) был подавлен, и потому Прометей, по мнению аналитика, явился законодателем, запретившим людям отправлять таким образом естественную потребность.

Запрет вызвал двойственную реакцию: люди хотели иметь огонь, но возмущались подавлением либидо и потому стали инициаторами наказания Прометея. Для Фрейда символизм мифа — в инверсии огня и воды: Прометей дает людям огонь, но запрещает его заливать; полый тростник содержит огонь, но пенис, отождествляющийся с этим хранилищем, содержит воду.

В действиях Геракла, убивающего орла, чтобы положить конец наказанию Прометея, Фрейд видит инверсию инверсии: Геракл нарушает закон, но избавляет Прометея, используя свою воду, чтобы погасить опасный огонь²⁴. Таким образом, амбивалентная природа Прометея компенсируется амбивалентными деяниями Геракла.

Один из критиков анализа Фрейдом мифа о Прометее заметил, что этот анализ имел бы значительно больший вес, если бы «естественная потребность» мужчин мочиться на огонь распространялась бы и на наши сомнения.

Культ Прометея, даровавшего огонь человечеству, долгое время существовал в древних Афинах. В его честь ежегодно проходили празднества, во время которых устраивался бег с факелами, зажженными от жертвенника Прометею.

В более поздние времена роль благодетеля человечества, пострадавшего за народ, перешла к Иисусу Христу. Смешивая языческие и христианские представления, отцы христианской церкви считали страдания Прометея символом крестных мук, а римский богослов Тертуллиан, рассуждая о распятом Христе, называл его «истинным Прометеем».

С другой стороны, Эмиль Бурноф, директор французской школы в Афинах, отличавшийся антисемитскими взглядами и пытавшийся доказать, что христианство имеет не семитские, а арийские корни, в конце XIX столетия опубликовал работу «Религиоведение», в которой утверждал, что христианский крест произошел от свастики. Тем самым он подхватил суждение Генриха Шлимана, откопавшего Трою, который, глядя на один из найденных артефактов, сказал, что «с первого взгляда узнал его», ибо он схож со свастикой, фигурирующей на откопанных им в Германии доисторических горшках, и потому свидетельствует о том, что троянцы принадлежали к арийской расе. Бурноф утверждал, что предмет, найденный в Трое Шлиманом, представлял собой два куска дерева, которые

²⁴ Как Гулливер в стране лилипутов.

вначале, положенные крест-накрест, находились на жертвеннике арийцев, а затем стали служить для добывания огня трением, связав таким образом свастику с Прометеем, чье мученичество предшествовало крестным мукам Христа. Бурноф писал: «Когда евреи предали Иисуса смерти, он был распят на кресте, стародавнем арийском символе».

В других менее спорных интерпретациях мифа о Прометее его противостояние Зевсу символизирует борьбу с тиранией, а огонь, подаренный им человечеству, отождествляется с искрой, из которой возгорелся человеческий интеллект. Для поэтов-романтиков Прометей прежде всего бунтарь, восставший против священников и правителей. Гете считал его персонификацией созидания лучшей жизни, а не пустых грез о ней. Итальянский поэт Винченцо Монти в сочинении «Прометей» (1797) сравнивал заглавного героя с Наполеоном и относил обоих к освободителям народа от тирании. Байрон считал страдания и негибимость Прометея символом человеческой судьбы. В драме Шелли «Освобожденный Прометей» он не только защитник человечества, воплощающий высшие моральные и интеллектуальные достижения, символизирующий борьбу между добром и злом и персонифицирующий созидательную энергию и инициативность поэта, но также, в конечном счете, и личность, возвещающая о золотом веке красоты и любви, наступающем после низвержения божества.

В 1818 году Мэри Шелли написала роман «Франкенштейн, или Современный Прометей», в котором вывела помешанного ученого, создавшего в лабораторных условиях жизнь с помощью электричества, и тем самым породила вопрос, в настоящее время переросший в неутрачиваемые дебаты о возможности клонирования живых существ и целесообразности создания генетически модифицированных продуктов питания. По книге, в которой поднят фундаментальный вопрос «Что будет, если мы сможем создавать жизнь?», поставили фильм о Франкенштейне/Прометее, и можно с уверенностью сказать, что миф о греческом благодетеле человечества живет и в настоящее время.

Глава четвертая Ясон и аргонавты. Медея

Главные действующие лица

- Пелий** — Царь Иолка, послал Ясона за золотым руном.
- Ясон** — Сын Эсона, предводитель аргонавтов.
- Гипсипила** — Правительница Лемноса.
- Геракл** — Великий герой, один из аргонавтов.
- Гилас** — Спутник Геракла.
- Медея** — Дочь царя Ээта, возлюбленная, потом жена Ясона.
- Ээт** — Царь Колхиды, владелец золотого руна.
- Креонт** — Царь Коринфа.
- Главка** — Дочь Креонта, вторая жена Ясона.
- Эгей** — Царь Афин.

У Эсона, сына Кретея и Полимеда²⁵, дочери Автолика, был сын Ясон. Он был в Иолке, когда там правил Пелий, которому оракул открыл, что ему грозит гибель от человека,

...обутого на одну ногу,
Который от горных урочищ

²⁵ По другим вариантам мифа, матерью Ясона была Алкимеда, Перимеда или Амфинома.

Сойдет к приметной земле знаменитого Иолка,
Будь он свой, будь он чужой.

Однажды, когда Пелий собрался принести жертвоприношение Посейдону, он пригласил принять участие в церемонии нескольких человек и среди них — только что вернувшегося в Иолк Ясона, которого Пелий еще не видел. Возвращаясь в Иолк и переправляясь через реку Анвар, Ясон потерял сандалию с левой ноги. Когда Пелий увидел Ясона, то испугался: он вспомнил предсказание оракула. Тогда Пелий спросил Ясона, как бы тот поступил с человеком, который, как было предсказано, принесет ему смерть. Ясон ответил, что он потребовал бы от этого человека доставить из Колхиды золотое руно. Пелий так и поступил: отправил Ясона в Колхиду, где в роще Ареса висит на дубе золотое руно, охраняемое никогда не спящим драконом. Естественно, Пелий рассчитывал, что Ясон не вернется.

Миф о Ясоне и золотом руно известен из многих источников, включая сочинения Пиндара, Диодора, Гигина и Овидия, но лучше всего этот миф изложен в поэме Аполлония Родосского «Аргонавтика». Аполлоний с 261 по 246 год до нашей эры — глава библиотеки Мусейона в Александрии, известный поэт эллинистического периода греческой литературы²⁶. В поэме «Аргонавтика» Аполлоний с присущим ему психологизмом изобразил жанровые сценки, любовные приключения; в описании природы использовал свои научные знания. Его Ясон, главный герой поэмы, значительно отличается от могучих героев произведений Гомера.

Аполлоний начинает свою поэму, извиняясь за то, что он не описал, каким образом с помощью Афины был построен «Арго», корабль Ясона. Этот пробел восполнен другими авторами. Согласно их сочинениям, корабль построил Арг, сын Фрикса, а Афина вставила в нос корабля кусочек священного векового додонского дуба, шелестом листьев передающего волю богов.

После того как Дельфийский оракул одобрил плавание, Ясон собрал на берегу Пагасейского залива славнейших героев со всей Эллады, которых назвали по имени корабля аргонавтами. Историческую основу мифа об аргонавтах составляют, по всей вероятности, плавания греков, живших в бронзовом веке, и к черноморскому побережью. Костяк экипажа «Арго» составили минийцы из Орхомена (Беотия), основанного мифическим Минием, и фессалы из Иолка.

Охарактеризовав экипаж «Арго», Аполлоний описывает восторженную толпу, собравшуюся проводить аргонавтов в плавание, затем переходит к стенаниям женщин, сопереживающих горе родителей, расстающихся с сыном, и наконец рассказывает о расположении духа Ясона во время прощания с матерью и отцом. Ясон меланхоличен, уныл, в отличие от своих спутников, находящихся в приподнятом настроении и схожих с гомеровскими героями, которые не прочь покрасоваться на публике. Ясона же автор препровождает в домашнюю обстановку, так любимую эллинистическими поэтами. Ясон старается изменить удрученное настроение окружающих, но сделать это непросто: мать виснет у него на шее, а служанки безостановочно плачут. Раз за разом он пытается их успокоить, но в конце концов даже его приветливые слова не могут скрыть возникшего раздражения. Сцена прощания Ясона с родителями написана красочно, но своим содержанием она наводит грусть, являя тем самым совмещение красоты и гротеска — прием, которым опять же охотно пользовались эллинистические поэты.

Когда Ясон показывается на публике, появление это Аполлоний описывает в традиционной манере:

²⁶ Обычно считается, что этот период продолжался с 323 по 30 год до н. э. (с года смерти Александра Великого до года смерти Клеопатры VII Египетской).

Словно как шествует Феб, покидая свой храм благовонный, —
Через священный Делос, через Клар или город Пифийский,
Иль по Ликийской пространной земле, у Ксанфа потоков.
Так проходил и Язон сквозь толпу. Ободрения крики
Тотчас кругом поднялись.

Теперь он — герой, и только встреча с престарелой жрицей Артемиды немного смазывает его эффектное появление:

...Тут встретила с ним Ифиада,
Дряхлая жрица самой градодержчицы Артемиды,
Правой героя руки коснулась она, но промолвить
Слов, что хотелось бы ей, в потоке людском не успела.
Тут же, на месте осталась она, в стороне, как бывает
Со старой средь юных, а он, обогнав ее, мимо промчался.

Такой же неприятный мазок можно заметить в сцене появления Ясона на берегу, когда он впервые встречается с экипажем «Арго».

После того как покинул он пышные улицы града
И к Пагасейскому мысу пришел, героя приветом
Встретили спутники все, что его у «Арго» поджидали.
Стал перед ними Язон, они же встали напротив.

Последняя строка этого четверостишия искажает смысл оригинала. В оригинале понятие, переведенное как «напротив», относится к Ясону, но греческое слово *enantioi* означает не «напротив», а «противопоставив себя», и, используя это поэтическое клише, Аполлоний намекает на то, что Ясона ждут великие подвиги. Но пока обособленность Ясону не помогает. Его спутники обращают свое внимание на других аргонавтов.

Тут увидали Акаста они и Арга, шагавших
Быстро из города к ним. Подивились герои, завидев
Их, против воли царя устремившихся в путь из Иолка.
Черною шкурой быка густошерстой, до пят доходившей,
Плечи одел свои Арг, Арестора²⁷ сын, на Акасте ж
Плащ был двойной, что ему подарила сестра Пелопея.

Язон отодвигается на второй план, но только на время. Он берет слово и говорит аргонавтам, что им необходимо избрать предводителя:

Следует нам... ныне выбрать
Лучшего нашим вождем; обо всем он заботиться будет,
И с чужеземцами мир заключать, и улаживать распри.

Кажется, у аргонавтов лишь один выбор — Язон: ведь это он объехал все страны Греции и собрал жителей, да и все съехались на землю Ясона, чтобы отправиться в путешествие.

Но его ожидания не оправдываются. Выслушав его речь, аргонавты

²⁷ По одной из версий, отец Арга не Фрике, а Арестор.

...на смелого вмиг оглянувшись Геракла,
Что между ними сидел, как один, они требовать стали,
Чтобы возглавил он их.

Однако Геракл отказывается стать предводителем,

...не двинувшись с места
Кверху десницу поднял и слово такое промолвил:
«Да не воздаст мне никто этой чести: ее не приму я!
Я и других удержу от того, чтоб на это дерзнули, —
Сам, кто собрал нас, вождем пусть и будет нашей дружины».

Хотя аргонавты избирают вождем Ясона с соблюдением установленных норм и правил, все же кажется, что он остается на роли второго плана. Но как только корабль уходит в плавание, Ясон проявляет свои лучшие качества и теперь Аполлоний рисует его героем, современным, эллинистическим, не похожим на героев Гомера. К тому же Ясон — красавец, способный завоевать любовь женщин. Красота — атрибут, весьма ценившийся в греческом мире, и Аполлоний это подчеркивает:

Не было мужа вовек среди героев, в прежние годы
Живших, — всех, сколько их ни родил Зевес-громовержец,
Или от крови других бессмертных богов ни возникло, —
Кто бы сравнился с Ясоном, каким супруга Зевеса
Сделала нынче его, — и на взгляд и речами прекрасным.
И, на него озираясь, товарищи даже дивились:
Так он красою сиял!

Воздействие привлекательности Ясона на окружающих очень заметно, и он приравнивается красотой к Аполлону. В конце концов, именно внешняя привлекательность позволяет Ясону добыть золотое руно.

После пятидневного плавания аргонавты причалили к острову Лемнос, населенному только женщинами.

Там, на острове, был весь народ беззаконием женщин
Жестокосердно в минувшем году истреблен поголовно.
Жен законных мужья там отвергли, возненавидев,
И полонянок они возлюбили горячей любовью.
Коих добыли, предав разорению землю фракийцев,
Против лежащую, ибо преследовал гнев Афродиты²⁸
Женщин за то, что они ее долгое время не чтили.
Жалкие! Ненависть их ненасытная меры не знала,
Ибо не только мужей и наложниц, ими любимых,
Предали смерти они, но весь мужеской пол, чтоб в грядущем
Не понести никакой за убийство жестокое кары.

Жившие на острове женщины, напоминавшие амазонок, носили оружие, пасли скот и пахали поля с желанием и сноровкой, превосходящими готовность заниматься домашним хозяйством. Едва аргонавты пристали к Лемносу и узнали положение дел, Ясон отправился

²⁸ Афродита в наказание за то, что лемносские женщины отказались ее почитать, наделила их таким дурным запахом, что мужья их оставили, после чего оскорбленные женщины умертвили всех мужчин Лемноса.

на встречу с царицей острова Гипсипилой, надев роскошный пурпурный плащ, вытканый для него самой богиней Афиной. Для Ясона богатый плащ — такая же необходимая вещь, как щит для Ахилла, но если Ахилл использовал щит в бою, то плащ помогал Ясону одерживать победы на бранном поле любви.

Богато вытканый плащ упоминается во многих греческих мифах. Он фигурирует при описании таких сцен: киклопы выковывают перуны для Зевса; Амфион при возведении в Фивах городских стен приводит в движение камни, заставляя их ложиться в установленном месте игрой на лире; Афродита любит свое отражение, глядя в начищенный до блеска щит Ареса; телебой сражаются с сыновьями Электриона за стадо скота; Пелоп состязается в беге на колесницах с неуступчивым Эномеем, заставлявшим состязаться претендентов на руку его дочери Гипподамии; Аполлон пронзает стрелой великана Тития, пытавшегося овладеть его матерью Лето.

В результате посещения аргонавтами Лемноса население острова стало расти²⁹. Аполлоний описывает гетеросексуальные отношения, что выглядит необычно для эпического труда. К примеру, Одиссей у Гомера вступает в любовную связь с различными женщинами, но о его расторопности подробно не говорится. Любовь, как известно, требует уступок и подчинения, но у Гомера любовь подчиняется только удовлетворению сексуальных потребностей. А вот у Аполлония женщины испытывают к Ясону глубокие, сложные чувства, и его успехи на Лемносе определяют использование Ясоном любви для достижения конечной цели в Колхиде.

Покинув Лемнос, аргонавты побывали на острове Самофракия, а затем во время пути по Пропонтиде пристали к земле долионов, живших в благополучии, которое аргонавты невольно разрушили. Недавно женившийся царь долионов Кизик радушно принял гостей. Но когда аргонавты поплыли дальше, встречный ветер снова пригнал «Арго» к берегам земли долионов. Это случилось ночью, и долионы решили, что на них напали пеласги, что происходило уже не раз. В разгоревшемся сражении Ясон убил Кизика (ставшего в поэме первой жертвой Ясона), что привело к новой трагедии: его молодая жена, не сумев справиться с постигшим ее несчастьем, покончила с собой.

Не пожелала в живых после Кизика смерти остаться
Клита, супруга его, но к горю прибавила горе,
Петлю накинув на шею. Оплакали нимфы лесные
Гибель юной жены, добровольно расставшейся с жизнью.
Сколько слез из очей было пролито ими на землю,
Все эти слезы в родник превратили богини прозрачный,
Клитой назвавши его во имя злосчастной девицы.

Приняв участие в торжественном погребении Кизика, аргонавты отправились дальше. В сочинении Аполлония Ясон — новый, современный герой, что в перспективе определяет устранение из повествования Геракла, чьи необыкновенные качества и способности не являются обязательными для достижения поставленной перед аргонавтами цели. Его необыкновенная физическая сила для этого не нужна, иногда оказывается излишней и даже вредной. Геракл представляется слишком анахроничным в истории, где немалую роль играют обольщение и волшебство.

Иллюстрацией излишней силы Геракла служит сцена соревнования в гребле, которое устроили аргонавты (победа присуждалась тому, кто последним перестанет грести). Каждый

²⁹ В частности, царица острова Гипсипила родила от Ясона двух сыновей — Эвнея и Неброфона.

греб, напрягая все силы, и «Арго» так быстро несся по морю, что даже быстرونogie кони Посейдона не могли обогнать корабль. В конце концов аргонавты, кроме Геракла, стали сдавать

...под гнетом усталости. Их же,
Что из последних работали сил, Геракл мощнорукий
Влек за собой, подвигая ладьи крепко слаженный кузов.

Тут, на весло поднимая бугры в беспокойной пучине,
Переломил он весло пополам. Сжимая обломок
Крепко в руках, Геракл повалился на бок, меж тем как
Море обломок другой поглотило. Сел он в молчанье,
Всех озирая, — рука у него не привыкла к покою.

Ситуация немного комичная, но никто из аргонавтов не рассмеялся. Способности Геракла ограничены и обычно не выходят за рамки проявления грубой силы, и случай, произошедший с Гераклом во время состязания аргонавтов, является предвестником его исключения из дальнейшего действия.

Во время стоянки в Мисии Геракл отправился в лес, сделать взамен сломавшегося новое весло, и нашел подходящую сосну.

Быстро на землю колчан опустив, имеющий стрелы,
Также и лук свой, с плеча он скинул львиную шкуру.
Палицей, медью обитой, потрясши сосну с корневищем.
Ствол обеими он обхватил руками немедля.
Силе своей доверяя, плечом в него мощным уперся,
Ноги расставил, и как ни глубоко врос ее корень,
Вырвал сосну из земли с приставшими комьями вместе.

В то время когда Геракл находился в лесу, его любимец, юный Гилас, отправился за водой, но едва он опустил в воду сосуд, как нимфы источника, плененные красотой юноши, увлекли его в глубину³⁰. Находившийся поблизости Полифем услышал крик Гиласа и, решив, что на того напали разбойники, позвал на помощь Геракла, который, придя в неистовство, словно бык, преследуемый навязчивым оводом, метался в поисках Гиласа до рассвета, но найти так и не смог.

Погода в то утро стояла благоприятная, и кормчий Тифий вывел корабль в море, и только тогда аргонавты заметили отсутствие трех человек³¹. Начались неизбежные в таких случаях взаимные обвинения, и лишь Ясон молчал.

Геракл в «Аргонавтике» Аполлония — герой ушедшего прошлого, не нашедший себя в эллинистическом мире. Его геройство не соответствует времени, в котором действуют аргонавты, и пропасть, его отделяющая, подчеркивается исчезновением. С самого начала повествования Геракл — фоновая фигура, с помощью которой высвечивается природа Ясона, романтического героя, выдвинувшегося из традиционного эпоса, в котором доминировали мужчины, в новое гетеросексуальное окружение. Его природа позволит ему достичь намеченной цели, в то время как Геракл останется в устаревшем гомосексуальном мире.

³⁰ Миф о Гилее превосходно изложен другим эллинистическим поэтом — Феокритом в его «Идиллиях», 18.

³¹ Геракл из Мисии направился в Аргос. По другой версии, предложенной Феокритом, он дошел до Колхиды пешком, а Ферекид пишет о том, что Геракл оставил «Арго» из-за своего тяжелого веса.

Уйдя из Мисии, аргонавты пристали к земле бибриков, которыми правил царь Амик, имевший обыкновение вступать с прибывшими в его страну чужестранцами в кулачный бой и неизменно одерживавший победу, убивая их могучими ударами. Вызов Амика принял Полидевк (Поллукс), противопоставивший грубой силе противника сноровку и ловкость. Когда Амик собрался нанести Полидевку страшный удар в голову, аргонавт уклонился и поразил соперника насмерть. Увидев, что царь их убит, бибрики напали на Полидевка, но тут схватились за оружие аргонавты, вступили в бой с бибриками и обратили их в бегство³².

Следующую остановку аргонавты сделали во фракийском городе Салмидессе, где жил прорицатель, слепой старец Финей³³, которого мучили страшные зловонные гарпии³⁴, похищавшие у него пищу.

Вот как описал этих птиц в «Энеиде» Вергилий:

Нет чудовищ гнусней, чем они, и более страшной
Язвы, проклятья богов, из вод не рождалось Стигийских,
Птицы с девичьим лицом, крючковатые пальцы на лапах;
Все оскверняют они изверженьями мерзкими чрева,
Щеки их бледны всегда от голода.

Аргонавты приготовили Финею богатую трапезу, но тут прилетели гарпии и сожрали все кушанья, распространив по дому зловоние. Когда аргонавты попросили Финея рассказать о пути, который им предстояло проделать, старец ответил, что все расскажет, если его избавят от гарпий. Тогда аргонавты снова приготовили трапезу, чтобы привлечь прожорливых гарпий. Птицы не заставили себя ждать, а когда они, опять все сожрав, улетели, за ними погнались аргонавты Зет и Калаид, крылатые сыновья Борея. Они нагнали гарпий у Плотийских островов и уже хотели поразить птиц, как вдруг появилась посланница Зевса Ирида, взявшая с гарпий клятву, что больше Финею они досаждают не будут. Тогда Зет и Калаид полетели обратно, и с тех пор Плотийские острова стали называть Строфадами, что значит «острова возвращения»³⁵.

Избавившись от гарпий, Финей рассказал аргонавтам, что для того, чтобы доплыть до Колхиды, надо вначале пройти между сближающимися и расходящимися Симплегадскими скалами. Старец посоветовал пустить вперед голубя³⁶, и если птица пролетит между скалами, то и «Арго» благополучно преодолеет проход. Но если голубю пролететь между скалами не удастся, то аргонавтам следует отказаться от смертельной попытки.

Когда «Арго» подошел к Симплегадам, аргонавт Эвфем, дождавшись, когда скалы в очередной раз разошлись, выпустил голубя, и птица успела пролететь между скалами, прежде чем они снова сомкнулись, повредив лишь кончик хвоста. Когда скалы разошлись,

³² О кулачном бое Полидевка с Амиком также рассказывает Феокрит в «Идиллиях», 22.

³³ По Аполлонию, Финей — сын Агенора; по другому варианту мифа — сын Посейдона. По одной из версий, Финей ослепил Зевс зато, что он предсказал будущее человечества; по другой версии, его ослепили Бореады зато, что он по навету новой жены ослепил своих сыновей, приходившихся Бореадам племянниками; еще по одной версии, Финей ослепил Посейдон за то, что он указал детям Фрикса морской путь из Колхиды в Грецию.

³⁴ Гесиод в «Теогонии», 265–269, называет двух гарпий — Аэлло и Окипета.

³⁵ По другому варианту мифа о Бореадах, один из братьев погиб, ибо они не смогли настичнуть всех гарпий.

³⁶ По другой версии, Финей посоветовал пустить вперед цаплю (*erodios*), считавшуюся птицей богини Афины.

кормчий Тифий направил «Арго» между ними. Гребцы налегли на весла, но скалы стали быстро сближаться, и тут на помощь аргонавтам пришла богиня Афина. Одной рукой она удержала одну из скал, а другой толкнула «Арго», и корабль стрелой вынесся из пролива, а сблизившиеся Симплегады лишь слегка повредили его корму. Затем скалы разошлись снова и застыли после этого навсегда, оставив между собой проход, безопасный для мореплавания.

Затем аргонавты сделали остановку на необитаемом острове, где им явился бог Аполлон. По инициативе Орфея, они соорудили жертвенник Аполлону и устроили празднество в его честь. После этого аргонавты пристали к земле мириандинов, которыми правил царь Лик. Здесь погиб Идман, на которого напал чудовищный вепрь. С вепрем разделались Пелей и Идас, а Идман умер у них на руках. Там же, заболев, расстался с жизнью Тифий, и обязанности кормчего взял на себя Анкей.

Аргонавты поплыли дальше, прошли мимо устья реки Фермодонт, обиталища амазонок, а затем побывали в землях, населенных дикими племенами: халибами, тибаренами, моссиноиками. Близ Аретиады, острова Ареса, на аргонавтов напали птицы, атаковавшие мореходов медными перьями. Отбив эту атаку, аргонавты сошли на берег Аретиады, где повстречали сыновей Фрикса, которые, возвращаясь из Колхиды домой, потерпели кораблекрушение, но спаслись, добравшись до острова. Они предупредили аргонавтов о грозящих опасностях, но все же согласились отправиться вместе с ними в Колхиду.

Затем, по воле автора «Аргонавтики», мореходы прошли на корабле мимо мест, упомянутых в известных греческих мифах: места, где Уран и океанида Филера, занимаясь любовью, произвели на свет кентавра Хирона, и мимо Кавказских гор, где орел все еще клевал печень несчастного Прометея.

Наконец, дойдя до Колхиды, аргонавты вошли в устье Фасиса. Здесь Ясон получает должное. Гера (ненавидевшая Пелия, осквернившего ее святилище) и Афина решили попросить Афродиту, чтобы она повелела своему сыну Эроту пронзить золотой стрелой сердце Медеи, дочери Ээта, и внушить ей любовь к Ясону. Медея искусно вплетается в интригу повествования и далеко опережает традиционных героинь произведений Гомера: она не только волшебница, но и юная дева, загоревшаяся любовью с истинной страстью, пришедшей к смерти.

Прибыв в Колхиду, аргонавты решили, что нужно идти к Ээту и просить его отдать руно добровольно. Во дворец царя отправились Ясон, сыновья Фрикса и еще двое. Когда Ясон вошел во дворец, прилетевший туда Эрот пустил стрелу прямо в сердце Медеи, после чего

...Онемень ее охватило,
Он же обратно из чертога с высокою кровлей,
Громко смеясь, улетел. А стрела, вонзившись глубоко,
Прямо под сердцем у девы горела, как пламя. И часто
На Эзонида Медея блестящие взоры кидала,
Сердце в груди у нее тяжело волновалось, и в сладкой
Таяла муке душа, обо всем ином позабывши.
...Цвет ланит ее нежных менялся,
И против воли ее то бледнели они, то краснели.

Встретившись с Ээтом, аргонавты обратились к нему со своей просьбой. Однако царь им не поверил, решив, что аргонавты замыслили завладеть не только золотым руном, но и всем его царством, и пригрозил аргонавтам казнью. Тогда Ясон успокоил его, уверив, что лишь за руном приплыли они в Колхиду.

Ээт, решив погубить Ясона, сделал ему предложение:

Двое быков у меня на равнине Ареса пасется, —

Два медноногих быка, изо рта выдыхающих пламя.
Их под ярмо подведя, я гоню их по ниве Ареса
Четырехдольной. Но вплоть до межи подняв ее плугом,
В бороды я, как посев, на семя Деметры бросаю
Зубы страшного змея; на ниве из них прорастают
Воинов меднодоспешных тела. Но, копьем поражая,
Их низлагаю, когда на меня они все ополчатся.
Я на заре запрягаю быков, а вечерней порою
Жатву кончаю. Так вот, если ты совершишь этот подвиг,
В тот же день золотое руно увезешь для владыки.

Ясон обескуражен, но вынужден подчиниться. По совету своего товарища Аргоса он решил обратиться за помощью к Медее через посредничество Халкиопы, матери Аргоса и сестры Медеи. Медея, выслушав Халкиопу, мучается сомнениями. Любовь к Ясону борется со страхом перед отцом.

Сердце в груди у нее от волнения часто стучало.
Словно как солнечный луч, отраженный водой, что в
подойник
Только что н#225;лили, или в котел, по горнице дома
Прыгает взад и вперед и в стремительном круговращенье
Носится с места на место, туда и сюда устремляясь.

Помочь ли Ясону? Если поможет, то ее отлучат от дому. А если она ему не поможет, то разве простит себе эту слабость? Проплакав всю ночь, Медея решила помочь Ясону и дать ему волшебную мазь, чтобы он ею натерся и приобрел надень неборимую силу. Позвав служанок, Медея отправилась в храм Гекаты, куда вскоре пришел и Ясон. Он был настолько прекрасен, что даже его товарищи дивились его красоте.

Увидев Медею, Ясон

...перед нетерпением томимой
Девою быстро предстал, словно Сириус из Океана,
Что и прекрасным и ясным для всех восходит на небо,
Но несказанные беды на коз и овец насылает.
Так же и к ней Эзонид подошел, красотой ослепляя,
Но, появившись, воздвиг нежеланную в сердце кручину.
Сердце упало в груди у Медеи; затмились туманом
Очи ее; и залил ей ланиты горячий румянец;
Шагу ступить ни назад, ни вперед не была она в силах,
Словно к земле приросли стопы онемевшие девы.
Все между тем до одной отошли подальше служанки.
Оба, и он и она, стояли долго в молчанье,
Или высоким дубам, или стройным соснам подобны,
Что среди гор, укрепясь на корнях, недвижно спокойны
В пору безветрия, но и они, если ветра порывы
Их заколеблют, шумят непрестанно. Так точно обоим
Много речей предстояло вести под дыханьем Эрота.

Первым заговорил Ясон, сказав Медее, что нуждается в ее помощи. Влюбленная дева охотно дала ему волшебную мазь и наставляла, как поступить, чтобы справиться с поставленной перед ним тяжелой задачей. Следует в полночь принести жертву Гекате, не обращая внимания на яростный лай собак, а на рассвете намазать волшебной мазью тело,

копье, щит и меч. Сделавшись неуязвимым, Ясон может приступить к делу: запрячь медноногих быков, вспахать поле и засеять его зубами дракона. Далее, когда из этих зубов станут расти могучие воины, Ясону следует бросить в них камень, а самому спрятаться, а после того как воины начнут друг с другом сражаться, напасть на них и всех перебить.

Медея полагала, что после того, как Ясон выполнит требование ее отца, Ээт отдаст ему золотое руно, но это означало разлуку с Ясоном, и она просила того не забывать о ней:

Помни, коль в отчий тебе удастся дом воротиться,
Имя Медеи. Но также и я о тебе, о далеком,
Память в душе сохраняю.

Ясон обещал больше: жениться на ней, если она отправится с ним в Иолк.

Расставшись с Медеей, Ясон начинает готовиться к предстоящему испытанию. Он одевается, но только надевает одежды, напоминающие ему о его былом увлечении.

Нежное тело омыл, блюдя обычай священный,
В водах чистых реки перво-наперво он и облекся
В черное платье затем, что ему Гипсипила-лемнийка
В память о нежной любви в былые дни подарила.

Принеся в полночь жертву Гекате, Ясон, едва забрезжил рассвет, стал готовиться вспахать поле. Каждому герою отпущен свой час, и этот час для Ясона пробил. Благодаря волшебной мази Медеи Ясон обрел великое мужество и невиданную отвагу, а его оружие стало непобедимым.

Придя на поле Ареса, Ясон нашел плуг и ярмо и стал искать медноногих быков. Неожиданно быки сами выбежали из логова и, извергая огонь, бросились на Ясона. Но мазь Медеи спасла его от смертоносной жары, и, укротив свирепых быков, Ясон запряг их в плуг, вспахал поле и засеял его зубами дракона. Окончив посев, Ясон выпряг быков и вернулся на свой корабль утолить жажду, оставив на поле наблюдавшего за его действиями Ээта в великом недоумении. Дивились силе Ясона и аргонавты.

Когда Ясон вернулся на поле, из земли показались острые копья, за ними шлемы и головы воинов, и вскоре все поле покрылось воинами в блестящих доспехах, и блеск этот доходил до Олимпа. Тогда Ясон схватил огромный камень, который было не под силу поднять четверым, и бросил его в толпу воинов. Схватившись за оружие, воины набросились друг на друга. Тогда Ясон обнажил меч и стал поражать их одного за другим. Все воины пали от его могучей руки, наполнив борозды кровью.

Однако Ээт и не думал выполнить свое обещание и решил погубить чужестранцев. Медея, почувствовав, что и ей, и Ясону грозит опасность, ночью тайно покинула дворец и пришла в стан аргонавтов. Взяв с Ясона клятву, что он на ней женится, Медея пообещала усыпить дракона, охраняющего руно, и предложила немедля отправиться за руном в рощу Ареса.

Когда Медея с Ясоном вошли в эту рощу, они увидели руно, сверкавшее золотым блеском под лучами восходящего солнца. Заметив пришельцев, охранявший руно дракон поднялся со своего места, извергая из пасти грозное пламя. Медея затянула чародейную песню, и дракон, распустив свои смертоносные кольца, растянулся у дерева. Однако он все еще мог поднять голову и схватить пришельцев страшными челюстями, но Медея окропила дракона снотворным зельем, и тогда пасть дракона закрылась и он заснул непробудным сном³⁷.

Ясон снял с дуба руно и вместе с Медеей покинул рощу, и золотое руно, торжественно

³⁷ По версии Пиндара («Пифийские игры», 4) Ясон убил дракона «умением своим».

поднятое Ясоном над головой, освещало его лицо, словно пламя.

Выполнив поставленную перед ними задачу, аргонавты поспешно вышли из Фасиса в открытое море. Когда колхидцы узнали о дерзком похищении золотого руна, то бросились за похитителями в погоню.

Аргонавты сделали остановку в Пафлагонии, где наметили путь домой³⁸. Потом они дошли до Истра (Дуная), поднялись по реке вверх, а затем спустились по одному из ее рукавов в Адриатику. Но здесь их перехватили колхидцы во главе с братом Медеи Апсиртом. Встретившись, аргонавты и колхидцы пришли к соглашению: Медея возвращается в Колхиду, а золотое руно остается у аргонавтов. Тогда возмущенная Медея, осыпав Ясона упреками, предложила ему заманить Апсирта в ловушку. План удался, и Ясон поразил Апсирта мечом³⁹. При убийстве брата присутствовала Медея, и его кровь забрызгала ей одежду, о чем узнали внимательные Эринии. Расправившись с остальными колхидцами, аргонавты направились к острову Амбер в устье реки Эридан (По).

Узнав об убийстве Апсирта, Зевс пришел в величайший гнев, и Гера наслала на аргонавтов ужасную бурю, грозившую гибелью. Мореходов выручил голос, исходивший из куска священного додонского дуба и повелевший им направиться к волшебнице Кирке, тетке Медеи, чтобы она очистила Ясона и Медею от осквернившего их убийства Апсирта.

Направляясь к волшебнице Кирке, аргонавты вошли в реку Эридан, миновали озеро, в которое упал Фэтон, не справившийся с управлением солнечной колесницей, достигли реки Родан, уклонившись от встречи с кельтскими и лигурийскими племенами, затем опустились в Сардинское море, миновали Стойхедские острова и Эльбу, потом пошли вдоль побережья Тирренского моря и наконец причалили к острову Эя, где среди лесов в роскошном дворце жила Кирка.

Волшебница провела очистительный ритуал: поставила Ясона и Медею под подвешенным молочным поросенком и надрезала ему горло, окропив его кровью руки убийц.

Покинув Эю, аргонавты вскоре оказались близ острова, известного из «Одиссеи» Гомера (Гомер, живший намного ранее Аполлония, упоминал «прославленный Арго»). Остров этот был вотчиной сладкоголосых сирен, заманивавших мореходов к острову, где они разбивались о скалы и гибли.

Число сирен, происхождение и их имена в сочинениях, где о них говорится, различные. Гомер говорил о двух сиренах, как и Софокл, который их называл дочерьми Форкия. Аполлодор писал о трех сиренах, дочерях Ахелоя и Мельпомены, и называл их имена: Писиноя, Аглаопа и Телксиопея⁴⁰. Цец также считал, что сирен — три, но называл по-другому — Парфенопа, Левкосия и Лигия — и полагал их дочерьми Ахелоя и Терпсихоры. В другом источнике говорится о четырех сиренах (опять же дочерях Ахелоя и Мельпомены): Теледе, Редне, Мольпе и Телксиопе.

В «Одиссее» Гомера сирены, заманив к скалам корабли, поют дуэтом; в других

³⁸ По одной из версий, отличной от изложенной в «Аргонавтике», аргонавты по европейским рекам дошли до Балтики, обогнули Европу, через Гибралтарский пролив вошли в Средиземное море и наконец добрались до Греции. Еще по одному варианту мифа аргонавты вернулись в Грецию тем же путем, каким дошли до Колхиды.

³⁹ Аполлодор в своем сочинении предлагает другую версию мифа: когда Медея бежала с аргонавтами, она взяла с собой Апсирта; спасаясь от преследователей Ээта, Медея убила брата и выбросила куски его тела в море, зная, что отец прекратит погоню, чтобы собрать тело сына и похоронить его. В пьесе Софокла «Колхидянки» Апсирта убивают во дворце Ээта. Эту версию мифа использовал Еврипид в трагедии «Медея».

⁴⁰ В других источниках дочерьми Ахелоя и Мельпомены считаются сирены Фелксиопа (или Фелксиона), Мольпа и Аглаофонода.

источниках одна сирена играет на лире (или на свирели), а другая поет⁴¹. Внешность сирен Гомер не описывал, а в других источниках, включая произведения изобразительного искусства, сирены — полуженщины-полуптицы. Происхождение такого внешнего вида сирен объясняется по-разному. По одной версии, сирены были вначале девами, но однажды, когда они резвились с Персефоной, ту похитили, и девы попросили богов наделить их крыльями, чтобы догнать похитителей и освободить Персефону. По другой — противоположной — версии дев в полуптиц превратила Деметра, наказав их за то, что они позволили Эриниям похитить Персефону. И, наконец, еще по одной версии, дев превратил в полуптиц Аполлон за то, что они не хотели расстаться с девственностью.

Проплывая мимо острова сирен, аргонавты слышали их манящее пение, грозившее гибелью, но положение спас Орфей, заглушив пение сирен своей песней. И все же один из аргонавтов, Бут, бросился на зов сирен в море, но был спасен Афродитой, поселившей его в Лилибее.

Затем аргонавты проплыли между Сциллой и Харибдой, а затем — между скалами Планктами, извергавшими пламя⁴², в чем мореходам помогли богиня Фетида и nereиды, играючи протолкнувшие «Арго» между скал. Потом они проплыли мимо острова Тринакрия, где паслись тучные стада белоснежных златорогих быков Гелиоса.

Продолжив путь, аргонавты прибыли к Дрепане⁴³, острову феаков. Теми правили Алкиной и Арета. Они радушно приняли мореходов. Но не пробыли аргонавты и дня у феаков, как к острову подошел флот колхидцев, которые потребовали выдать Медею. Алкиной решил, что Медея должна быть выдана посланцам Ээта, если она до сих пор девственница. Тогда Арета предложила Ясону осуществить с Медеей брачные отношения в священной пещере, что и случилось. Над их брачным ложем висело золотое руно.

Медея стала женой Ясона, и аргонавты отправились дальше. Когда они уже были вблизи Пелопоннеса, на море поднялась страшная буря, и ветер отнес «Арго» к отмелям Ливии; куда ни глянь — всюду банки, морские водоросли, а берег — уходящий вдаль бескрайний песок. Приливная волна выкинула корабль на берег, и аргонавты погибли бы, но им на помощь пришли местные нимфы, обратившиеся к Ясону с такими словами:

Ну-ка, друзей подними! А когда для тебя Амфитрита
Быструю Посейдона сама отпряжет колесницу,
Матери сразу своей по заслугам воздайте награду
Вы за труды, что она претерпела, нося вас во чреве,
И в Ахеиду тогда вы святую обратно вернетесь.

И тут из моря выбежал чудовищный конь, и тогда поняли аргонавты, что «матерью» нимфы называют Амфитриту, богиню моря, которая многое «претерпела», нося «во чреве» их корабль. Поняли аргонавты и то, что Амфитрита уже отпрягла свою колесницу, и теперь им следует поднять корабль на плечи и нести его через пустыню. Аргонавты так и поступили и дошли до Тритонийского озера. Неподалеку находился сад Гесперид, который только что покинул Геракл, добыв золотые яблоки и выбив в скале источник, что позволило аргонавтам утолить нестерпимую жажду.

⁴¹ Павсаний рассказывает, что однажды, по подстрекательству Геры, сирены осмелились состязаться с музами в пении, а когда проиграли, музы надергали из них перьев и изготовили себе венки победительниц.

⁴² Некоторые исследователи считают Планкты Липарскими островами, два из которых до сих пор проявляют вулканическую активность.

⁴³ Дрепана значит «серп». Остров, видимо, получил такое название, потому что именно здесь Кронос оскопил серпом Урана или по той причине, что Деметра на этом острове учила титанов, как жать рожь серпом.

В этих краях погибли два аргонавта: Кайфа убили при попытке угнать овец, а прорицателя Мопса укусила змея. К этим несчастьям прибавилось и другое: аргонавты никак не могли найти выход в море из Тритонийского озера. Над ними сжалился бог Тритон: он подал Эвфему комок земли как знак гостеприимства и вывел аргонавтов в открытое море.

Аргонавты дошли до Крита и хотели сделать на острове остановку, но их не пустил на берег морской исполин Талое, подаренный Зевсом Европе для охраны острова⁴⁴. Исполин трижды в день обходил остров и, когда приближались корабли чужестранцев, бросал в них огромные камни. Медея своими чарами сделала так, что Талое о заостренный выступ скалы поранил себе лодыжки, и вся его *ikhor* (кровь), находившаяся в единственной вене, вытекла, подобная расплавленному свинцу⁴⁵.

На следующую ночь мореходы попали в страшную бурю. В любой миг «Арго» мог натолкнуться на риф или разбиться о прибрежные скалы. Аргонавтов выручил спустившийся с Олимпа бог Аполлон, осветивший море яркими стрелами. Мореходы бросили якорь у ближайшего острова и назвали его Анафе (Открытие), посчитав, что этот остров им открыл Аполлон. На Анафе аргонавты соорудили жертвенник Аполлону, а во время церемонии принесения ему жертв двенадцать служанок, уступленных Аретой Медее, устроили легкую перепалку со сквернословием, и с тех пор у женщин вошло в обычай отпускать сомнительные остроты при церемонии жертвоприношений Аполлону, Властителю света, защитнику острова Открытия.

Аполлоний Родосский нередко (как в данном случае) рассказывал о древних обычаях и их происхождении, и современные исследователи, начиная с XIX столетия, изучая мифы в изложении Аполлония, пытаются точно определить источники этих мифов и место возникновения, датировать время их появления и связывать эти мифы с религией, экономикой и общественной жизнью греков.

Когда аргонавты ушли с Кипра на север, Эвфем бросил в море ком земли, подаренный Тритоном, и из этого кома возник остров Каллисто (Фера/Санторин, или Санторини). Затем аргонавты зашли на остров Эгина, чтобы запастись питьевой водой. На острове они устроили состязание: кто первым принесет на корабль воду. После этого аргонавты, не встретив больше опасностей на пути, вернулись в Иолк.

Вот как заканчивает Аполлоний Родосский свое сочинение:

Милость явите мне, о род блаженных героев,
Песнь же из года в год все приятней да будет для пеня
Средь людей. Ведь уже до славного я завершенья
Ваших добрался трудов, никакой ибо больше работы
Не привелось вам нести, отплывшим прочь от Эгины.
Вам не мешали налеты ветров. В спокойствии полном
Вы миновали страну Кекропа, а также Авлиду,
Что у Евбеи лежит, и локров опунтских селенья,
Чтобы на брег Пагасейский ступить наконец с ликовањем.

Аргонавты успешно совершили путешествие за четыре месяца.

История Медеи по Еврипиду

⁴⁴ По другой версии, Талое был подарен Миносу Гефестом.

⁴⁵ По другой версии, у Талоса была всего одна вена, тянувшаяся от шеи до лодыжки, где ее затыкал медный гвоздь. Согласно некоторым источникам (включая вазопись), Медея своими чарами наслала на Талоса безумие, а затем вынула гвоздь из лодыжки; вся кровь исполина вытекла, и он упал бездыханный.

Пелий не ожидал, что Ясон вернется из плавания, и ко времени его возвращения убил Эсона, заставив того испить бычьей крови⁴⁶. Мать Ясона, потеряв мужа, с горя повесилась⁴⁷, а Пелий завершил свое злодеяние, убив ее малолетнего сына.

Вернувшись в Иолк, Ясон отдал Пелию золотое руно, но мщение отложил. Он отправился на Кадм, перешеек, где находилось святилище Посейдона, и, вытащив в этом месте «Арго» на берег, посвятил корабль владыке морей. Когда Ясон возвратился в Иолк, он попросил Медею отомстить Пелию. Составив коварный план, Медея уговорила дочерей Пелия вернуть их отцу молодость, а чтобы они уверовали в ее чары, решила продемонстрировать им свое волшебство на баране.

Вот уж притащен баран, от бесчисленных лет истощенный,
Около полых висков крутыми украшен рогами.
Только вонзила она свой нож гемонийский в сухое
Горло, едва лезвие запятналось скудной кровью,
Тушу барана в котел погружает колдунья и тут же
Мощный вливает состав, — и уже уменьшаются члены,
И исчезают рога, а вместе с рогами и годы,
Блеянье нежное вдруг из медного слышится чана.
Все в изумленье кругом, — меж тем из сосуда ягненок
Выпрыгнул; резво бежит и молочного вымени ищет.

Подивившись этому чуду, дочери Пелия согласились вернуть отцу молодость. Коварный план Медеи сработал, и Пелий погиб, после чего воцарившийся в Иолке Акаст изгнал Ясона и Медею из города, и они перебрались в Коринф. В этом городе они прожили десять лет, и за это время Медея родила Ясону двух сыновей — Мермера и Ферета. Но затем Ясон решил оставить Медею и жениться на дочери коринфского царя Креонта Главке.

Такова ситуация, при которой начинается трагедия Еврипида «Медея», впервые поставленная в Афинах в 431 году до нашей эры. Медея — одна из самых незаурядных и колоритных героинь греческой драмы. Неукротимая духом, она являет собой защитницу обездоленных женщин, пострадавших от деспотизма мужчин.

Она и сама страдает, о чем рассказывает кормилица:

Оскорблена Медея, и своих
Остановить она не хочет воплей.
Она кричит о клятвах и руки
Попранную зовет обратно верность,
Богов зовет в свидетели она
Ясоновой расплаты.

И на ложе,
От пищи отказавшись, ночь и день
Отдавши мукам тело, сердцу таять
В слезах дает царица с той поры,
Как злая весть обиды поселилась
В ее душе...
Несчастье открыло цену ей

⁴⁶ Древние греки верили, что бычья кровь ядовита. По версии Овидия, Эсон не погиб, а наоборот, был омоложен Медеей после возвращения аргонавтов из Колхиды.

⁴⁷ По версии Диодора Сицилийского, мать Ясона закололась.

Утраченной отчизны.

Даже дети

Ей стали ненавистны, и на них
Глядеть не может мать. Мне страшно, как бы
Шальная мысль какая не пришла
Ей в голову. Обид не переносит
Тяжелый ум, и такова Медея.
И острого мерещится удар
Невольно мне меча, разящий печень,
Там над открытым ложем, — и боюсь,
Чтобы, царя и молодого мужа
Железом поразивши, не пришлось
Ей новых мук отведасть горше этих.
Да, грозен гнев Медеи: не легко
Ее врагу достанется победа.

После такого предвестия о возможной трагедии на сцене появляются Мермер и Ферет. Их сопровождает наставник, типичный киник (в представлении Еврипида). Он нисколько не удивлен непостоянством Ясона и рассказывает о слухах, ходящих в городе: Креонт собирается изгнать Медею с детьми из Коринфа.

Из-за сцены слышится голос Медеи:

Увы!

О, злы мои страданья. О!
О, смерть! Увы! О, злая смерть!

О, горе! О, муки! О, муки и вы,
Бессильные стоны! Вы, дети...
О, будьте ж вы прокляты вместе
С отцом, который родил вас!
Весь дом наш погибни!

Медею утешает сочувствующий ей хор коринфских женщин, но она продолжает стенать:

О, ужас! О, ужас!
О, пусть небесный перун
Пронижет мне череп!..
О, жить зачем мне еще?
Увы мне! Увы! Ты, смерть развяжи
Мне жизни узлы — я ее ненавижу...

Великий Кронид... Фемида-царица!
О, призрите, боги, на муки мои!
Сама я великой клятвой
Проклятого мужа
Связала с собою, увы!
О, если б теперь
Его и с невестой увидеть —
Два трупа в обломках чертога!
От них обиды, от них
Начало...

Но когда Медея появляется на сцене, она держит себя в руках, хотя и чувствуется ее отчужденность от окружающих, обособленность. В Коринфе она — чужестранка, жившая раньше у границы известного грекам мира, и потому чуть ли не варварка. Некоторые современники Еврипида считали его женоненавистником, но Медея опровергает это суждение:

Да, между тех, кто дышит и кто мыслит,
Нас, женщин, нет несчастней. За мужей
Мы платим — и не дешево. А купишь,
Так он тебе хозяин, а не раб.
И первого второе горе больше.
А главное — берешь ведь наобум:
Порочен он иль честен, как узнаешь.

Ведь муж, когда очаг ему постыл,
На стороне любовью сердце тешит,
У них друзья и сверстники, а нам
В глаза глядеть приходится постылым.
Но говорят, что за мужьями мы,
Как за стеной, а им, мол, копыя нужны.
Какая ложь! Три раза под щитом
Охотней бы стояла я, чем раз
Один родить.

После этого горького откровения Медея обращается к хору коринфских женщин и говорит, что ее суждения к ним не относятся, ведь они живут у себя в стране, в своем доме, а она, Медея, в этой стране чужая. Но раз Медея сама выбрала себе мужа, то ее откровение все же больше, чем к ней самой, относится к местным женщинам.

Хор Медее не отвечает, и она просит коринфских женщин ей не мешать, чтобы она без помех могла отомстить Ясону. Коринфские женщины становятся пассивными наблюдателями дальнейшего развития действия. Им остается лишь сочувствовать несчастной Медее и ужасаться ее поступкам. Медея нарушает божественные и человеческие законы на фоне бездействия мирских, заурядных женщин.

Появляется Креонт. Он объявляет Медее, что та должна немедленно покинуть Коринф, а на ее вопрос, почему он гонит ее вместе с детьми, отвечает:

О, тайны нет тут никакой: боюсь я.
Чтоб дочери неисцелимых зол
Не сделала ты, женщина, моей.
Во-первых, ты хитра, и чар немало
Твой ум постиг, к тому же ты теперь
Без мужа остаешься и тоскуешь...
Я слышал даже, будто ты грозишь
И мне, и жениху с невестой чем-то.
Так вот, пока мы целы, и хочу
Я меры взять. Пусть лучше ненавистен
Медее я, чем каяться потом
В мягкосердечии.

Медея возмущена тем, что ее репутация умной женщины опасна для окружающих. Суждение о том, что женщины хитрее мужчин и являются источником всех бед и несчастий,

известно еще со времен Гомера (описавшего ревнивую и коварную Геру), а такая нелестная характеристика частично ассоциировалась с воззрениями Еврипида, чьи героини не только равны мужчинам иль даже превосходят их в благородстве и самопожертвовании, но и более хитры, беспринципны и бессердечны. В комедии Аристофана «Женщины на празднике Фесмофорий» одним из действующих лиц является Еврипид, пытающийся избежать смертного приговора, вынесенного ему женщинами за разоблачение в своих сочинениях их интриг: если бы он не описал их коварство, им бы легче было справляться с мужьями.

Креонт неохотно, но все же соглашается выполнить просьбу Медеи: разрешить ей остаться еще на один день в Коринфе. Он не подозревает, что этим обрек себя на гибель. Чтобы отомстить, одного дня Медее достаточно. Медея преображается: из горестной женщины она превращается в злую волшебницу. Она решает: Ясон и его невеста должны умереть. Вопрос, как это сделать; если она отыщет кого-нибудь, кто прикроет ее после совершения злодеяния, то отравит Ясона и Главку, если нет, она убьет их собственными руками и сама за это ответит.

Медея восклицает:

За дело же! Медея, все искусство
Ты призови на помощь, — каждый шаг
Обдумать ты должна до мелочей!..
Иди на самое ужасное! Ты, сердце,
Теперь покажешь силу. До чего,
О, до чего дошла ты! Неужели ж
Сизифову потомству, заключив
С Ясоном брак, позволишь надругаться
Над Гелиевой кровью!

...Но кому
Я говорю все это? Мы природой
Так созданы — на доброе без рук,
Да злым зато искусством всех мудрее.

Медее отвечает хор коринфских женщин, сочувствуя ей и возмущаясь несправедливостью: коварными, подобно Ясону, стали мужья, а во лжи и хитрости обвиняют женщин.

Реки священные вспять потекли,
Правда осталась, но та ли?
Гордые выси коснулись земли,
Имя богов попирая в пыли,
Мужи коварными стали...
Верно, и наша худая молва
Тоже хвалой обратится,
И полетят золотые слова
Женам в усладу, что птица.

Музы не будут мелодий венчать
Скорбью о женском коварстве...
Только бы с губ моих эту печать
Только б и женской цевнице звучать
В розовом Фебовом царстве...
О, для чего осудил Мусагет
Песню нас слушать все ту же?

В свитке скопилось за тысячу лет
Мало ли правды о муже?

Появляется Ясон. Перед Медеей он даже не пытается оправдаться. Ясон самоуверен, считает, что его женитьба — дело решенное, и то, что хорошо для него, постыдным и неправильным быть не может. Он предлагает Медее денежную поддержку и убежденно считает, что это освобождает его от взятых ранее обязательств. Любовь, верность и честь для него ничего не значат, и если раньше Ясон предстал в роли романтического героя, то теперь это — эгоистичный и бесчувственный человек.

Выслушав Ясона, Медеей приходит в ярость и напоминает ему, что она сделала для него:

...Я тебя

Спасла — и сколько эллинов с собою
На корабле везли тогда мы, все
Свидетели тому, — спасла, когда ты
Был послан укротить быков, огонь
Метавших из ноздрей, и поле смерти
Засеять. Это я дракона, телом
Покрывшего в морщинистых извилах
Руно золотое, умервила, я,
Бессонного и зоркого, и солнца
Сияние глазам твоим вернула.
Сама ж, отца покинув, дом забыв,
В Фессалию с тобой ушла, — горячка
Была сильнее рассудка. Пелий, царь,
Убит был тоже мною — нет ужасней
Той смерти, что нашел он — от детей!
И все тебя я выручала, — этим
От нас ты не побрезгал, а в награду
Мне изменил.

Детей моих отец

Ты брак затеял новый.

Медеей обоснованно поясняет, что ей некуда уйти, а Ясон удивляется ее неблагодарности. Он растолковывает Медее, как много она приобрела в жизни благодаря тому, что жила вместе с ним, и говорит, что хотя она и спасла ему жизнь, заслуга в этом, прежде всего, принадлежит Афродите, внушившей Медее любовь к нему.

Ясон добавляет:

Я признаю твои услуги. Что же
Из этого? Давно уплачен долг,
И с лихвою. Во-первых, ты в Элладе
И больше не меж варваров, закон
Узнала ты и правду вместо силы,
Которая царит у вас. Твое
Здесь эллины искусство оценили,
И ты имеешь славу, а живи
Ты там, на грани мира, о тебе бы
И не узнал никто.

Ясон не понимает, что слава для Медеей — настоящее бедствие, не понимает и того, что

его собственное поведение, по меньшей мере, предосудительно. Женщины, по словам Ясона, неблагоразумны: они не осознают своего блага и думают, что если муж бросает жену, то это для нее — конец света.

Ясон поясняет:

Все вы жены
Считаете, что если ложа вам
Не трогают, то все благополучно...
А чуть беда коснулась спальни, нет
Тут никому пощады; друг ваш лучший,
Полезнейший совет — вам ненавистны.
Нет, надо бы родиться детям так,
Чтоб не было при этом женщин, — люди
Избавились бы тем от массы зол!

Между Ясоном и Медеей начинается перебранка, и Ясон в конце концов удаляется во дворец, сопровождаемый упреками и оскорблениями Медеи. Эта перепалка высвечивает поднятый в трагедии интересный аспект взаимоотношений мужчины и женщины: женщина + *eros* (чувственные желания) приводят к беде. Женщины с сильной сексуальной природой часто плохо кончают, как и случилось с Главкой в этой трагедии. Еврипид показывает, что репродуктивные функции женщины ставят ее в зависимость от милости, внимания и предупредительности мужчины и что мужчины с такими качествами в V веке до нашей эры были в великом спросе. Сексуальные потребности женщин не меньше сексуальных потребностей мужчин, но женщины слабее физически, и чтобы найти выход из положения, им приходится прибегать к хитрости и обману: женская сила не очевидна, и это делает ее более дьявольской и зловещей.

Хор коринфских женщин предлагает свой выход из положения, излагая классическую греческую максиму умеренности:

Скромной ласки хочу я:
Нет дара бессмертного слаще.
О, пусть никогда Киприды
Ужасной не слышу в сердце,
С грозой ее ярых ударов,
С бурей ссор ненавистной,
С желаньем чужого ложа!
Спальню, где нет войны,
Ложе, где жены не спорят,
Славить гимном хочу я.

В это время в Коринф приходит Эгей, царь Афин. Медея рассказывает ему о своем горе и молит дать ей, оставленной мужем, приют в Афинах, а сама обещает помочь Эгею избавиться от бесплодия. Клынув на эту приманку, Эгей соглашается, но ставит условие:

Но если ты сама придешь в Афины,
Я дам тебе приют и никому
Тебя не выдам — можешь быть покойна.
Но этот край покинешь ты без нас.
Рассориться с друзьями не желал бы
Из-за тебя я — прямо говорю.

Обеспечив себе приют, Медея приступает к выполнению задуманной мести. Она

решает послать своих детей к невесте Ясона, Главке, с подарком: драгоценной одеждой и золотым венцом, задумав пропитать эти вещи ядом и таким образом покончить с соперницей.

И тут Медея приходит к еще более страшной мысли:

...Я

Должна убить детей.

И их не вырвет

У нас никто. Сама Ясонов с корнем
Я вырву дом. А там — пускай ярмо
Изгнания, клеймо детоубийцы,
Безбожия позор, — все, что хотите.

И никогда рожденных

Медеею себе на радость он [Ясон]
Не обольет лучами глаз, невеста ж
Желанная других не принесет.

Хор ужасается ее чудовищному решению и пытается урезонить Медею, исполняя изысканную оду о величии Афин, а затем, удивляясь тому, как город, известный своим правосудием, приютит у себя убийцу. Но Медея непреклонна. Она посылает за Ясоном, и, когда тот появляется, напускает на себя рассудительность и покорность и со смирением в голосе говорит:

Я поняла, что было не умно
Сердиться и напрасно. Я тебя
Хвалю теперь... И точно, долг и скромность
Тобою управляли, о Ясон,
Когда ты брак задумал новый; жалко,
Самой тогда на ум мне не пришло
Войти в твой план советом...

и невесте

Прислуживать твоей, гордясь таким
Родством... увы!

Но что же делать? Все мы

Такие женщины — будь не в обиду вам.

Появляются Мермер и Ферет, и Медея говорит им, чтобы они обняли отца. Ясон торжествует. Медея, хотя и страшится того, что задумала, пользуясь благоприятным моментом, просит Ясона позволить детям отнести подарки его невесте. Ясон колеблется, но Медея уговаривает его. Мермер и Ферет, забрав с собой подарки для Главки, направляются в ее дом, не подозревая о том, что обрекают на смерть и себя, и Главку. Хор коринфских женщин оплакивает их неизбежную смерть. Появляется наставник детей, рассказывающий о том, что Главка приняла подарки Медеи. Возвращаются дети. Медея с ними прощается, и наступает самая трагическая сцена пьесы.

Медея, глядя на детей, горестно восклицает:

О горькая, о гордая Медея!
Зачем же вас кормила я, душой
За вас болела, телом изнывала
И столько мук подъяла, чтобы вам
Отдать сиянье солнца?.. Я надеждой

Жила, что вы на старости меня
Поддержите, а мертвую своими
Оденете руками. И погибла
Та слезная мечта.

Чужая вам,
Я буду дни влачить. И никогда уж,
Сменивши жизнь иною, вам меня,
Которая носила вас, не видеть.

Медея прижимает к себе детей, но затем заставляет себя изжить теперь уже неуместную жалость. Дети уходят — несчастные, молчаливые, невинные жертвы разыгравшейся драмы.

Появляется Вестник. Он подробно рассказывает об ужасной кончине Главки. Надев на себя драгоценное одеяние и украсив волосы диадемой, та стала смотреться в зеркало. Яд, которым была покрыта одежда, проник в тело, диадема, как медный обруч, стала сжимать голову, а одежда принялась жечь огнем ее тело⁴⁸, отделяя от костей мясо — «по коре еловой так сочатся слезы». На помощь Главке поспешил Креонт. Он обнял несчастную дочь, но ее одежда стала прилипать и к нему, а когда он попытался оторвать эту одежду, то вместе с нею стал отрывать и куски своей плоти и в результате испустил дух⁴⁹.

Узнав, что ее коварный план удался, Медея ликует. Но гибель Креонта и Главки не утолила мечь Медеи: ведь она решила убить своих детей, чтобы еще сильнее заставить страдать Ясона. Медея уходит во дворец, и тотчас оттуда раздаются крики и стоны ее сыновей, которые слышать еще мучительнее оттого, что это первые звуки, ими произнесенные за все время действия пьесы.

Ясон, узнав о гибели Креонта и Главки от руки Медеи, спешит во дворец, опасаясь, что родственники Креонта из мести погубят его сыновей. И тут хор оповещает его, что он опоздал⁵⁰.

В это время в воздухе на запряженной драконами колеснице появляется Медея; у нее на коленях убитые ею сыновья. Ясон молит оставить ему хотя бы тела сыновей, чтобы он сам мог похоронить их, но Медея отказывает, обещая, чтобы искупить невинную кровь детей, установить в Коринфе обряд и праздник. После этого она улетает на колеснице.

Ясон подавлен, он в ужасе, а хор, завершая трагедию, поет о превратностях жизни:

На Олимпе готовит нам многое Зевс;
Против чаянья, многое боги дают:
Не сбывается то, что ты верным считал,
И нежданному боги находят пути;
Таково пережитое нами.

⁴⁸ По другой версии, Главка, пытаясь унять нестерпимый жар, охвативший все ее тело, бросилась в фонтан, названный впоследствии ее именем.

⁴⁹ По Апулею, Медея подожгла царский дворец, и во время пожара Креонт и Главка погибли. Еще по одному варианту мифа Медея оставила своих детей молящимися у алтаря Геры, и коринфяне, мстя за Главку, убили их.

⁵⁰ Павсаний рассказывает, что коринфяне, мстя за Главку, забили детей Медеи камнями. Однако после этого духи Мермера и Ферета стали являться в Коринф и истреблять новорожденных младенцев. Попросив совета у оракула, коринфяне воздвигли статую Ужаса и стали ежегодно приносить жертвы детям Медеи, после чего их духи утихомирились. По другому варианту мифа, Мермера растерзала львица.

В своей трагедии Еврипид использовал мифологический материал, чтобы исследовать социальную проблематику: слабость женщин в мире мужчин и ненадежность взятых на себя обязательств, когда они начинают противоречить собственным интересам. Но ответов на эти вопросы Еврипид не дает, да и зрители, смотревшие в его время эту трагедию, хотя, вероятно, и подмечали в ее сюжете свои собственные проблемы, тоже, по всей видимости, не знали, каким образом их верно решить. Актуальность этих спорных вопросов и попытка Еврипида их заострить являются, пожалуй, причиной того, что греческий миф, им описанный, интересен и в какой-то мере насыщен и для нынешней публики.

О дальнейшей судьбе Медеи рассказывают по-разному. Согласно Аполлодору, Медея, бежав из Коринфа, поселилась в Афинах и стала женой Эгея, родив ему сына Меда. Однако затем, испугавшись, что не Мед, а Тесей, сын Эгея, унаследует власть отца, Медея решила погубить Тесея, но ее план не удался, и она была вместе с сыном изгнана из Афин. Мед стал воином, сражался с варварами и погиб в походе против индов. Медея вернулась в Колхиду, где к тому времени Ээта сверг с престола его брат Перс. Медея убила Перса и вернула престол отцу.

По версии Гигина, Мед оказался в Колхиде раньше Медеи, но, хотя назвался Гиппотом, сыном Креонта, был тут же посажен в темницу Персом, которому предсказали, что его убьет потомок Ээта. Тем временем в Колхиде начался голод. Возвратившаяся в Колхиду Медея, выдавая себя за жрицу Артемиды, узнала, что в темнице находится сын Креонта, и решила принести его в жертву богам, чтобы остановить голод. Но в последний момент Медея признала в узнике сына, дала ему жертвенный нож, и Мед убил Перса.

По Ивику и Симониду, Медея вышла замуж за Ахилла в Элизии, стране блаженных.

Что касается Ясона, то по одной версии мифа, он покончил жизнь самоубийством, а по другой версии, погиб под обломками обветшавшего «Арго», когда прилег под его кормой отдохнуть.

Наследие Ясона и Медеи

«Аргонавтика» — настоящий агломерат мифов и сказок. Отдельные мотивы этого мира обычны для волшебных сказок многих народов: героя отправляют в опасное путешествие, чтобы отделаться от него; невыполнимое задание, которое герой осиливает с помощью дочери главного противника; враждебные существа, которых герой побеждает, натравив друг на друга; триумфальное возвращение героя с достойным трофеем.

К подобным историям относятся, например, скандинавское сказание «Правительница-служанка» и британская поэма «Сражение птиц». Русский фольклорист Владимир Пропп, анализируя русские волшебные сказки, выделил в них тридцать одну повторяющуюся постоянную функцию и остался весьма доволен, когда оказалось, что его схема подходит для «Аргонавта ки».

По поводу золотого руна, цели путешествия аргонавтов, еще со времен античности ходят разные домыслы. Несомненно, это — архетип сказочного сокровища, в поисках которого герои отправляются в путь. Но поискам золотого руна еще в стародавние времена попытались дать рациональное объяснение. По мнению древних, в Колхиде имелось природное золото, и географ Страбон, опираясь на эти слухи, предполагал, что Ясон отправился в Колхиду за золотом. Страбон даже пояснял, откуда появилось понятие «золотое руно». На его взгляд, колхидцы добывали крупинки золота, опуская в золотоносную реку шкуру овцы.

Согласно античному словарю Свида, существовала книга «Золотое руно», трактат по алхимии. А уже в наше время Эрихом фон Дэниконом выдвинута и вовсе фантастическая гипотеза. По его мнению, золотое руно — корабль инопланетян.

Аполлоний Родосский — не единственный автор, писавший о Ясоне и аргонавтах. Пребывание аргонавтов на Лемносе описано в пьесах Эсхила и Софокла. Некоторые

исследователи считают, что порядки, царившие на Лемносе, подтверждают существование в исторические времена местной *гинаэкакросии* — верховенства женщин над мужчинами. Овидий в сочинении «Героиды» описывал страдания Гипсипилы, оставленной Ясоном. В I веке римский эпический поэт Валерий Флакк написал свою «Аргонавтику». Не обошли эту тему и писатели Возрождения. Эдмунд Спенсер в поэме «Королева фей» (1590) писал:

И поднесь судьба
Медеи и Ясона знаменита...
Его поход за золотым руном...
Эллады цвет пронес по лону волн
«Арго» отважный, превосходный челн...

Не оставили вниманием миф о путешествии аргонавтов и писатели XIX столетия. Австрийский драматург Франц Грильпарцер написал трагедию «Золотое руно». Американский беллетрист Натаниель Готорн использовал миф о походе аргонавтов в «Тэнглудских рассказах» (1853), а рассуждая о греческих мифах, писал: «Эти бессмертные мифы подходят любому времени, стоит лишь наделить их героев подходящими манерами, чувствами и моралью». Англичанин Чарльз Кингсли в своем сочинении «Герои» (1856), рассказывая об аргонавтах, отмечал их мужество, тягу к приключениям и бесстрашие, а затем писал об этом мифе: «Среди всех известных волшебных сказок миф о походе аргонавтов выделяется красотой, мудростью и правдивостью, он прививает детям стремление совершать возвышенные поступки, учит их благородству и наставляет верить в Господа Бога и Его милосердие». Уильям Моррис написал поэму «Жизнь и смерть Ясона» (1867), в которой сильный привкус средневекового рыцарского романа сочетается с мифологической фабулой; в результате поэма представляется странной смесью романтизма Китса, христианского социализма и викторианской эротики, чему служит примером любовная сцена с оставившим Медею Ясоном и Главкой:

И снова под покровом тьмы ночной
Стремит она к нему шаг легкий свой.
И снова с ним, в полночной тишине,
Босая, жаждет быть наедине
И сладкий миг свидания продлить...
...Желанием наполнены сердца.
И снова час урочный настает;
Бежит она — уж близится восход.
И снова в одинокий свой покой,
И вновь пустое ложе под рукой,
И тяжкий снова подступает сон,
А в мыслях, в теле, в сердце — только он...

В XX веке на сюжет мифа об аргонавтах Дон Чеффи поставил фильм «Ясон и аргонавты» (1963), в котором звучит прекрасная музыка Бернарда Херрманна и демонстрируются великолепные спецэффекты. В 2000 году режиссер Ник Уллинг сделал римейк этого фильма, получившийся весьма неудачным: герои неубедительны, Посейдон — вызывающий ужас гигант; Финей живет в склепе; надуманные любовные отношения Ясона с Аталантой-охотницей и столь же надуманная любовная связь Геракла с Ясоном, заменившим любимца Геракла Гиласа; третьесортные спецэффекты; неправильное произношение классических имен. Не всегда стоит создавать сочинения на сюжеты греческих мифов.

Миф о Мееде также использован в различных произведениях. Так, в вазописии нашли отражение следующие сцены: Медея расправляется с Пелием; Медея улетает на колеснице, запряженной драконами. Павсаний в своей работе описывал принесенный как обетный дар в

Олимпию ларец Кипсела, украшенный рельефными изображениями и инкрустацией с использованием кедрового дерева, слоновой кости и золота. На одном из рельефов ларца — Медея (в центре), Ясон (справа от нее) и Афродита (слева). Под рельефом надпись: «По повелению Афродиты Ясон женится на Медее». В трагедии римского писателя Сенеки Медея предстает волшебницей и суровой женщиной, действующей с жестокой последовательностью.

Миф о Медее нашел отражение и в постклассических сочинениях. Французский драматург Пьер Корнель в 1634 году написал трагедию «Медея», в которой (акт 1, сцена 5) имеется знаменательное высказывание Медеи:

Нерина:

После такого несчастья, что тебе остается?

Медея:

Я говорю «я», и этого достаточно.

В XVIII веке итальянский композитор Луиджи Керубини написал оперу «Медея» (1737). В 1951 году во Флоренции заглавную партию в этой опере исполнила Мария Каллас (дирижер Леонард Бернштайн). В 1970 году Мария Каллас также исполнила роль Медеи в полемическом фильме итальянского кинорежиссера Пьера Паоло Пазолини (петь ей не пришлось).

В 1862 году французский художник Эжен Делакруа написал картину «Ярость Медеи», на которой Медея с кинжалом в руке прижимает к себе детей, а черты ее лица прекрасно выражают ту страшную борьбу, которая в ней происходит между чувством любви к детям и жаждой мести.

В 1913 году отрывки из трагедии слывшего женоненавистником Еврипида зачитывались на собраниях суфражисток, взявших на вооружение подходящие выдержки в борьбе за предоставление женщинам одинаковых с мужчинами избирательных прав.

В трагедии «Медея» (1953) французского драматурга Жана Ануя героиня кончает самоубийством, бросившись в погребальный костер, в котором сгорели тела убитых ею детей.

В 1978 году Жюль Дассен поставил фильм «Страстная мечта», в котором Мелина Меркури исполняет роль актрисы, играющей Медеею в трагедии Еврипида и пытающейся войти в положение женщины-арестантки, убившей своих детей. Ранее, в 1960 году, Мелина Меркури участвовала в другом фильме Жюль Дассена — «Только не в воскресенье». В этом фильме она играет роль развязной, но жизнерадостной проститутки из греческого Пирея, символизирующей современное падение нравов, несравнимое с античным величием. Она обожает трагедии, но неизменно придумывает к ним счастливый конец. В театре она смотрит трагедию Еврипида и заливаясь слезами вплоть до сцены, в которой Медея убивает своих детей. Не следя за дальнейшим действием, она поворачивается к кавалеру, улыбается и, с пониманием подмигнув, самоуверенно сообщает: «Конец у пьесы счастливый: все герои отправляются на взморье».

Глава пятая **Аргос и другие чудовища**

Основные действующие лица

Инах — Первый царь Аргоса.

Пеласг — Мифический прародитель пеласгов.
Аргос (1) — Один из первых царей Аргоса.
Аргос (2) — Всевидящее чудовище.
Ио — Дочь Инаха, возлюбленная Зевса, превращенная в белоснежную телку.
Данай — Сын царя Египта Бела, стал царем Аргоса.
Даная — Мать Персея.
Акрисий — Отец Данаи, убит Персеем.
Прет — Царь Тиринфа.
Беллерофонт — Внук Сисифа, укротивший Пегаса; убил Химеру.
Пегас — Крылатый конь, отпрыск Медузу.
Персей — Сын Зевса и Данаи, убил Медузу, женился на Андромеде.
Медуза — Смертная Горгона.
Андромеда — Освобождена Персеем, стала его женой.

Местом действия многих греческих мифов являются город Аргос и его окрестности.

Первым правителем Аргоса был Инах, сын Океана и Тефиды; согласно грамматисту Апиону (жившему в I веке), исход евреев из Египта случился в годы его правления. У Инаха был внук Апис, выведенный Эсхилом в пьесе «Просительницы», где о нем говорится, что он сын Аполлона, предсказатель и врач, который, придя из Навпакта в Пелопоннес, уничтожил всех чудовищных змей и покончил со свирепствовавшей чумой.

Аполлодор сообщает, что Апис умер, не оставив потомства, и отождествляет его с египетским быком-богом Аписом, который со временем слился с Осирисом в едином божестве Сераписе, почитавшемся и в египетской, и в греко-римской среде.

Сестра Аписа Ниобабыла, как считается, первой смертной, с которой Зевс вступил в любовную связь. От Зевса Ниоба родила сыновей Аргоса и Пеласга⁵¹, эпонима пеласгов, древнейшего населения Греции.

Аргос был прадедом многоглазого великана, носившего то же имя (иначе Аргус). Тело этого Аргоса⁵² было испещрено множеством бесчисленных глаз (по другой версии, у него было четыре глаза, по одному с каждой стороны головы), причем глаза эти никогда одновременно не спали. Аргос, обладая чудовищной силой, послужил на благо Пелопоннеса: убил быка, опустошавшего Аркадию, сатира, угонявшего скот, и Ехидну, полуженщину-полузмею, дочь Тартара и Геи.

Но более всего Аргос известен как страна Ио, дочери аргосского царя Инаха. Ио привлекла внимание Зевса, и он наслал на нее эротический сон. Она попросила оракула растолковать этот сон. Оказалось, что согласно этому сну, Инах должен изгнать ее из страны. Инах покорился этому толкованию, и изгнанную из страны Ио то ли Зевс, то ли Гера превратили в корову, на которую Гера наслала овода, чтобы Ио, им мучимая, странствовала по свету, так и не доставшись любвеобильному Зевсу.

Наиболее полно этот миф изложил Овидий в «Метаморфозах». Согласно Овидию, Зевс предложил Ио уединиться с ним в роще, но она не решалась, и тогда Зевс укрыл их обоих облаком. В то время ревнивая Гера искала своего любвеобильного мужа и вскоре заметила на земле необыкновенно темное облако. Со словами «или я ошибаюсь, или обиду терплю» она опустилась на землю, развеяла облако и увидела Зевса, а рядом с ним белоснежную телку. Богиня пожелала получить телку в подарок, и Зевсу, не имевшему причин ей отказать, пришлось отдать Ио жене. Гера поручила охранять ее Аргосу. Разумеется, Ио ужасалась и

⁵¹ Гесиод называет Пеласга сыном Геи.

⁵² Аргоса также считают сыном Арестора, сыном Инаха, сыном Аргоса и Исмены, дочери Асопа, и наконец — сыном Геи-Земли.

своему внешнему виду, и своему новому голосу. Но она догадалась подать весть о себе: вывела копытами на земле свое имя (состоящее всего из двух букв: йоты и омеги). Весть дошла до Инаха, но Аргос увел корову на дальнее пастбище.

Зевс, возмущенный этим постоянным надзором, повелел Гермесу усыпить Аргоса звуками свирели, а потом обезглавить. Гермес выполнил повеление Зевса⁵³, и тогда Гера, огорченная потерей своего верного служителя, собрала все его глаза и разместила их на хвосте павлина (культовой птицы богини), а на Ио наслала овода, заставив ее, спасаясь от неотвязного насекомого, скитаться по свету.

В трагедии Эсхила «Прикованный Прометей» рассказывается о том, что Ио во время своих странствий встретила прикованного к Кавказским горам Прометея, предрекшего великую будущность потомкам Ио и Зевса. Затем Ио побывала в Скифии, в земле амазонок, на крайнем западе, где повстречалась с граями и горгонами, на крайнем севере, где обитали грифоны и одноглазые аримаспы, затем в Эфиопии и наконец оказалась в Египте, где вновь обрела человеческий облик.

В Египте Ио родила сына Эпафа (дитя «прикосновения» Зевса). Гера повелела куретам похитить Эпафа, и Ио снова пришлось скитаться, чтобы отыскать сына. Она нашла его в Сирии, где за Эпафом ходила жена царя Библа. Вернувшись с Эпафом в Египет, Ио вышла замуж за царя Телегона, и ей стали воздавать божеские почести под именем богини Исиды⁵⁴, а Эпафа чтить как быка-бога Аписа.

В девятнадцатом веке А. Э. Хаусман, воспользовавшись мифом об Ио, написал «Фрагмент греческой трагедии», пародию на произведения Эсхила и Софокла, высмеяв в своем сочинении современные ему переводы трагедий древнегреческих классиков.

Хор поет:

Зачем упоминаю Ио,
Дочь Инахейскую, любимую Зевеса?
Ей боги в старину,
Щедры, но не добры,
Копыта, хвост, рога придали и,
Непрощенным подарком оделив, послали изучать
Науку незнакомую жеванья жвачки.
Впоследствии она, вокруг Аргивских полей,
Щипала травку и верхушки крапивы;
И не было меж ними разногласий.
Но к трапезе питательной такой
Я не стремлюсь:
Пусть никогда не изберет Киприда для сиденья
Мою большую печень!
Зачем упомянул я Ио? И к чему?
Понятья не имею⁵⁵.

Сын Ио Эпаф стал египетским царем и женился на Мемфиде, дочери Нила, назвав в

⁵³ По версии Аполлодора, Аргос привязал Ио к маслине в микенской роще. Зевс повелел Гермесу украсть Ио, но сделать это тайно тот не сумел и тогда убил Аргоса камнем.

⁵⁴ Геродот отмечает, что в произведениях живописи Исида, как и Ио, изображается женщиной с коровьими рогами.

⁵⁵ Перевод С. Виницкого.

честь ее город (Мемфис). От этого брака родилась Ливия, давшая название африканской стране. Ливия от Посейдона родила близнецов Агенора и Бела. Агенор перебрался в Финикию, где стал царем Тира и Сидона. Бел стал царем Египта и женился на Анхиное, дочери Нила, которая родила ему близнецов Эгипта и Даная⁵⁶. Бел воцарил Даная в Ливии, а Эгипта — в Аравии, но Эгипт, недовольный своим положением, подчинил себе племя маламподов, а завоеванные земли назвал Египтом. У Эгипта от многочисленных жен родились пятьдесят сыновей — Эгиптиады, а у Даная — пятьдесят дочерей, Данаид. Данай стал подозревать, что Эгипт хочет захватить Ливию, и тогда по совету Афины построил корабль (став первым кораблестроителем) и, посадив на него всех своих дочерей, отправился в Аргос. По пути он остановился на Родосе, где воздвиг кумир Афины Линдии.

Когда Данай прибыл в Аргос, на стадо быков у стен города напал невесть откуда взявшийся волк, который задрал лучшего быка. Жители Аргоса, обсудив этот случай, решили, что прибывший в город Данай сильнее правившего ими Геланора, и тот был вынужден уступить власть Данаю. Данай возвел храм Аполлона Ликейского (волка-бога), решил проблему с нехваткой воды, а жителей своего царства назвал в честь себя данайцами, что стало для греков родовым именем, начиная со времен Гомера.

О дочерях Даная Эсхил написал трилогию: трагедии «Просительницы», «Египтяне» и «Данаиды». Сохранились только «Просительницы». В этой трагедии рассказывается о том, что Эгиптиады прибыли в Аргос, чтобы жениться на Данаидах. Данай хотел отказать Эгиптиадам, но, покорившись силе, дал согласие на брак, распределив невест по жребию между женихами. После этого он выдал дочерям по кинжалу и потребовал, чтобы Данаиды в брачную ночь закололи своих мужей. Повиновались все Данаиды, кроме Гипермнестры, пожалевшей своего мужа Линкея, и Данай за ослушание заключил ее в темницу. Остальные дочери Даная похоронили отсеченные головы своих мужей⁵⁷. Данай, сообразив, что теперь будет непросто выдать дочерей замуж, устроил состязания в беге и в награду отдал победителям своих дочерей без обычных подношений родителям. Линкей воссоединился с Гипермнестрой, примирился с Данаем и стал царем Аргоса⁵⁸. Позднее Данаиды были наказаны и в качестве вечной кары за преступления стали в Аиде наполнять водой дырявый сосуд.

Линкей и Гипермнестра стали прародителями многих героев, включая Персея и Геракла. Их внук Прет и его жена Сфенебея сыграли ключевую роль в мифе о Беллерофонте, сыне Главка (или Посейдона) и Евримеды (или Евриномы) и внука Сисифа. Беллерофонт был вынужден покинуть Эфир (позднее ставший называться Коринфом), потому что убил тирана Беллера, после чего стал называться «убийца Беллера» (греч. Беллерофонт). Он бежал к царю Тиринфа Прету, радушно его принявшему. Красотой Беллерофонта пленилась Сфенебея⁵⁹, но он отверг ее любовь, и тогда она, воспылав к нему ненавистью, обвинила его в покушении на ее честь. Поверив жене, Прет послал Беллерофонта с письмом к отцу Сфенебеи Иобату, царю Ликии. В этом письме, написанном на двойной сложенной и запечатанной табличке, Прет писал Иобату, что тяжело оскорблен Беллерофонтом и просил того погубить. Однако Иобат, не решившись покончить с Беллерофонтом своими силами, решил дать ему опасное поручение: убить грозное чудовище Химеру.

⁵⁶ Согласно Еврипиду, у Бела и Анхиной было еще два сына: Кефей и Финей.

⁵⁷ По Павсанию, головы Эгиптиадов были похоронены в Аргосском некрополе, а обезглавленные тела — в Лерне.

⁵⁸ По другому варианту мифа, Линкей убил Даная и сорок девять его дочерей, совершивших убийства.

⁵⁹ Еврипид написал трагедию «Сфенебея». В комедии Аристофана «Лягушки» Эсхил обвиняет Еврипида в том, что он изобразил Сфенебею блудницей.

Вот какой представлял ее Гесиод:

Мощной, большой, быстроногой Химерой с тремя головами:
Первою — огненноокого льва, ужасного видом,
Козьей — другою, а третьей — могучего змея-дракона.
Спереди лев, позади же дракон, а коза в середине;
Яркое, жгучее пламя все пасти ее извергали.

Химера — порождение Тифона и Ехидны или Лернейской гидры и неизвестного отца. Возможно, от Орфа, двуглавого пса Гериона, она породила Сфингу и Немейского льва. Химера опустошала страну Иобата. Справиться с Химерой Беллерофонту помог крылатый конь Пегас, отпрыск Медузы и Посейдона. Беллерофонт увидел Пегаса у источника Пирены, где конь пил воду. Беллерофонт знал, что только тот может победить Химеру, кто владеет Пегасом. Но крылатый конь не давался в руки Беллерофонту. Тогда, по совету прорицателя Полиида, он лег спать у жертвенника Афины. Во сне ему явилась эта богиня, дала золотую уздечку и велела принести жертву Посейдону, укротителю коней. Когда Беллерофонт проснулся, то увидел рядом с собой уздечку. Принеся в жертву Посейдону быка, Беллерофонт укротил Пегаса и с его помощью покончил с Химерой.

После этого Иобат послал Беллерофонта сражаться с солимами, а когда он расправился с ними, Иобат повелел вызвать на бой амазонок, но герой одолел и тех. Тогда Иобат послал навстречу возвращавшемуся Беллерофонту сильнейших мужей Ликии, чтобы они убили его, устроив засаду. Герой перебил всех. Тогда Иобат показал Беллерофонту письмо Прета, после чего попросил его остаться в Ликии и дал ему в жены свою дочь Филоною (или Антиклею, или Кассандру) и завещал царство.

В несохранившейся трагедии Еврипида «Сфенебея» Беллерофонт мстит Сфенебее за то, что она его оклеветала. Притворившись влюбленным, он уговорил Сфенебею бежать с ним на Пегасе, но, поднявшись в воздух, сбросил ее в море. Другая несохранившаяся трагедия Еврипида «Беллерофонт» пародируется Аристофаном в комедии «Мир». Беллерофонт решает на Пегасе достигнуть вершины Олимпа, но Зевс насылает на коня овода, и взбесившийся Пегас сбрасывает седока на землю. Беллерофонт выживает после падения и снова появляется в трагедии Еврипида, на сей раз — калекой в лохмотьях. Гомер писал, что Беллерофонт, ненавидимый богам, кончил жизнь, поедая собственное сердце и скитаясь вдали от человеческого жилья. Но о том, как умер Беллерофонт, в мифах не говорится.

Персей и горгона Медуза

У царя Аргоса Акрисия была дочь Даная, славившаяся своей красотой. Узнав от оракула, что ему суждена смерть от руки внука, Акрисий построил глубоко под землей из бронзы и камня жилище с отверстием для света и воздуха и там заключил свою дочь. Согласно некоторым источникам, брат Акрисия Прет соблазнил Даная, и она забеременела от этой любовной связи, но по наиболее распространенному варианту мифа, Даная полюбил Зевс. Он проник в ее жилище в виде золотого дождя, и Даная зачала Персея. По повелению Акрисия Даная вместе с Персеем поместили в большой деревянный ящик, заколотили его и бросили в море. Ящик прибило к острову Сериф, где Диктис, брат царя Полидекта, ловил сетями рыбу. Ящик запутался в сети, и Диктис вытащил его на берег.

Персей вырос в доме Диктиса и стал сильным, красивым юношей. В это время Полидект замыслил насильно взять себе в жены Даная, но Персей мешал его планам, и Полидект распустил слух, что хочет жениться на Гипподамии, дочери Эномая, и для того чтобы посвататься к ней, собирает подарки. Персей вызвался принести ему голову горгоны Медузы, и Полидект ухватился за предложение, посчитав, что Персей погибнет.

Трудный подвиг предстояло совершить Персею, но ему помогли Гермес и Афина, посоветовавшие сначала отправиться к граям, Энио, Пемфредо и Дино, дочерям Форкия и Кето и сестрам горгон. Граи были седыми от рождения, и на троих у них был один глаз и один зуб, которыми они по очереди обменивались. Персей, по совету Гермеса, завладел этими зубом и глазом, когда одна грая передавала их другой. Персей пообещал вернуть и то, и другое, если граи укажут ему путь к нимфам, которые, как поведали Гермес и Афина, помогут добиться цели. От нимф Персей получил три подарка: крылатые сандалии, *kibisis* (заплечную сумку) и шапку-невидимку; кроме того, у Персея был серп, подарок Гермеса.

Перебравшись через реку Океан на крылатых сандалиях, Персей прилетел к жилищу горгон, крылатых чудовищ, покрытых чешуей, со змеями вместо волос и взором, превращающим все живое в камень. Всего горгон было три: Сфено, Эвриала и Медуза; две из них были бессмертными, а третья (Медуза) — смертная. Увидев, что горгоны спят, Персей воспользовался благоприятным моментом и отрубил голову горюне Медузе, глядя в блестящий медный щит, протянутый Афиной, чтобы не встретиться взглядом с Медузой. Как только Персей отрубил ей голову, из тела Медузы взвился к небу крылатый конь Пегас и появился великан Хрисаор (Человек с Золотым Мечом) — существо, зачатое Медузой от Посейдона. Отрубленную голову Медузы Персей уложил в заплечную сумку и полетел прочь. Его пытались настичь другие горгоны, но сделать этого не смогли — на Персее была шапка-невидимка.

На обратном пути Персей оказался в Африке и сделал остановку в стране Гесперид, которой правил Атлант. Персей попросил у него гостеприимства, но получил резкий отказ.

Тогда Персей

«Если моей дорожишь ты столь мало приязню,
Дар мой прими!» — говорит; и, видом ужасное, слева
Сам отвернувшись, к нему лицо протянул он Медузы.
С гору быв ростом, горой стал Атлант; волоса с бороною
Преобразились в леса, в хребты — его плечи и руки;
Что было раньше главой, то стало вершиною горной;
Сделался камнем костяк.

Теперь это — Атласские горы.

Отправившись дальше, Персей достиг царства Кефея, лежавшего в Эфиопии. Здесь Персей увидел прикованную к скале прекрасную Андромеду, царскую дочь, приуроченную на съедение приплывавшему из моря чудовищу. Это чудовище вместе с наводнением наслало на Эфиопию Посейдон и nereиды за то, что Кассиопея, мать Андромеды, похвалялась перед nereидами своей красотой. Оракул Аммона посоветовал Кефею отдать Андромеду на растерзание морскому чудовищу, предсказав, что кара Посейдона тогда окончится. Народ, узнав ответ оракула, принудил Кефея приковать Андромеду к скале у моря.

Персей влюбился в Андромеду с первого взгляда и пообещал Кефею убить чудовище, если царь отдаст ему в жены свою дочь. Атаковав чудовище с воздуха, Персей убил его и спас Андромеду. Женитьбе Персея на Андромеде решил помешать Финей, ее прежний жених, но Персей с помощью головы Медузы превратил и Финей, и его сообщников в камни. От брака Персея и Андромеды родился Перс, ставший, как говорят, предком царей Персии.

Вернувшись на остров Сериф, Персей спас свою мать от посягательств Полидекта, превратив его самого и его приверженцев в камни, после чего сделал Диктиса правителем острова. Затем он отдал крылатые сандалии, заплечную сумку и шапку-невидимку Гермесу (который вернул их нимфам), а голову Медузы — Афине, которая, для устрашения врагов, по одной версии, поместила ее на щит, а по другой версии — на эгиду (плащ из козьих шкур). Афина отдала несколько капель крови Медузы Асклепию, богу врачевания; кровь из левой вены Медузы была ядовитой, а с помощью крови из ее правой вены можно было

воскрешать мертвых. Еврипид рассказывает похожую историю: Афина дала две капли крови Медузы Эрихтонию; одна капля являлась смертельным ядом, а другая — сильнодействующим лекарством. Афина также дала Гераклу клочок волос Медузы в медном кувшине, с помощью чего он защитил Тегею от вторжения иноземцев.

Медуза обычно представляется страшным чудовищем, но такой она была не всегда. По одному из вариантов мифа, она была обезглавлена, потому что самонадеянно считала себя равной по красоте Афине. По Овидию, у Медузы были очень красивые волосы, но Афина превратила их в змей, узнав, что Медуза занималась любовью с Посейдоном в ее храме.

Персей вернулся в Аргос с Данаей и Андромедой. Акрисий, узнав о возвращении внука и вспомнив о предсказании оракула, бежал в Ларису к царю Тевтамиду. Однажды Тевтамид устроил спортивные состязания, в которых принял участие и Персей. Во время метания диска Персей случайно попал снарядом в голову Акрисия, находившегося среди зрителей. Диск поразил его насмерть. Персей не захотел править в Аргосе, царстве убитого им Акрисия, и уехал в Тиринф, где царствовал много лет. А в Аргос отправился царствовать Магапент, сын Прета. Персей также основал Микены, где Андромеда родила ему пятерых сыновей⁶⁰ и дочь Гогрофону. Один из внуков Персея и Андромеды — Геракл.

Аналогии в мифах

В изложенных в этой главе мифах можно заметить определенные аналогии. К примеру, в историях Данаи и Андромеды прослеживаются следующие интересные совпадения:

Так же, каким бы странным это не показалось, можно подметить общее в именах жертвы Персея Медузы и спасенной им Андромеды. Медуза — значит «повелительница», а Андромеда — «повелительница мужчин».

Имеется сходство и в истории трех пар братьев-близнецов:

В этих мифах можно усмотреть и симметрию:

Греческие мифы — немалое поле деятельности для психоаналитиков и структуралистов, но результаты такого анализа, разумеется, отражают положения и интересы научной школы, к которой принадлежат аналитики.

Анализировать мифы можно и с другой, например с исторической точки зрения. Греческие мифы в основном создавались в эпоху развитого бронзового века (микенская культура — примерно 1600–1200 годы до нашей эры), и по этим мифам можно судить, что такие, например, города, как Микены, Тиринф и Пилос (места действия многих мифов), играли в ту эпоху большую политическую и хозяйственную роль, чего не скажешь о более поздних временах. Из мифов также можно понять, что во времена их создания в Древней Греции процветала царская власть, переставшая быть нормой в историческую эпоху. Павсаний пишет, что эллины «в древности управлялись царями — это само собой ясно: в древности повсеместно была царская власть, а не демократия».

⁶⁰ Сыновьями Персея и Андромеды были Алкей, Сфенелий, Гелей, Местор и Электрион.

В мифах цари — главные персонажи, а вот о простолюдинах в них почти не говорится. Самые ранние сведения о древних греках дошли до нас на глиняных табличках, написанных на древнем диалекте греческого языка, получившем название «Линейное письмо Б». Такие таблички найдены в Кноссе на Крите, а также в центрах микенской культуры: Микенах, Тиринфе, Пилосе и Фивах. На этих табличках упоминается около семидесяти имен, известных со времен Гомера (к примеру, Ахилл и Гектор). Имена эти не использовались в историческую эпоху, и можно понять, что Гомер позаимствовал их из жизни людей бронзового века.

Вот одна из таких табличек:

Тесей, Служитель храма, является владельцем плодородного участка земли, размером, позволяющим засеять его 9,6 мерами ячменя. Гектор, служитель храма, является владельцем плодородного участка земли, размером, позволяющим засеять его 4,8 мерами ячменя.

Тесей и Гектор в данном случае — имена обычных простолюдинов, и гомеровские герои тоже носят обычные, заурядные имена, а не примечательные, особенные. Поэтому не следует полагать, что мифы — завуалированные рассказы о реальных событиях, как пытаются доказать в своих интересах некоторые толкователи мифов. При желании и пылком воображении можно счесть, что Данай, добравшийся из Египта через Ливию и Родос до Аргоса, — египтянин, когда-то живший на самом деле, а не вымышленное лицо. При желании можно прийти к заключению, что Данай (Danaos) — выходец из племени *denyen*, одного из «народов моря» (о которых говорится в египетской хронике 1186 года до нашей эры) или родом из племени *danaoi* (египетская хроника 1380 года до нашей эры). Но с таким же успехом можно считать, что Данай — из колена Данова, о котором рассказывается в Книге Исход (31:6). Такие суждения помещают историка на ненадежную почву домыслов, вызванных желанием доказать реальное существование персонажей греческих мифов. К. Дауден пишет: «В мифологии нет ни единой личности, чье имевшее место существование достоверно».

Это суждение, вероятно, пессимистично, поэтому охотно замечу, что греческие мифы сослужили службу археологическим изысканиям, позволившим заглянуть в далекое прошлое. В результате раскопок Микен, произведенных Генрихом Шлиманом (помимо обнаружения примечательных артефактов, в частности, в его представлении, посмертной маски Агамемнона и сокровищницы Атрея), удалось выяснить, что город этот имел в свое время важное политическое и хозяйственное значение и что он в конце концов был разрушен, правда, кем, осталось невыясненным.

По мифам можно получить информацию о таких греческих племенах, как данайцы. Гомер в своих сочинениях, говоря о данайцах, имеет в виду всех греков, хотя в его времена единственным свидетельством о данайцах был «склеп», в котором, согласно мифу, укрывался Данай с Данаидами, остерегаясь прибывших в город Эгиптиадов. Павсаний предполагал, что данайцами называли жителей Аргоса. Также стоит отметить, что дочь аргосского царя Акрисия получила имя Даная, а еще то, что Персей основал Микены, а Данаиды на пути из Египта в Аргос останавливались на Родосе (возведя там храм Афины Линдии). Исходя из этих посылок, собранных в мифах, можно предположить, что данайцы — одно из племен древних греков, населявшее Аргос, Микены и остров Родос, бывший микенской колонией.

То, что Родос колонизировали данайцы, подтверждает Страбон, правда, ссылаясь на «Илиаду» Гомера — на место в этой поэме, где рассказывается о прибытии на Родос Тлеполема, сына Геракла, которому после смерти отца пришлось бежать из Аргоса.

Сей Тлеполем лишь возрос в благосозданном доме Геракла,
Скоро убил, безрассудный, почтенного дядю отцова,

Старца уже седого, Ликимния, отрасль Арея.
Быстро сплотил он суда и с великою собранной ратью
Скрылся, бежа по морям, устроясь мести грозивших
Всех остальных, — и сынов, и потомков Геракловой силы.
Прибыл в Родос наконец он, скиталец, беды претерпевший;
Там поселились пришельцы тремя племенами.

Поселившись на Родосе, колонисты основали города «Линд, Иялис и Камир белокаменный».

И хотя миф — не исторический документ, он представляет нам сведения о главных древнегреческих городах и даже о колониальной экспансии древних греков.

Приключения Персея, особенно расправа с Медузой и побег от других горгон, привлекали внимание скульпторов, резчиков и художников начиная с VII века до нашей эры. Павсаний рассказывал о знаменитом архаическом троне в Амиклах, расписанном сценами на мифологические сюжеты, включая сцену триумфа Персея, сразившего Медузу. Упомянул Павсаний в своем сочинении и ларец Кипсела, украшенный рельефными изображениями, одно из которых воспроизводило побег Персея от разъяренных сестер горгоны Медузы. Этот сюжет послужил и темой для вазописи. На архаической *dinos* (вазе для смешивания вина с водой), хранящейся в Лувре, изображена обезглавленная Медуза и ее рассвирепевшие сестры, преследующие Персея. Медуза также изображена на фронте храма Афины на Корфу. Однако художник, по-видимому, был знаком с мифом только поверхностно и потому допустил ошибку: изобразил Медузу целой и невредимой, а рядом с ней — Пегаса и Хрисаора. Такое соседство, конечно, является невозможным, ибо и Хрисаор, и Пегас появились на свет из тела Медузы лишь после того, как ей отрубили голову.

Миф о Персее нашел свое отражение и в произведениях постклассического искусства. Пьер де Козимо (1462–1521) изобразил Персея с мечом в руке, стоящим на спине морского чудовища, угрожающего прикованной к скале Андромеде. Не обошел популярную тему «красавица и чудовище» и Тициан (1477–1576), написавший картину «Персей и Андромеда». Челлини (1500–1571) создал бронзовую статую Персея. Герой попирает ногами туловище Медузы, держа над собой ее голову. Статуя эта находится в Лоджии ди Ланци во Флоренции. Караваджо (1573–1610) написал голову Медузы на щите великого герцога Тосканского Козимо II де Медичи, дабы он устрашал врагов своим видом. Английский живописец Эдвард Берн-Джонс (1839–1898) написал картину «Зловещая голова», изобразив заключительный миг подвига Персея: герой и спасенная им Андромеда глядят на отражение головы Медузы в водах садового водоема.

Миф о Персее использовался многими деятелями умственного труда. Фрэнсис Бэкон считал подвиг Персея, одолевшего горгону Медузу, символом победы и полагал, что вести надо лишь заведомо победоносные войны. На взгляд Зигмунда Фрейда, змеиные волосы Медузы — символ фаллоса, а отсечение ее головы — символ кастрации. Уильям Сатклифф, комментируя сочинение Айрис Мэрдок «Отсеченная голова», сатирический роман о брачных отношениях, адюльтере и кровосмешении в цивилизованной, просвещенной среде, отмечает: «Среди романов о беспорядочных половых отношениях между людьми этот роман, вероятно, лучший и, несомненно, самый причудливый, а одна из его героинь Онор Клейн — настоящая горгона».

Глава шестая Геркл: величайший из героев

Главные действующие лица

Амфитрион — Смертный отец Геракла.

Алкмена — Мать Геракла.
Еврисфей — По его велению Геракл совершил двенадцать подвигов.
Геракл — Величайший греческий герой.
Ификл — Смертный брат Геракла.
Иолай — Племянник и спутник Геракла.
Мегара — Первая жена Геракла.
Иола — Возлюбленная Геракла, доставшаяся ему после победы в стрельбе из лука; косвенно обрекла Геракла на смерть.
Омфала — Царица Лидии, которой Геракл был продан в рабство.
Лаомедонт — Царь Трои.
Деянира — Жена Геракла.
Астидамия — Жена Геракла.

Из всех героев греческих мифов Геракл наиболее многогранен. Он и великий герой, совершивший невероятные подвиги, и трагическая фигура, и буффон, и философ, и устроитель цивилизации. Поначалу герой, Геракл, совершив свои подвиги, заслуживает бессмертие и становится богом.

Рождению Геракла предшествовали события, о которых стоит упомянуть.

В земли Электриона, царя Микен, вторглись тафийцы и телебои, во главе с шестью сыновьями Птерелая, заявлявшего права на соседний Тиринф, принадлежавший ранее его предку Местору. Тафийцы и телебои для начала решили увести у Электриона стада. Сыновья Электриона попытались этому помешать. Разыгралось сражение, позднее изображенное богиней Афиной на вытканном ею плаще, который она подарила Ясону, когда помогала ему строить «Арго».

Выгон там был травянистый для стад. На нем телебои
Битву за стадо вели с сыновьями Электриона,
Те — защищая себя, а тафийцы-добычники — мысля
Скот увести. Их кровью уж луг обагрился росистый
Все же немногих они пастухов числом одолели.

В результате схватки с противником сыновья Электриона, за исключением Ликимния, погибли, да и удержать стадо микенцам не удалось. Электрион решил наказать тафийцев и телебоев и выступил в поход с войском, оставив в свое отсутствие править царством Амфитриона, взяв с него клятву следить за целомудрием Алкмены, своей дочери. Электриону удалось отбить скот, но когда он гнал стадо домой, один из быков напал на него. Электрион, защищаясь, швырнул в него палицу, но та, попав по рогам, отскочила и, угодив ему в голову, убила царя⁶¹. Брат Электриона Сфенел воспользовался удобным моментом и, обвинив Амфитриона в неопозволительном недосмотре, изгнал его из страны, а сам стал править Микенами и Тиринфом.

Амфитрион, Алкмена и Ликимний нашли прибежище в Фивах у царя Креонта. Алкмена пообещала Амфитриону выйти за него замуж, если он отомстит за смерть ее братьев. Амфитрион согласился и попросил Креонта помочь ему. Креонт пообещал предоставить Амфитриону войско, если он прежде освободит Фивы от огромной лисицы⁶², опустошавшей страну. Амфитриону удалось выполнить это условие с помощью пса Лелапа, принадлежавшего Кефалу, сыну Гермеса, который согласился ему помочь.

Вот как рассказывает об этой охоте Кефал, начиная с описания действий Лелапа:

⁶¹ Гесиод излагает другую версию мифа: Амфитрион и Электрион поссорились из-за стада, и Электрион погиб в схватке.

⁶² Логово лисицы находилось в Тевмессе, и потому лисицу эту часто называют Тевмесской.

Только спустили его, — сказать мы уж были не в силах,
Где он. Следы его лап на песке раскаленном виднелись.
Сам же из глаз он исчез. Копье не быстрее несется
И не быстрее свинец, вращаемой брошен пращою,
Или же легкая трость, что с гортинского лука слетает.

Вот уже схвачен почти, вот будто едва ускользает
Зверь из-под самых зубов; бежит не прямою дорогой,
Не устремляется вдаль, но, по кругу назад возвращаясь,
Вводит собаку в обман, — не предпринял бы враг нападения.
Та уфожает ему и вровень преследует, будто
Держит уже, — но не держит еще и лишь воздух кусает.
К дротику я обратился тогда. Но едва лишь рукою
Правой раскачивать стал, в ремни вдеть пальцы пытаюсь.
Взор отвратил я; потом направил обратно на то же
Место: и — вот чудеса! — два мрамора на поле вижу:
Тот как будто бежит, а этот как будто бы лает.
Стало быть, так захотел — чтобы в беге оба остались
Непобежденными — бог, коль бог им содействовал некий.

Получив от Креонта войско, Амфитрион выступил против тафийцев и телебоев. Задача его осложнялась тем, что Тафос было не взять, пока жив царь Птерелай, у которого на голове был золотой локон бессмертия, подаренный ему Посейдоном. Амфитриону помогла Комето, дочь Птерелая. Влюбившись в Амфитриона и стремясь добиться взаимности, она выщипала золотой локон, и Птерелай умер. После этого Амфитрион быстро покори́л тафийцев и телебоев, отомстив за гибель братьев Алкмены, но при этом приговорил Комето к смерти за отцеубийство.

Тем временем красотой Алкмены пленился Зевс. Воспользовавшись отсутствием Амфитриона, он принял его обличье и, убедив Алкмену в том, что ее братья уже отмщены, провел с ней целую ночь, длившуюся как три обычные ночи⁶³. Вернувшийся Амфитрион, хотя и добился любви жены, удивился ее неуместной холодности. Вскоре он обратился к прорицателю Тирегию и узнал истинное положение дел.

В положенное время у Алкмены родились сыновья: Геракл, зачатый Зевсом, и Ификл, зачатый Амфитрионом. Но накануне появления Геракла на свет Зевс во всеуслышание заявил, что скоро родится потомок Персея, который будет править Микенами. Ревнивая Гера, возмущенная новой изменой Зевса, потребовала от него обещания, что тот, кто до наступления темноты родится в царском доме Персея, станет верховным царем. Когда Зевс дал в этом нерушимую клятву, Гера уговорила богиню деторождения Илифию задержать роды Геракла⁶⁴ и ускорить рождение сына Сфенола Еврисфея, тоже потомка Персея. Римский поэт Овидий излагает похожую версию: роды Геракла задержала Луцина (римский эквивалент Илифии). Она села у дверей Алкмены, скрестив ноги, а руки сжав в кулаки — то есть приняв позу, замедлявшую роды. Изменить позу ее заставила, применив хитрость, Галантида, рабыня Алкмены. За этот обман Гера превратила Галантиду в ласку.

Во многих источниках рассказывается о том, как однажды, когда Гераклу и Ификлу

⁶³ Эта любовная история легла в основу комедии Платона «Амфитрион».

⁶⁴ По Гесиоду, Илифия — дочь Зевса и Геры. По другим источникам, Илифии помогали задержать рождение Геракла мойры.

было по году, к ним в колыбель заползли две большие змеи⁶⁵. Алкмена позвала Амфитриона на помощь, но к тому времени когда он появился, Геракл уже успел задушить обеих змей. По одной версии мифа, змеи были посланы Герой, задумавшей покончить с Гераклом, а по другой версии, их запустил в спальню младенцев Амфитрион, чтобы узнать, какой из детей его сын.

Подрастая, Геракл учился управлять колесницей, стрельбе из лука, борьбе, фехтованию, игре на кифаре. Занятия музыкой Гераклу не очень нравились, и учителю Лину, брату Орфея, приходилось нередко его бранить. Однажды во время урока Лин ударил Геракла, раздраженный его нежеланием учиться. Рассерженный Геракл ответил Лину ударом кифарой по голове, и Лин упал мертвым. Геракла привлекли к суду за убийство, но оправдали, посчитав, что он применил силу против напавшего на него. Тем не менее Амфитрион, опасаясь, что Геракл и дальше будет склонен к насилию, отправил его к пастухам, где мальчик оставался, пока ему не исполнилось восемнадцать. К этому времени он был на целую голову выше сверстников, глаза его горели огнем, а луком и копьем он владел так искусно, что никогда не промахивался. Кто его отец, сомнений не вызывало.

Еще юношей Геракл убил Киферийского льва⁶⁶, нападавшего на стада Амфитриона и его соседа царя Феспия. У этого царя от жены Мегамеды было пятьдесят дочерей. Геракл проводил все дни, охотясь на льва, и во дворце Феспия провел подряд пятьдесят ночей. Феспий каждую ночь посылал Гераклу одну из своих дочерей, и каждый раз — новую, и за пятьдесят ночей Геракл разделил свое ложе со всеми его дочерьми. Правда, он думал, что проводит ночи с одной и той же дочерью Феспия, но на деле все пятьдесят дочерей царя в положенное время родили сыновей (а старшая и младшая, как считается, — близнецов)⁶⁷. В конце концов Геракл убил грозного Киферийского льва и снял с него шкуру, из которой сшил себе плащ, а голову с зияющей пастью стал использовать в качестве шлема. По другой, более употребительной версии, Геракл облачился в шкуру поверженного им Немейского льва, когда совершил свой первый великий подвиг.

О Геракле рассказывают историю, случившуюся с ним в юности и получившую название «Выбор Геракла»⁶⁸. Однажды он на дороге встретил двух женщин. Одна из них олицетворяла Порок, была очаровательной и доступной; она предложила Гераклу избрать в жизни легкую дорогу, полную удовольствий. Другая женщина, по виду гораздо более скромная, являлась олицетворением Добродетели. Она предложила Гераклу избрать дорогу трудную и тернистую, на которой он сможет сослужить службу людям. Несмотря на легкость своего нрава, Геракл избрал вторую дорогу.

Возвращаясь в Фивы, Геракл встретился с глашатаями, посланными Эргином, царем минийского Орхомена, за фиванской данью — скотом в количестве ста голов. Геракл искалечил всех глашатаев, отрубив руки, уши и нос, после чего повесил им на шею окровавленные конечности и наказал передать своему царю, что это и есть фиванская дань. Взбешенный Эргин пошел с войском на Фивы, но Геракл, встав во главе фиванского войска, вооруженного богиней Афиной, убил Эргина⁶⁹, а на минийцев наложил дань вдвое больше

⁶⁵ Эту историю рассказывают также Пиндар, Феокрит, Платон (комедиограф) и Вергилий. Обычно возраст младенцев, когда к ним заползли змеи, — восемь месяцев; у Феокрита — десять месяцев.

⁶⁶ Согласно Павсанию, Киферийского льва убил Алкаф.

⁶⁷ По некоторым источникам, Геракл познал всех дочерей Феспия за семь ночей (или даже за одну ночь).

⁶⁸ Ксенофан, который описал эту историю, ссылается на софиста Проди ка.

⁶⁹ По другому свидетельству, Эргин не погиб в бою, но оставался бездетным и прозябал в нищете до тех пор, пока Дельфийский оракул не посоветовал ему установить новый наконечник на плужном лемехе. Эргин разбогател, обзавелся молодой женой, которая родила ему Трофония и Агамеда, ставшими знаменитыми

той, которую они собирали с фиванцев. К сожалению, приемный отец Геракла Амфитрион погиб в этом бою.

В награду за победу над минийцами Геракл получил в жены Мегару⁷⁰, старшую дочь Креонта. Ификлу досталась в жены младшая дочь царя, хотя к тому времени у него был сын Иолай, рожденный Автомедусой. Согласно Аполлодору, после победы над неприятелем Гермес подарил Гераклу меч, Аполлон — лук и стрелы, Гефест — золотой нагрудник, а Афина соткала для него одежду. Диодор к этому добавляет, что Посейдон подарил Гераклу коней. Согласно еще одному свидетельству, Геракл сделал себе огромную палицу из вырванного с корнем в Немейской роще твердого ясеня.

А вот Гера продолжала ненавидеть Геракла и наслала на него помешательство. В припадке безумия Геракл бросил в огонь собственных сыновей и детей своего брата Ификла (по одной из версий, Геракл бросил в огонь и Мегару). Когда к Гераклу вернулся разум, он отправился к Дельфийскому оракулу, чтобы узнать, как жить дальше. До посещения Дельф Геракла звали Алкидом в честь его деда Алкея. В Дельфах пифия оповестила его, что впредь он будет зваться Гераклом, что значит «прославленный герой»⁷¹; и хотя Геракл совершил свои подвиги без вмешательства Геры, они принесли славу и ей, ибо она невольно подвигла его на свершение этих подвигов. Оракул предложил Гераклу отправиться в Тиринф и двенадцать лет служить Еврисфею, добавив, что он получит бессмертие, если совершит по повелению Еврисфея двенадцать великих подвигов.

Подвиги Геракла

Начиная примерно с V века до нашей эры считали, что Геракл совершил двенадцать великих подвигов. Вероятно, впервые изображения всех его подвигов, собранных воедино, появились на метопах храма Зевса в Олимпии. Фрагменты этих скульптурных изображений в настоящее время экспонируются в местном музее.

Павсаний, посетивший Олимпию в 174 году, так описывал эти изображения:

В Олимпии изображена и большая часть подвигов Геракла. Над <передними> дверями храма изображены охота на аркадийского кабана, расправа Геракла с Диомедом Фракийским и с Герионом в Эрифии; изображен Геракл также в тот миг, когда он собирается взять на себя Атланта тяготу <небес>, когда он очищает от навоза Элейскую землю. Над воротами заднего входа храма изображено, как он отнимает пояс от амазонки, его охота за ланью и в Кносе на быка, как он избивает птиц стимфалийских, как убивает гидру и льва в Аргосской земле.

Павсаний упустил пленение Гераклом пса Кербера, стража подземного мира. Однако и этот подвиг героя был изображен в храме Зевса, ибо фрагменты этой скульптуры находятся сейчас в Лувре. Изображения на метопах храма Зевса в Олимпии прекрасно иллюстрируют величайшую трудность совершенных Гераклом подвигов: постепенно из румяного юноши Геракл превращается в зрелого человека, умудренного жизненным опытом. Эта метаморфоза подчеркивается изображенной рядом с Гераклом Афиной, которая из очаровательной

строителями.

⁷⁰ По разным источникам, Геракл имел от Мегары от трех до восьми сыновей; их имена также разнятся.

⁷¹ По другой версии, Геракл сначала звался Алкеем, а свое новое имя получил от Аполлона.

девушки превращается в почтенную женщину, несмотря на свое бессмертие.

Для подвигов Геракла не существует определенной последовательности. Принятый в этой книге порядок взят у Аполлодора, который местом первых шести подвигов Геракла называет Пелопоннес.

- Убийство Немейского льва;
- Убийство Лернейской гидры;
- Поимка (или убийство) Керинейской лани;
- Поимка Эриманфского вепря;
- Очистка Авгиевых конюшен;
- Изгнание (или убийство) Стимфалийских птиц.

Следующие два подвига Геракл совершил за пределами Греции:

- Поимка Критского быка (на юге);
- Упрощение пожирающего человеческое мясо коней фракийца Диомеда (на севере).

Последние четыре подвига Геракл совершил за пределами известного мира:

- Добывание пояса Ипполиты, царицы амазонок (на востоке);
- Кража коров у трехглавого Гериона (на западе);
- Похищение плодов с золотой яблони Гесперид;
- Приведение из Аида пса Кербера.

Первый подвиг, который Еврисфей повелел совершить Гераклу, заключался в том, чтобы убить и содрать шкуру с Немейского льва, порожденного ужасными существами⁷²; этот лев жил вблизи города Немей и опустошал его окрестности. Выследив льва, Геракл выстрелил в него из лука, но стрела отскочила от шкуры. Тогда Геракл ударил зверя дубиной, и оглушенный лев скрылся в пещере, имевшей два входа. Закрыв один вход, Геракл через второй вошел в пещеру и, вступив со львом в схватку, сумел задушить его. Ввалив на плечи убитого льва, Геракл пришел в Немей, принес жертву Зевсу и учредил в честь своего первого подвига Немейские игры.

Когда Геракл принес убитого льва в Микены, Еврисфей понял, какой чудовищной силой он обладает, и, испугавшись, запретил Гераклу вновь появляться в городе, наказав ему все плоды своих подвигов демонстрировать за городскими воротами. Еврисфей этим не ограничился: он приказал изготовить большой бронзовый пифос, и, когда этот сосуд был готов, неизменно в нем прятался, когда ему доносили о приближении Геракла к городу. Все свои повеления Гераклу Еврисфей передавал через глашатая Копрея⁷³.

Доставив в Микены убитого им Немейского льва, Геракл содрал шкуру, используя для этого челюсти самого льва с острыми, как бритва, зубами — ничем другим содрать со льва шкуру не удавалось. Из этой шкуры Геракл сшил себе плащ, а голову с зияющей пастью стал использовать в качестве шлема.

В честь первого великого подвига своего сына Зевс превратил Немейского льва в созвездие.

Второе задание, которое дал Еврисфей Гераклу, заключалось в том, чтобы убить Лернейскую гидру, порожденную Тифоном и Ехидной и воспитанную Герой. У гидры было

⁷² По словам Гесиода, Немейский лев был отпрыском Орфа, пса Гериона, и Ехидны (или Химеры). Аполлодор называет Немейского льва отпрыском Тифона.

⁷³ Копрей, сын Пелопа, убил Ифита и бежал в Микены, где Еврисфей совершил над ним обряд очищения.

огромное туловище со многими головами (согласно Аполлодору, у нее девять голов, средняя — бессмертная; по Диодору и Овидию, у нее сто голов, а вот по Павсанию, только одна). Чудовище это обитало в Лернейском болоте, откуда делало вылазки и опустошало окрестности. Подойдя к болоту, Геракл, чтобы выманить гидру на твердую почву, стал пускать в нее раскаленные стрелы. Когда разъяренная гидра выползла из болота, Геракл схватил ее, но она обвилась вокруг его ног, стремясь повалить на землю. Тогда Геракл стал дубиной сносить ей головы, но на месте снесенной тут же вырастали две новые. На помощь гидре из болота выполз огромный рак, Геракл убил его, а Гера превратила его в созвездие. Сообразив, что одному с гидрой не справиться, Геракл позвал на помощь своего племянника Иолая. Тот запалил полено и стал прижигать чудовищу шеи, с которых Геракл сбивал головы, и новые вырастать перестали. Наконец и бессмертная голова чудовища отлетела, и тогда Геракл закопал ее в землю, навалив сверху огромный камень. Затем он рассек тело гидры и погрузил в ее ядовитую кровь свои стрелы. Аполлодор пишет, что Еврисфей поначалу назначил Гераклу совершить десять подвигов, но отказался включить в это число убийство гидры, так как герою помог одолеть чудовище Иолай.

Затем Еврисфей повелел Гераклу поймать Керинейскую лань и живой доставить ее в Микены. У этой лани, принадлежавшей Артемиде, были золотые рога, а обитала она на горе Керинейя. В «Гимне Артемиде» эллинистический поэт Каллимах рассказывал, что у Артемиды было пять ланей с золотыми рогами, четырех она впрягла в свою колесницу, а пятая убежала. По версии Аполлодора, Геракл, не желая убивать или даже ранить прекрасную лань, преследовал ее в течение года, и наконец, когда она переправлялась через Ладон, реку в Аркадии, он, отчаявшись, прибег к своим не знающим промахам стрелам и ранил лань в ногу. Ввалив на плечи пойманное животное, Геракл поспешил в Микены. На дороге перед ним внезапно предстали Артемиды и Аполлон. Артемиды хотела отобрать у Геракла лань, но он доказал ей, что действовал по принуждению Еврисфея, свалив на того всю вину.

Еврипид в трагедии «Безумие Геракла» излагает другую версию. В его сочинении Керинейская лань — агрессивное существо, поверженное Гераклом. Еще одна версия изложена Пиндаром в «Олимпийских песнях». У Пиндара Керинейскую лань одна из плеяд Тайгета посвятила Артемиде в благодарность за то, что она временно была богиней превращена в лань, дабы избежать домогательств Зевса. Керинейская лань по виду была точно такой же и носила ошейник с надписью «Тайгета посвящает Артемиде». По Пиндару, Геракл достиг в погоне за Керинейской ланью страны гипербореев, «земля за спиной у ледяного Борея», что в дальнейшем послужило отождествлению этой лани с северным оленем. Также говорят, что из страны гипербореев Геракл доставил в Грецию оливковый венок, которым стали венчать победителей Олимпийских игр.

Чтобы совершить свой четвертый подвиг, Геракл должен был убить Эриманфского вепря. Этот вепрь, обладавший чудовищной силой, жил на горе Эриманф и совершал набеги на земли вокруг аркадского города Псофида. Отправившись на охоту, Геракл по пути навестил мудрого кентавра Фола. Поставив перед Гераклом жареное мясо, Фол предпочел есть сырое. Фол также поставил на стол сосуд с вином, подаренный ему Дионисом, наказавшим открыть его лишь тогда, когда к Фолу придет Геракл. Запах вина учуяли другие кентавры и, томимые жаждой, явились в жилище Фола с камнями и вырванными из земли елями. Геракл убил двух кентавров Анкия и Агрия. Остальные кентавры бежали и укрылись в конце концов у друга Геракла кентавра Хирона, который жил в Пелопоннесе с тех пор, как лапифы изгнали его с горы Пелион.

Продолжая сражаться с кентаврами, Геракл выпустил очередную стрелу, но она, пройдя через руку Элата, вонзилась в колено Хирона. Вытащив наконечник стрелы, Геракл смазал колено Хирона данным ему бальзамом, но снадобье это не помогло, ибо стрела Геракла была пропитана ядом гидры. Хирон, стона, удалился в пещеру, но он был бессмертным и поэтому не умер даже от смертельного яда. Позднее Хирон, постоянно страдая от боли в колене, уступил свое бессмертие Прометею.

Тем временем по неосторожности умер Фол. Вытащив стрелу из тела одного из

кентавров, он ее выронил, стрела вонзилась ему в ногу, и он упал замертво.

Расправившись с кентаврами, Геракл отправился на поиски вепря. Наконец он отыскал свирепого зверя, криком выгнал его из логова, загнал в глубокий сугроб, связал и живым отнес на плечах в Микены.

Этот подвиг Геракла послужил сюжетом для вазописи: Геракл приносит вепря Еврисфею, а трусливый царь прячется в свой сосуд.

Пятый подвиг, совершенный Гераклом, отличался мирным характером от четырех предыдущих. Геракл должен был очистить от скопившегося навоза конюшни царя Элиды Авгия, который, согласно некоторым источникам, принимал участие в путешествии аргонавтов. Авгий владел несколькими стадами и табунами, но навоз ни на скотном дворе, ни в конюшнях не убирал многие годы. Еврисфей поставил Гераклу условие: очистить владения Авгия от навоза за один день. Согласившись, Геракл в свою очередь пообещал царю Авгию очистить его владения от навоза за один день, если он согласится отдать ему десятую часть скота. Царь согласился и призвал в свидетели соглашения своего сына Филея. После этого Геракл приступил к делу. Он проделал отверстия в противоположных стенах помещения, где содержался скот Авгия, и отвел туда воды ближайших рек Алфея и Пелея. Воды рек очистили скотный двор в один день. Но когда Авгий узнал, что Геракл выполнял поручение Еврисфея, он не захотел расплатиться и даже стал отрицать, что с Гераклом заключил соглашение. Дело передали на рассмотрение в третейский суд, и Филей, вызванный Гераклом свидетелем, под присягой показал правду, и тогда Авгий, пришедший в ярость, изгнал из своего царства и Геракла, и Филея.

Геракл отправился ко двору Дексамена, царя Олена, и Дексамен обручил Геракла со своей дочерью Мнесимахой. После этого у Геракла нашлись другие дела, а в его отсутствие к Мнесимахе посватался кентавр Эвритион, которому Дексамен отказать не решился. Узнав об этом, Геракл возвратился в Олен и убил Эвритиона. Наконец Геракл возвратился в Микены, но Еврисфей объявил очередной подвиг Геракла не идущим в счет положенных десяти, так как Геракл выполнил его за плату. Это был второй подвиг, не засчитанный Еврисфеем, и потому Гераклу пришлось совершить не десять подвигов, а двенадцать.

Пятый подвиг Геракла не привлек особого внимания живописцев, по всей вероятности потому, что он носил житейский характер. Но все же и этот подвиг Геракла запечатлен на одном из метофов храма Зевса в Олимпии. Повзрослевший и бородатый Геракл напряженно работает, а Афина ему ненавязчиво помогает.

После очистки конюшен и скотного двора Авгия Геракл по повелению Еврисфея изгнал Стимфалийских птиц, и это был последний подвиг героя, совершенный в Пелопоннесе. По Аполлодору, птицы эти, остерегаясь волков, гнездились в лесу по берегам Стимфалийского озера. Согласно другим источникам, эти птицы и сами представляли угрозу: они нападали на людей и животных, атакуя их ливнем бронзовых перьев или пуская в ход медные когти и длинные (как у журавлей) клювы. В «Аргонавтике» Аполлония Амфидам рассказывает своим товарищам-аргонавтам, как Геракл изгнал Стимфалийских птиц, используя бронзовую трещотку, с помощью которой поднимал такой страшный, оглушительный шум, что птицы испугались и улетели. По другой версии, бронзовую трещотку дала Гераклу Афина, и когда птицы, испугавшись неимоверного шума, поднялись в воздух, Геракл перебил их своими стрелами.

И этот подвиг Геракла не пользовался популярностью у художников, особенно после VI века до нашей эры, а на тех немногих изображениях, что дошли до нашего времени, Геракл расправляется со Стимфалийскими птицами, используя стрелы, рогатку или дубинку (трещотка на всех этих рисунках отсутствует).

Чтобы совершить седьмой подвиг, Гераклу пришлось отправиться на Крит. Еврисфей повелел герою поймать Критского быка, которого, как говорят, в свое время послал царю Крита Миносу Посейдон, чтобы царь принес этого быка ему в жертву. Но когда Минос увидел, насколько прекрасен бык, он оставил его в своем стаде, а в жертву Посейдону принес другого быка. В отместку за эту обиду Посейдон сделал так, чтобы жена Миноса Пасифая

влюбилась в быка, не принесенного в жертву, и от этой связи она родила Минотавра. Посейдон этим не ограничился и наслал на подаренного быка безумие, после чего бык стал опустошать Крит. Геракл поймал быка, укротил и переплыл на нем через море с Крита на Пелопоннес. Побоявшись оставить быка у себя, Еврисфей отпустил его на свободу. Бык, странствуя по Греции, добрался до Марафона в Аттике, где наводил ужас на местное население, пока его не убил Тесея⁷⁴.

Схватка Геракла с Критским быком нашла отражение во многих произведениях античной скульптуры и живописи. На этих изображениях Геракл укрощает быка голыми руками или с помощью палицы.

Укротив Критского быка, Геракл отправился на север, к фракийскому царю Диомеду, сыну Ареса и Кирены, правившему воинственными бистонами. У этого царя были дивной красоты кобылицы (по некоторым версиям, жеребцы⁷⁵). Диомед держал кобылиц прикованными железными цепями к медным стойлам и кормил их человеческим мясом. Прибыв ко двору Диомеда, Геракл одолел его конюхов, скормил одного из них кобылицам и отвел тех на берег моря. Когда бистоны во главе с Диомедом пришли отбивать кобылиц, Геракл оставил сторожить животных своего любимца Абдера, но дикие кобылицы его растерзали. Геракл отразил нападение бистонов, а Диомеда убил и отдал на съедение кобылицам. После этого Геракл похоронил своего любимца, а рядом с его могилой основал город и назвал его Абдерой. Кобылиц же, с которыми хлопот больше не было, ибо они насытились, Геракл доставил Еврисфею. По Диодору, Еврисфей посвятил этих кобылиц Гере, и их потомки дожили до царствования Александра Великого⁷⁶.

Этот подвиг Геракла особого внимания античных художников не привлек.

Чтобы совершить девятый подвиг, Гераклу следовало добыть для дочери Еврисфея Адметы пояс Ипполиты, царицы амазонок, живших на берегах Фермодонта, реки, впадавшей в Черное море. Амазонки, бесстрашные воительницы, главным образом занимались охотой. Мужчин они презирали, а если и вступали с ними в любовную связь, то только для продолжения рода. Амазонок иногда называли «безгрудые», ибо у них бытовал обычай выжигать у девочек правую грудь для более удобного владения оружием. Однако, по крайней мере, в греческой живописи нет ни одной картины, на которой изображена амазонка с таким телесным дефектом. Пояс, который следовало добыть Гераклу, Ипполите подарил Арес, и она носила его как знак власти над всеми амазонками.

Перед тем как отправиться в путь, Геракл собрал небольшой отряд, включавший Теламона (а по некоторым свидетельствам, и Тесея), а затем пошел в страну амазонок на корабле и, войдя в устье реки Фермодонт, бросил якорь у Фемискиры, главного города амазонок. В Фемискире Геракла встретила Ипполита и, узнав, зачем он приехал, пообещала отдать ему пояс Ареса. Однако в дело вмешалась Гера. Желая погубить ненавистного ей Геракла, она приняла вид амазонки и стала распускать слухи, что чужеземцы хотят похитить Ипполиту. Тогда амазонки сели на лошадей и напали на Геракла и его спутников. В завязавшемся бою Геракл убил Ипполиту и сорвал с нее пояс (по другой версии мифа, Геракл получил этот пояс в обмен на плененную Меланиппу, одну из предводительниц амазонок).

Достигнув цели, Геракл отплыл на корабле в Трою, где его ждали новые приключения.

⁷⁴ Аполлодор, ссылаясь на другие, правда, неназванные источники, пишет, что этот бык доставил Европу на Крит для Зевса. Однако, по наиболее распространенному мифу, Зевс сам похитил Европу, превратившись в быка, и увез ее через море на Крит.

⁷⁵ У жеребцов (потомков кобылиц) были клички: Подарг, Лапон, Ксанф и Дин.

⁷⁶ По словам Аполлодора, Еврисфей выпустил кобылиц на свободу на горе Олимп, где их растерзали дикие звери.

Крепостные стены Трои были построены Посейдоном и Аполлоном для царя Лаомедонта (по другой версии, стены строил лишь Посейдон, а Аполлон пас стадо царя Трои). По Пиндару, богам помогал Аэкс: Трое угрожало вторжение неприятеля, и, чтобы стены города сделались неприступными, бессмертным должен был помогать смертный.

Когда крепостные стены были возведены, Лаомедонт отказался заплатить Посейдону и Аполлону за проделанную работу и даже грозил отрезать им уши, а Аполлона продать в рабство. Разгневанный Аполлон в отместку наслал на город чуму, а Посейдон — морское чудовище, опустошавшее окрестности Трои. Лаомедонт отправился за советом к оракулу и услышал, что только отдав свою дочь Гесиону на съедение морскому чудовищу, он может спасти страну от постигших ее несчастий, и Гесиону приковали к скале у моря.

Увидев несчастную деву, Геракл пообещал Лаомедонту спасти ее, если тот отдаст ему кобылиц, которых Зевс вручил троянскому царю Тросу в качестве возмещения за похищенного им Ганимеда, сына царя⁷⁷. Лаомедонт согласился, и тогда Геракл убил чудовище и спас Гесиону. А вот способ, каким Геракл добился цели, весьма необычен. Когда чудовище подплыло к скале с прикованной Гесионой и открыло пасть, чтобы проглотить несчастную деву, Геракл во всеоружии прыгнул ему в глотку и выбрался наружу только через три дня, потеряв за время пребывания в утробе чудовища все свои волосы. Однако Лаомедонт обманул Геракла и не отдал ему кобылиц. Разъяренный Геракл пригрозил Трое войной и уплыл в Микены. Дни Лаомедонта были сочтены. Прибыв в Микены, Геракл отдал пояс Ипполиты Еврисфею.

Девятый подвиг Геракла нашел свое отражение на многочисленных вазовых картинах.

Чтобы совершить десятый подвиг, Гераклу предстояло похитить красных коров Гериона с острова Эрифии, «Красной Земли», находившейся за рекой Океаном далеко на западе. Герион был сыном Хрисаора и океаниды Каллирои. По свидетельству Гесиода, у Гериона было три головы, но обычно считается, что у него было три туловища, сросшихся в поясице. Коров Гериона пае великан Эвритион, а охранял двуглавый пес Орф.

Во время своего путешествия Геракл очистил Крит от диких зверей, а, достигнув Тартесса, поставил на противоположных берегах пролива две каменные стелы (так называемые Геракловы столпы), создав Гибралтарский пролив. Страдая в походе от нестерпимой жары, Геракл направил лук на самого Гелиоса, и тот, восхищенный его смелостью, дал Гераклу на время свой золотой челн, в котором ночью переплывал Океан к месту восхода. Титан Океан, чтобы испытать Геракла, наслал на него огромные волны, но герой пригрозил ему луком, и Океан успокоился.

Прибыв на Эрифию, Геракл убил и Орфа, и Эвритиона. Свидетелем этого стал Менет, пасший поблизости скот Аида. Он поспешил к Гериону и рассказал ему о случившемся. Согласно фрагментарно сохранившемуся сочинению Стесихора, греческого поэта, Герион вызвал Геракла на поединок, несмотря на протесты матери. Герион ей сказал, что, если он как сын Хрисаора бессмертен, то выиграет поединок, а если смертен, то умрет героической смертью. Геракл снес одну голову Гериона дубиной, вторую — камнем, а в третью пустил отравленную стрелу

и угодил Гериону в лоб; темно-красная кровь
Залила все его члены, а голова повалилась набок,
Как мак, потерявший свои лепестки,
А с ними и всю свою красоту.

Погрузив коров в челн, Геракл переплыл Океан, вошел в Гибралтарский пролив и

⁷⁷ Ганимед из-за своей необычайной красоты был похищен Зевсом и унесен на Олимп. Там Ганимед стал виночерпием, разливающим богам нектар. По другой версии, в качестве компенсации Тросу передали выкованную Гефестом золотую виноградную лозу.

высадился в Испании. Пройдя эту страну, Геракл оказался в Лигурии, где воинственные лигурийцы попытались отнять у него коров⁷⁸. В сражении с ними у Геракла кончились стрелы, а когда Геракл искал камни, чтобы продолжить бой, то ни одного не нашел. Тогда Зевс, вняв просьбе Геракла, наслал тучу, из которой пролился каменный дождь, и с помощью этих камней Геракл обратил лигурийцев в бегство. На месте этого боя (западнее Марселя) образовалась долина Про, покрытая камнями и валунами.

Затем Геракл оказался в лесах на берегу Черного моря, где полудева-полузмея украла у него кобылиц, которых он выпряг из своей колесницы, чтобы дать им отдохнуть. Эта похитительница сказала Гераклу, что вернет ему кобылиц, если он разделит с ней ложе. Полудева-полузмея в ту же ночь зачала трех сыновей. Прощаясь, Геракл оставил ей один из двух своих луков и пояс, и только один из родившихся близнецов по имени Скиф сумел согнуть этот лук и подпоясаться так, как Геракл. Он стал царем Скифии.

В Тиррении огнедышащий великан Как, питавшийся человеческой плотью и прибавивший черепа своих жертв к сводам пещеры, ночью, когда Геракл спал, похитил у него двух быков и четырех телок, которых, держа за хвосты, приволок в свое логово. Отыскав это убежище великана, Геракл, не убоившись пламени, которое извергал Как, схватился с ним и убил, заслужив благодарность местных жителей.

Когда Геракл добрался до Регики, от его стада отбилась бык и, бросившись в море, поплыл к Сицилии. По словам Аполлодора, Италия получила свое название потому, что тирренцы называли быка *italos*⁷⁹.

Переправившись в Сицилию, Геракл обнаружил, что Эрике, сын Посейдона, спрятал отбившегося быка в своем стаде. Эрике, не пожелавший вернуть Гераклу быка, вызвал героя на состязание в борьбе. Приняв вызов, Геракл убил Эрикса.

Успехи Геракла не давали Гере покоя, и она наслала на стадо овода. Коровы разбежались в разные стороны. Только с большим трудом Геракл собрал большую часть коров и наконец пригнал их к Еврисфею в Микены.

Этот подвиг Геракла нашел свое отражение в многочисленных живописных произведениях. Геракла обычно изображают плывущим в челне Гелиоса или сражающимся с Герионом.

Десять подвигов Геракл совершил за восемь лет и один месяц, но Еврисфей два подвига (убийство Лернейской гидры и очистку конюшни Авгия) Гераклу не засчитал, и ему пришлось продолжить свои труды.

Теперь Еврисфей повелел Гераклу принести золотые яблоки Гесперид, «Дочерей Вечера», живших на крайнем западе, где Атлант, их отец, поддерживал небесный свод⁸⁰. Яблоки эти были подарены Гере в день ее свадьбы с Зевсом — по одной версии, всеми богами, по другой версии — Геей. Гера так обрадовалась подарку, что посадила дерево в саду Гесперид. Но когда Гера, к своему неудовольствию, обнаружила, что Геспериды потихоньку воруют яблоки, она послала охранять яблоню бессмертного дракона Ладона, имевшего сто голов. Геспериды (число которых колеблется от двух до семи) стали ему помогать.

Гераклу, прежде всего, надо было узнать дорогу в сад Гесперид, и за этим он

⁷⁸ По одной из версий, у Геракла попытались похитить коров сыновья Посейдона Иалебион и Деркин; иногда к ним добавляют Лигиса, брата Иалебиона.

⁷⁹ Возможно, что название «Италия» произошло от лат. *Vitulus* (корова).

⁸⁰ Существуют различные версии относительно месторасположения, где происходили события этой истории. По Аполлодору, Геракл нашел Атланта в стране гипербореев на севере. Аполлоний Родосский считает, что сад Гесперид находился в Ливии вблизи Атласских гор. Гесиод называет Гесперид дочерьми Никты (Ночи).

отправился к всеведущему морскому старцу Нерее, сыну Понта и Геи. Но получить сведения от Нерея было непросто. Геракл сумел застать его спящим и напал на него, стараясь заставить заговорить. Но Нерей стал принимать различные образы, подобно другим морским божествам, не собиравшимся исполнять чужие желания — как, например, Протей, пытавшийся отказать Менелая, или Фетида — Пелию. Однако Геракл, схватив старца, не выпускал до тех пор, пока Нерей не согласился указать путь к Гесперидам.

Опять Гераклу пришлось идти через Ливию, которой в то время правил Антей, сын Посейдона и богини земли Геи. Антей заставлял чужестранцев бороться с ним и, согласно версии Пиндара, украшал храм Посейдона черепами побежденных противников. Антей всегда побеждал, обретая в прикосновении к матери-земле новые силы. Пришлось и Гераклу вступить в единоборство с Антеем. Заметив, откуда его противник черпает силы, Геракл поднял Антея над землей, сломал ему ребра и держал до тех пор, пока тот не испустил дух.

Из Ливии Геракл пришел в Египет, которым правил Бусирис, другой сын Посейдона. К тому времени в Египте из-за продолжавшейся девять лет засухи свирепствовал голод, а прорицатель, чужеземец по имени Фрасий, сказал Бусирису, что голод прекратится, если жертвовать ежегодно одного чужестранца Зевсу. Бусирис начал с самого Фрасия, а затем ежегодно выискивал чужеземца и приносил его в жертву Зевсу. Привели к жертвеннику и Геракла, но Геракл порвал все путы, убил Бусириса и всех присутствовавших жрецов.

Впрочем, Геродот сомневается в достоверности этой истории:

Много ходит в Элладе нелепых сказаний. Так, например, вздорным является сказание о том, как египтяне по прибытии Геракла в Египет... повели его на заклание в жертву Зевсу. Сначала Геракл не сопротивлялся, а когда египтяне хотели уже приступить к закланию его на алтаре, собрался с силами и перебил всех египтян. По моему же мнению, подобными рассказами эллины только доказывают свое полное неведение нравов и обычаев египтян. В самом деле, возможно ли, чтобы люди, которым не дозволено убивать даже домашних животных, кроме свиней, быков и телят (если только они «чисты») и гусей, стали приносить в жертву людей? Притом Геракл прибыл туда совершенно один и, по их же собственным словам, был только смертным, как же мог он умертвить такое множество людей? Да помилуют нас боги и герои за то, что мы столько наговорили о делах божественных!

Разделавшись с Бусирисом и его окружением, Геракл снова воспользовался золотым челном Гелиоса и пересек реку Океан. По пути к Гесперидам Геракл достиг Кавказа, где в течение тридцати тысяч лет к прикованному к скале Прометею каждый день прилетал орел и клевал его печень. Увидев орла, Геракл поразил его стрелой прямо в сердце и освободил Прометея. Зевс не стал гневаться, посчитав, что поступок Геракла лишь увеличит славу его сына. А вот в сохранившемся фрагменте одной из трагедий Эсхила говорится о том, что Зевс согласился на освобождение Прометея в обмен на раскрытие тайны, которую хранил Прометей, узнав ее от Фемиды. Он знал, что богине Фетиде, которую обхаживал Зевс, предсказано родить сына, который превзойдет своего отца. Прометей раскрыл эту тайну Зевсу, и бог оставил Фетиду. Та затем вышла замуж за Пелея и родила героя Ахилла.

Прометей посоветовал Гераклу не рвать яблоки самому, а попросить сделать это Атланта, на время освободив его от поддержания небесного свода. Оказавшись на земле Гесперид, Геракл так и поступил. Договорившись с Атлантом, он занял его место, и титан вскоре вернулся с тремя яблоками. Атланту не хотелось возвращаться к своим тяжким обязанностям, и он вызвался отнести яблоки Еврисфею, пообещав, что вернется. Геракл понял хитрость Атланта и применил свою хитрость, попросив титана немного подержать небосвод, пока он подложит себе под плечи подушку. Атлант согласился, положил яблоки на землю и вновь подставил плечи под небосвод. Тогда Геракл подобрал яблоки и ушел.

Сцена из этого мифа изображена на одном из метопов храма Зевса в Олимпии: Атлант подходит к Гераклу с принесенными яблоками, у Геракла на плечах небосвод, который помогает ему поддерживать богиня Афина.

По другому варианту мифа, Геракл убил дракона Ладона, пустив в него отравленную стрелу, и сам сорвал яблоки. Аполлоний Родосский в «Аргонавтике» рассказывает о прибытии аргонавтов во главе с Ясоном в сад Гесперид, который только что покинул Геракл, убивший Ладона. Хвост дракона еще подергивался, а рядом стояли Геспериды и причитали. Тогда Орфей запел, и Геспериды превратились в красивые деревья, а дракон вознесся на небо и превратился в созвездие.

Геракл вернулся к Еврисфею и отдал ему золотые яблоки. Еврисфей вернул их Гераклу, а он подарил эти яблоки своей покровительнице Афине, а богиня возвратила их Гесперидам, чтобы они вечно оставались в их саду.

Последний, двенадцатый подвиг Геракла состоял в том, чтобы привести из Аида пса Кербера, стража подземного царства.

Сторожем пес беспощадный и страшный сидит перед входом,
С злою, коварной повадкой: встречает он всех проходящих,
Мягко виляя хвостом, шевеля добродушно ушами.
Выйти ж назад никому не дает, но, наметясь, хватает
И пожирает, как только попробует царство покинуть
Мощного бога Аида и Персефонеи ужасной.

У Кербера было много голов (по одной версии, три, по другим — пятьдесят или даже сто), туловище, усеянное головами змей, и змеиный хвост. Кербер — отпрыск Тифона и Ехидны, породивших и других чудовищ: Лернейскую гидру, Химеру и двуглавого пса Орфа.

Гесиод характеризует Кербера как

...страшного видом,
Медноголового адова пса, кровожадного зверя.
Нагло-бесстыдного, злого с пятьюдесятью головами.

Вначале Геракл отправился в Элевсин, где был посвящен в мистерии⁸¹. Затем в сопровождении Гермеса он спустился в Аид с лаконского Тенара. Как только Геракл оказался в подземном царстве, все тени мертвых бросились врассыпную, кроме Мелеагра и горгоны Медузы. Заметив их, Геракл выхватил меч, но Гермес объяснил ему, что это лишь тени и бояться их нечего. Мелеагр поведал о трагических обстоятельствах своей гибели, и Геракл выразил желание жениться на Деянире, его сестре.

Затем Геракл увидел прикованных к скале Тесея и Перифоя, наказанных так за то, что они пытались похитить Персефону, жену Аида (известную также как Кора, что значит «девушка»). Кора была дочерью Зевса и Деметры, а Аид, увидев ее, влюбился в нее с первого взгляда. Заручившись невмешательством Зевса, Аид похитил Кору, когда она собирала цветы на сицилийском лугу. Когда Кора нагнулась, чтобы сорвать нарцисс, земля разверзлась, из образовавшейся расселины появился Аид и умчал Кору в запряженной четырьмя лошадьми колеснице в царство мертвых. Деметра бросилась на поиски дочери, но отыскать ее не смогла. Тогда Деметра воспользовалась своими полномочиями богини плодородия, запретила деревьям и злакам плодоносить, что вызвало голод. Зевс приказал Аиду освободить Кору, но получилось так, что Кора то ли по доброй воле, то ли по предложению слугавившего Аида съела несколько гранатовых зерен, вкусив пищу мертвых, что повлекло за собой следующие последствия: Кору, ставшую Персефой, три месяца в

⁸¹ Обряд посвящения Геракла в мистерии исполнил сын Орфея Мусей.

году обязали проводить в царстве мертвых, а остальные девять месяцев с матерью, чтобы Деметра в эти времена года возвращала земле изобилие. В честь Деметры и Персефоны стали устраиваться Элевсинские мистерии и афинские Фесмофории.

Увидев своих друзей Тесея и Перифоя, прикованных к скале, Геракл освободил Тесея. Когда же захотел освободить также и Перифоя, дрогнула земля, и Геракл понял, что боги против, и от своего намерения отказался. (По версии Гигина, Геракл освободил обоих друзей, а по свидетельству Диодора, — ни того, ни другого). Геракл также откатил в сторону камень, под которым Деметра заточила превращенного в ящерицу Аскалафа, садовника Аида. Такое наказание богиня наложила на Аскалафа за то, что он при назначении Коре ее дальнейшей судьбы показал, что она, находясь в Аиде, сорвала фанат с дерева и съела несколько зерен.

Когда Геракл спросил у Аида, не отдаст ли он Кербера, властелин царства мертвых ответил, что Геракл может забрать пса с собой, если сумеет его приручить без оружия. Найдя Кербера, Геракл схватил того и, невзирая на то что пес хлестал его змеиным хвостом, не ослабил хватки до тех пор, пока Кербер не смирился со своей участью.

Вернувшись в Микены, Геракл показал Кербера Еврисфею, а затем вернул пса в подземное царство. Этот миф послужил сюжетом для многих живописных произведений, к примеру с такими сценами: Геракл борется с Кербером; уводит его из подземного царства; приводит пса к Еврисфею, который со страху прячется в свой сосуд.

Итак, Геракл совершил все свои двенадцать великих подвигов.

Дальнейшая жизнь Геракла

Закончив службу у Еврисфея, Геракл отдал свою жену Мегару племяннику и помощнику Иолаю и стал присматривать ей замену. Геракл остановил выбор на Иоле, дочери Эврита, царя Ойхалии⁸², объявившего, что отдаст Иолу в жены тому, кто победит его в стрельбе из лука. Геракл состязание выиграл, но Иолу не получил. Эврит побоялся, что Геракл, как с ним уже было прежде, может убить своих будущих детей. Вскоре у Эврита появилась причина ненавидеть Геракла. У Эврита украли стадо, а в краже заподозрили Геракла, и Геракл, встретившись в Тиринфе со старшим сыном Эврита Ифитом, скинул его с крепостной стены, несмотря на то, что Ифит старался ему помочь соединиться с Иолой.

Вознамерившись очиститься от убийства, Геракл отправился к Нелею, царю Пилоса, и попросил совершить над ним обряд очищения, но Нелей отказался. После этого Геракл тяжело заболел и направился к Дельфийскому оракулу, чтобы узнать, как избавиться от болезни. Не получив совета, Геракл в сердцах утащил священный треножник и пригрозил основать собственное прорицалище. В дело ввязался разгневанный Аполлон, попытавшийся отнять у Геракла треножник, и только вмешательство Зевса, разразившегося перуном, заставило Геракла и Аполлона прекратить потасовку. (Эта схватка послужила сюжетом для многих живописных произведений; в частности, сцена изображена на фронте сикионской сокровищницы в Дельфах.) После того как потасовка закончилась, пифия поведала Гераклу, что для того чтобы очиститься от убийства, он должен три года⁸³ провести в рабстве у того, кто его купит.

Геракла выставил на продажу Гермес, покровитель всех важных денежных сделок, а купила Геракла лидийская царица Омфала за три таланта, сделав выгодную покупку: Геракл за время своего рабства очистил Лидию от разбойников. В Эфесе Геракл поймал двух керкопов, попытавшихся ограбить его. Свяжав им руки и ноги, он перекинул керкопов через

⁸² Местом нахождения Ойхалии называют Фессалию, Эвбею, Аркадию и Мессению.

⁸³ По Геродоту и Софоклу — один год.

большой шест, так что головы их свисали у него за спиной, взял шест на плечо и пошел по дороге. Керкопам пришлось обозревать неприкрытые ягоды Геракла, потемневшие от солнца. При виде такого зрелища керкопы стали отпускать шутки, которыми так рассмешили Геракла, что герой их отпустил⁸⁴.

Затем Геракл убил огромного змея, опустошавшего Лидию, потом взял верх над итонцами, а после этого расправился с Силеем, заставлявшим всех чужеземцев работать на его виноградниках. Силея Геракл убил мотыгой, а заодно покончил и с его дочерью Ксенодикой. По другой версии, Ксенодика стала его любовницей и умерла от страданий, когда Геракл ее оставил.

Оказавшись на острове Долика, Геракл увидел в воде тело Икара, упавшего в море. Геракл похоронил его, а остров назвал Икарией. В благодарность отец Икара Дедал изваял статую Геракла, показавшуюся герою живой. Чтобы убедиться, что перед ним не двойник, Геракл бросил в статую камень.

Говорят, что Омфала купила Геракла с целью приобрести любовника. Прежде чем отпустить Геракла на волю, она успела от него родить сына Лама (по другой версии, Агелая). Еще говорят, что Геракл давал поносить Омфале свою львиную шкуру и разрешал ей упражняться с его дубиной. Сам же Геракл иногда одевался женщиной, расчесывал шерсть и прядл.

Освободившись от рабства, Геракл решил свести счеты с Лаомедонтом. Он снарядил корабли (по одной версии, шесть, а по другой — восемнадцать) и отправился в Трою. Осада города длилась недолго. Первым ворвался в Трою, проломив крепостную стену, Теламон, сын Эака. Геракл не мог вынести, что его опередили, и обнажил меч. Теламон, быстро сообразивший, что ему грозит гибель, не обороняясь, стал собирать в кучу вывалившиеся из крепостной стены камни. На вопрос Геракла, чем он занимается, Теламон невозмутимо ответил: «Строю алтарь Гераклу Победителю». Смягчившийся Геракл после того, как взял Трою и убил Лаомедонта и большинство его сыновей, отдал Гесиону в жены Теламону, а Гесионе позволил выкупить любого из пленных. Гесиона выбрала своего брата Подарка, отдав за него свое покрывало. Подарок с того времени стал зваться Приамом — имя это, вероятно, произошло от греческого *priamai* (купленный). Приам стал самым известным правителем Трои.

Когда Геракл плыл по морю, возвращаясь из Трои, Гера, вознамерившись его погубить, наслала великую бурю. Ее поступок до того взбесил Зевса, что он заковал Геру в оковы и повесил ее между небом и землей, привязав к ногам наковальни. Шторм принес корабль Геракла к острову Кос. На Косе Геракла ранили местные жители, но Зевс ниспослал ему исцеление, и Геракл отправился во Фракию, где на Флегрейских полях сыграл решающую роль в битве богов с гигантами.

Через некоторое время Геракл собрал грозное войско и пошел войной против Авгия, не расплатившегося с ним за очистку конюшен. Авгий назначил своими военачальниками Эврита и Ктеата, сыновей Посейдона и Мелионы, звавшихся Мелионами или Мелионидами. По одной версии, они были с рождения сросшимися, как сиамские близнецы, а по другой версии, имели на двоих одно тело, две головы, четыре руки и четыре ноги. Однако, оказавшись в Элиде, Геракл заболел и заключил с Мелионидами перемирие, но когда они узнали о его болезни, то врасплох напали на его армию и разбили ее. По одной из версий, в этом бою был смертельно ранен брат Геракла Ификл. Геракл отомстил за Ификла: убил Мелионидов, напав на них из засады, когда они шли на третьи Истмийские игры, чтобы

⁸⁴ По словам Ферекида, керкопы были обращены в камни. По свидетельству Геродота, они были схвачены близ Фермопил (ущелья в Центральной Греции). По версии Овидия, керкопы были наказаны Зевсом, который превратил их в обезьян и поселил на Пифеке (Обезьяньем острове). Остров этот, расположенный вблизи Неаполитанского залива, ныне называется Искья. Еще по одной версии, керкопов было целое племя, часть которых Геракл убил, а остальных доставил Омфале.

принять в них участие. Затем Геракл взял город Элида, убил Авгия и его сыновей и, как утверждают, основал Олимпийские игры (что, правда, противоречит общепринятой датировке первых Олимпийских игр, состоявшихся в 776 году до нашей эры).

Далее Геракл решил отомстить Нелею, отказавшемуся очистить его от убийства. Геракл разграбил Пилос и убил сына Нелея, Периклимена, способного принимать любое обличье — будь то животное или дерево. На сей раз Периклимен обернулся сначала львом, потом змеем, пчелой, орлом, муравьем и, наконец, мухой, но от гибели это его не спасло. Затем Геракл убил Нелея и всех остальных его сыновей, за исключением младшего Нестора, находившегося в то время в Герении. На стороне Нерея сражались Аид, Гера и Арес, и Геракл каждого из них ранил.

Затем Геракл решил наказать Гиппокоонта, царя Лакедемона (Спарты), который, как и Нелей, отказался очистить его от убийства, а, кроме того, вместе со своими двенадцатью или двадцатью сыновьями Гиппокоонтами сражался против Геракла на стороне Нелея. Вначале Геракл отправился в аркадскую Тегею и стал просить Кефея присоединиться к нему вместе со своими двадцатью сыновьями. Однако Кефей боялся оставить Тегею, опасаясь, что в его отсутствие на город нападет неприятель. Тогда Геракл дал дочери Кефея Стеропе локон Медузы, заключенный в медный кувшин и подаренный ему Афиной. Геракл сказал Стеропе, что ей достаточно трижды показать этот локон с крепостных стен (самой на него не глядя), и с врагом будет покончено. Войско под предводительством Геракла овладело Лакедемоном, и на троне был восстановлен царь Тиндарей. Однако Кефей и все его сыновья погибли в сражении, а по одной из версий, в этом бою погиб и брат Геракла Ификл.

После этих событий Геракл был принят новым царем Тегеи Алеем. Алей назначил жрицей Афины свою дочь Авгу, пригрозив смертью, если она лишится девственности, ибо был предупрежден Дельфийским оракулом, что его сыновья Кефей и Ликург падут от руки сына Авги. Алей принял Геракла радушно, но герой воспользовался гостеприимством по-своему: выпил лишнего и соблазнил Авгу. Когда Алей узнал, что она беременна, то приказал Навплиту, своему приближенному, утопить Авгу. Однако по дороге к морю Авга родила Телефа, и Навплит, вместо того чтобы ее утопить, продал Авгу царю Тевфранту, правившему в Мисии. Тевфрант женился на Авге, а Телефа усыновил.

По другой версии мифа, Навплит продал Тевфранту одну Авгу, а сына ее, родившегося и оставленного на горе Парфении (на священном участке Афины), вскормила лань, потом его нашли пастухи и назвали Телефом, именем, на взгляд Аполлодора, произошедшем от греческих *thele* (сосок) и *elapos* (лань)⁸⁵.

В драме Софокла «Мисийцы» рассказывается о том, что Тевфрант, купив Авгу, удочерил ее, а «молчаливый» Телеф⁸⁶ (хранивший обет молчания) прибыл в Миссию к его двору в поисках матери. Телеф помог Тевфранту защитить царство, и за это Тевфрант отдал ему в жены свою приемную дочь. Телеф и Авга не узнали друг друга, и Авга в брачную ночь решила его убить, чему помешали боги, наставшие на брачное ложе огромного змея. Испугавшаяся Авга призналась в намерении убить Телефа и стала взывать к Гераклу. Тогда Телеф узнал мать, а она узнала его. Телеф воцарился в Мисии и, говорят, что из всех сыновей Геракла он был больше всех похож на отца. Известные источники умалчивают о том, убил ли Телеф, согласно пророчеству, сыновей Алея, Кефея и Ликурга.

Затем Геракл отправился в Калидон, где посватался к Деянире, дочери Ойнея. У Геракла нашелся соперник — речной бог Ахелой, способный менять свою внешность.

⁸⁵ В несохранившейся трагедии Еврипида «Авга» говорится о том, что Алей заключил Авгу с младенцем в ящик, пустив его по воле волн, и ящик прибило к берегам Мисии. Согласно произведению Гесиода «Каталог женщин» (прародительниц знатных родов), Геракл соблазнил Авгу, когда собирался похитить кобылиц Диомеда. Тевфрант удочерил Авгу.

⁸⁶ Молчание Телефа вошло в поговорку.

Деянире он был противен. По ее словам, сватаясь к ней, Ахелой являлся к ее отцу в трех обличьях:

Тельцом вбегал он, змеем приползал
Чешуйчатым, показывался мужем
Быкоголовым. С бороды косматой
Текли обильно струи ключевые.
Готовясь к браку с женихом таким, —
Злосчастливая, — лишь смерти я молила.

В «Метаморфозах» Овидия Ахелой с горечью рассказывает Тесею, что когда он в поединке с Гераклом обернулся змеем,

Захотел лишь тиринфский герой на мои ухищрения, —
Молвил: «Змей укротить, — то подвиг моей колыбели!
Если драконов других победить, Ахелой, ты и можешь,
Все ж не ничтожная ль часть ты, змей, Лернейской ехидны?»

Кто же ты после того, — змеей обернувшийся лживо,
Воин с оруьем чужим, обличьем прикрытый заемным?»

Когда обличье змея в поединке с Гераклом Ахелоем не помогло, он превратился в быка. Однако Геракл ухватил его за рога и стукнул головой оземь, сломав один рог. Геракл женился на Деянире, а Ахелоем вернул сломанный рог в обмен на рог козы Амалфеи.

Женившись на Деянире, Геракл выступил с войском своего тестя против города Эфир, находившегося в Феспротии, где одолел и убил царя Филея. Правда, он тут же изменил Деянире, вступив в любовную связь с дочерью Филея, которая родила от него Тлеполема.

Во время пира у Ойнея Геракл случайно убил виночерпия и решил в связи с этим удалиться в изгнание. Взяв с собой Деяниру, он отправился к Кейку, царю Трахины. Когда Геракл с Деянирой подошли к реке Эвен, паромщик кентавр Несс согласился перевезти Деяниру, а Гераклу предложил переправиться через реку вплавь. Когда Геракл поплыл, Несс попытался овладеть Деянирой. Услышав ее крики, Геракл поразил кентавра отравленной стрелой, проговорив после этого:

Но для тебя, Несс лютой, любовь к той деве причиной
Гибели стала, — ты пал, пронзенный крылатой стрелой.

На землю пролилась кровь кентавра.

Несс же ту кровь подобрал. «Нет, я не умру неотмщенным!»

—

Проговорил про себя и залитую кровью одежду
Отдал добыче свой, — как любовного приворота
чувства.

Решив, что испачканная кровью одежда кентавра и в самом деле послужит ей в качестве любовного приворота, Деянира забрала эту одежду с собой.

Прибыв в Трахину, Геракл помог Кейку покончить с разбойниками дриопами, а затем помог Эгимью, царю дорийцев, уладить пограничные споры с лапифами. Когда Геракл перебрался в Фессалию, его вызвал на поединок Кикн, сын Ареса, который побежденным противникам отрезал головы и черепами украшал храм своего отца. Геракл победил Кикна, хотя, по другой версии, в поединок между ними вмешался Зевс, который развел

противников, ударив между ними перуном. По другому варианту этого мифа, на стороне Кикна выступил Арес. Геракл ранил его, а Кикна убил.

Вскоре Геракл к коллекции своих жен прибавил еще одну. Придя в Армению, город у подножия Пелиона, Геракл посватался к дочери царя Аминтора Астидамии. Царь отказал ему. Тогда Геракл его убил, а Астидамию увел с собой.

Затем Геракл собрал войско и пошел против Ойхамии, чтобы наконец получить Иолу, чью руку он выиграл, победив Эврита в стрельбе из лука. Войско Геракла понесло большие потери, но после того как Ойхамия все-таки пала, Геракл Иолу взял в плен, сделав своей наложницей.

О трагическом конце этой истории рассказывается в трагедии Софокла «Трахинянки».

Деянира, решив, что Геракл оставит ее ради Иолы, вспомнила об одежде (тунике) Несса — приворотном любовном средстве, как уверил ее кентавр. Тогда Деянира послала тунику Гераклу.

Когда Геракл надел эту тунику, она внезапно прилипла к телу героя и вызвала невыносимую боль: кровь Несса, погибшего от смазанной ядом Лернейской гидры стрелы Геракла, сама превратилась в яд. Геракл попробовал снять тунику, но она прилипла к телу так плотно, что вместе с ней начала отдираться плоть.

В таком состоянии Геракла отвезли морем в Трахину. Гилл, сын Геракла и Деяниры, рассказал матери о случившемся, и Деянира свела счеты с жизнью. Наказав Гиллу взять в жены Иолу, когда он достигнет брачного возраста, Геракл отправился к горе Эта в Трахине, разложил костер, взошел на него и повелел Филоктету, простому смертному, случайно оказавшемуся поблизости, зажечь его⁸⁷.

Восхождение Геракла на костер описал Овидий в «Метаморфозах»:

...Ты же, сын Юпитера славный,
Древ наломав, что на Эте крутой взросли, воздвигаешь
Сам погребальный костер, а лук и в уемистом туле
Стрелы, которым опять увидеть Илион предстояло,
Сыну Пеанта даешь. Как только подбросил помощник
Пищи огню и костер уже весь запылал, на вершину
Груды древесной ты сам немедля немейскую шкуру
Стелешь; на палицу лег головой и на шкуре простерся.
Был же ты ликом таков, как будто возлег и пируешь
Между наполненных чаш, венками цветов разукрашен!

Когда костер разгорелся, Геракла накрыло облако и с громом унесло его на Олимп, а на небе вспыхнуло созвездие Геркулеса. Гера примирилась с Гераклом, и он женился на ее дочери (и своей сестре по отцу), богине юности Гебе.

По версии Диодора, едва костер зажегся, с неба упало несколько перунов, тут же превративших костер в кучу пепла. Друзья Геракла попытались собрать его кости, но, не найдя ни одной, решили, что Геракл вознесся на небо, в царство богов.

Потомки Геракла; Гераклиды и их возвращение

⁸⁷ По словам Аполлодора, никто из друзей Геракла не решался поджечь костер, и лишь пастух Пеант, проходивший мимо, повелел своему сыну Филоктету исполнить волю героя. По другой, менее распространенной версии мифа, Геракл, испытывая невыносимое жжение пропитанной ядом туники, бросился в ближайший поток, чтобы облегчить страдания, но утонул. С тех пор воды этого потока стали горячими и получили название Фермопилы (Горячие ворота).

Во время своих странствий Геракл обольстил многих женщин, родивших ему детей. Среди его жен и возлюбленных были пятьдесят дочерей Феспия, Деянира, дочь Ойнея, Мегара, дочь Креонта, Омфала, дочь Иардана или Тмола, Халкиопа, дочь Эврипида, Эпикаста, дочь Авгия, Парфенопа, дочь Стимфала, Авга, дочь Алея, Астиоха, дочь Филея, Меда, дочь Филанта, и Астидамия, дочь Аминтора. Сыновья Геракла стали называться Гераклидами.

После того как Геракла приняли в сонм бессмертных богов, Еврисфей стал преследовать его сыновей, рожденных Деянирой. Тогда они отправились к Кейку, царю Трахины и другу Геракла. Узнав об их местопребывании, Еврисфей пригрозил Трахине войной, и дети Геракла перебрались в Афины, где нашли прибежище у алтаря милосердия.

Когда дети Геракла возмужали, Еврисфей двинул войско против Афин. Оракул объявил, что афиняне будут разбиты, если не принесут в жертву Персефоне девственницу знатного происхождения, и Макария, дочь Геракла, пожертвовала собой. Согласно трагедии Эврипида «Дети Геракла», в то время в Афинах правил царь Демофонт, который и встал во главе сопротивления Еврисфею. По другой версии, войско афинян с влившимися в него Гераклидами возглавил Тесей. Войско Еврисфея было разбито, сыновья его погибли в сражении, а сам Еврисфей бежал с поля боя на колеснице, но у Скироновых скал был схвачен и убит, по одной версии, Гиллом, по другой — Иолаем. Гилл отрубил Еврисфею голову, у которой Алкмена вязальной спицей выколола глаза. По версии Эврипида, Еврисфей был пленен у Скироновых скал Иолаем, а Алкмена приказала его казнить⁸⁸.

Во исполнение воли Геракла Гилл женился на Иоле, а после гибели Еврисфея попытался установить власть Гераклидов в Пелопоннесе. Геракл родился в Фивах, но он претендовал на власть в Микенах и Тиринфе, находившихся под владычеством Еврисфея. После гибели этого властелина Гераклиды заявили права на эти пелопоннесские города, и внезапным ударом войско под предводительством Гилла их захватило. Однако на Пелопоннесе разразилась чума.

Вторжение часто трактовалось как «возвращение на исконные земли», и оракул объявил, что Гераклиды вернулись слишком рано. Тогда они ушли в Марафон, где устроили свою резиденцию. Гераклиды решили узнать, когда же они смогут вернуться. Дельфийский оракул им сообщил, что время возвращаться наступит «после третьего плода».

Через три года войско под предводительством Гилла снова выступило в поход, но Гилл был убит в поединке с Эхемом, царем Тегеи, и Гераклиды опять отступили. Далее выяснилось, что Дельфийский оракул под «третьим плодом» имел в виду третье поколение.

В конце концов Гераклиды в союзе с дорийцами под предводительством праправнуков Геракла Темена и Кресфонта овладели Пелопоннесом. Согласно Фукидиду, это случилось примерно через восемьдесят лет после взятия Трои. Но победа далась не сразу. Темен собрал людские и сухопутные силы в Навпакте, но перед тем как начать поход, Аристодема убила молния⁸⁹, а Гиппот по ошибке убил прорицателя. За такое святотатство начался голод, и войско пришлось распустить. Оракул посоветовал Гераклидам изгнать убийцу на десять лет, а проводником взять «трехглазого». Вскоре на дороге Гераклидам попался Оксил, ехавший верхом на одноглазой лошади. Гераклиды взяли его проводником и разбили противника на суше и на море.

Победителям предстояло разделить завоеванные города. Будущие владения распределяли по жребию. Темен вытащил жребий, отмеченный жабой, медленным в движении существом, и это означало, что он должен остаться в Аргосе. Сыновья Аристодема, Прокл и Эврисфен, вытащили жребий, отмеченный змеем, и это означало, что

⁸⁸ По Страбону, Еврисфей погиб в битве при Марафоне, сражаясь против Гераклидов и Иолая.

⁸⁹ По другим версиям, Аристодем был убит Аполлоном в Дельфах за то, что не советовался с оракулом, или был убит детьми Пилада и Электры.

им достался Лакедемон (при осаде этого города противник оказал ожесточенное сопротивление и «жалил» войско Гераклидов⁹⁰). Кресфонт вытащил жребий, отмеченный лисой, и ему досталась Мессена.

Образ Геракла в античной живописи и литературе

Стоит, прежде, всего, отметить, что античные живописцы редко изображали Геракла в группе с другими персонажами греческих мифов, а в живописных произведениях, посвященных путешествию аргонавтов, он и вовсе не фигурирует. Изображая Геракла, художники придавали ему преувеличенное чувство значения собственной личности, эгоцентричность, граничащую с безумием, расположение к сладострастию.

А вот в драматургии, в комедиях (особенно сочиненных Аристофаном) Геракл выступает как комическая фигура, простоватый силач, пьяница и обжора.

Философы V–IV столетий до нашей эры видели Геракла по-своему. Так, Исократ, комментируя аллегория «Выбор Геракла», выделял разум, а не силу героя, видел в Геракле борца со злом, сознательно выбравшего путь подвигов и трудов. Киник Диоген видел в Геракле свободного индивидуума, выступающего против сложившихся обычаев и условностей.

Мифы о Геракле послужили сюжетом для многих произведений эллинистического поэта Феокрита, часть своей жизни (в III веке до нашей эры) прослужившего при дворе египетского правителя Птолемея II Филадельфа. Феокрит, ниспровергая архаичные идеалы, писал эпиллии, короткие повествования на бытовые сюжеты. В эпиллиях, посвященных жизни Геракла, Феокрит подтрунивает или даже высмеивает общепринятую интерпретацию его подвигов и трудов. Так, в «Идиллии, 13», где рассказывается о поисках Гераклом пропавшего Гиласа, автор рисует реакцию аргонавтов, не досчитавшихся Геракла в своих рядах: они подшучивают над ним, посчитав, что герой отстал от них лишь только по той причине, что не может обойтись без своего любимца юного Гиласа.

В «Идиллии» Феокрит, рассказывая о змеях, заползших в колыбель Геракла и его брата, представляет эту историю хотя и драматичным, но все же заурядным событием, случившимся в доме обыкновенных людей. Феокрит внес существенные изменения в ранние версии этого мифа, согласно которым Алкмена бесстрашно бросилась на выручку своим детям. У Феокрита Алкмена, увидев змей, поднимает ужасный крик и будит своего мужа Амфитриона. Такая реакция свойственна обыкновенной, перепуганной насмерть женщине, а не мифологической героине. Амфитрион, прославленный воин, имеющий внешние атрибуты гомеровского героя, услышав вопли жены, первым делом берет оружие, с каким бы пошел на битву с врагом, но его действия далеки от героических: поднявшись с постели, он выглядит медлительным, вялым, и его действия определяются, в основном, испугом жены, а не возникшей опасностью, да и оружие оказывается ненужным. Отсутствие героики в сложившейся ситуации подчеркивается житейской речью Алкмены: она второпях просит Амфитриона не надевать сандалии (словно хочет предотвратить стандартную процедуру облачения перед боем гомеровского героя). Алкмена опасается, что муж потратит время на следование рутине. Когда же проходит переполох, Амфитрион вместо того, чтобы стоять у колыбели Геракла и восторгаться необыкновенной силой младенца (как в версии Пиндара), спокойно отправляется досыпать. Это хороший пример того, как эллинистический автор трактует мифы: герои этих сказаний в эллинистическом обществе ведут себя как обыкновенные люди. Ясон в «Аргонавтике» Аполлония Родосского — другой пример этой тенденции.

На следующий день, вместо того чтобы выяснить причину внезапного нашествия змей

⁹⁰ Полиглот изобразил на своей картине Менелая, царя Лакедемона, со змеем на щите.

и предотвратить их появление в будущем, чтобы обезопасить младенцев, Амфитрион призывает Тиресия и просит его определить ритуал уничтожения задушенных змей. По предписанию прорицателя, змей следовало в полночь сжечь на костре из сухих веток кустарника, а утром служанке следовало собрать оставшийся от змей пепел, пустить прах по ветру за пределами города и, не оглядываясь, бежать назад, во дворец. Это — не свойственная Феокриту ученая педантичность. Автор «Идиллии» просто подчеркивает, что змеи стали *pharmakos* (козлами отпущения) ритуала: они несли смерть Гераклу, появившись в его колыбели в полночь, и если бы умертвили его, героя ждал бы погребальный костер, но вместо этого, опять-таки в полночь, их самих сожгли на костре и тем самым отделались от них должным образом, который со временем позволит Гераклу добиться бессмертия. Итак, миф о Геракле и задушенных им в младенчестве змеях Феокрит свел к обыденному бытовому событию, сопровождавшемуся ритуалом, бытовавшим в то время.

Этот миф о Геракле Феокрит использовал и в других целях. Расправа со змеями символизирует победу добра над злом, и Феокрит хотел польстить Птолемею II, сравнив его с героем Гераклом, для чего в своем сочинении подчеркнул, что Геракл, как и этот правитель, родился в апреле. К тому времени Птолемеи царствовали в Египте в течение двух веков, и правление сопровождалось устранением неугодных, убийством братьев и женитьбой на сестрах. Восхвалить правителя мастеру своего дела, такому как Феокрит, не составляло труда, но наиболее уместным он счел сравнение Птолемея II с Гераклом, тем более что Птолемеи подкрепляли свое восхождение к власти ссылкой на божественное происхождение предков. К месту отметить, что в правлении Птолемеев поэзия в стране формировалась под их влиянием, и хотя некоторые поэты от этого влияния отгораживались, Феокрит не принадлежал к их числу.

Во времена Феокрита мифы, казалось, застывшие, оформившиеся, получили новую жизнь, обретая общественное и политическое звучание. Искусно манипулируя сюжетами мифов, Феокрит создал властителям комфортабельное положение в обществе. Им нужна была мифология, с одной стороны, их возвышавшая, а с другой стороны, отождествлявшая в повседневной действительности с обыкновенными, рядовыми людьми, и Феокрит блестяще справился с этой задачей. Мифы редко рассказываются без повода, и на примере творчества Феокрита понятно, что их содержание и направленность зависят и от интересов аудитории, и от интересов рассказчика.

По-своему использовался со временем и миф о возвращении Гераклидов. Этот миф нередко связывают с так называемым дорийским вторжением на микенский Пелопоннес, позволившим дорийцам завоевать эти земли и вызвавшим волну переселений исконных жителей полуострова. Правда, это отнюдь не значит, что такое вторжение на самом деле имело место — а если и имело, то непонятно когда (археологические исследования не вносят ясность в этот вопрос), и все же миф об этом вторжении использовался греками в более поздние времена в политических целях.

Столкновение между Афинами и Спартой, приведшее к Пелопоннесской войне в V веке до нашей эры, неизменно рассматривалось как конфликт между дорийцами, выступавшими на стороне Спарты, и ионийцами, выступавшими на стороне Афин, при этом использование опиравшейся на мифы генеалогии помогало набирать политические очки. Так, в трагедии Еврипида «Ион» подчеркивается, что предок ионийцев Ион, сын Аполлона и царевны Креусы, дочери рожденного Землей афинского царя Эрехфея, намного знатнее дорийца Дора, сына Креусы и Ксуфа, рядового царя Афин. Как Феокрит манипулировал традицией, чтобы угодить Птолемею, так и Еврипид в Афинах военного времени, используя мифологию, отстаивал взгляды, имевшие определенную политическую окраску.

Образ Геракла (Геркулеса) в постклассическом искусстве

Геракл — один из популярнейших персонажей постклассического искусства, и перечислить все произведения на сюжеты мифа о нем — задача нелегкая, поэтому отметим лишь некоторые из них.

Геракла часто рисовали эллинистические художники, как вазописец на амфоре, хранящейся в настоящее время в Нью-Йорке. Геракл изображен убивающим Несса. Герой стоит на спине у кентавра, одной рукой держит его за волосы, а другой наносит удар мечом. На фронтоне сокровищницы сикионцев в Дельфах изображена схватка Геракла с Аполлоном из-за треножника. На фронтоне храма Афайи в Эгине изображен Геракл во время осады Трои. Геракл натягивает лук; мужественное лицо героя обрамлено шлемом — львиной головой с зияющей пастью. Хорошо известен Геракл Фарнезе, мраморная статуя отдыхающего Геракла, опирающегося на палицу.

Мифы о Геракле привлекали художников и в более поздние времена. В 1596 году Аннибале Карраччи написал картину «Выбор Геракла». Гераклу предстоит сделать выбор между Пороком (фигурой в прозрачном эротическом одеянии, в театральной маске и с музыкальным инструментом в руке) и Добродетелью (фигурой в скромной одежде, указывающей обнаженным мечом на уходящую круто вверх каменистую тропу). На картине Гвидо Рени «Геракл и Лернейская гидра» (1617) герой своей палицей сносит чудовищу головы. Дж. У. Уотерхаус на картине «Гилас и нимфы» (1856) изобразил похищение любимца Геракла. Семь очаровательных нимф-обольстительниц увлекают Гиласа в мир идеализированной красоты. Вознесению Геракла на Олимп посвятили картины Кранх, Тинторетто, Рубенс, Джордано, Буше, Гойя. В 1636 году Рубенс написал для Филиппа IV картину «Апофеоз Геракла», которой король украсил свой охотничий домик. На этой картине Геракл на вылетевшей из погребального костра колеснице, запряженной четырьмя лошадьми, достигает Олимпа, где на героя надевают венок победителя к удовольствию Зевса, наблюдающего за триумфом любимого сына.

Мифы о Геракле популярны и в наше время. На их сюжеты поставлены телевизионные сериалы, например «Зена, королева воинов». В этом фильме рассказывается о невероятных приключениях Геракла и прекрасной, но беспощадной воительницы. Известен и телевизионный сериал «Легендарные путешествия Геракла». «Дисней» в анимационном фильме «Геракл» (1997) умело оживил прославленного мифологического героя, используя для создания фильма вазопись и скульптуры и придав мифологической традиции, в типичной манере, жизнь и динамику. Правда, «Дисней» допустил некоторые вольности, к примеру посадив Геракла на чужого (из мифа о Беллерофонте) коня Пегаса, но этот конь так хорош, что только украшает картину.

Глава седьмая Фивы и Эдип

Главные действующие лица

Агенор — Предводитель фиванцев, финикийцев и киликийцев.

Европа — Увезена Зевсом, принявшим образ быка, на Крит, мать Миноса.

Кадм — Основатель Фив.

Гармония — Дочь Ареса и Афродиты, жена Кадма.

Ино — Дочь Кадма и Гармонии.

Семела — Мать Диониса.

Дионис (Вакх) — Бог виноградарства и виноделия.

Актеон — Охотник, растерзанный собственными собаками.

Пенфей — Противился Дионису и был разорван менадами.

Ниоба — Хвасталась своими детьми, превращена в камень.

Эдип — Царь Фив, решил загадку Сфинги, убил своего отца и женился на собственной матери.

Креонт — Бывший король Фив, дядя, а потом и шурин Эдипа.
Тиресий — Слепой прорицатель.
Иокаста — Царица Фив, мать и жена Эдипа.
Антигона — Юные дочери Эдипа и Йемена.
Семеро против Фив — Герои, безуспешно пытавшиеся взять Фивы.
Эпигоны — Сыновья героев, осаждавших Фивы.

Многие сюжеты греческих мифов связаны с Фивами; главные из них: основание города Кадмом, сопротивление Дионису, события, связанные с Эдипом, конфликты с городом Аргос. Чтобы лучше понять случившиеся события, стоит остановиться на непростой и запутанной генеалогии фиванских правителей. По Аполлодору, Ливия родила от Посейдона двух сыновей, Бела и Агенора. Бел правил Египтом, а Агенор стал царем Финикии. Он женился на Телефассе, родившей ему троих сыновей — Кадма, Феникса и Килика, ставших мифическими прародителями фиванцев, финикийцев и киликийцев.

Однако не все так просто — есть и другие версии:

- По Гомеру, Европа — дочь Феникса.
- Кадм — сын Феникса.
- Отец Европы — Титий.
- По Гигину, родители Кадма и Европы — Агенор и Аргиопа.
- По Еврипиду, сыновьями Агенора были Килик, Феникс и Фасос. По Павсанию, жители острова Фасос по происхождению — финикийцы, а основал их островную колонию Фасос. Геродот добавляет, что эти финикийские колонисты стали разрабатывать на острове богатые золотые копи и возвели святилище Геракла.

- По Геродоту, Кадм, сын Агенора, основал финикийскую колонию на острове Фера (Санторин).

- Диодор писал, что Кадм основал финикийскую колонию на Родосе, и добавлял, что в храме Афины в Линдосе (на Родосе) существовал древний треножник с финикийскими письменами. Этот факт подтверждается надписью, обнаруженной в храме Афины Линдии: «Кадм посвятил бронзовый треножник с финикийскими письменами, как о том сообщил Полициал в четвертой книге своих историй».

Мифы Фиванского цикла показывают, что население Греции имело финикийские и киликийские компоненты, а часть материковой и островной Греции развивалась под некоторым влиянием Финикии.

Кто бы ни был родителями Европы, в наиболее известном мифе о ней рассказывается о том, как Зевс влюбился в нее, увидев, как она собирает цветы на морском берегу. Овидий в «Метаморфозах» справедливо замечал, что страсть и божественное достоинство не всегда уживаются, и поэтому Зевс превратился в красивого быка.

Цвет его — белый, что снег, которого не попирала
Твердой подошвой нога и Австр не растапливал мокрый.
Шея вся в мышцах тугих; от плеч свисает подгрудок;
Малы крутые рога; но поспорил бы ты, что рукою
Точены, блещут они ясней самоцветов чистейших.
Вовсе не грозно чело; и взор его глаз не ужасен;
Мирным выглядит бык.

Пораженная красотой быка, Европа стала его поглаживать, а рога украсила венками из

сорванных ею цветов.

Счастлив влюбленный; он ей, в ожидании нег вожделенных,
Руки целует. С трудом, ах! с трудом отложив остальное.

Наконец Европа решила забраться быку на спину, и тут он вдруг быстро помчался к морю. Переплыв море, бык вышел на Крите, где Европа родила Зевсу трех сыновей — Миноса, Радаманта и Сарпедона⁹¹. Зевс сделал Европе замечательные подарки. Он подарил ей Талоса, бронзового гиганта, не позволявшего подойти к Криту неприятельским кораблям; ожерелье, изготовленное Гефестом (которое Европа позже подарила Кадму, а тот, в свою очередь, — Гармонии); метательное копьё, не знающее промаха, и гончую по кличке Лелап, не упускающую добычу.

Тем временем Агенор призвал четверых сыновей — Феникса, Киника, Фасоса и Кадма — и послал их искать Европу. Не преуспев в ее поисках, они осели в разных местах. Местность, где осел Феникс, стала называться Финикиеи, местность, где осел Килик — Киликией. Остров, на котором поселился Фасос, получил его имя. Кадм сначала остановился во Фракии, а затем основал крепость Кадмею, вокруг которой впоследствии вырос город Фивы.

Когда Зевс оставил на Крите Европу, она вышла замуж за царя Астерия. От этого брака у Астерия детей не было, поэтому он усыновил сыновей Европы — Миноса, Сарпедона и Радаманта. Когда братья выросли, они влюбились в прекрасного юношу Милета, который отдал предпочтение Сарпедону, и тогда Минос изгнал братьев с острова. Сам Минос вскоре отправился в Карию, где основал город Милет.

Изгнанный Миносом с Крита Сарпедон помог Килику покорить ликийцев и стал царем Ликии. Сарпедон был одним из любимцев Зевса, который даровал ему жизнь в течение трех поколений (Сарпедон погиб во время Троянской войны). Радамант переселился на острова в южной части Эгейского моря, где заслужил репутацию справедливого и честного законодателя. Затем он перебрался в Беотию, где женился на Алкмене, а после своей смерти стал судьей мертвых в Элизии.

Отец истории Геродот в своем труде изложил историю войн между Грецией и Персией, имевших место в начале V века до нашей эры, заметив, что происхождение этих войн нередко объясняют мифологическими событиями, произошедшими в такой очередности: Ио в Аргосе похитили финикийцы и увезли в Египет, греки в отместку похитили в финикийском Тире Европу, затем греки нарушили равновесие, похитив в Колхиде Медею, спустя сорок — пятьдесят лет после этого Парис похитил гречанку Елену. К тому времени отношения между греками и финикийцами из-за взаимных обид предельно накалились, и началась Троянская война, послужившая в дальнейшем постоянным разногласиям между Европой и Азией.

Геродот добавляет, что, по мнению персов, взятие Трои послужило причиной вражды к грекам. О похищении же Ио финикийцы рассказывают иначе, чем персы. По их словам, они вовсе не увозили Ио насильно в Египет, так как она уже в Аргосе вступила в любовную связь с капитаном финикийского корабля. Когда же почувствовала себя беременной, то от стыда перед родителями добровольно уехала с финикийцами, чтобы скрыть свой позор.

Однако хотя Геродот и отмечает в своем труде связь мифов с историческими событиями (что интересно само по себе), сам он в этом влиянии сомневается:

Что до меня, то я не берусь утверждать, случилось ли это именно так или как-нибудь иначе. Тем не менее я хочу назвать человека, который, как мне самому известно, положил начало военным действиям против эллинов.

⁹¹ По Гомеру, Сарпедон — сын Зевса и дочери Беллерофонты Лаодамии.

Миф о Европе широко использовали в своем творчестве представители изобразительного искусства. Еще за столетия до Геродота сцена похищения Европы появилась на одном из метопов храма Селинунта в Сицилии. Сцена эта изображала прекрасную деву, сидящую на спине рассекающего морские воды быка, которого сопровождают резвящиеся дельфины.

В более позднее время на сюжет этого мифа писали картины многие художники, в том числе Тициан и Веронезе. На картине Тициана полуобнаженная дева сидит на спине быка, держась одной рукой за его рог. Быка с Европой сопровождают три купидона: два в воздухе с луком и стрелами, третий — верхом на дельфине. На берегу подруги Европы зывают к ней, но напрасно. На картине Веронезе, выполненной в маньеристском стиле, одни подруги Европы помогают ей удержаться на спине невесты откуда взявшегося быка, а другие пребывают в отчаянии, глядя на удаляющегося в море быка. Эта картина находится во Дворце дождей в Венеции, а другие ее варианты (в исполнении того же художника) — в Национальной галерее в Лондоне и в Капитолийском музее в Риме.

Ранние фиванские мифы: Кадм, Селена и Актеон

Когда мать Кадма умерла, он похоронил ее и отправился к Дельфийскому оракулу узнать, куда делась Европа. Пифия посоветовала ему не беспокоиться о сестре, а следовать за коровой, на боках которой окажутся знаки полной луны, и основать город там, где она остановится отдохнуть. Повстречав такую корову, Кадм пошел следом за ней и основал Фивы⁹². Кадм хотел принести корову в жертву Афине и отправил своих спутников за очистительной водой к источнику Ареса, не зная, что источник этот охраняет всеяющий ужас змей, отпрыск Ареса.

...в пещере же, скрытый глубоко,
Марсов змей обитал, золотым примечательный гребнем,
Очи сверкают огнем; все тело ядом набухло,
Три дрожат языка; в три ряда поставлены зубы.

Не устранившись змея, Кадм убил его, а затем, по совету Афины, засеял поле его зубами. Едва он засеял поле, из земли выскочили вооруженные спарты (посеянные люди), и Кадм стал кидать в них камни, что привело к ссоре этих людей: каждый стал обвинять другого, что камень бросил именно он. Ссора переросла в жестокий бой между спартами, и в конце концов в живых остались лишь пятеро.

За убийство змея Кадм был вынужден прослужить у Ареса восемь лет. После этого он получил во владение Кадмею (позже ставшую Фивами), и в присутствии всех богов сыграл свадьбу с Гармонией, дочерью Афродиты и Ареса. Кадм подарил Гармонии великолепное одеяние и знаменитое ожерелье работы Гефеста⁹³. Гармония родила Кадму четверых дочерей — Автоною, Ино, Семелу, Агаву и сына Полидора.

На семью Кадма и Гармонии выпали большие невзгоды. Семела забеременела от Зевса, пообещавшего ей исполнить любую просьбу. Когда ревнивая Гера узнала об этом, она уговорила Семелу попросить Зевса явиться к ней во всем его божественном величии.

⁹² Римский писатель Варрон писал, что Фивы основаны царем Огигом перед Великим потопом, и утверждал, что Фивы — древнейший город в мире.

⁹³ Одни говорят, что ожерелье Кадм получил от Гефеста, другие — что от Европы, которой ожерелье подарил Зевс. Также говорят, что Гармонии ожерелье подарила Афродита, а также и то, что Гармонии и ожерелье, и одеяние подарила Афина.

Вынужденный исполнить просьбу Семелы, Зевс явился к ней в сверкании молний и, сам того не желая, испепелил Семелу огнем. Недоношенного ребенка Зевс успел выхватить из утробы Семелы и зашил в свое бедро. В положенный срок Зевс распустил стежки и дал жизнь Дионису, «дважды рожденному богу».

Зевс поручил присматривать за ребенком Гермесу, а тот передал его на воспитание царю Орхомена Афантану и его жене Ино, которые переодели Адониса в девочку, чтобы Гера его не опознала. Провести Геру не удалось, и она наслала на Афантанта и Ино безумие. В припадке умопомешательства Афантан убил своего старшего сына Леарха, приняв того за оленя, а Ино бросила Меликерта, младшего сына, в котел с кипящей водой, а затем вместе с ним кинулась в море и утонула. Тело Меликерта доставил к берегу дельфин, и Сисиф, царь Коринфа, учредил в честь Меликерта Истмийские игры. Дионис превратил Ино в морское божество Левкофею (Белую богиню), а Меликерта — в морского бога Палемона, покровителя мореходов. Чтобы уберечь Адониса от гнева ревнивой Геры, Зевс превратил его в козленка и отвел его к нимфам на гору Нису. Немфы ухаживали за ним и составили его свиту, за что впоследствии Зевс превратил их в звезды, составившие Гиады.

Горькая участь постигла и внука Кадма и Гармонии Актеона. Его воспитал кентавр Хирон, и Актеон стал страстным охотником, однако на горе Кифероне его растерзали собственные собаки. По наиболее распространенному варианту мифа о нем, Актеон был превращен в оленя девственной Артемидой за то, что увидел ее купающейся. Пятьдесят собак напали на Актеона.

...Крикнуть хотел он:

«Я Актеон! Своего признайте во мне господина!» —
Выразить мысли — нет слов. Оглашается лаяньем воздух.
Первый из псов Меланхет ему спину терзает, за ним же
Тотчас и Теридамад; висит на плече Орезитроф.

Спутники Актеона лишь поощряли собак, и те растерзали оленя, не ведая, с кем расправляются.

Гера, так и не простившая Зевсу любовную связь с Семелой, наслала и на Диониса безумие. Он отправился странствовать по свету, побывал в Египте и Сирии и наконец оказался во Фригии, где Гея⁹⁴, иногда отождествлявшаяся греками с Кибелой, фригийской богиней-матерью, вернула ему рассудок.

В странствии по свету Диониса сопровождали сатиры и силены, существа, похожие на людей (но с копытами и хвостами), длинноволосые, бородатые, сладострастные (символ их плодородия — фаллос), любители вина, песен и музыки (возглавлял их Силен, самый старый и самый мудрый, но и наибольший любитель выпивки). Сопровождали Диониса и менады (также известные как вакханки). В шкурах пятнистого оленя и в венках из плюща, дубовых листьев и мха, иногда подпоясанные засушенными змеями, размахивая *thyrsos* (тирсами, палками, увитыми плющом и виноградными лозами) и зажженными факелами, менады, сопровождая вместе с сатирами и силенами Диониса, в безумном танце устремлялись через леса и горы, убивая по пути диких животных и поедая сырое мясо.

Из Фригии Дионис направился во Фракию, где царь эдонов Ликург встретил его как врага и пленил всю его свиту. Дионис нашел прибежище у Фетиды, а когда его спутники неожиданно вырвались на свободу, он лишил Ликурга рассудка. В припадке безумия Ликург убил своего сына Дрианта, уверенный, что рубит лозу, после чего отрубил ему все конечности. Эдоны отвели безумца на гору Пангей, где дикие лошади разорвали его на

⁹⁴ По одной из версий мифа о Дионисе, Гея взрастила его и воспитала.

части⁹⁵.

После этого Дионис отправился в Индию, а затем возвратился в Грецию в Калидон, где одарил царя Ойнея виноградной лозой (возможно, посчитав нужным сделать ему подарок, после того как оболыстил его жену Алфею). Дионис подарил лозу и жителю Аттики Икарию, да еще научил того, как делать вино. Но на пользу это Икарию не пошло. Изготовив вино, он угостил им пастухов, а те так напились (не разбавляя вино водой), что у них стало двоиться в глазах. Решив, что их околдовали, они убили Икария и похоронили под деревом. Мера, его собака, унюхала труп, и, когда его откопали, дочь Икария Эригона повесилась, а Мера бросилась в колодец и утонула. Все трое стали созвездиями: Икарий — Волопасом, Эригона — Девой, а Мера — Малым Псом.

Дионис сурово наказывал тех, кто отказывался участвовать в его вакхических оргиях или враждебно относился к нему. Трех дочерей царя Орхомена Миния, отказавших ему и посчитавших за лучшее остаться дома за прялками, Дионис лишил разума, и одна из них убила своего сына, после чего двух сестер превратили в сов, а одну — в летучую мышь (по Овидию, всех трех превратили в сов). Ужасная судьба постигла и Пенфея, сына Эхиона и Агавы, ставшего царем Фив после Кадма, запрещавшего чествовать Диониса. На сюжет этого мифа Еврипид написал трагедию «Вакханки», поставленную на сцене в 405 году до нашей эры.

Дионис, Пенфей и вакханки

В прологе трагедии Дионис стоит перед дворцом Пенфея и возглашает:

Да, город, ты почувствуешь теперь,
Что до сих пор чуждался оргий Вакха.
Семелы матери я память защитить
Являюсь мощным богом, сыном Зевса.

Внешний вид Диониса отражает его двоякую сущность. Он — бог, а по облику — человек; он родился в Фивах, но одевается по-персидски; он мужчина, но на его внешности отпечаток женственности, он наказывает тех, кто не чтит его, но при этом носит маску веселости. Для характеристики Диониса понятия «божество/человек», «грек/варвар», «мужчина/женщина» довольно расплывчаты.

Сестры Семелы отказались почитать Диониса, и он лишил их рассудка. Та же участь постигла и остальных женщин Фив. Дионис пригнал их на гору Киферон и там свел всех с ума, но это не менады, спутники Диониса, их безумное состояние им навязано и они, став вакханками, являются хором в пьесе. Хор вакханок появляется на сцене и во вступительной песне призывает всех прославлять Диониса, благодаря которому «млеком струится земля, и вином, и нектаром пчелиным». Пенфей, чья власть теперь под угрозой, напуган и противится восхвалению Диониса.

На сцене появляются Кадм и слепой прорицатель Тиресий. По версии, изложенной Каллимахом в «Гимне Афине», Тиресий, когда однажды бродил по холмам со своими собаками, случайно увидел Афину обнаженной во время ее купания в источнике Гиппокрена на горе Гелион, и за это богиня ослепила его. Слепота — удел тех, кто наблюдает за бессмертными без их дозволения, но Афина возместила Тиресию потерю зрения даром прорицания, долгой жизнью и способностью сохранять разум после смерти. По другой

⁹⁵ По Софоклу, эдоны заключили Ликурга в пещеру, где рассудок постепенно к нему вернулся. По версии Гигина, Ликург, напившись пьяным, попытался изнасиловать собственную мать, убил жену и сына, а затем отрубил себе одну ногу, решив, что это лоза. В конце концов его съели пантеры.

версии, Тиресий увидел однажды на горе двух спаривающихся змей. Отбиваясь от них, он убил палкой самку и за это был превращен в женщину. Через несколько лет он опять увидел двух спаривающихся змей, но на этот раз убил палкой самца и вновь стал мужчиной⁹⁶. Когда между Зевсом и Герой возник спор о том, кому любовь приносит большее наслаждение — мужчине или женщине, — они попросили рассудить их Тиресия, познавшего природу обоих полов.

Тиресий ответил:

Из десяти частей любовных наслаждений
У женщин — трижды три, а у мужчин — одна.

За то, что Тиресий выдал великую женскую тайну, Гера ослепила его, но Зевс наделил его разумом пророчества.

Тиресий и Кадм — люди почтенного возраста, но они модно одеты и развлекаются танцами. Они славят Диониса по доброй воле. У Пенфея, царя Фив, противоположная точка зрения: он в ярости оттого, что женщины города отправились в горы, чтобы прославлять нового бога.

Хор вакханок воспеваает святость и праведность. Хор в греческих трагедиях обычно нейтрален, но сейчас в песнопении слышится явное осуждение Пенфея, приказавшего взять Диониса под стражу. Солдат выводит пленного бога на сцену. Дионис улыбается, и солдат уведомляет Пенфея о его кротком нраве. Тем не менее между Пенфеем и Дионисом начинается перепалка.

Дворец неожиданно сотрясает землетрясение, и из-за сцены доносится глас Диониса. В греческих трагедиях голоса за сценой придаются обычно людям, которых лишают жизни (к примеру, Агамемнону в трагедии Эсхила «Агамемнон» или сыновьям Медеи в трагедии Еврипида «Медея»), но здесь голос за сценой принадлежит зачинщику насилия и бесчинства.

Пенфей появляется на сцене в поисках пленника и во второй раз встречается с Дионисом. Царь крайне возмущен тем, что фиванки ушли из города в горы, но он не прочь тайком посмотреть, чем они занимаются, и Дионис играет на его любопытстве. Он предлагает Пенфею переодеться женщиной, отправиться в горы и, затесавшись в толпу, все увидеть вблизи.

Пенфей появляется на сцене в женской одежде, и вид его мог бы рассмешить публику, если бы перед этим Дионис ее не уверил, что Пенфея ждет смерть. Хор воспеваает радости вакхических ритуалов, но он против разлада и гнета в городе и называет себя оленем, а Пенфея — охотником. Но Пенфей вот-вот станет жертвой, ибо случится *peripeteia* (этот термин использовал Аристотель, когда описывал поворотный пункт действия: превращение главного героя в жертву насилия).

Наступает последняя встреча Пенфея и Диониса. Теперь на высоте положения Дионис, наславший на Пенфея безумие. Хор разражается взволнованным песнопением, предвещающим, что случится с Пенфеем. О его дальнейшей судьбе повествует Вестник. Вакханки во главе с матерью Пенфея Агавой приняли царя за дикого зверя и разорвали на части. Контрастом этому жуткому сообщению служит сменивший речь Вестника радостный хор вакханок, что кажется странным: Пенфей вел себя неразумно, но, конечно, не заслужил столь страшного наказания.

На сцене впервые появляется безумная Агава (на нее, как и на всех других женщин города, Дионис наслав помешательство). В ее руках голова сына, которую она принимает за голову льва. Трагик предлагает аудитории завершение поворотного пункта действия: Пенфей хотел обезглавить пленника (Диониса), а вышло, что его обезглавили самого, да еще руками

⁹⁶ По Овидию, Тиресий оставался женщиной в течение семи лет, а вновь стал мужчиной, когда ему было за семьдесят.

собственной матери. Вслед за Агавой на сцене появляется Кадм с расчлененными останками своего внука, создавая ужасный контраст с радостным возбуждением безумной Агавы. Ужас достигает своего апогея, когда к Агаве возвращается разум, и она осознает, что совершила.

Кадм оплакивает смерть внука, сокрушается о разрушенном доме. Его судьба примечательна: он восхвалял Диониса, танцевал в угоду богу, хотя и относился слегка скептически к этому восхвалению. Хор вакханок выражает Кадму сочувствие. Трагедия завершается появлением Диониса. Он рассказывает о том, что произойдет в будущем, но будущее столь же ужасно, как и случившиеся события. Кадм и Гармония станут правителями Иллирии, но затем их превратят в змей, и Зевс отправит их на острова Блаженных⁹⁷. Еврипид попытался в конце трагедии связать мифы с историей, что говорит об его интересе к этимологии (объяснению происхождения традиций и верований).

Утвердив свой культ в Фивах, Дионис направился в Арголиду, где его тоже не почитали. Тогда Дионис наслал на дочерей царя Прета безумие, и те стали пожирать своих младенцев живьем.

Затем, согласно гомеровскому «Гимну к Дионису», он решил перебраться на остров Наксос, для чего нанял пиратский корабль. Но пираты его обманули: они прошли мимо Наксоса и отправились в Азию, где рассчитывали продать Диониса в рабство. Тогда Дионис превратил весла корабля в змей и опутал оснастку плющом, сопроводив свои действия звуками флейты. Пираты обезумели от страха, попрыгали в море и превратились в дельфинов.

Утвердив повсеместно свой культ, Дионис опустил в царство мертвых, чтобы забрать с собой свою покойную мать Семелу. Аид согласился ее отпустить в обмен на то, что Дионису дороже всего. Для Диониса дороже всего были плющ, мирт и вино. Он подарил Аиду мирт, забрал Семелу и, изменив ее имя на «Тиона» (чтобы остальные духи умерших не обиделись), вознесся с ней на Олимп.

Эдип

Существует много версий того, кто становился царем Фив после Кадма и Пенфея. Наиболее распространенная версия приводится ниже:

Цари Фив:

- Кадм, сын Агенора или Феникса.
- Пенфей, сын Эхиона.
- Полидор, сын Кадма и Гармонии.
- Никтей, регент при малолетнем внуке Лабдаке.
- Лик, регент после смерти Никтея, своего брата.
- Лабдак, сын Полидора.
- Лик, регент во второй раз, теперь при малолетнем Лае; убит Амфионом и Зетом.
- Амфион и Зет, сыновья Антиопы и Эпопея.
- Лай, сын Лабдака.
- Креонт, сын Менекея.
- Эдип, сын Лая.

Регенты Никтей и Лик перестали властвовать в Фивах из-за своей преждевременной смерти. Все началось с того, что Зевс соблазнил Антиопу, дочь Никтея. Никтей изгнал Антиопу из Фив и покончил с собой. Антиопа перебралась в Сикион, где вышла замуж

⁹⁷ По Гигину, Кадма и Гармонию в змей превратил Арес за то, что Кадм убил змея, охранявшего источник Ареса в Фивах.

за царя Эпопея, но Лик, брат Никтея, убил Эпопея, а Антиопу пленил. На пути в Фивы Антиопа на горе Киферон родила близнецов, и там, оставшись одни, без матери, младенцы бы умерли, но их подобрал проходивший мимо пастух, который назвал их Зетом и Амфионом. Когда близнецы выросли, Зет преуспел в земледелии, скотоводстве и военном искусстве, а Амфион стал замечательным музыкантом, способным звуками своей музыки увлекать за собой животных и двигать камни.

Лик и его жена Дирка помыкали Антиопой, превращенной ими в рабыню, а то и держали в темнице закованной в кандалы. Но однажды ее оковы чудесным образом спали, и она убежала, найдя приют в домике пастуха, где жили ее сыновья. Однако те ее не узнали, и Дирка, носившаяся в вакхическом экстазе по склонам горы Киферон, нашла Антиопу и решила убить ее, привязав к дикому быку. Но в последний миг пастух узнал Антиопу, и тогда Амфион и Зет привязали к рогам быка Дирку, а когда она умерла, швырнули ее тело в ближайший источник, который впоследствии получил ее имя⁹⁸.

После этого братья убили Лика и, воцарившись в Фивах, принялись за возведение городских стен. Эта сцена запечатлена на знаменитом плаще, подаренном Афиной Ясону перед отплытием аргонавтов в Колхиду: Зет носит камни, а Амфион приводит их в движение и заставляет ложиться в нужное место игрой на лире.

Затем Амфион и Зет изгнали из города Лая, который бежал к Пелопу в Пелопоннес, но там он надругался над Хрисиппом, юным сыном Пелопа (это был первый гомосексуальный акт между смертными). Мальчик покончил с собой, и Зевс объявил, что Лай будет убит собственным сыном. Гера, богиня деторождения, чтобы наказать Фивы за мерзкий поступок Лая, наслала на город Сфингу (иначе Сфинкс), чудовище с грудью женщины, телом льва и крыльями птицы.

Зет женился на Фиве, в честь которой город и получил свое имя, а Амфион взял в жены Ниобу, дочь Тантала и сестру Пелопа. Ниоба родила много детей, число которых, по разным версиям мифа о ней, колеблется от десяти сыновей и десяти дочерей до двух мальчиков и трех девочек. Ниоба так гордилась своими детьми, что однажды позволила себе нелестно отозваться о Латоне/Лето, у которой было всего двое детей — Аполлон и Артемида. Эти двое, по наущению своей матери, убили детей Ниобы: сыновей, когда те охотились на горе Киферон, а дочерей — в их собственном доме⁹⁹. Ниоба бежала за море, на гору Сипил, где превратилась в изваяние, проливающее день и ночь слезы.

После смерти Амфиона Фивами стал править вернувшийся в город Лай. Он женился на Иокасте¹⁰⁰, но долгое время оставался бездетным. Тогда он обратился за советом к Дельфийскому оракулу и получил ответ, что сын, который у него родится, убьет его. Лай стал избегать общения с женой, но однажды Иокаста напоила его допьяна, и Лай не избежал искушения. Когда Иокаста родила сына, Лай проткнул ему булавкой лодыжки и повелел пастуху отнести младенца на гору Киферон и там оставить на произвол судьбы. Мальчика нашел другой пастух, служивший у царя Коринфа Полиба. Этот пастух отнес младенца бездетной жене Полиба Миропе¹⁰¹, и она воспитала его как собственного ребенка.

⁹⁸ Этот миф послужил сюжетом для скульптурной группы, известной под названием «Бык Фарнезе», находящейся в настоящее время в Национальном археологическом музее Неаполя.

⁹⁹ По версии Аполлодора, в живых остались сын Ниобы Амфион и старшая дочь Хлорида. По другому источнику, в живых остались Амикл и Мелибея. По Павсанию, Мелибея, когда расправлялись с ее родными, так побледнела от испуга, что получила прозвище Хлорида (Бледная).

¹⁰⁰ Гомер называет жену Лая именем Эпикаста. По другой версии, первой женой Лая (до Иокасты) была Эвриклея.

¹⁰¹ По другим версиям, жену Полиба звали Перибей или Медуса.

Мальчика назвали Эдипом («с опухшими ногами»).

Когда Эдип вырос, он случайно узнал, что Полиб и Мeroпа — его приемные родители, и, чтобы узнать свое истинное происхождение, отправился к Дельфийскому оракулу. Оракул на его вопрос не ответил, но посоветовал ему не возвращаться на родину, ибо ему суждено убить своего отца и жениться на матери. Не смея вернуться в Коринф, который он считал своей родиной, Эдип отправился искать счастья на чужбине. На перекрестке трех дорог, ведущих из Дельф в Давлиду, Лебадию и Фивы, он повстречался с Лаем и в завязавшейся дорожной ссоре убил его. После смерти Лая царем Фив стал Креонт.

Как раз в то время Гера наслала на Фивы Сфингу. Обосновавшись неподалеку от города на скале, Сфинга задавала каждому путнику загадку, которой ее научили музы. Эту загадку излагают по-разному, но содержание ее всегда одинаково:

Кто, имеющий один голос, ходит утром на четырех
Ногах, днем на двух, а вечером на трех?

Всех, не сумевших решить загадку, Сфинга убивала и тут же пожирала. Только отгадав эту загадку, можно было избавиться от чудовища. Когда жертвой Сфинги стал сын Креонта Гимон, царь объявил, что того, кто решит загадку чудовища, он посадит на царство вместо себя и ему же отдаст в жены Иокасту, вдову Лая.

Эдип решил загадку чудовища, дав правильный ответ: человек. В младенчестве он ползает на четвереньках, в зрелом возрасте ходит на двух ногах, а в старости опирается на палку. В отчаянии Сфинга бросилась со скалы и разбилась насмерть, а Эдип стал царем и женился на Иокасте.

О дальнейших событиях рассказывается в трагедии Софокла «Эдип-царь». Трагедия начинается с хора фиванских старцев, которые просят Эдипа избавиться город от постигшего его страшного мора. Предусмотрительный Эдип к тому времени уже послал брата Иокасты Креонта за советом к оракулу, и вот Креонт приносит его ответ. Чтобы избавиться от страшного мора, следует найти и наказать убийцу царя Лая. Эдип, не подозревая о том, что он сам убил Лая, клянется предпринять все усилия для того, чтобы обнаружить убийцу.

Хор в своем песнопении вешает о постигшем Фивы ужасном бедствии, молит богов о помощи и встревоженно рассуждает о том, осият ли фиванцы достойные богов жертвы, которые придется принести за их заступничество и помощь.

В присутствии жителей города Эдип просит любого, кто может помочь отыскать убийцу, выйти вперед. Затем, по горькой иронии, он уведомляет собравшихся, что будет искать убийцу Лая с тем же упорством, как если бы Лай приходился ему отцом, обещает за сведения об убийце награду и добавляет, что убийцу не предаст смерти, а лишь изгонит из Фив. Все молчат. Тогда разгневанный Эдип в сердцах угрожает, что накажет не только убийцу, но и того, кто его покрывает.

На сцене появляется слепой прорицатель Тиресий. Эдип просит его назвать убийцу Лая. Прорицатель отвечает отказом. Эдип гневается и обвиняет его в соучастии в преступлении. Наконец, уступая гневу Эдипа, Тиресий отвечает ему: «Ты сам тот убийца, которого ищешь». Эдип приходит еще в большую ярость, но он знает, что спорить с прорицателем предосудительно и опасно. Тогда он напоминает о своих заслугах перед фиванцами и обвиняет Креонта в том, что это он понудил Тиресия дать ложные показания, чтобы самому стать царем. Тиресий стоит на своем и нехотя добавляет, что убийцу Лая ждут слепота, позор и изгнание.

Хор старцев приходит в ужас и поет о «крыльях мрачных предчувствий», чей шум носится в воздухе, но все же остается верным Эдипу, несмотря на выдвинутые против него обвинения. Креонт также отрицает выдвинутые против него обвинения, но Эдип ему не верит.

На сцене появляется Иокаста. Узнав, что произошло, она отсылает Креонта в дом и рассказывает о пророчестве, согласно которому ее сын должен был убить ее бывшего мужа,

а также о том, что Лай повелел отнести их только что родившегося младенца на гору Киферон и о том, что Лая убили разбойники на перекрестке трех дорог, когда он направлялся в Дельфы.

В душу Эдипа закрадываются сомнения: неужели он убил Лая? Чтобы успокоить Эдипа, Иокаста напоминает, что, по слухам, на Лая напали несколько человек. Тогда Эдип посылает за пастухом, который подобрал брошенного младенца на горе Киферон.

Лишь только послали за пастухом, на сцене появляется Вестник, прибывший из Коринфа. Он сообщает о смерти престарелого Полиба и, желая успокоить царя, добавляет, что Полиб и Мeroпа не настоящие родители Эдипа и что он сам принес его младенцем к Полибу, получив ребенка у пастуха царя Лая. Эдипу начинает открываться страшная истина, а Иокаста уже поняла: пророчество сбылось и Эдип — ее сын. Она просит Эдипа прекратить расследование, но тот противится, и она в отчаянии удаляется во дворец.

Появляется пастух, он отказывается отвечать на вопросы Эдипа, но царь грозит ему страшной казнью, и тогда пастух открывает истину: он сжалился над несчастным младенцем, которого обрек на смерть Лай, и отдал его пастуху Полиба. Пастух добавляет, что тот младенец был, вероятно, сыном Лая и Иокасты. Для Эдипа никаких сомнений не остается: он убил своего отца и женился на собственной матери. Потрясенный содеянным, он вслед за Иокастой удаляется во дворец.

Во дворце происходят ужасные, трагические события, о чем сообщает Вестник. Иокаста не вынесла открывшегося перед ней ужаса и повесилась¹⁰², а Эдип, обезумев от горя, выколол себе глаза снятой с платья Иокасты застежкой, чтобы не видеть людей, которым принес муки и горе — и прежде всего своих дочерей, Йемену и Антигону.

Затем Эдип вновь появляется на сцене и просит вернувшегося к власти Креонта казнить его или изгнать из Фив. Креонт отвечает, что прежде чем определиться с решением, он спросит совета у оракула, и настаивает на том, чтобы Эдип подчинился. Гордый Эдип, находившийся долгое время у власти, а теперь ослепший, вынужден покориться. Трагедию завершает хор старцев, сожалея о том, что Эдип потерял величие, и горестно замечает, что человек обретает счастье лишь после смерти, когда все страдания оставляют его.

Этеокл, Полиник и Семеро против Фив

Эдипа все-таки изгнали из Фив, но перед тем как покинуть город, он проклял своих сыновей, Этеокла и Полиника¹⁰³. Эдип вместе с дочерью Антигоной¹⁰⁴ отправился в Колон, городок близ Афин, где их приютил Тесей, царь Афин. Последовавшие за этим события в жизни Эдипа и его окружения описаны Софоклом в трагедии «Эдип в Колоне».

После изгнания Эдипа из Фив Этеокл и Полиник пришли к власти и договорились, что будут править в Фивах поочередно, по году каждый. Однако Этеокл, когда пришло время передать власть Полинику, делать это наотрез отказался и изгнал брата из города.

Полиник направился в Аргос, захватив с собой ожерелье и одеяние, подарки Кадма Гармонии ко дню свадьбы. В то время в Аргосе царствовал Адраст, а когда Полиник явился к

¹⁰² По Сенеке, Иокаста закололась. По версии Еврипида она закололась, но только после смерти Эдипа.

¹⁰³ По одной версии, Эдип проклял своих сыновей за то, что они не воспротивились его изгнанию. По другой версии, сыновья прислали Эдипу не тот кусок мяса, который полагался ему по статусу: вместо лопатки — заднюю часть туши. Разгневанный Эдип проклял Этеокла и Полиника, завещав им делить наследство с мечом в руках, пока они не убьют друг друга.

¹⁰⁴ Согласно некоторым источникам, сыновья Эдипа — Этеокл и Полиник — были рождены Эвриганией, дочерью Гиперфа. По другой версии, после смерти Иокасты Эдип женился на Автомедусе, которая позже ложно обвинила своих пасынков в том, что они ее обесчестили.

нему, то у него тут же случилась ссора с Тидеем, бежавшим в Аргос из Калидона. Адраст разнял их, а разняв, вспомнил прорицание, данное ему оракулом и заключавшееся в том, что он должен выдать своих дочерей, Аргию и Диепилу, за льва и вепря. Вспомнил он об этом незря: на Полинике была львиная шкура, а на щите изображение льва (символа Фив, учрежденного в честь Сфинги, имевшей львиное тело), а Тидей был одет в шкуру вепря, а на щите был изображен этот зверь (символ Калидона).

Вскоре Адраст отдал Аргию в жены Полинику, а Диепилу — в жены Тидею, пообещав зятям помочь вернуть их владения и решив вначале выступить против Фив. Но когда Адраст собрал войско, прорицатель Амфиарай, к неудовольствию царя, сообщил, что участия в походе не примет, ибо если поход состоится, то все его участники, кроме Адраста, погибнут. Тогда Адраст решил привлечь на свою сторону Эрифилу, свою сестру и жену Амфиарая, соблазнив ее ожерельем, принадлежавшим раньше Гармонии. Адраст рассчитывал, что, приняв ожерелье, Эрифилу уговорит своего мужа присоединиться к походу. Расчет Адраста имел основание: случилось так, что однажды Адраст поссорился с Амфиараем, и ссора могла обернуться смертоубийством, но Эрифилу их разняла, после чего Амфиарай поклялся повиноваться ее решениям во всех будущих спорах. По просьбе Адраста Полиник подарил Эрифиле драгоценное ожерелье, попросив ее разрешить спор между ним и Адрастом. Отказать жене значило нарушить данную клятву, и Амфиарай, скрепя сердце, согласился выступить вместе с войском.

В поход выступило войско, возглавляемое семью военачальниками. Разные источники называют различные имена, но чаще всего это Адраст или Этеокл, а также Амфиарай, Гиппомедонт, Капаней, Парфенопей, Полиник и Тидей¹⁰⁵. Когда войско достигло Немей, где правил Ликург, Гипсипила — бывшая царица острова Лемнос и возлюбленная Ясона, а теперь рабыня — повела мучимых жаждой воинов к ближайшему ручью. Гипсипила в свое время бежала с Лемноса, ибо когда островитянки истребили у себя всех мужчин, она спасла своего отца Фоанта, и за это ее грозили убить. Однако в море Гипсипилу захватили пираты и продали в рабство, и теперь она была кормилицей сына Ликурга Офельта. Когда Гипсипила пошла показывать воинам, где можно утолить жажду, оставленного без присмотра Офельта укусила змея, и он умер.

Амфиарай посчитал смерть Офельта плохим предзнаменованием, и воины, назвав мальчика новым именем Архемор (Начинатель Рока), учредили в его честь Немейские игры; во время проведения этих игр судьи облачались в темные одежды в знак траура по Офельту.

Когда войско подошло к Фивам, вожди отправили Тидею к фиванцам с требованием, чтобы Этеокл отрекся от власти в пользу Полиника. Этеокл ответил отказом. Тогда Тидей стал вызывать всех фиванских вождей поочередно на поединок.

Всех победил: таково поборола Тидею Афина,
Злобой к нему воспылали кадмейцы, гонители коней,
И, на идущего вспять, пятьдесят молодых раторборцев
Выслали тайно в засаду.

Но Тидей и для них жестокий конец уготовил:
Всех поразил их и дал лишь единому в дом возвратиться¹⁰⁶.

Аргосское войско подошло к городским стенам Фив. Осада города описана в двух

¹⁰⁵ У Еврипида в трагедии «Финикиянки» в числе Семерых против Фив значится Адраст, а в его же трагедии «Умоляющие» вместо Адраста — Этеокл. В других источниках одним из семерых военачальников называется Мекистей, брат Адраста.

¹⁰⁶ По Гомеру, в бою с Тидеем уцелел Меонт.

греческих трагедиях: «Семеро против Фив» Эсхила и «Финикиянки» Еврипида, а также в «Фиваиде», эпосе римского поэта I века Стация, который пользовался большим читательским интересом в Средневековье и во времена Возрождения. Когда аргивяне подошли к Фивам, каждый из военачальников расположился у одних из семи городских ворот¹⁰⁷.

Тем временем Этеокл, захвативший власть в Фивах, спросил у прорицателя Тиресия, каким образом можно одолеть неприятеля, осадившего город.

Тиресий ответил так:

Ты прав, отец, желая это знать
И объяснений требуя: в пещере,
Где жил Дракон, хранитель вод диркейских
И сын Земли, он [Менекей] должен быть убит...
Там кровь его, на землю пролитая,
За Кадмову победу заплатив,
С обиженным вас примирит Ареем
И Землю-мать отрадой напоит.

Узнав об этом пророчестве, Менекей, сын Креонта, поднялся на стену и, пронзив себя мечом, бросился в пещеру, где некогда жил убитый Кадмом дракон, посвященный Аресу. Самопожертвование Менекея решило исход сражения в пользу фиванцев. Штурм города захлебнулся, ибо едва Капаней приставил к городской стене лестницу и начал по ней взбираться, Зевс поразил его перуном.

О гибели Капанея в трагедии Еврипида «Финикиянки» рассказывает Вестник:

Нет, ярости надменной не сумею
Я передать, с которой сходни он
Огромные влачил к фиванским стенам
И с похвальбой кричал, что сам Зевес
Не защитит теперь кадмейских башен.

И вдруг... Зевес ударом поразил
Безумного.

Следом за Капанеем погибли Гиппомедонт, Этеокл и Парфенопей, а Тидей получил смертельные раны. Богиня Афина собралась его исцелить, но Амфиарай, все еще питавший к Тидею ненависть за то, что из-за него пришлось воевать с фиванцами, дал ему отрубленную голову погибшего фиванца Меланиппа¹⁰⁸, и Тидей в припадке ярости разбил череп и стал пить мозг своего врага. Увидев кровожадность Тидея, Афина содрогнулась от ужаса и оставила его умирать.

Сражение закончилось поединком между Этеоклом и Полиником. В ходе поединка Этеокл нанес своему брату смертельную рану в живот. Полиник упал, и Этеокл, решив, что он мертв, подбежал к нему, чтобы снять с него доспехи. Но Полиник, собравшись с последними силами, ударил мечом брата в грудь.

В «Финикиянках» Еврипида итог поединка подвел Вестник:

Враги теперь в смешавшейся крови

¹⁰⁷ Разные источники сообщают о различном числе городских ворот в Фивах.

¹⁰⁸ Меланипп убит Тидеем, Амфиараем или Капанеем.

Лежат, и пыль уста их покрывает,
И мощно смерть соединила их —
Непобедившего с непобежденным.

Амфиарай бежал с поля битвы вдоль берега реки Йемен на колеснице, преследуемый фиванцем Периклименом. Фиванец настигал прорицателя, но тут

...Амфиараю
Бог разверз всеильным перуном
Глубокую грудь земли,
Поглотив его с колесницею,
Пока не ударило его в спину Периклименово копье,
Обрушивая позор на воинственный его дух!

Амфиарай вместе с возничим и колесницей оказался в подземном царстве, где Зевс сделал его бессмертным. Из всех военачальников аргивян в живых остался только Адраст, умчавшийся с поля боя на своем крылатом коне Арионе, отпрыске Деметры, понесшей от Посейдона (не желая ему уступить, Деметра превратилась в кобылу, но Посейдон своего все же добился, приняв обличье коня). Адраст нашел прибежище в Элевсине¹⁰⁹.

О дальнейших событиях рассказывается в трагедии Еврипида «Умоляющие». Жены и матери аргивян узнали, что тела погибших под Фивами остались непогребенными. Тогда, заручившись поддержкой Эфры, матери Тесея, женщины отправились в Фивы, чтобы потребовать выдачи тел павших аргосских воинов. Предприятие завершилось успехом: аргивянам выдали все тела павших воинов, за исключением тела погибшего под Фивами Полиника. Тела эти были перенесены в Элевсин, где и были совершены необходимые ритуалы.

В Фивах в очередной раз воцарился Креонт. Он наотрез отказался выдать тело Полиника для погребения и грозил смертью каждому, кто осмелится нарушить его запрет. Креонт исходил из того, что Полиник изменил Фивам, но не предать земле мертвого значило выступить против воли богов и тяжело оскорбить родственников умершего, имевших все права на его погребение с соблюдением установленных ритуалов. Эта коллизия рассматривается Софоклом в трагедии «Антигона».

Антигона, сестра Полиника, втайне от Креонта, своего дяди, засыпала сверху тело Полиника землей, совершив похоронный обряд, который был в ее силах. Узнав об этом, Креонт страшно разгневался и, встретившись с Антигоной, потребовал, чтобы она созналась в содеянном.

Креонт:

А ты мне ясно, без обиняков
Ответь: ты о моем запрете знала?

Антигона:

Конечно, знала; всем он ведом был.

Креонт:

¹⁰⁹ По версии Диодора, Адраст вернулся в Аргос. По Павсанию, Адраст, не в силах перенести гибель сына, умер в Мегаре во время отступления войска из-под Фив.

Как же могла закон ты преступить?

Антигона:

Затем могла, что не Зевес с Олимпа
Его издал, и не святая Правда,
Подземных сопредстольница богов,
А твой приказ — уж не такую силу
За ним я признавала, чтобы он,
Созданье человека, мог низвергнуть
Неписанный, незыблемый закон
Богов бессмертных.

Креонт решил предать смерти и Антигону, и ее невинную сестру Йемену. Сын Креонта Гемон, помолвленный с Антигоной, попытался спасти сестер. Но в результате бурного объяснения с сыном Креонт пошел на уступку только в одном: Йемену он пощадит. Антигону же Креонт приказал похоронить в гробнице заживо.

Тогда ясновидец Тиресий обвинил Креонта в оскорблении всемогущих богов и устранил его прорицанием:

Запомни же. Немного вех ристальных
Минуют в горних Солнца бегуны —
И будет отдан отпрыск царской крови
Ответной данью мертвецам — мертвец.
Ты провинился дважды перед ними:
Живую душу, дочь дневного света,
В гробницу ты безбожно заключил,
А тьмы подземной должника под солнцем
Удерживаешь, не предав могиле.

Выслушав предсказание, Креонт решил пойти на попятный: дать согласие на погребение Полиника и освободить Антигону. Но он опоздал: Антигона повесилась, а убитый горем Гемон пронзил себе грудь мечом. В довершение этих бедствий Эвридика, жена Креонта, узнав о смерти Гемона, покончила счеты с жизнью.

Обработка Софоклом мифа об Антигоне позволила рассмотреть ряд спорных вопросов, касающихся моральных устоев героев трагедии.

Креонт не закоренелый злодей, в начале трагедии он осознает свою ответственность как правителя за принятые решения, а в заключительной сцене пьесы, когда появляется, неся на руках тело сына, заслуживает относительного сочувствия. Конечно, его поведение двойственно. Тиресий считает, что решение, принятое Креонтом, воистину аморально и находится за рамками допустимого, ведь он, не разрешив похоронить Полиника, оставил его тело на растерзание хищным животным и птицам. Но с другой стороны, в поступке Креонта не было ничего особенно аморального: он не разрешил предать земле тело изменника на его родине.

Двойственно и поведение Антигоны. Ее желание предать земле тело брата вполне естественно, но в обхождении с Исменой она довольно жестка, понуждая сестру помочь ей и тем самым подвергая ее опасности.

В «Антигоне» Софокла ясно звучит тема морали, нравственности, которая явно выходит за рамки темы нередкой вражды между родственниками или темы вражды государства и индивида¹¹⁰.

¹¹⁰ Гигин предлагает другую концовку мифа об Антигоне. По его версии, Антигона предала тело Полиника

Эпигоны

Спустя десять лет после похода Семерых против Фив их сыновья решили отомстить за отцов и организовать новый поход. Они известны как Эпигоны. Вот их имена:

- Алкмеон и Амфилох, сыновья Амфиарая.
- Эгиалей, сын Адраста.
- Диомед, сын Тидея.
- Промах, сын Парфенопея.
- Сфенел, сын Капанея.
- Ферсандр, сын Полиника.
- Эвриал, сын Мекистея.

Оракул Аполлона предсказал Эпигонам победу, если Алкмеон возглавит поход. Но Алкмеон не решался выступить против Фив, пока не исполнит наказ своего отца: отомстить Эрифиле, которая, прельстившись ожерельем Гармонии, послала Амфиарая на верную гибель. Тогда Ферсандр, подобно своему отцу Полинику, подкупил Эрифилу, подарив ей драгоценную одежду Гармонии, и Эрифиле настояла на том, чтобы Алкмеон возглавил поход.

На этот раз поход против Фив увенчался успехом. Победив фиванцев в сражении, Эпигоны двинулись к городу. Ночью фиванцы вместе с женами и детьми тайно бежали из города, и во время этого бегства умер прорицатель Тиресий. Взяв Фивы, Эпигоны вернулись на родину, и Алкмеон, узнав, что Эрифиле вторично настояла на выступлении против Фив, прельстившись подарком, убил ее¹¹¹. Узнав об этом матереубийстве, Эринии наслали на Алкмеона безумие.

Алкмеон отправился странствовать по свету и наконец оказался в Псофиде, где царь Фегей очистил его от убийства матери. К Алкмеону вернулся разум и он женился на Алфесибее¹¹², дочери Фегея, подарив ей в день свадьбы ожерелье и одежду Гармонии.

Однако Эринии продолжали преследовать Алкмеона, несмотря на совершенный обряд очищения, и Алкмеон отправился к речному богу Ахелю, чьи очистительные возможности считались более действенными. Наконец очистившись полностью от убийства, Алкмеон женился на Каллирое, дочери Ахелоя. Спустя какое-то время Каллироя, опасаясь, что может потерять свою красоту, сказала Алкмеону, что впредь станет делить с ним ложе лишь после того, как он подарит ей ожерелье и одежду Гармонии.

Павсаний в своем труде отмечал, что мужчины часто живут во власти неразумных желаний, а женщины культивируют эту власть еще более, а также замечал, что фамильные драгоценности часто приносят несчастья, передающиеся от одного обладателя этих

огню. Узнав об этом, Креонт повелел своему сыну Гемону казнить Антигону. Гемон согласился, а сам тайно увез девушку и женился на ней. Антигона родила ему сына, который юношей пришел в Фивы, но Креонт узнал его по родимому пятну, которое было у всех потомков Кадма, и приговорил к смерти. За юношу вступился Геракл, но Креонт не отменил своего решения. Узнав о гибели сына, Гемон в отчаянии убил Антигону, а потом и самого себя.

¹¹¹ По некоторым версиям мифа об Эпигонах, Эрифилу убили Алкмеон и Амфилох.

¹¹² По Аполлодору, дочь Фегея звали Арсиноя. По версии Еврипида, Алкмеон во время странствования по свету вступил в любовную связь с дочерью Тиресия Манто, которая родила ему двух дочерей Амфилоху и Тисифону. Алкмеон привез дочерей в Коринф и оставил на попечение Креонта. Тисифона выросла красавицей, и жена

ценностей к другому. Каллироя и Алкмеон этого, вероятно, не знали. Так или иначе, Алкмеон отправился к Фегею и упросил его вернуть подаренные Алфесибее сокровища, сославшись на то, что он может полностью избавиться от безумия лишь после того, как посвятит сокровища эти Дельфийскому оракулу. Фегей выполнил эту просьбу, но вскоре, узнав правду, пришел в ярость и повелел своим сыновьям убить Алкмеона. Алфесибее возмутилась убийством мужа, и тогда братья заключили ее в сундук, отвезли в Тегею и там отдали в рабство царю Агапенору.

Тем временем Каллироя взмолилась к Зевсу, чтобы ее сыновья, пребывавшие в колыбели, выросли и возмужали за одну ночь и отомстили убийцам своего отца. Зевс внял мольбам Каллирои, и ее сыновья убили Фегея, его жену и сыновей. Забрав ожерелье и одежду Гармонии, они посвятили их Дельфийскому оракулу¹¹³, и вещи эти перестали приносить беды.

Изложение Софоклом мифа об Эдипе породило вопросы в современной ему просвещенной среде; рассматриваются эти вопросы и в наше время. Бытует мнение, что правда о себе была известна Эдипу задолго до постигшей его трагедии; также считается, что он был зависимым человеком, марионеткой, лишенной свободы действия и жертвой случайного стечения обстоятельств, настолько невероятного, что обычному человеку следует больше бояться удара молнии, чем возможности испытать на себе несчастья Эдипа или — если использовать терминологию Фрейда — начать страдать эдиповым комплексом.

В трагедии Софокла Зигмунд Фрейд привлекли поиски Эдипом своей индивидуальности: герой трагедии целеустремленно собирает сведения о себе, пытается выяснить, откуда у него «опухшие» ноги, и наконец узнает, что его взаимоотношения с родителями не соответствуют нормам общества. Судьба Эдипа, по мнению Фрейда, является прекрасным материалом для психоанализа, и он делает Эдипа и связанную сюжетом с ним Сфингу носителями выявленных им символов.

У Сфинги ужасающая воображение родословная.

Но Сфинга не только чудовище, она еще и сексуальное существо. На вазе (470 г.), хранящейся в Киле, она представляет собой прелестную на вид женщину, со сладострастием вззирающую на красивого юношу, которого разрывает на части. Ее тройственная природа (женская голова, львиное тело и птичьи крылья) отражают ее мифологическое предназначение: она не только задает загадки, но и сама — загадка. И если Сфинга состоит из трех составных частей, то и загадка ее включает три элемента: «четырехногого», двуногого и «трехногого» человека. Ответ на загадку для фрейдистов поистине идеален: он позволяет объяснить загадку природы Сфинги. Сочетание тела животного с человеческой головой — аллегория: львиное тело — это жестокость, крылья — созидание и божественность, а человеческая голова — суперэго, отличающее человека от животного.

Слово «Сфинга», должно быть, возникло от греческого *sphingo* («быстро сжимаю»), что подвигло фрейдистов увидеть в Сфинге угнетателя и привело к заключению, что Сфинга символизирует человека, пытающегося контролировать свои животные инстинкты, но не преуспевающего в этой попытке, потому что он на две трети животное и только на одну треть разумное существо.

Уместно отметить, что когда Платон рассматривал тройственность человеческой души, он имел в виду под этим понятием инстинктивные потребности, чувства и разум. Однако в своих изысканиях он обошелся без Сфинги, отдав предпочтение Химере, Скилле и Керберу.

Подвергнув миф об Эдипе психоанализу, фрейдисты пришли к заключению, что убийство Эдипом Сфинги можно в равной степени расценить как подавленное влечение к

¹¹³ По Павсанию, ожерелье и одеяние Гармонии посвятили Дельфийскому оракулу сыновья Фегея.

матери, так и как враждебность к отцу, — эмоциональное состояние, приведшее к ужасным последствиям. А так как вместе со Сфингой (угнетателем) Эдип уничтожил и ее человеческий элемент, о нем можно сказать, что сам он по природе — не угнетатель.

Для фрейдистов даже само имя «Эдип» («опухшие ноги») означает, не поддающуюся контролю мужскую сексуальность: ноги — в основе загадки Сфинги; Эдип получил свое имя от проколотых Лаем лодыжек, что стало фрейдистским символом угрозы кастрации отцом; Фрейд считает, что уродство и хромота — символы кастрации в сновидениях, что позволяет, оперируя именами отца и деда Эдипа, толковать происхождение его уродства и хромоты: Лай (*laios*) значит «утраченный» и потому обозначает «уродство», а имя деда Эдипа Лабдака увязывается с лямбдой (λ), буквой, у которой в графическом исполнении один штрих короче другого (и потому она соотносится с человеком, у которого одна нога короче другой, то есть хромым). Наконец, Фрейд приравнивает слепоту к кастрации, и по этой причине ослепление Эдипом самого себя является мощным символом оскотления. Таким образом, для Фрейда трагедия Софокла «Эдип-царь» стала наиболее значимым и универсальным произведением из всех сочиненных великим греком, ибо повествует об истории жизни каждого человека.

Миф об Эдипе в произведениях искусства

Можно по-разному относиться к трактовке Фрейдом мифа об Эдипе (счесть глубоко серьезной или посчитать вздором), но нельзя отрицать того, что Фрейд первым взялся за его научное толкование. Уместно отметить, что на Фрейда произвела глубокое впечатление картина Ингреса «Эдип и Сфинкс» (1808), на которой изображен обнаженный Эдип, бесстрашно стоящий перед логовом Сфинги, усеянным костями предыдущих жертв. Эдип смотрит ей прямо в глаза, хотя наиболее тщательно художник выписал грудь, оставив в тени туловище животного.

На выставках в Париже в 1846 и 1855 годах демонстрировалась картина Гюстава Моро под таким же названием — «Эдип и Сфинкс». На этой картине, как и у Ингреса, Эдип пристально смотрит на явно похотливую Сфингу, которая также, не сводя с него глаз, тянется когтистыми лапами к его гениталиям. Картина принесла Гюставу Моро медаль, хотя и не получила всеобщего признания — карикатурист Оноре Домье язвительно заметил: «Облезлая кошка с головой женщины — и это Сфинкс?»

Теме неотвратимости, предначертанной человеку судьбой, посвящена пьеса Жана Кокто «Адская машина» (1934). В пьесе повествуется об «одной из самых совершенных машин, построенной богами для математического уничтожения смертных», и персонажи пьесы, в том числе и Эдип, что бы ни делали, свою судьбу изменить не могут.

В 1967 году Пьер Паоло Пазолини поставил фильм «Царь Эдип», в котором рассказывается о детстве Эдипа и о его противостоянии Лаю, при этом Пазолини оригинально использовал концепцию Фрейда о том, что личность человека формируется в раннем детстве и непосредственно связана с ролями отца и матери в жизни ребенка.

Можно смело сказать, что миф об Эдипе живет и в настоящее время.

Глава восьмая От Атланта к Гектору

Главные действующие лица

Плеяды — Семь дочерей Атланта и Плейоны.

Гермес — Сын Зевса и Майи, бог воров и обманщиков, похитил коров Аполлона.

Асклепий — Сын Аполлона и Корониды, бог врачевания.

Аполлон — Бог солнечного света, пророчества, стрельбы из лука, разума, интеллекта.
Елена — «Особа, спустившая на воду тысячу кораблей», жена Менелая.
Менелай — Сын Атрея, муж Елены.
Кастор и Полидевк (Поллукс) — Диоскуры (сыновья Зевса).
Лаомедонт — Царь Трои во времена Геракла.
Приам — Царь Трои во времена Троянской войны.
Гекуба — Жена Приама.
Парис — Сын Приама, свершил «суд Париса», похитил Елену.
Кассандра — Дочь Приама, пророчествовала истину, но ей никогда не верили.
Гектор — Сын Приама, лучший воин Трои.

У Атланта и океаниды Плейоны было семь дочерей¹¹⁴, известных как Плеяды и получивших это общее имя то ли от имени свой матери, то ли от греческого *plein* («плавать»): в Средиземноморье появление Плеяд на небе означало открытие сезона мореплавания, который продолжался до их захода. По наиболее распространенному варианту мифа, Плеяд в течение двенадцати лет преследовал охотник Орион, пока они не превратились в голубей, после чего Зевс вознес их на небо в виде созвездия¹¹⁵, где их и поныне преследует Орион, также превращенный Зевсом в созвездие. Шесть звезд в Плеядах сияют ярко, а седьмую, Меропу, почти не видно, это объясняется тем, что ей стыдно, ибо она единственная из семи сестер вышла замуж за смертного.

Старшая из плеяд, Майя, «нимфа, достойная чести великой, в любви сочетавшись с Зевсом-Кронионом», в гроте горы Киллена дала жизнь Гермесу, росшему не по дням, а по часам.

Сын родился у богини — ловкач изворотливый, дока,
Хитрый пролаз, быкокрад, сновидений вожатый, разбойник,
В двери подглядчик, ночной соглядатай, которому вскоре
Много преславных деяний явить меж богов предстояло.
Утром, чуть свет, родился он, к полудню играл на кифаре,
К вечеру выкрал коров у метателя стрел Аполлона.

О похищении Гермесом коров Аполлона рассказывается в сатирической драме Софокла «Следопыты». Аполлон объявил награду за сведения, которые позволят вернуть животных. Разыскать пропавших коров взялся Силен со своими приятелями-сатирами, но попросил плату вперед. Аполлон согласился, и сатиры отправились в путь.

Неожиданно они услышали звуки музыки, никогда не слышанной ими ранее, — это в пещере на лире играл Гермес. Сатиры стали возбужденно переговариваться, и тогда из пещеры вышла нимфа Киллена и резко их отчитала за то, что они шумят. Сатиры смутились, но все же спросили, что за странная музыка доносится словно из-под земли. Киллена им рассказала, что ее сестра Майя недавно тайно родила в гроте мальчика, названного Гермесом, и мальчик этот, быстро подросший, смастерил себе лиру, изготовив ее из панциря черепахи, на который натянул струны из коровьих кишок. Тогда сатиры обвинили Гермеса в краже коров. Киллена отвергла голословные обвинения, пояснив, что у мальчика благонамеренные родители, которые не могли передать ребенку предосудительные задатки. Киллена посоветовала бородатым сатирам, умудренным жизненным опытом, поискать

¹¹⁴ По версии Каллимаха, Плеяды — дочери царицы амазонок.

¹¹⁵ По другой версии, Плеяды вознеслись на небо от горя, вызванного тем, что Зевс повелел их отцу Атланту поддерживать небесный свод. Существует также суждение, что Плеяды вознеслись на небо вместе со своими пятью сестрами Гиадами после того, как их брат Гиас умер от укуса змеи.

похитителя в другом месте. Но сатиры не успокоились: ведь им сообщили, что струны лиры Гермеса сделаны из коровьих кишок, значит, и выжившие коровы недалеко. Сатиры стали настаивать, чтобы Киллена вывела мальчика из пещеры.

На этом «Следопыты» Софокла обрываются, полного текста пьесы не сохранилось, однако известно из другого источника, что сатиры нашли похитителя. Гермес украл коров в Пиерийских горах, воспользовавшись тем, что Аполлон, пасший стадо Адмета, на время отвлекся, чтобы заняться любовью с Гименеем.

Чтобы похищение коров не открылось, Гермес принял меры предосторожности:

Путаной он их дорогой погнал по песчанистой почве,
Перевернув следы им: повадки он хитрые помнил.
Задом ведя их, копыта передние задними сделал,
Задние сделал передними, задом и сам подвигался.

По дороге к пещере, где он родился, Гермес поймал черепаху, сделал из ее панциря лиру и изобрел плектр¹¹⁶. Однако замести следы все же не удалось. За сатирами к пещере пришел Аполлон и грозно потребовал, чтобы ему вернули коров. Гермес, успевший к тому времени улечься в свою колыбель и завернуться в пеленки, все отрицал. Тогда Аполлон воззвал к Зевсу, и тот повелел Гермесу и Аполлону вместе искать коров. Наконец Гермес вернул коров Аполлону, испугавшись его великого гнева. Аполлон все же решил его наказать, но Гермес начал играть на лире столь чарующую мелодию, что Аполлон обменял на лиру своих коров. Затем Гермес изготовил *syrinx* (свирель), и Аполлон предложил в обмен на нее свой посох и, обратившись к Гермесу, добавил:

Посох прекрасный богатства и счастья — трилистный, из
злата.
Будет тебя этот посох повсюду хранить невредимым,
Все указуя дороги к хорошим словам и деяньям,
Сколько бы я их ни знал по внушению вещему Зевса.

Этот посох (кадуцей) стал атрибутом Гермеса, а сам Гермес по повелению Зевса стал вестником богов и *psykhorotos*, проводником душ умерших в царство мертвых.

Другой потомок Атланта — Асклепий, бог врачевания. По наиболее распространенному варианту мифа о нем, Асклепий — сын Аполлона и Корониды (Коронис), дочери Флегия. По крайней мере, так полагает Павсаний, приводящий в своем труде слова пифии, обращенные к Асклепию:

Радость великую всем приносишь ты смертным, Асклепий,
Ты, что мне Флегия дочь родила, сочетавшись любовью,
Вечно желанная мне Коронис, в Эпидавре гористом.

В Эпидавре находилось святилище Асклепия, и до нашего времени дошел «Гимн к Аполлону и Асклепию», написанный жителем этого города Исиллом. В гимне детально описывается происхождение Асклепия.

Взаимоотношения Аполлона и Корониды, ее любовная связь с аркадцем Исхием (когда она уже была беременна Асклепием) и последствия этой связи описаны Пиндаром в третьей «Пифийской песне».

¹¹⁶ Согласно «Гимну к Гермесу», Гермес изготовил лиру до похищения коров Аполлона. В гимне также говорится о том, что Гермес изобрел палочки для добывания огня.

Дочь конеборного Флегия [Коронида],
Как под золотыми стрелами Артемиды
Сошла она, правимая Фебом,
Из опочивальни — в незрячий дом:
Не бессилен гнев Зевсова племени!
Пренебрегая богом, скривясь умом, не сказавшись отцу,
Иной она выбрала брак, —
А была уж смешана с неостриженным Аполлоном,
А несла уже в лоне чистый посев.

Артемиде поразила Корониду «золотыми стрелами», после того как Аполлон, узнав «изменную неправду» (то есть о том, что Коронида «на ложе взошла к аркадскому пришельцу Исхию»), попросил Артемиду, свою сестру, ее наказать.

Но уже положили родичи девушку на сруб,
И уже обегал ее тело буйный Гефестов язык,
Как молвил Аполлон:
«Не потерпит сердце мое
В материнской тяжелой страде
Жалкой гибели моей породе».
Он сказал,
Он шагнул,
— И выхватил сына из трупа,
И пылавший пожар расступился перед ним.
А унес его бог к магнесийскому кентавру
Для науки
Исцелять живущих от страдальных недугов.

Пиндар опустил в своем сочинении ту часть истории, в которой пострадала ворона, имевшая первоначально белое оперение. Так вот, ворона эта увидела, как Коронида занимается любовью с Исхием, и сообщила об этом Аполлону, но Аполлон, вместо того чтобы поблагодарить вестницу, проклял ее за тягостное известие, и стала ворона от того проклятия черной, как и все ее многочисленные потомки.

Магнесийский кентавр, о котором пишет Пиндар, — Хирон, под чьим руководством Асклепий учился искусству врачевания. Вскоре в этом искусстве он добился больших успехов. Правда, он не мог предотвратить смерть людей, зато мог их оживлять с помощью подаренной ему богиней Афиной крови Медузы. Афина подарила Асклепию два сосуда, наполненных кровью этой горгоны. В одном сосуде была кровь, взятая из левой части тела чудовища (эта кровь умертвляла), а в другом — кровь из правой части тела Медузы (эта кровь оживляла умершего). Но Асклепий пользовался лишь той кровью, которая оживляла, и вернул к жизни так много людей, что Зевс, обеспокоенный нарушением естественного хода событий, поразила его перуном¹¹⁷.

В отместку отец Асклепия Аполлон убил киклопов, оружейников Зевса, изготавливавших перуны, и разгневанный Зевс чуть было не отправил Аполлона в Тартар, но за сына вступилась Латона (Лето), и смягчившийся Зевс повелел Аполлону прослужить год (или девять лет) пастухом у Адмета, царя города Фер. С появлением Аполлона в дом Адмета вселилось благополучие: сады стали давать невиданный урожай, кони — славиться далеко за пределами его царства, а коровы, козы и овцы — приносить неизменно двойной приплод.

¹¹⁷ Среди оживленных Асклепием — Капаней, Ликург, Ипполит, Тиндарей, Гименей, Главк и Андрогей, сыновья Миноса, и люди, умершие в Дельфах.

Еще одним потомком Атланта была Елена, давшая повод к Троянской войне, продолжавшейся десять лет. Мать Елены, Леда, жена спартанского царя Тиндарея, родила, помимо Елены, еще несколько дочерей, включая Клитемнестру, вышедшую замуж за Агамемнона, царя Микен. А вот отец Елены, по одним источникам, — Тиндарей, а по другим — Зевс. Сама Елена (в одноименной трагедии Еврипида) не вносит ясности в этот вопрос.

...Мне

Отечество на долю не без славы
Досталось тоже — Спарта; и Тиндар
Был мне отцом... Положим, существует
Предание, что сам отец богов
Когда-то мать мою крылами обнял,
Что, лебедем прикинувшись, на лоне
Ее он скрылся, подавая вид,
Что от орла спасается... так молвят.

По преданию, о котором упомянула Елена, Леда после любовной связи с обернувшимся лебедем Зевсом снесла яйцо, из которого вылупились Елена, Кастор и Полидевк, а по другой версии мифа, Леда снесла два яйца: из одного вылупились Диоскуры, а из другого — Елена и Клитемнестра. Правда, некоторые считают отцом Клитемнестры и Кастора Тиндарея. Еще по одному варианту мифа, Елена — дочь Зевса и Немесиды. Влюбившись в Немесиду, Зевс начал ее преследовать, а она, спасаясь от его домогательств, превратилась в гусыню. Но ей это не помогло: Зевс обернулся лебедем, настиг Немесиду и овладел ею в Рамнунте, что в Аттике¹¹⁸. В результате этой любовной связи Немесида снесла яйцо, попавшее на глаза пастуху. Пастух отнес яйцо Леде, и в положенный срок из него вылупилась Елена. Она оказалась красавицей, и Леда ее удочерила;

Елена еще в детстве стала привлекать мужчин своей красотой. По одной из версий мифа, когда Елене было семь, десять или двенадцать лет, пятидесятилетний Тесея вместе со своим приятелем Перифоем похитил ее из храма Артемиды Ортии в Лакедемоне¹¹⁹, после чего они бросили жребий, кому обладать Еленой. Жребий выпал в пользу Тесея, и он поручил заботиться о Елене своей матери Эфре. По одной версии, Тесея не стал лишать Елену невинности, а по другой — она родила от него Ифигению (которая обычно считается дочерью Клитемнестры). Еще до того, как Тесея и Перифой бросили жребий, они договорились, что для обделенного жребием постараются добыть Персефону, для чего отправятся в царство мертвых. Когда они опустились в Аид, Диоскуры, узнав, где пребывает Елена, освободили ее и увели с собой Эфру.

Когда Елена достигла брачного возраста, она стала еще прекраснее. Позже троянские старцы между собой говорили:

Нет, осуждать невозможно, что Трои сыны и ахейцы
Брань за такую жену и беды столь долгие терпят:
Истинно, вечным богиням она красотой подобна!

Прослышав о божественной красоте Елены, женихи с богатыми дарами один за другим

¹¹⁸ В Рамнунте находится храм Немесиды.

¹¹⁹ Большая разница в возрасте между Тесеем и Еленой побудила некоторых мифологов усомниться в похищении Елены Тесеем. На их взгляд, Елену похитили Идас и Линкея или Тиндарей передал Елену Тесею, чтобы он защитил ее от посягательств одного из сыновей Гиппокоонта.

приходили в Спарту свататься за нее. По разным оценкам, число женихов составляло от двадцати девяти до девяноста девяти человек. Среди претендентов на руку Елены были Аякс и Тевкр, сыновья саламинского царя Теламона; Аякс обещал преподнести прекрасной Елене самый щедрый подарок: стадо овец и быков, которых он намеревался угнать у соседей. Среди женихов были также Аякс, сын Ойлея, царя Локриды; Диомед, сын Тидея, доблестный воин; Идомений, сын Миноса, надеявшийся завоевать сердце Елены своей привлекательностью; Менелай, сын Атрея; Одиссей, сын Лаэрта, явившийся без подарка, так как не рассчитывал на успех; Подалирий и Махаон, сыновья Асклепия; Патрокл, сын Менетия и большой друг Ахилла (сам Ахилл к тому времени еще не достиг брачного возраста). Тиндарей не решался кому-либо отдать предпочтение, опасаясь, что выбор неминуемо приведет к распре. Тогда хитроумный Одиссей, заручившись обещанием Тиндарея помочь ему жениться на Пенелопе, посоветовал Тиндарею обязать всех женихов Елены поклясться в том, что они будут защищать того человека, которого Елена сама выберет в мужья. Тиндарей воспользовался советом, принес в жертву лошадь, и женихи дали клятву, стоя на кусках ее плоти. Избранником Елены стал Менелай, а Одиссей женился на Пенелопе. Позже, когда Парис похитил Елену, что послужило началом Троянской войны, Менелай напомнил бывшим женихам прекрасной Елены о данной ими некогда клятве.

Согласно Гомеру, Елена родила Менелаю только дочь Гермину, однако, по версии других авторов, Елена родила еще несколько сыновей. Существует также свидетельство, что у Елены был ребенок и от Париса. Менелай, несмотря на то что был женат на красавице, не гнушался побочных связей, в результате которых у него от некой рабыни и некой нимфы родились несколько сыновей.

Братями Елены были «Кастор, коней укротитель, и могучий боец Полидевк», известные под общим именем Диоскуров. Они совершили три подвига: предприняли поход в Аттику и освободили Елену; приняли участие в походе аргонавтов в Колхиду (во время которого Полидевк победил в кулачном бою варвара Амика) и боролись с сыновьями Афарея Идасом и Линкеем, известными под общим именем Афаретидов.

Идас и Линкей были обручены со своими кузинами Фебой и Гиладельрой, известными как Левкиппиды, и пригласили Диоскуров, своих кузенов, на свадьбу. Но Кастор и Полидевк похитили Левкиппид. Идас и Линкей бросились в погоню за похитителями.

Эллинистический поэт Феокрит рассказывает («Идиллии», 22), чем закончилось это соперничество: Линкей нацелил копье в Кастора, но тот отступил и подставил руку. Раненный, Линкей выронил клинок и побеждал к могиле своего отца, у которой стоял Идас. Сын же Тиндарея «прянул вослед» и поразил Линкея клинком в щель между пластинами доспеха. Линкей повалился навзничь, и жизнь покинула его с последним вздохом, сорвавшимся с уст.

Феокрит подводит итог: ибо не всякому дано противостоять Тиндаридам, «кои бойцы отважные и рода сами славнейшего».

По другой версии мифа о Диоскурах и Афаретидах, между ними произошла ссора из-за дележа быков, которых им удалось вместе угнать (сцена на сюжет этого мифа изображена на фронтоне сокровищницы сикионцев в Дельфах). Делить стадо выпало Идасу. Для этого он разрубил тушу одного из быков на четыре равные части и предложил отдать половину стада тому, кто первым съест свою долю мяса, а другую половину — тому, кто съест долю вторым. Идас первым управился со своим мясом и стал помогать брату Минкею, после чего братья угнали все стадо. Посчитав, что их обманули, Диоскуры решили поквитаться с Афаретидами, для чего устроили засаду. Однако Линкей, обладавший небывалой остротой зрения, разглядел притаившихся Диоскуров, и Идас нанес Кастору смертельный удар. Полидевк отомстил за брата, убив Линкея, а Зевс поразил Идаса перуном. Полидевк, расправившись с Линкеем, подбежал к умиравшему Кастору и обратился к Зевсу с мольбой дать ему умереть вместе с братом.

Зевс предложил Полидевку выбор:

Я вручаю твой выбор тебе:
Если хочешь ты, чуждый смерти и мерзкой старости,
Обитать на Олимпе
С Афиною и с Аресом, о черном копье, —
Жребий в твоих руках.
Если же бьешься ты за кровного твоего,
Если хочешь ты поровну с ним разделить удел, —
Половина дыхания твоего будет в глубях земли,
Половина — в золотых чертогах небес.

Полидевк, ни минуты не размышляя, выбрал общую с братом долю, и Зевс разрешил Диоскурам попеременно проводить свои дни на Олимпе и в царстве мертвых. На небе Диоскуры представлены созвездием Близнецов. Говорят также, что в темные грозовые ночи на море Диоскуры являются морякам двумя огнями святого Эльма.

Когда произошли эти события, Тиндарей передал власть в Спарте своему зятю Менелаю.

Основание Трои

Не только Елена, послужившая причиной Троянской войны, вела свой род от Атланта; от этого прауродителя вела свой род и основатели Трои.

Иасион, сын Зевса и дочери Атланты Электры, вступил в любовную связь с Деметрой.

Так Ясион был прекраснокудрявой Деметрою избран;
Сердцем его возлюбя, разделила с ним ложе богиня
На поле, три раза вспаханном; скоро о том извещен был
Зевс, и его умертвил он, низринувши пламенный гром свой.

Иасион поплатился за свое вожеление (правда, дав жизнь Плутосу, богу богатства), а Дардан, его брат, опечаленный его смертью, оставил Самофракию (остров, на котором жил вместе с братом) и переселился на материк, где был принят царем Фригии Тевкром. Дардан у подножия горы Ида основал город Дардания и дал жизнь двум сыновьям, Илу и Эрихтонию. Эрихтоний, разбогатев и став владельцем трех тысяч кобыл, унаследовал от Дардана царство. Эрихтонию наследовал Трос, его сын, и царство стало называться его именем — Троей. От жены Каллирой у Троса родились три сына — Ил, Ассарак и

...Ганимед, небожителям равный.
Истинно, был на земле он прекраснейший сын человеков!
Он-то богами и взят в небеса виночерпцем Зевесу.

Ганимед попал на Олимп после того, как его похитили, а похищен он был самим Зевсом, превратившимся в орла¹²⁰ (или пославшим орла). На Олимпе Ганимед обычно подает Зевсу нектар. За Ганимеда Зевс подарил его отцу Тросу великолепный коней — или золотую виноградную лозу, изготовленную Гефестом.

Брат Ганимеда Ассарак дал жизнь Капису, а тот — Анхису, который вступил в любовную связь с Афродитой, в результате чего в положенный срок на свет появился

¹²⁰ Похитителями Ганимеда называют также Миноса, Тантала и Эос. Местом похищения чаще всего называют гору Ида; помимо нее — Крит, Эвбею и Мисию. Орла, похитившего Ганимеда, по одному из вариантов мифа о нем, Зевс превратил в созвездие.

великий герой.

Славный Эней был рожден Кифереей прекрасновенчанной,
В страстной любви сопряглася богиня с Анхисом-героем
На многолесных вершинах богатой оврагами Иды¹²¹.

Брат Эрихтония Ил отправился во Фригию и там, приняв участие в играх, первенствовал в борьбе, за что был награжден пятнистой коровой, за которой, как ему сообщили, ему следовало идти по пятам и основать город там, где она ляжет на землю. Корова легла у холма Ата¹²² (Заблуждение) во Фригии, и здесь Ил заложил город, назвав его Илион (то же, что Троя).

Перед тем как Ил заложил город, ему явилось знамение в виде Палладия — вырезанного из дерева изображения (*χοανον*) Афины Паллады: фигура в три локтя высотой, державшая в правой руке изготовленное к бою копье, а в левой — прялку и веретено. Афина после того, как родилась из головы Зевса, воспитывалась у Тритона, у которого была дочь Паллада, воинственная дева. Однажды во время ссоры Паллада едва не нанесла Афине удар, но Зевс прикрыл Афину своей эгидой, и Афина поразила растерявшуюся Палладу. Мучаясь угрызениями совести, Афина изготовила деревянную фигуру Паллады с накинутой на ее грудь эгидой. Палладий этот стоял на Олимпе и одно время служил прибежищем для дочери Атланта Электры, но однажды, когда Зевс попытался овладеть ею, он столкнул Палладий на землю.

Ил воздвиг храм и поместил в него изваяние. По другой версии мифа, Палладий упал в храм через отверстие в недостроенной крыше. Илу предсказали, что пока в Илионе стоит Палладий, город неуязвим для врагов¹²³.

У Ила было многочисленное потомство. Особенно известны Лаомедонт (его сын), Приам (внук), Гектор и Парис (правнуки) и Кассандра (правнучка). Внук Ила, прекрасный Титон, вступил в любовную связь с богиней утренней зари Эос¹²⁴, которая увлекла его в Эфиопию, где родила ему двух сыновей Эмафиона и Мемнона. Согласно гомеровскому «Гимну к Афродите», Эос попросила Зевса сделать своего возлюбленного бессмертным¹²⁵.

Зевс головою на это кивнул и исполнил желанье.
Глупая! Вон из ума упустила владычица Эос
Вымолить юность ему, избавленье от старости жалкой.
Первое время, пока многомилою юностью цвел он,
Рано рожденною он наслаждался Зарей златотронной,
Близ океанских течений у граней земли обитая.

¹²¹ Эней — один из величайших героев в римской мифологии.

¹²² По словам Гомера, после того как Гера обманула Зевса, задержав рождение Геракла, в результате чего раньше него родился семимесячный Еврисфей, Зевс пришел в ярость и, схватив за волосы Ату, богиню заблуждения и помрачения рассудка, из-за которой он попался на уловку Геры, сбросил ее с Олимпа. Холм, на который она упала, получил ее имя.

¹²³ Согласно римской традиции, после взятия Трои Палладий был похищен Энеем, доставлен в Италию и установлен в храме Весты в Риме.

¹²⁴ Эос также не отказывала в любви Ориону, Кефалу и Фаэтону.

¹²⁵ По некоторым версиям, Титон сам попросил Зевса сделать его бессмертным.

Однако, когда у Титона появилась седина в волосах, Эос перестала делить с ним ложе, а когда он совсем постарел,

В спальню его положила, закрывши блестящие двери;
Голос его непрерывно течет, но исчезла из тела
Сила, которою были исполнены гибкие члены.

Согласно некоторым версиям этого мифа, Титон превратился в цикаду, и Эос смогла постоянно слышать голос своего бывшего возлюбленного.

Во время правления Лаомедонта Троя была взята Гераклом, после чего в городе воцарился Подарк, ставший зваться Приамом. Первой женой Приама была Арисба, родившая ему Эсака. Согласно Овидию, Эсак воспылал любовью к нимфе Гесперии, которая умерла от укуса гадюки.

Обезумевший от горя Эсак

...со скалы, шумящим подточенной морем,
Кинулся в волны. Его пожалела Тетиды, и мягким
Было паденье его: поплывшего в море одела
Перьями. Не получил на желанную смерть изволения
Любящий и возмущен, что жить против воли придется;
Против себя восстает, из жилища несчастного жаждет
Выпрянуть — и уж от плеч молодые подьются крылья,
Вот он взлетает и вновь повергается телом на волны.
Крылья смягчают удар; в неистовстве вглубь головою
Мчится Эсак, без конца вновь смерти дорогу пытая.
Он исхудал от любви; на ногах его длинны суставы,
Так же и шея длинна; голова же — далёко от тела.
Любит моря, и прозвание его [нырок] — от ныряния в море.

Приам затем женился на Гекубе, происхождение которой крайне неясно. Римский император Тибериус, интересовавшийся греческой мифологией, не раз озадачивал своих ученых вопросами, в том числе и таким: «Кто был матерью Гекубы?» Ответить на этот вопрос было весьма затруднительно: родителями Гекубы считались Димант и Евноя, Киссей и Телеклея, бог реки Сангария и Метопы. Зато можно сказать с полной определенностью, что первым сыном Гекубы, рожденным от Приама, был Гектор, а также и то, что накануне рождения второго ребенка Гекуба увидела сон, будто она родила пылающий факел, грозящий уничтожению Трои. Прорицатели истолковали Приаму этот сон так: ожидаемый его женой сын (получивший имя Парис) будет виновником гибели Трои, и от него лучше избавиться. Особенно настаивала на этом Кассандра, вещая дочь Приама. Об ее настойчивости напоминает хор фтийских женщин в трагедии Еврипида «Андромаха»:

О, зачем Париса мать щадила,
Над своим страданьем задрожав?
Пусть Идейских бы он не узрел дубрав!
Не о том ли вещая вопила,
Феба лавр в объятиях зажав,
Чтоб позор свой Троя удалила?
Иль старшин Кассандра не молила,
К их коленям, вещая, припав?

Приам уступил прорицателям и поручил своему слуге Агелая избавиться от родившегося ребенка. Агелай отнес младенца на гору Ида, где его вскормила медведица.

Вернувшись на гору через несколько дней и увидев ребенка живым, Агелай подобрал его, принес домой и, назвав Парисом, стал заботиться о нем как о собственном сыне. Парис вырос красивым и храбрым и женился на нимфе Эноне. Однажды он отразил нападение на стадо шайки разбойников, за что получил прозвище Александр («защитник мужей»)¹²⁶.

Несколько лет спустя Приам устроил погребальные игры в честь умершего сына, и Парис, не ведая о своем настоящем происхождении, решил в них участвовать. Парис победил во многих соревнованиях, превзойдя своих братьев. Обиженный унижительным поражением, Дейфоб бросился на Париса с обнаженным мечом, а когда тот стал искать спасения у алтаря Зевса, Кассандра, обладавшая даром ясновидения, признала в нем брата. По версии Еврипида, изложенной в недошедшей до нас трагедии «Александр», Париса в последний миг узнала Гекуба и предотвратила убийство. Как бы там ни было, о сие Гекубы забыли и приняли Париса в семью.

Прекрасная дочь Гекубы Кассандра обладала непогрешимым даром пророчества, но ее предсказаниям никто не верил. По одному из вариантов мифа, Кассандра вместе с братом-близнецом Геленом получила пророческий дар еще в детстве. Однажды во время праздника, устроенного в храме Аполлона Фимбрейского, Кассандра и Гелен уснули в уголке здания, устав от игр, а их родители, выпившие слишком много вина, забыли о них и ушли домой. Проснувшись утром и не обнаружив детей, родители близнецов поспешили в храм, а там, к своему ужасу, увидели, что священные змеи лижут уши и рты детей — в тот день Кассандра и Гелен обрели дар пророчества. По другой версии мифа, в Кассандру влюбился Аполлон и пообещал научить ее искусству пророчества, если она разделит с ним ложе. Кассандра согласилась, обрела дар пророчества, но ложе с Аполлоном не поделила.

О последствиях своего обмана Кассандра в трагедии «Агамемнон» рассказывает предводителю хора:

Кассандра:

Вещать меня поставил Аполлон — вещун.

Предводитель хора:

Любовью ль страстной Локсий воспылал к тебе?

Кассандра:

Ты все сказал. Стыдилась я признания.

Предводитель хора:

Хвастливо счастье; горе не тщеславится.

Кассандра:

Дышал желаньем; вынудить любовь хотел.

Предводитель хора:

Божественным объятьям отдалась ли ты?

¹²⁶ Имя Александр происходит от *alexo* («защищаю») и *andros* («мужчина») в родительном падеже.

Кассандра:

Нет! Дав согласье, — бога обманула я.

Предводитель хора:

А в грудь уж сила вещая вселилась?

Кассандра:

Уж беды все пророчила я городу.

Предводитель хора:

Но как же гнев господен не постиг тебя?

Кассандра:

Мне бог отмстил: никто моим не верил снам.

Гекуба родила Приаму девятнадцать из пятидесяти его сыновей, включая Гектора, Париса, Дейфоба, Гелена и Троила (отцом которого иногда называют Аполлона), а также несколько дочерей, включая Креусу, Поликсену и Кассандру, но самым прекрасным из ее сыновей был Гектор, который женился на Андромахе, дочери Этиона, царя Фив в Киликии, а впоследствии при осаде Трои ахейцами во главе с Агамемноном руководил боевыми действиями троянцев.

Фрагментарно сохранившаяся сатирическая драма Софокла «Следопыты» вдохновила современного британского поэта Тони Харрисона на создание пьесы «Искатели Оксиринха», поставленной в 1988 году на античном стадионе в Дельфах. Фрагменты этой драмы Софокла, написанные на папирусе, были обнаружены в Египте в 1908 году; Харрисон перевел сохранившийся текст и на его основе написал свою пьесу, привязав ее к современной реальности.

В начале пьесы рассказывается об имевших место в действительности археологических изысканиях, предпринятых оксфордскими папирологами Гренфеллом и Хантом.

Середина пьесы повторяет сюжет драмы Софокла. Сатиры ищут угнанных коров Аполлона, сопровождая свой поиск пением, которому, правда, сопутствует йоркширский клог-данс (танец, в котором ритм выстукивается деревянными башмаками).

Нюхай, нюхай,
Нюхай след.
Феба коров мы должны отыскать.
...Гляди-ка!
След один вперед идет,
А другой назад ведет.

Видно, умник отыскался,
Бога он надуть собрался.

Зря себя в покое мнит —
Феб такого не простит.

В заключительной части пьесы Аполлон отказывает сатирам в приобщении к высокой музыке:

Нет, нет и нет!
Избави Зевс, чтоб вдруг сатиры
Взялись терзать лады и лиры.
Козлиные копыта не годятся,
Чтоб струн кифары сладостной касаться.
Вам ни к чему высокое искусство —
Козлиный дух пусть вас приводит в чувство.

Затем нимфа Киллена представляет сатирам обитателей гетто, те начинают играть громоподобную рок-музыку, и сатиры приходят в ужас. Силен, предводитель сатиров, ломает жуткие музыкальные инструменты и обращается к публике:

Прогресс! Кто ступит на дорогу эту,
Обратного пути вовеки нету!
Из лиры Фебовой, о вседержитель,
Родился этот жуткий усилитель,
И тихий лад остался не у дел,
Отныне торжествует децибел!

Сатиры приходят в сильное возбуждение, словно накачавшиеся пивом футбольные хулиганы.

Эсхил, Софокл, валите поздорову.
Отныне слово — это наше слово!

В заключительной сцене пьесы сатиры из толстых стволов папируса изготавливают стойки футбольных ворот, из волокон папируса скручивают мяч и играют в футбол шесть на шесть.

В эпилоге пьесы Аполлон читает фрагменты из драмы Софокла.

На примере «Искателей Оксиринха» видно, как из мифологического материала можно сделать современную театральную постановку. Пьеса Харрисона вроде бы полна несовместимостей: в ней участвуют и персонажи греческих мифов, и обитатели гетто, и папирологи, и футбольные хулиганы, и музыканты, играющие на лире, и исполнители современного народного танца — и все же все это великолепно сочетается в пьесе, являющейся примером того, как с помощью ниспровержения классического наследия, иронии и преднамеренного анахронизма можно превратить греческий миф в эффектную современную драму.

Если в пьесе Харрисона сатиры являются воплощением уродства, то Елена воплощает противоположные качества. Она — мифологический символ исключительной чувственной красоты, и Кристофер Марло, английский драматург XVI столетия, в своей драме «Трагическая история доктора Фаустуса» воспекает ее словами главного героя:

Так вот краса, что в путь суда подвигла
И Трои башни гордые сожгла!
Елена! Дай бессмертье поцелуем!
Ее уста мою исторгли душу.
Она летит. Верни ее, верни.
Елена! Жить хочу в устах твоих,
В них — небо! Все, что не Елена, — прах!

Естественно, Голливуд не мог не воплотить на экране образ прекраснейшей женщины всех времен. В этом центре американской кинопромышленности на сюжет мифа о Елене поставлены два фильма, оба с одинаковым названием — «Елена Троянская».

Первый фильм снят в 1956 году Робертом Уайзом, который старался следовать гомеровской «Илиаде», заявив, что это произведение «бросило ему вызов», но все же декорации были изготовлены по образцу минойского Кносса. В роли Елены снялась Россана Подеста, а в роли ее служанки — только начинавшая свою блистательную карьеру Брижит Бардо. Но эти актрисы фильм не спасли, виной чему слабый сценарий.

Второй фильм поставил в 2003 году Джон Кент Харрисон. В главной роли снялась Сиена Гиллори. В ее исполнении — видно, по замыслу режиссера — Елена предстала красоткой с живописно растрепанными волосами, рекламирующей то ли шампунь, то ли свое соблазнительное тело. Фильм претендует на соответствие мифу о прекрасной Елене. «Позвольте мне рассказать вам подлинную историю», — говорит Менелай, и действительно поначалу в фильме оживают мифологические сюжеты: детство Париса, его возвращение в Трою, похищение Елены Тесеем, но чем дальше развивается действие, тем больше оно отклоняется от традиции: женихи Елены играют в демократию, Елена анахронично наряжается в драгоценности Шлимана, затем, торгуется с Агамемноном, чтобы выкупить тело Гектора, Агамемнон беспричинно овладевает Еленой на глазах у Менелая, а Клитемнестра и Елена, объединившись, убивают Агамемнона. Эти несоответствия мифам не украшают картину. Вдобавок действие фильма происходит на фоне минойской, микенской, классической и ренессансной архитектуры (этакая мешанина), включает в себя явно театральные поединки, сопровождается ужасными спецэффектами и тяжеловесными диалогами.

Естественно, красота греческих мифов, как и самой Елены, от подобного рода фильмов лишь меркнет, и посмотрев их, можно сказать, переиначив Фауста: «Все, что Елена, — прах».

Глава девятая От Асопа к Ахиллу

Главные действующие лица

- Эак** — Отец Пелея и Теламона, после смерти получил должность в Аиде
Теламон — Отец Аякса и Тевкра
Аякс — Большой Аякс, знаменитый воин
Пелей — Отец Ахилла
Фетида — Морская нимфа, мать Ахилла
Хирон — Мудрый кентавр, наставник Ахилла
Ахилл — Храбрейший из греческих героев, осаждавших Трою
Патрокл — Лучший друг Ахилла (и более того)

Речной бог Асоп возглавляет обширную родословную, ведущую к противнику Гектора Ахиллу, предводителю мирмидонов, входивших в войско, осаждавшее Трою.

Среди дочерей Асопа была Эгина, которую похитил влюбившийся в нее Зевс. Имя похитителя назвал речному богу Сисиф, и Асоп отправился на поиски дочери. Наконец он нашел ее, застав в объятиях Зевса, но тот отогнал его перунами и отправился с Эгиной на остров Энона¹²⁷, получивший с тех пор ее имя. На острове Эгина родила Зевсу сына по

¹²⁷ Другое название Эноны — Энопия.

имени Эак. Когда Эак вырос и возмужал, он воцарился на острове, но людей на острове было мало, и однажды Эак попросил Зевса дать ему столько же подданных, сколько ползало муравьев по стоявшему поблизости дереву. Зевс исполнил желание сына и превратил муравьев в людей, ставших называться мирмидонами от греческого *myrmekes* («муравьи»). По версии Страбона, жители Эгины стали называться мирмидонами потому, что они работали на полях, как трудолюбивые муравьи, и еще потому, что жили в вырытых ими ямах.

Эак женился на дочери кентавра, родившей ему двух сыновей — Пелея и Теламона¹²⁸. Эак не чуждался и внебрачных любовных связей.

Из дочерей же Нерея, великого старца морского,
Сына Фока на свет породила богиня Псамафа,
Чрез золотую Киприду в любви сочетавшись с Эаком.

Говорят, что Фок получил свое имя по причине того, что Псамата, пытаясь уклониться от домогательств Эака, превратилась в тюленя (*phoke*).

Несмотря на любовные похождения, Эак заслужил репутацию благочестивого и справедливого человека. Когда вся Греция страдала от сильной засухи, возникшей из-за того, что Пелоп убил Стимфала и повсюду разбросал куски его плоти¹²⁹, Эак, по просьбе сограждан, стал молить Зевса о прекращении засухи. Зевс внял мольбам сына. Небо заволокли грозовые тучи, грянул гром, и проливной дождь обрушился на Грецию, покончив с засухой и поспособствовав небывало обильному урожаю.

После своей смерти Эак стал привратником в царстве мертвых, а по Платону, даже одним из судей в Аиде (совместно с Миносом, Радамантом и Триптолемом). Аристофан в комедии «Лягушки» придерживается первой версии мифа и в сцене появления Диониса, переодетого Гераклом, пред вратами Аида рисует Эака привратником, полным служебного рвения.

Эак:

Кто там?

Дионис:

Я, силач Геракл.

Эак:

Ах, негодяй! Бесстыдник и наглец!
Проклятый ты, треклятый, растрекалый!
Ты Кербера украл, собаку нашу,
Душил ее и с нею улизнул,
А я берег ее. Теперь попался.
Отныне Стикса черная скала,

¹²⁸ По версии Ферекида, Теламон был сыном Актея и Главки, дочери саламинского царя Кихрея. По Диодору, Теламон женился на Главке, дочери Кихрея.

¹²⁹ Диодор объясняет засуху убийством афинянами Андрогее, сына критского царя Миноса. Минос, узнав об убийстве сына, попросил Зевса наслать на Афины засуху, которая вскоре распространилась на всю Грецию.

Кровоточащий камень Ахеронта
И псы Кокита стерегут тебя.
Стоглавая Ехидна все нутро
Тебе порвет, а в легкие вопьется
Тартесская мурина, остальное
Со всеми потрохами и в крови
Тифрасские Горгоны растерзают.
За ними я тотчас направлю бег.

Дионис, испугавшись, немедля переоделся.

Эак, завоевавший всеобщую любовь за свое благочестие и нередко решавший возникавшие на острове житейские споры, мир в собственном доме сохранить не сумел. Его сыновья Теламон и Пелей возненавидели Фока, сына Псаматы, за его успехи в атлетических играх. Эта ненависть привела к смерти Фока, хотя, возможно, она и была случайной: один из братьев на состязании угодил ему в голову диском. Но более вероятно, что Фоку попали в голову преднамеренно, тем более что, по другой версии, один из братьев зарубил его топором. Как бы там ни было, Эак изгнал Пелея и Теламона с Эгины. По Павсанию, Теламон через некоторое время вернулся на остров, чтобы предстать перед судом, но судьи признали его виновным и изгнали с Эгины на веки вечные.

Теламон нашел приют у Кехрея, царя острова Саламин. Гесиод рассказывает, что Кехрей пестовал змея, который опустошал остров до тех пор, пока его не изгнал Эврилох. Змей этот нашел прибежище в Элевсине, где стал прислужником богини Деметры¹³⁰. Существует и более разумное объяснение этого мифа: на Эгине неистовствовал не змей, а человек, за свою свирепость прозванный таким именем; вот его-то и изгнал Эврилох, а тот, несмотря на свою жестокость, нашел пристанище в Элевсине, где получил небольшую должность при храме Деметры.

Кехрей умер бездетным, и на Саламине стал царствовать Теламон, который позже присоединился к Гераклу, когда тот отправился под Трою¹³¹, чтобы поквитаться с Лаомедонтом, ранее обманувшим его. Когда Геракл перед отплытием в Трою оказался на Саламине, он увидел, что жена Теламона скоро должна родить, и тогда взмолился Зевсу о даровании Теламону отважного сына. Едва Геракл закончил свою мольбу,

...явился от бога над ним
Орел, царь птиц,
И сладкая радость уколола сердце его,
И он молвил, зазвучав, как провидец:
«Будет тебе сын по мольбе твоей, Теламон!»
И он прорек ему зваться Аяксом по явленному орлу
И быть первым в трудах Эниалия [Ареса].

Имя Аякс происходит от греческого *aietos* («орел»).

Брат Теламона Пелей был одним из первых героев Греции: он принял участие в Калидонской охоте, участвовал в походе аргонавтов, победил в борьбе на погребальных играх в честь Пелия.

Астидамия (или Ипполита), жена Акаста, у которого гостил Пелей, попыталась его соблазнить, а когда он отверг ее, со зла сообщила его жене, что Пелей хочет ее оставить и

¹³⁰ Говорят, что во время морского боя при Саламине (479 г. до н. э.) среди греческих кораблей неожиданно в образе змея появился Кехрей.

¹³¹ По другой версии, с Гераклом в Трою отправился не Теламон, а Пелей.

жениться на дочери Акаста Стеропе. Жена Пелея с горя повесилась, но Астидамия посчитала это недостаточным и наговорила Акасту, что Пелей пытался обесчестить ее.

Акаст, не решаясь открыто поднять руку на гостя, пригласил Пелея принять участие в охоте на горе Пелион, где надеялся его погубить. Охота для Пелея оказалась удачной, и он вырезал у всех убитых им зверей языки и сложил их в сумку, а когда люди Акаста, увидев, что Пелей возвращается с охоты пустым, стали потешаться над ним, Пелей — как доказательство удачной охоты — достал из сумки сложенные в нее языки. Ночью Акаст украл у Пелея меч и спрятал его в навозной куче, рассчитывая на то, что Пелея растерзают кентавры, но его спас подоспевший Хирон. Впоследствии Пелей отомстил Акасту: завоевал его город и подвергнул Астидамию мучительной казни.

Второй женой Пелея стала Фетида, дочь Нерея. Ее любви добивались Зевс и бог морей Посейдон, но оба испугались пророчества, согласно которому любой рожденный Фетидой сын окажется могущественнее отца. Тогда в мужья Фетиде Зевс выбрал Пелея. Когда Пелей впервые с ней встретился, Фетида попыталась отвергнуть его и стала менять обличье: превращаться в огонь, воду, ветер, дерево, птицу, льва, тигра, змею, каракатицу, но Пелей не выпускал ее из своих объятий. Свадьба Пелея и Фетиды состоялась на горе Пелион в присутствии богов и богинь. Однако богиня Эрида, которую не пригласили на свадьбу, решила поспорить собравшихся. Она бросила к ногам Геры, Афины и Афродиты золотое яблоко с надписью «Прекраснейшей». Это яблоко привело к ссоре между богинями, чуть позже — к «суду Париса», а затем и к Троянской войне.

Быстроногий Ахилл

Величайшим героем Троянской войны был Ахилл, седьмой сын Пелея и Фетиды. Всех своих сыновей Фетида старалась сделать бессмертными, и, по одной из версий мифа, первых шестерых сыновей она погубила, держа их в разведенном огне или в кипящей воде, чтобы закалить и таким образом дать им бессмертие. Ахилл мог бы стать еще одной жертвой упрямой матери, но ей помешал Пелей: у Ахилла успела обгореть лишь лодыжка, когда отец выхватил его из огня. Пелей после этого снабдил Ахилла новой лодыжкой, взятой у быстрейшего из гигантов Дамиса.

По другой версии, Фетида однажды ночью поместила Ахилла в разведенный огонь, чтобы закалить его тело, а потом натереть амброзией. Но в это время

...Пелей увидал, как младенец
Корчился в пламени; это узрев, отец неразумный
Громко вскричал; а она, тот крик услышав, схватила
Сына, что плачем зашелся, его швырнула на землю
И, словно тело ее обратилось в призрак иль ветер,
Вынеслась прочь из чертога и в глубь погрузилась морскую,
Гнева полна, и обратно уже затем не вернулась.

А вот известное выражение «ахиллесова пята» обязано возникновению другой версии мифа, предложенной римским поэтом Стацием (48–96). В своей поэме «Ахиллеида» он рассказывал, что Фетида окунула Ахилла в реку Стикс, и тело его стало бессмертным, за исключением пяты, за которую она держала сына.

После того как Фетида его покинула, Пелей отдал Ахилла на воспитание кентавру Хирону. Хирон учил воспитанника охоте, музыке, врачеванию, кормя потрохами вепрей и львов, мозгами медведя и оленей, что сделало его сильным и скорым на ногу¹³².

¹³² Аполлодор полагает, что имя *Akhillieus* (Ахилл) произошло от греческих *a-* («нет») и *kheile* («губы»), имея в виду, что Фетида дала своему сыну такое имя, потому что он еще не прикасался губами к ее груди.

На сюжет этого мифа Жан Батист Реньо написал картину «Обучение Ахилла кентавром Хироном». На этой картине Ахилл берет у Хирона урок стрельбы. Невдалеке поверженный лев, символизирующий охотничью удачу Ахилла и его необычную повседневную пищу. На переднем плане картины — лира, атрибут культурного воспитания.

Когда Ахиллу исполнилось девять лет, Калхас, жрец Аполлона, предсказал, что Троя падет только в том случае, если в греческом войске будет Ахилл. Однако Фетида знала, что если Ахилл присоединится к походу, то погибнет под Троей. Поэтому она переодела сына в женские одеждцы послала ко двору Ликомеда, царя Скироса.

Римский император Тиберий, интересовавшийся, как уже отмечалось, греческой мифологией, спрашивал у своих ученых мужей: «Как звали Ахилла, когда, переодетый в девочку, он жил при дворе царя Ликомеда?» Ему отвечали по-разному, называя имена Керкисера, Исса и Пирра. Возмужав, Ахилл вступил в любовную связь с дочерью Ликомеда Дейдамией, которая родила ему сына по имени Пирр, который позже получил имя Неоптолем.

Когда Менелай стал собирать героев в поход против Трои, Одиссей отправился в Скирос, чтобы уговорить Ахилла присоединиться к войску. Но для этого его надо было найти, и Одиссей придумал такую хитрость: придя к Ликомеду, он разложил в дворцовом зале женские наряды и украшения, поместив между ними копье и щит, и пригласил живших во дворце женщин выбрать себе подарок. Ахилл, одетый в женский наряд, выбрал оружие и тем самым выдал себя. По другой версии, немногим отличающейся от первой, когда женщины рассматривали подарки, раздался, по распоряжению Одиссея, звук боевой трубы и звон оружия, и Ахилл, сбросив с себя женское одеяние, схватил щит и копье.

Этот миф был весьма популярен у живописцев. Так, греческий художник Полигнот, живший в V веке до новой эры, сделал роспись на сюжет этого мифа на входе в афинский акрополь, а в более поздние времена Никола Пуссен (1594–1665) написал картину «Обнаружение Ахилла в Скиросе» (находящуюся сейчас в Бостонском музее изящных искусств) и картину «Ахилл и дочери Ликомеда» (находящуюся в Виргинском музее изящных искусств). На этой картине женщины выбирают себе украшения, а Ахилл рассматривает меч.

Встретившись с Одиссеем, Ахилл охотно согласился присоединиться к походу, хотя знал, что при осаде Трои погибнет. Ахилл снарядил в Трою пятьдесят кораблей и собрал войско из мирмидонов. С ним отправились также беженцы Феникс и Патрокл.

Феникс бежал из Беотии после того, как его отец Аминтор ослепил его, разгневанный тем, что Феникс обесчестил наложницу (по Аполлодору, Феникса оклеветали; по Гомеру, Феникс действительно обесчестил любовницу Аминтора, но сделал это по наущению своей матери, желавшей из ревности отомстить мужу). Хирон вернул Фениксу зрение, а Пелей отдал ему власть над долопами.

Патрокл бежал из Локриды после того, как убил своего приятеля, поссорившись с ним во время игры в кости. По одной из версий, Ахилл и Патрокл происходили из одного рода, которому дала начало Эгина.

А вот согласно поэме Гесиода «Каталог женщин» (прародительниц знатных родов), Менетий — сын Эака и брат Пелея, и тогда Ахилл и Патрокл — кузены.

Патрокл стал другом и соратником Ахилла в Троянской войне. В «Илиаде» Гомера Менетий, отец Патрокла, обращаясь к нему, говорит:

Сын мой! Пелид Ахиллес тебя знаменитее родом,
Летами старее ты, у него превосходнее сила;
Но руководствуй его убеждением, умным советом;
Дружески правь им; всегда он на доброе будет послушен.

Во время Троянской войны Патрокл погиб.

Ахилл оплакивал его:

Боги, боги! Бесплодное слово из уст изронил я
В день, как старался утешить героя Менетия в доме!
Я говорил, что в Опунт приведу ему славного сына
Трои рушителем крепкой, участником пышной добычи.
Нет, не все помышления Зевс человекам свершает!

Но и Ахилл не вернулся домой с войны. Смерть Патрокла повлекла гибель Ахилла.

Глава десятая Афины: первые цари

Главные действующие лица

Кекроп — Первый царь Афин.

Афина — Богиня, покровительница Афин.

Посейдон — Бог морей, оспаривал у Афины господство в Аттике.

Фаэтон — Сын Гелиоса и Климены, погиб, управляя солнечной колесницей.

Адонис — Возлюбленный Афродиты, растерзан вепрем.

Эрихтоний — Царь Афин, сын Геи-Земли.

Прокна и Филомела — Сестры, превращенные в птиц.

Эрехфей — Царь Афин.

Эгей — Царь Афин, отец Тесея.

Афинские цари:

- Актей.
- Кехрей I.
- Кранай.
- Амфиктион.
- Эрихтоний.
- Пандион I.
- Эрехфей.
- (Ксуф).
- Кекроп II.
- Пандион II.
- Метиониды.
- Эгей.

Согласно труду Павсания, первым царем Аттики, области в древней Греции, объединенной под властью Афин, был Актей. А вот согласно Паросской хронике, первым царем Аттики был Кекроп, женатый на дочери Актея Агравле (Аглавре). Кекроп, рожденный Геей-Землей, был получеловеком-полузмеей. При нем произошел спор между Посейдоном и Афиной за обладание Аттикой (на сюжет этого мифа создана рельефная пластика, украшавшая Парфенон; ее остатки в настоящее время находятся в Британском музее).

Посейдон, состязаясь с Афиной в дарах жителям Аттики, выбил трезубцем на Афинском акрополе источник морской воды, а Афина посадила оливу. Подарок этот признали лучшим, и Афина получила право на владение Аттикой, главный город, который назвала своим именем.

У Кекропа и Агравлы родились три дочери: Агравла (II), Герса и Пандроса. Агравла (II) от Ареса родила дочь Алкиппу, и когда сын Посейдона Галлирофий попытался обесчестить ее, Арес его убил, за что был привлечен Посейдоном к суду. Суд состоялся на одном из афинских холмов (Ареса оправдали), и с тех пор этот холм стал называться Ареопагом (холмом Ареса). Такое же название получил и учрежденный в Афинах суд (реально существовавший), отправлявший уголовное судопроизводство.

У дочери Кекропа Герсы было много потомков, и среди них — Фаэтон и Адонис.

Кефал, сын Герсы, стал возлюбленным Эос, родившей ему сына Титона, ставшего отцом Фаэтона. Однако, по Гесиоду, Фаэтон — сын Кефала и Эос.

...она родила Фаэтона,
Светлого, мощного сына, бессмертным подобного мужа.
Был он с земли унесен Афродитой улыбкалюбивой
В то еще время, как был беззаботно-веселым ребенком,
В нежном цветении детства прекрасного. Храмы святые
Он по ночам охраняет, божественным демоном ставши.

А вот согласно «Метаморфозам» Овидия, Фаэтон — сын Гелиоса и Климены. Но, видимо, Фаэтон сам определенно не знал, кто же на самом деле его родители, и потому обратился за разъяснениями к Гелиосу, которого стал умолять доказать перед всей вселенной его происхождение. Гелиос не только подтвердил Фаэтону, что он на самом деле его отец, но и пообещал исполнить любое его желание.

Только он кончил, а тот колесницу отцовскую просит,
Права лишь день управлять крылоногими в небе конями.

От такой просьбы Гелиос пришел в ужас, но не мог отказаться от обещания. Неопытный Фаэтон не совладал с быстрым бегом коней, и солнечная колесница стала неуправляемой. Она то поднималась к звездам, то опускалась к самой земле, в результате чего от нестерпимого жара загорелись леса, реки высохли, моря обмелели, кожа жителей Эфиопии почернела, а Северная Африка превратилась в пустыню. Увидев, что все живое может погибнуть, Зевс поразил Фаэтона перуном, и тот, подобно падающей звезде, упал в реку Эридан (По). Сестры Фаэтона Гелиады долго оплакивали смерть брата, и боги превратили их в тополя, а слезы, продолжавшие капать с этих деревьев, превратились в капли янтаря. Печалился о гибели Фаэтона и его друг и родственник Кикн, и боги превратили его в белоснежного лебедя (*kyknos*).

Фаэтон, согласно Овидию, — прапрадед Адониса и прадед Кинира, который зачал Адониса, вступив в кровосмесительную связь со своей дочерью Миррой или Смирной.

Страшное буду я петь. Прочь, дочери, прочь удалитесь

Вы все, отцы! А коли песни мои вам сладостны будут,
Песням не верьте моим, о, не верьте ужасному делу!

К Мирре сватались многие женихи, но она испытывала страсть лишь к родному отцу. Однажды, воспользовавшись удобным отрезком времени — когда супруга Кинира в течение девяти дней по религиозным причинам воздерживалась от любовных утех, — кормилица Мирры напоила Кинира и устроила ему ночью в крошечной тьме свидание с таинственной воздыхательницей, пожелавшей остаться неузнанной.

Плоть принимает свою на постыдной постели родитель,
Гонит девический стыд, уговорами страх умеряет.
Милую, может быть, он называет по возрасту «дочка»,
Та же «отец» говорит, — с именами страшнее злодейство!

Ночные свидания следовали одно за другим, и наконец Кинир, снедаемый любопытством, сходил за светильником и узнал в таинственной воздыхательнице свою дочь (к тому времени успевшую забеременеть). Потрясенный ужасной правдой, Кинир так разъярился, что бросился на Мирру с мечом, и она еле спаслась, стремглав выбежав из дворца. Когда же увидела, что отец настигает ее, Мирра взмолилась к богам, заклиная о помощи, и те превратили ее в мирровое дерево. Говорят, что смола этого дерева — слезы несчастной Мирры.

Сын Мирры, получивший имя Адонис, появился на свет толи благодаря дикому кабану, расколовшему дерево, в которое превратилась многострадальная Мирра, то ли благодаря Афродите, богине деторождения, исполнившей свое назначение. Как бы там ни было, крошечный Адонис оказался у Афродиты, она заключила его в ларец и передала Персефоне, а когда узнала о том, что мальчик растет очень красивым, то попросила Персефону его вернуть, но владычица подземного царства наотрез отказалась. Тогда Афродите пришлось обратиться к Зевсу, и тот повелел Адонису одну треть года проводить с Афродитой, другую — с Персефой, а третью — по своему усмотрению. Но Адонис и свободное время стал уделять Афродите, спускаясь к Персефоне в Аид лишь на наиболее суровую часть года, а все весенние и летние месяцы оставался спутником Афродиты. Адонис, ставший возлюбленным богини, погиб на охоте от клыков дикого кабана. Убитая горем Афродита учредила в память о нем ежегодный праздник — адонии, а кровь Адониса превратила в анемон,

...цветок кровавого цвета.

Схожие с ними цветы у граната, которые зерна
В мягкой таят коже, цветет же короткое время.
Слабо держась на стебле, лепестки их алеют недолго,
Их отряхают легко названье им давшие ветры.

Говорят, что и красные розы появились лишь после смерти Адониса. Афродита так спешила к своему умиравшему возлюбленному, что поранила ноги о шипы белых роз, и с тех пор эти цветы стали красными.

После смерти Кекропа царем Афин стал Кранай, тоже сын Геи-Земли, царствовавший, как считается, во время Девкалионова потопа. Краная сменил Амфикион, который был сыном или Девкалиона, или Геи-Земли. Он царствовал в течение двенадцати лет, после чего его изгнал Эрихтоний, чье имя также указывает на связь с землей (греч. *khthon* значит «земля»), Своему рождению этот царь обязан такой истории. Как говорят, однажды Афина пришла к Гефесту, чтобы заказать себе новое оружие и доспехи. Имевший слабость к девственницам, Гефест попытался овладеть ею, но Афина сумела вырваться, и семя Гефеста пролилось ей на бедро. Она с омерзением вытерлась клоком шерсти, бросила его подле себя, и семя оплодотворило вечно животворящую Гею-Землю, которая передала родившегося

младенца Афине. Богиня назвала того Эрихтонием и, спрятав в священный ларец, передала дочерям Кекропа Агравле, Пандросе и Герсезаказав не открывать ни при каких обстоятельствах. Но девы, сгорая от любопытства, все же заглянули в ларец. Увидев ребенка с полужмеиным-получеловеческим телом, они от ужаса потеряли рассудок и бросились вниз с акрополя.

Достигнув зрелого возраста, Эрихтоний изгнал Амфиктиона, стал афинским царем и ввел в своем городе культ Афины. На акрополе он воздвиг деревянную статую этой богини и учредил в ее честь Панафиней, основной праздник города. Говорят также, что Эрихтоний первым стал пользоваться колесницей, запряженной четверкой лошадей, и после смерти был вознесен на небо в виде созвездия Возничего.

Следующим царем Афин стал сын Эрихтония Пандион I. У него были две дочери — Прокна и Филомела, а также два сына — Эреxfей и Бут. У Пандиона I возник пограничный спор с царем Фив Лабдаком, и он обратился за помощью к Терее, сыну Ареса. После того как спор решился в пользу Афин, Пандион отдал Проклу в жены Терее, но супружество счастья не принесло, и потому

...ни брачной Юноны,
Ни Гименя, увы, не видали у ложа, ни Граций.
Нет, Эвмениды для них погребальное пламя держали,
Нет, Эвмениды постель постилали для них, и, зловеща,
К кровле припала сова и над брачным сидела покоем.

Все же в результате этого брака у Терее и Прокны родился сын Итис.

Спустя некоторое время Терей почувствовал эротическое влечение к сестре Прокны Филомеле. Изыскав возможность, он увлек ее в лес и там обесчестил, после чего из предосторожности отрезал ей язык и заточил в хижине. Прокне же он сообщил, что Филомела умерла. Однако Филомела нашла способ сообщить о себе сестре: она выткала свою ужасную повесть на покрывале и тайно переправила Прокне. Отыскав Филомелу, Прокна решила жестоко отомстить мужу. Она убила своего сына от Терее Итиса, приготовила из расчлененного мяса кушанье и подала мужу.

Сам же Терей, высоко восседая на дедовском кресле,
Ест с удовольствием, сам свою плоть набивая в утробу.
Ночь души такова, что — «Пошлите за Итисом!» — молвит.

Терее поднесли отрубленную голову Итиса. Придя в ужас и сообразив, чью плоть он ел, Терей схватил меч и бросился на сестер. Прокна и Филомела, преследуемые Тереем в хижине, выбежали во двор, взмолились к богам, и те превратили всех троих в птиц: Прокну — в соловья, Филомелу — в ласточку, а Терее — в удода. С тех пор Прокна в образе соловья беспрестанно скорбит по Итису, издавая звуки «Itu! Itu!», а ищущий ее удода кричит: «Рои? Рои?» («Где? Где?»).

Пандиону I наследовал Эреxfей, ставший еще и жрецом Афины. Согласно Паросской хронике, в правление Эреxfея в Аттике впервые появилась богиня Деметра. Она учредила Элевсинские мистерии, а также дала Триптолему, сыну элевсинского царя Келея, посевное зерно и научила его земледелию. В то же время по Аттике путешествовал Дионис, бог виноградарства. Он подарил лозу местному жителю Икарию, да еще научил его, как делать вино. С тех пор жители Аттики стали заниматься земледелием и виноделием.

Дочь Эреxfея Прокрида вышла замуж за Кефала, сына Гермеса. Случилось так, что в Кефала влюбилась богиня Эос. Похитив его, она попыталась добиться от него ответного чувства, но Кефал любил лишь одну Прокриду. Тогда Эос убедила его испытать верность жены. Богиня изменила внешность Кефала, и он, вернувшись домой и преподнеся жене подарки, сумел ее соблазнить. Когда Кефал открылся Прокриде, она от стыда покинула его

дом и ушла в горы, где стала спутницей охотницы Артемиды. Богиня подарила Прокриде гончую по кличке Лелап и копьё, которое всегда попадало в цель.

Спустя какое-то время Кефал, осознав свою глупость, помирился с женой, и она отдала мужу свое копьё. Кефал часто уходил с утра на охоту, а когда днем наступала жара, искал в тени защиту от зноя, приговаривая: «Струйка!.. приди! Будь, усталому, мне врачеваньем!»... «Приди... всех лучшая!» Нашелся человек, который услышал эти слова Кефала и, решив, что тот зовет какую-то нимфу, сообщил об этом Прокриде.

Прокрида решила проследить за Кефалом и однажды, когда он был на охоте, спряталась в кустах и стала ждать, когда появится ее муж. Наконец она увидела Кефала и услышала, как он говорит: «Приди, всех лучшая!» Прокрида зашевелилась в кустах, а Кефал, решив, что в них прячется дикий зверь, бросил на звук копьё, не знающее промаха. Копьё поразило Прокриду, и она умерла, успев понять из слов мужа, что заблуждалась.

Аполлодор предлагает другую версию этого мифа, изображая Прокриду корыстной женщиной и неверной женой. Согласно Аполлодору, Прокрида, прельстившись подаренным ей золотым венцом, уступила домогательствам афинянина Птелеона. Когда измена открылась, ей пришлось перебраться на Крит. Там она вступила в любовную связь с царем Миносом, но затем, испугавшись угроз его жены Пасифаи, вернулась в Афины и помирилась с Кефалом. Они стали вместе охотиться, и однажды Кефал случайно убил ее. Он предстал перед ареопагом, который приговорил его к вечному изгнанию за убийство.

Эреxfею пришлось воевать со своим правнуком Эвмолпом. Того новорожденным младенцем бросили в море, но его спас Посейдон и отдал на воспитание своей дочери Амфитрите, обосновавшейся в Эфиопии. Когда Эвмолп вырос и возмужал, началась война между Афинами и Элевсином. Эвмолп по просьбе элевсинцев пришел им на помощь, вторгся со своим войском в Аттику и стал претендовать на верховную власть в Афинах, ссылаясь на то, что господство над Аттикой принадлежит не Афине, а Посейдону.

Обеспокоенный сложившимся положением, Эреxfей обратился за советом к оракулу, и тот ответил, что если Эреxfей хочет взять верх, он должен принести в жертву Афине одну из своих дочерей. Однако после того как одна из дочерей Эреxfея была принесена в жертву, две ее сестры тут же покончили с собой, поскольку раньше все трое дали друг другу клятву умереть вместе. В состоявшейся битве между афинянами и элевсинцами Эреxfей убил Эвмолпа, за что его поразил Посейдон (или Зевс). По другой версии, Эреxfей убил не Эвмолпа, а его сына, а Эвмолп, уцелев в сражении, остался в Элевсине.

Следующим афинским царем стал старший сын Эреxfея Кекроп II. Он взошел на престол не по праву первородства, а по решению Ксуфа, своего родственника, выбранного после кончины Эреxfея третьей судьей. Это решение пришлось не по нраву братьям Кекропа, и Ксуфа изгнали из города.

А вот по версии Еврипида, изложенной в пьесе «Ион», Эреxfею наследовал Ксуф, главное действующее лицо этой пьесы. У жены Ксуфа Креусы от Аполлона был сын, рожденный ею еще до замужества; этого сына ей пришлось бросить. Однако Аполлон позаботился о младенце и перенес его в Дельфы, где он стал храмовым прислужником. Поскольку Креуса, ставшая к тому времени женой Ксуфа, оставалась бездетной, супруги пришли в Дельфы, чтобы узнать у оракула, как обрести сына. Ксуф получил ответ, что первый, кого он встретит, выйдя из храма, есть его сын, и этим первым оказался Ион. Тогда Креуса, крайне недовольная тем, что у Ксуфа объявился сын, а у нее сына нет, решила убить Иона. Ее попытка, к счастью, не удалась, как и попытка Иона, узнавшего о намерении Креусы, отомстить. В конце концов произошло взаимное опознание Креусы и ее сына, условившихся хранить происхождение Иона в тайне от Ксуфа, после чего все трое возвратились в Афины.

По другой версии, у Кекропа II был сын Пандион II, которого в результате переворота изгнали из Афин сыновья его дяди Метиона (Метиониды). Пандион II нашел убежище в Мегаре, где женился на Пилии, дочери царя Пиласа, которая родила ему четверых сыновей. Когда Пилас перебрался в Пелопоннес, где основал город Пилос, Пандион II стал царем

Мегары. После смерти Пандиона II в Мегаре воцарился его сын Нис, а другие его сыновья Эгей, Лик и Паллант пошли войной на Афины и изгнали Метионидов, после чего царем Афин стал Эгей.

Эгей, несмотря на то что был дважды женат, детей не имел и, опасаясь, что останется без престолонаследника, обратился за советом к Дельфийскому оракулу.

Тот ответил такими словами:

Винного меха конец не развязывай, доблестный воин,
Прежде чем ты не подымешься вновь на акрополь Афинский.

Не уразумев смысла ответа, Эгей отправился обратно в Афины и, когда проходил через Трезен, ему оказал гостеприимство мудрый Питтей. Он понял ответ оракула и, напоив гостя допьяна, уложил спать со своей дочерью Этрой. Перед тем как уйти, Эгей положил под тяжелый камень меч и сандалии, наказав Этре, если родится сын, отправить мальчика к нему в Афины, когда вырастет и сможет, сдвинув камень, забрать оставленные под ним вещи, которые послужат для его опознания. У Этры и в самом деле родился сын, получивший имя Тесей и ставший величайшим афинским героем. Правда, говорят, что отцом Тесея был Посейдон, познавший Этру в ту же самую ночь, что и Эгей.

Эгей вернулся в Афины, где в скором времени приютил у себя Медею (после того как она убила своих детей), а затем и женился на ней. Медея родила ему сына.

Постклассическое наследие

К мифам, рассказанным в этой главе, в постклассическое время обращались многие деятели искусства и даже ученые. Так, миф о Фаэтоне привлек внимание Микеланджело, написавшего картину «Падение Фаэтона», а также Рубенса, на картине которого на фоне вселяющего ужас грозного неба и земли, охваченной пламенем, изображен восседающий в солнечной колеснице растерянный Фаэтон, которого поражает яркая молния. Как ни странно, но Фаэтон, не справившийся с управлением колесниц, стал эпонимом экипажа с открытым верхом (фаэтона).

А вот образ Адониса породил даже научные споры, проистекшие из работы английского антрополога Джеймса Джорджа Фрэзера, который, взяв на вооружение сравнительно-исторический метод, рассудил, что Адонис является символом смены времен года и их влияния на занятие земледелием. У Фрэзера Адонис стал своего рода духом растительности. Но в недавнее время французский историк и антрополог Марсель Детьен, используя приемы структурализма, выступил против суждения Фрэзера, придя к заключению, что Адонис — воплощение мимолетности, недолговечности и бесплодия. Этот пример показывает, что толкование мифов постоянно меняется под влиянием новых научных знаний и построений.

Миф об Адонисе нашел воплощение во множестве произведений постклассической живописи. Так, например, в 1635 году Рубенс написал картину «Венера и Адонис» (в настоящее время хранящуюся в Нью-Йорке). Изображенная на картине Венера (Афродита) пытается удержать Адониса, собравшегося на охоту. Ее черный плащ словно предупреждает о смертельной опасности. За сценой наблюдает обескураженный Купидон (Эрот). Его лук и стрелы лежат на земле. Он знает, что Адонису и Венере больше не суждено испытать взаимного эротического влечения.

Адонис погиб на охоте, и, согласно Овидию, Афродита превратила его кровь в анемон. В произведении Шекспира «Венера и Адонис» богиня прижимает анемон к груди и горестно восклицает:

Здесь на груди была отца постель...

Наследник ты, владей по праву ею!
Ложись спокойно в эту колыбель,
Я сердца теплотой тебя согрею
И каждый миг и каждый час опять
Цветок любимый буду целовать.

Миф о Прокне и Филомеле получил неожиданное воплощение в кинофильме Питера Гринуэя «Повар, вор, его жена и ее любовник» (1989). В этом фильме повар Ришар держит ресторан, в котором ежедневно обедают главарь местных гангстеров Альберт Спика и его жена Джорджина. Устав от издевательств своего властного, грубого и порочного мужа, Джорджина влюбляется в другого постоянного посетителя ресторана, скромного Майкла. Узнав об измене жены, Альберт в ярости клянется убить и съесть Майкла. Подельники Альберта находят Майкла и зверски убивают его. Тогда пришедшая в отчаяние Джорджина уговаривает Ришара приготовить из плоти Майкла жаркое, заставляет Альберта съесть приготовленную еду и гневно награждает его метафорическим восклицанием: «Каннибал!».

Между мифом о Прокне и Филомеле и фильмом Питера Гринуэя прослеживается явное сходство сюжетов и основных персонажей: у обоих мужей (Терей и Альберта) безнравственные наклонности (у одного к любострастию и обжорству, у другого — к насилию и тому же чревоугодию); оба мужа причастны к насилию над дорогим для него жены человеком (Филомела обесчещена и искалечена, а Майкл зверски убит); обе жены (Прокна и Джорджина) мстят мужьям (подают им еду из человеческой плоти). Между мифом и фильмом есть, конечно, и разница: Терей в итоге превращается в птицу, а Альберт умирает; Прокна и Филомела также превращаются в птиц, а Джорджина продолжает жить. И все же фильм Гринуэя является прекрасным примером того, как на сюжет мифа можно сочинить новый рассказ, возможно, не менее интересный и назидательный, что несомненно представляет собой предмет для анализа компаративистов, психоаналитиков и структуралистов.

Глава одиннадцатая Тесей и Минотавр

Главные действующие лица

- Минос** — Царь Крита.
Пасифая — Жена Миноса, мать Минотавра.
Минотавр — Человекобык, рожден Пасифаей от быка.
Тесей — Афинский герой, победитель Минотавра.
Эгей — Отец Тесея.
Ариадна — Дочь Миноса, помогла Тесею победить Минотавра, позже была Тесеем покинута.
Дедал — Искусный художник и строитель, построил лабиринт.
Икар — Неразумный сын Дедала.
Ипполит — Сын Тесея.
Федра — Мачеха Ипполита, влюбилась в него, что привело к трагическим последствиям.
Кентавры — Полулюди-полукони.

Подходя к рассказу о Минотавре, оказываешься в сплетении фиванских, афинских и критских мифов, кульминационным пунктом которых является поединок между героем Тесеем и Минотавром.

Начнем с того, что живший на Крите Минос, сын Зевса и Европы, женился на Пасифае,

дочери Гелиоса и сестре Ээта, владельца золотого руна, и волшебницы Кирки. У Миноса и Пасифаи было много детей, но Минос не чуждался и связей с нимфами, которые ему уступали. Исключением стала девственная охотница Бритомартис, которую Минос преследовал девять месяцев, пока она в отчаянии не бросилась со скалы в море, но была выловлена рыбацкими сетями и спасена. Бритомартис стала спутницей Артемиды, обожествившей ее под именем Диктинна (которое толкуется как «попавшая в сеть» или происходящее от названия горы Дикта на Крите, где Диктинна особенно почиталась). Чтобы покончить с любвеобильностью Миноса, Пасифая дала ему выпить волшебное зелье, превращавшее исторгнутое им семя в змей, скорпионов и многоножек. И все же Минос сумел соблазнить жену Кефала Прокриду, которая, правда, настояла на том, чтобы Минос, перед тем как возлечь с ней, выпил так называемый «корень Кирки» — отвар из волшебных трав, предотвращающий превращение семени Миноса в мерзких существ.

Когда муж Европы Астерий умер бездетным, Минос решил стать царем Кипра. Чтобы добиться популярности у критян, он стал хвалиться, что боги исполняют его желания. Чтобы подтвердить свои слова, Минос упрямил Посейдона подарить ему быка, которого обязался принести в жертву. Тотчас из морской глубины появился ослепительно белый бык. Могущество Миноса подтвердилось, и он стал царем Кипра. Однако Минос был так потрясен красотой быка, что оставил его у себя, а в жертву принес одного из своих быков. Разгневанный нанесенной обидой, Посейдон внушил жене Миноса Пасифае страстную любовь к не принесенному в жертву быку.

Чтобы удовлетворить чудовищное желание, Пасифая обратилась за помощью к Дедалу, знаменитому афинскому мастеру (изобретателю, скульптору и строителю), жившему на Крите в изгнании. Предком Дедала был Эрехтей, а его отцом называли Евпалама, Паламаона и Метиона (все эти имена ассоциируются с ремеслами и профессиональными знаниями, да и само имя Дедал значит «искусный»). Говорят, что Дедал построил крепость и храм на Сицилии, изобрел станок, топор, бурав и парную, а из мрамора вытесывал такие дивные статуи, что они казались живыми.

Из Афин Дедал бежал, совершив убийство. Один из его учеников по имени Талос, Калос или Пердикс изобрел пилу, используя сначала для разрезания дерева то ли змеиную челюсть, то ли рыбий позвоночник. Это и другие изобретения этого человека (к примеру, циркуль) вызвали у Дедала жгучую зависть, и однажды, поднявшись со своим учеником на акрополь, он столкнулся с ним. Признанный виновным на ареопаге, Дедал был навеки изгнан из города за убийство.

Идя навстречу пожеланиям Пасифаи, Дедал смастерил пустотелую деревянную корову, обтянул ее коровьей кожей и поставил на пастбище. Пасифая забралась внутрь, бык принял корову за настоящую, и страдалница удовлетворила свою жгучую страсть. Плодом этого союза стало чудовище с бычьей головой и человеческим телом, известное под именем Минотавр (что значит «бык Миноса»), хотя его настоящее имя — Астерий. Напуганный грозным видом чудовища, Минос поместил его в лабиринт, строение с запутанными, сложными переходами, возведенное Дедалом. Там Минотавр и оставался, пока не пал от руки Тесея.

Одним из сыновей Миноса был Андрогей, превосходный атлет. Приехав в Афины, он выиграл все состязания на Пана-финейских играх. Но доблесть привела его к смерти. Одни говорят, что его убили завистники, неудачники состоявшихся игр; другие считают, что его убил царь Эгей, испугавшийся за свой трон; третьи утверждают, что Эгей послал Андрогая расправиться с марафонским быком — тем самым, с которым сошлась одержимая вожделием Пасифая, и тем самым, которого в свое время укротил бесстрашный Геракл, но который потом снова оказался на воле. По последней версии, Андрогей погиб в схватке с быком.

Как бы там ни было, Минос вознамерился отомстить афинянам за смерть Андрогая. Он снарядил флот и отплыл в Афины. В начале морского похода Миносу удалось взять Мегару, в которой правил царь Нис. На голове Ниса рос пурпурный волос, от которого, по

предсказанию оракула, зависели его жизнь и трон. Влюбившаяся в Миноса дочь Ниса Скилла срезала у отца этот волос, после чего Минос без труда овладел Мегарой. Однако, испытывая отвращение к отцеубийству, Минос после взятия города привязал Скиллу ногами к корме своего корабля, и она захлебнулась.

Однако Афины Минос взять не сумел, и тогда наказать Афины он умолил всемогущего Зевса. На Афины обрушились голод и мор. Тогда афиняне, по совету оракула, принесли в жертву богам Гиакинфид (дочерей Гиакинфа или Эрехфея), умертвив их на могиле киклопа Гереста. Но это не помогло. Афиняне снова обратились к оракулу, и он на сей раз им посоветовал выполнить любое требование Миноса. В качестве дани Минос потребовал присылать ему каждые девять лет семь юношей и семь девушек, которых он предназначил на съедение Минотавру.

Подвиги Тесей на пути в Афины

Тем временем Тесей, сын Эгея и Эфры, воспитывался в доме Питфея в Трезене, превосходя во всем сверстников. Однажды гостивший у Питфея Геракл снял с себя львиную шкуру и повесил ее на стул. Дети, увидевшие шкуру, с криком бросились прочь, и только Тесей не пал духом, схватил топор и смело бросился, как он думал, на настоящего льва. Когда Тесею исполнилось шестнадцать лет, он без труда сдвинул тяжелый камень, под которым Эгей оставил для него меч и сандалии. В сандалиях отца и с его мечом Тесей отправился в Афины, не безопасным морским путем, а посуху, надеясь совершить в пути подвиги, равные свершениям его кумира Геракла. И Тесей действительно отличился, совершив на пути в Афины шесть великих деяний, которые принесли ему славу героя. Плутарх пишет, что Тесей совершил свои подвиги, подражая Гераклу. Но Геракл был дорийским героем, а Афины испытывали потребность в собственном национальном герое, и Тесей стал таковым.

В Эпидавре Тесей встретил великана Перифета, известного под прозвищем Человек-палица. Ни один путник не проходил через горы, в которых жил Перифет, всех убивал великан, орудуя своей палицей. Но Тесей вырвал дубину из рук великана и забил его насмерть, а палицу, которая пришлась по руке, взял с собой как знак одержанной победы.

Оказавшись на Истме, перешейке между Сардоническим и Коринфским заливами, Тесей расправился со «сгибателем сосен» Синисом. Этот свирепый разбойник предавал страшной смерти всех странников. Обладая огромной силой, Синие мог сгибать сосны до самой земли. Он просил каждого путника помочь ему в этом деле, а затем отпускал сосну, дерево подбрасывало не подозревавшего подвоха прохожего, и тот, упав, разбивался насмерть. Пользовался Синие и другим, еще более жутким способом убийства. Согнув две сосны так, что те касались друг друга вершинами, он привязывал свою жертву одной рукой к одному дереву, а другой — к другому, после чего отпускал деревья. Сосны выпрямлялись и разрывали тело несчастного. Тесей расправился с Синисом его же собственным способом.

Затем в Кроммионе Тесей убил страшную дикую свинью по имени Фея. Говорят, что она была отпрыском Тифона и Ехидны, а по словам других, свинья эта получила имя старухи, которая ее вскормила.

Неподалеку от Мегары Тесей одолел разбойника Скирона, который обычно восседал на скале над морем и заставлял всех прохожих мыть ему ноги. Когда путник наклонялся, Скирон сбрасывал его в море, где несчастного пожирала гигантская черепаха. Тесей отказался мыть разбойнику ноги и сбросил его со скалы.

Добравшись до Элевсина, Тесей убил Керкиона, который вызывал всех путников на состязание по борьбе и непременно душил их в могучих объятиях. Но Тесей поднял Керкиона над головой, с силой бросил его на землю, и дотоле непобедимый борец испустил

дух.

На пути из Элевсина в Афины Тесей покончил с Прокрустом (известным также под именами Дамаст и Полипемон). В доме у Прокруста имелось два ложа, длинное и короткое. Устраивая путников на ночлег, он укладывал людей небольшого роста на длинное ложе и вытягивал ноги несчастных до тех пор, пока они не касались края. Высоких людей Прокруст укладывал на короткое ложе и обрубал им ноги. Тесей поступил с Прокрустом таким же образом, как тот поступал с другими.

Когда Тесей пришел наконец в Афины, Эгей своего сына не распознал, зато его узнала Медея, жена царя. Она сразу сообразила, что теперь ее сын Мед может лишиться престолонаследия. Медея решила как можно скорее избавиться от Тесея и уверила мужа, что пришелец подослан врагами, чтобы лишить его власти. Тогда Эгей поручил Тесею расправиться с опустошавшим округу марафонским быком, посчитав, что опасный пришелец в схватке с этим быком погибнет. Но Тесей одолел быка и вернулся целым и невредимым. Тогда Медея решила его отравить. Она подговорила Эгея, и тот подал Тесею чашу с отравленным вином. Когда чаша была в руках у Тесея, Эгею вдруг бросился в глаза меч, висевший у юноши на перевязи. Это был его собственный меч, который он в свое время положил под тяжелый камень, прощаясь с Эфрой. Сообразив, что чуть не отравил сына, Эгей выбил чашу из рук Тесея. Затем изгнал Медею из города и объявил Тесея законным наследником.

Вскоре после этих событий пришло время в третий раз посылать на Крит семь юношей и семь девушек на съедение Минотавру. Решив покончить с чудовищем и освободить афинян от ужасной дани, Тесей добровольно вошел в эту группу. Правда, некоторые считают, что на него пал жребий, а по другому свидетельству, Минос сам прибыл в Афины отбирать жертвы. Как бы там ни было, Тесей отправился на Крит, снарядив корабль под черными парусами, пообещав Эгею, что если победит Минотавра, то, отправляясь в обратный путь, заменит черные паруса на пурпурные или белые.

Во время перехода на Крит Минос попытался овладеть девой по имен Эрибея, но Тесей вступился за девственницу. Недовольный тем, что ему помешали, Минос заносчиво заявил, что он — сын Зевса, и потому ему все дозволено. Чтобы доказать свою правоту, он вознес Зевсу молитву, и в ответ тотчас сверкнула молния. Тесей парировал, что он — сын Посейдона и обязан защищать девственниц. Минос ядовито ответил, что Тесею следует доказать свое происхождение от бога морей. Греческий поэт Вакхилид (520–450 до н. э.) в одном из своих дифирамбов рассказывал, что Минос бросил в море золотое кольцо и попросил Тесея достать его и этим доказать, что он — сын Посейдона. Тесей вернулся не только с кольцом, но и с «красным плащом» и «венком темным от роз», подарками Амфитриты, жены Посейдона.

Подробнее об этом повествуют такие строки:

И трепетны были юные афиняне,
Ринутым в море видя вождя,
И слезы текли из их кротких очей
В предвиденьи гнетущей неизбежности.
А меж тем дельфины, насельники пучин,
Устремясь, понесли Тесея
К дому конника, его отца;
И вошел он в божий чертог.

И увидел он в том милом дому
Любезную супругу отца своего,
Волоокую, высокую Амфитриту;
И она окинула его красным плащом,
И она взложила на густую гриву его

Безупречный венок, темный от роз,
Дар лукавой Афродиты для свадьбы морской.

Когда Тесей оказался на Крите, в него влюбилась дочь Миноса Ариадна. Она пообещала помочь Тесею, если он на ней женится и непременно возьмет в Афины. Это предложение Тесей с радостью принял и поклялся жениться на Ариадне. Тогда Ариадна упросила Дедала, строителя лабиринта, научить ее, как найти Минотавра, а потом выйти из запутанных переходов сооружения. Выслушав Дедала, Ариадна дала Тесею клубок ниток, конец которого он привязал у входа в лабиринт, а затем стал постепенно этот клубок разматывать, чтобы найти по нитке обратный путь. Отыскав Минотавра, Тесей поразил его и, следуя нитке, вышел из лабиринта.

В Афины Тесей отправился с Ариадной. На обратном пути он сделал остановку на острове Диа (теперь известном как Наксос) и оставил там Ариадну — то ли по воле богов, то ли из-за новой возлюбленной по имени Эгла.

Так или иначе

...Ариадна, одна, с пенношумного берега Дии,
Неукротимый пожар не в силах сдерживать в сердце,
Смотрит, как в море Тезей с кораблями поспешно уходит;
Видит — не может сама тому, что видит, поверить:
Что, от обманчивых снов едва пробудясь, на пустынном
Бреге песчаном себя, несчастная, брошенной видит.
Он же, про деву забыв, ударяет веслами волны,
Бурному ветру свои обещанья вручая пустые!

Ариадна не осталась одна. В нее влюбился бог Дионис и женился на ней. Найдя в этом супружестве утешение, Ариадна родила четверых сыновей.

Тесей остановился также на Делосе, где принес жертвоприношение Аполлону. Там же он со своими спутниками исполнил танец «журавля» — танец, в котором мерные движения исполнителей то в одну, то в другую сторону как бы воссоздавали запутанные ходы лабиринта. Говорят, что у жителей Делоса танец этот был популярен и в историческую эпоху.

С Делоса Тесей пошел на Афины. Однако он забыл поменять на корабле паруса, и Эгей, стоявший на афинском акрополе (где позже возвели храм Афины Ники, сохранившийся по сей день) и наблюдавший оттуда за приближавшимся кораблем, увидел черные паруса, решил, что Тесей погиб, и с горя бросился вниз и разбился насмерть. По другой версии, Эгей наблюдал за приближавшимся кораблем со скалы и бросился в море, которое с тех пор зовется Эгейским.

После того как Тесей, разделавшись с Минотавром, вышел из лабиринта, Минос сообразил, что ему в этом деле помог Дедал. Разгневанный царь заточил Дедала и его сына Икара в лабиринт, но им принесла освобождение Пасифая. Этого было мало: следовало бежать с острова. Тогда изобретательный Дедал изготовил из перьев и воска крылья, успешно опробовал их, а потом, надев такие же крылья на руки Икара, стал его наставлять:

...Полетишь серединой пространства!
Будь мне послушен, Икар: коль ниже свой путь ты направишь,
Крылья вода отягчит; коль выше — огонь обожжет их.
Посередине лети.

В полете Дедал неотступно следил за сыном, как птица за только что оперившимся птенцом, но

Начал тут отрок Икар веселиться отважным полетом,
От вожака отлетел; стремлением к небу влекомый,
Выше все правит свой путь. Соседство палящего Солнца
Крыльев скрепление — воск благовонный — огнем
размягчило,
Воск, растопившись, потек; и голыми машет руками
Юноша, крыльев лишен, не может захватывать воздух.
Приняты были уста, что отца призывали на помощь,
Морем лазурным, с тех пор от него получившим название.

Дедал, в отличие от Икара, за свое дерзание жизнью не поплатился и долетел до Сицилии, где был гостеприимно встречен царем Кокалом. Тем временем Минос снарядил флот и отправился на поиски исчезнувшего Дедала. Всюду, где бывал, он предлагал царю, у которого останавливался, продеть за большую награду нить через захваченную с собой раковину тритона. Минос небезосновательно полагал, что только Дедал может справиться с такой замысловатой задачей и тем самым выдаст себя. Прибыв на Сицилию, Минос предложил решить задачу Кокалу, и царь, согласившись, тайком передал раковину Дедалу. Тот привязал нить к муравью, который, забравшись внутрь через проделанное в глухом конце раковины отверстие, протянул за собой нитку в спираль. Минос, естественно, догадался, что Дедал находится у Кокала, и потребовал выдать мастера. Кокал пообещал это сделать, но в дело вмешались царские дочери. Когда Минос принимал ванну, они вылили ему на голову котел кипятка, а по другому свидетельству, окатили его кипящей смолой, воспользовавшись проведенной Дедалом в баню трубой. О дальнейшей жизни Дедала ничего определенно не известно.

После смерти Эгея царем Афин стал Тесей, которому пришлось истребить своего дядю Палланта и его пятьдесят сыновей, претендовавших на власть в Афинах. Тесею также приписывают объединение всех жителей Аттики в единый народ (синойкизм) и в единое государство с центром в Афинах, а также учреждение Панафинейских игр, участие в Калидонской охоте и в плавании аргонавтов.

Рассказывают также, что однажды Тесей приобрел верного друга. Случилось так, что Пирифой, царь лапифов, живших в Фессалии, угнал из Аттики стадо коров. Тесей пустился в погоню за похитителем. Но когда Тесей и Пирифой встретились, они были настолько поражены взаимной красотой и величием, что забыли про угнанный скот и поклялись друг другу в нерушимой дружбе. Когда Пирифой женился, он пригласил на свадьбу Тесея, и тот стал участником кентавромахии, случившегося на свадьбе сражения между лапифами и кентаврами.

Кентавры происходили от Иксиона, отца Пирифоя. Этот Иксион оказался одним из четверых нарушителей непреложных законов, установленных Зевсом, за что был низвергнут в конце концов верховным богом в Тартар. Иксион стал первым, кто убил своего родственника (тестя), столкнув того в яму с пылающими углями. Зевс, правда, очистил его от убийства, но Иксион оказался неблагодарным и попытался соблазнить Геру, которая рассказала об этом мужу. Тогда Зевс создал облачный призрак Геры — Нефелу, с которой Иксион и разделил ложе. В наказание за нечестие Зевс велел привязать Иксиона к огненному колесу, которое безостановочно катится по небу. Нефела же, проведя ночь с Иксионом, забеременела и в положенный срок родила Кентавра.

Кентавр, вступив в связь с дикими кобылицами, стал отцом большого числа кентавров, полулюдей-полулошадей. Когда Пирифой стал царем лапифов, кентавры, называя себя внуками Иксиона, стали претендовать на часть царства. Но до открытой вражды дело не доходило, и Пирифой пригласил своих родственников на свадьбу. Однако на свадьбе кентавры, не знавшие прежде вина, захмелели и попытались похитить женщин, а кентавр Эвритион даже посягнул на невесту. В результате начался неистовый бой между лапифами и кентаврами. На стороне лапифов сражался Кеней, который раньше был женщиной,

превращенной по ее желанию Посейдоном (после ночи любви) в неуязвимого воина.

О судьбе, постигшей Кеней в бою с кентаврами, рассказывает Аполлоний Родосский:

Ведь про Кеней поэты поют, что живым он остался,
Хоть и погиб от кентавров, когда от прочих героев
Он их один отразил. Они же, набросившись скопом,
Ни обратить его вспять не могли, ни предать его смерти.
Неодолим, некрушим, погрузился он в недра земные,
Яростно в землю вбиваем ударами сосен могучих.

Сражение закончилось победой лапифов, которых возглавляли Пирифой и Тесей.

Когда жена Пирифоя неожиданно умерла, Пирифой и Тесей договорились между собой, что добудут каждому в жены одну из дочерей Зевса. Сначала Тесей с помощью друга похитил в Спарте Елену, а затем они отправились в царство мертвых, чтобы для Пирифоя добыть Персефону, жену Аида. В их отсутствие Диоскуры освободили Елену и вместе с ней увели из Афин мать Тесея Эфру, предназначив ее в рабыни Елене. Они же власть над Афинами отдали Менесфею, правнуку Эреxfея.

Когда Пирифой и Тесей пришли в царство мертвых, Аид спокойно выслушал бесстыдное требование и предложил гостям присесть на трон, оказавшийся тронем забвения, подавляющим память о прежней жизни. По одной из версий этого мифа, Пирифой остался навек в Аиде, по другой — его сожрал Кербер, а еще по одной — его выпустил на свободу Геракл. А вот Тесея Геракл определенно освободил, когда по повелению Еврисфея приходил в Аид забрать Кербера. Правда, не обошлось без накладки: когда Геракл, схватив Тесея, стал тянуть его с трона, часть плоти Тесея прилипла к сидению и так на нем и осталась — вот почему у афинских потомков Тесея несуразно малые ягодицы.

Тесей также предпринял поход в страну амазонок и увел с собой их царицу по имени Антиопа (Меланиппа), которая родила ему Ипполита. Амазонки, чтобы освободить Антиопу, пошли войной на Афины, дошли до Ареопага, но в конце концов были разбиты. Несмотря на то что Антиопа родила ему сына, Тесей оставил ее и женился на Федре, сестре Ариадны.

Во время свадьбы вооруженные амазонки, во главе с Антиопой, решившей отомстить бывшему мужу, попытались нарушить празднество и перебить всех гостей, однако были отброшены, а Антиопа погибла в жестокой схватке.

Федра родила Тесею двух сыновей, но ее замужество имело трагические последствия, которым положила начало безудержная страсть Федры к пасынку Ипполиту (чье имя значит «разорванный лошадьми»). Согласно «Ипполиту», трагедии Еврипида (поставленной в 428 году до новой эры), Ипполит презирал любовь и славился как охотник и почитатель девственной охотницы Артемиды. Он отверг любовные домогательства Афродиты, и она, чтобы ему отомстить, внушила любовь к нему мачехе Федре. Далее действие развивается таким образом: Федра пытается бороться с безнравственным чувством, но пересилить себя не может и делится своими бедами с няней, а та берется рассказать Ипполиту о любви Федры. Узнав об этом, Ипполит приходит в праведный гнев и с возмущением восклицает:

О Зевс! Зачем ты создавал жену?
И это зло с его фальшивым блеском
Лучам небес позволил обливаться?
Иль для того, чтоб род людской продолжить,
Ты обойтись без женщины не мог?
Иль из своих за медь и злато храмов
Иль серебро не мог бы сыновей
Ты продавать, чего который стоит,
Освободив жилища нам от жен?

И хорошо, кому попало в дом
Ничтожное творенье, чтоб ни злого,
Ни доброго придумать не могла.
Но умницы!.. Избави боже, если —
В ней на вершок побольше, чем в других,
Ума, излишек этот Афродите
На пользу лишь — коварством станет он.

Потеряв надежду добиться взаимности Ипполита, Федра с горечью восклицает: «О жребий жены! Как над тобою не плакать». После этого она кончает жизнь самоубийством, оставив Тесею записку:

Сын, Ипполит, на ложе посягнул
Отцовское, не устыдился Зевса
Очей.

Прочитав записку, Тесей вспомнил, что Посейдон обещал исполнить три его желания, и взмолился о смерти нечестивого сына.

Ипполит отрицает свою вину и поясняет:

...Ты упрекал меня
В страстях, отец, — нет, в этом я не грешен:
Я брака не познал и телом чист.
О нем я знаю то лишь, что услышал
Да на картинах видел.

Тесей, все же не веря в невинность сына, повелевает ему немедленно покинуть Афины и никогда не возвращаться. Ипполит уехал, но когда проезжал берегом моря, из вод появился огромный бык, охваченные ужасом лошади понесли, колесница перевернулась, и Ипполит получил смертельные раны.

В конце трагедии на сцене снова появляется Ипполит, но теперь часы его сочтены, и Тесей, узнав правду от Артемиды, примиряется с умирающим сыном.

Тесей стал афинским героем *par excellence*, а его деяния показывают, что мифы редко создаются без повода. Хотя Афины жестоко обходились с соседями, герой на то и герой, чтобы быть смелым, великодушным и справедливым, всегда готовым оказать помощь тем, кто нуждается в ней. К Тесею приходят за помощью Эдип, Геракл, матери Семерых против Фив, и он всем оказывает поддержку. А вот к недругам Тесей беспощаден, подобно некоторым современным правителям, не дающим спуска врагам, где бы те ни находились. В трагедии Еврипида «Умоляющие» Тесей говорит:

Не пристала
Тесею осторожность — это правда.
Сам эллинов я приучил во мне
Карателя злодейства видеть, где бы
Оно ни притаилось.

Тесей умер банальной смертью: когда в его отсутствие власть в Афинах узурпировал Менесфей (который позже, согласно Гомеру, возглавил афинское войско, осаждавшее Трою), Тесею пришлось бежать, и он оказался на Скиросе, где местный царь Ликомед заманил его на вершину утеса и столкнул вниз.

В историческую эпоху, в семидесятых годах V века до новой эры, когда Афины стали центром объединения греческих государств, Кимон, афинский государственный деятель и

стратег, привез в Афины со Скироса «кости Тесея» и, используя мифологию, напомнил таким оригинальным образом афинянам о героическом прошлом и подчеркнул их верховенство над ионийцами.

Nachleben¹³³

Сюжеты мифов о Тесее, Минотавре, Ариадне, Дедале и Икаре широко использовались в произведениях искусства. В античные времена тема Тесея особенно часто встречалась в афинском искусстве. Так, сценами его подвигов было расписано множество *kylikos*, киликов, сосудов для питья из обожженной глины или металла. Превосходный экземпляр килика (475 год до н. э.) хранится в Британском музее. На сосуде изображены Керкион, Прокруст, Скирон, марафонский бык, Синие, кроммионская свинья и Минотавр (бык замещает здесь Перифета, хотя был повержен Тесеем позже, после свершения шести подвигов). Сцены подвигов, совершенных Тесеем по дороге в Афины, украшают метопы афинского храма Гефестиона, именовавшегося ранее Тесейон.

В постклассическую эпоху тема Тесея прозвучала в произведении Чосера «Рыцарская история», драме Шекспира «Сон в летнюю ночь», романах Мари Рено «Царь должен умереть» (1958) и «Бык из моря» (1962).

Из всех поверженных Тесеем противников наибольшую известность получил Минотавр. Выказывались суждения, что Минотавр обитал в Кносском дворце на Крите, центре минойской культуры, сложном сооружении, напоминающем лабиринт. В этом дворце сохранились остатки фресок, изображающих быка, «рога посвящения», а также лабрис, двойной топор, но доподлинно доказать связь Минотавра с Кносским дворцом так и не удалось.

Уместно отметить, что археологи полагают: лабрис символизировал господство женщин в минойском обществе. Современные феминистки придерживаются почти такого же мнения, считая лабрис символом Богини-матери, а некоторые верят, что лабрис символизирует лесбийскую любовь. Недаром издающийся в настоящее время журнал «Лабрис Атланта» предназначен для лесбиянок.

На самом деле у лабриса немало предназначений. В 1936–1941 годах лабрис служил эмблемой греческой молодежной фашистской организации, а ныне используется как символ язычества у греческих рок-музыкантов, играющих в стиле «блэк метал».

А вот Минотавр у англичан викторианских времен неожиданно стал борцом с проституцией. Один газетчик сравнил «ночное жертвоприношение» юных лондонских дев с данью афинян Минотавру. Английский художник Джордж Фредерик Уоттс, откликнувшись на эту публикацию, за три часа в порыве отвращения к проституции написал картину «Минотавр», находящуюся в настоящее время в галерее Тейт в Лондоне. На этой картине Минотавр уныло смотрит с парапета на город, желая то ли избавиться от своего ужасного облика, то ли вырваться на свободу из лабиринта, но при этом он душит птицу, что служит подтекстом бессмысленного насилия.

Приложил руку к развитию образа Минотавра и Пабло Пикассо. Под названием «Минотавр» издатель Альберт Скира с 25 мая 1933 года стал выпускать журнал сюрреализма, а Пикассо оформил обложку его первого номера, изобразив на ней монстра и выразив таким образом свое отношение к гражданской войне в Испании.

Уделял внимание греческой мифологии и Майкл Эртон, английский живописец и скульптор. В 1968 году в поместье Армана Эрпфа в Кэтскиллских горах (США, штат Нью-Йорк) он соорудил из кирпичных стен Арквилльский лабиринт, разместив в нем скульптуры Икара и Минотавра. В 1973 году Эртон создал бронзовую статую Минотавра, установленную на одном из сохранившихся возвышений бывшей крепостной стены

¹³³ Послежизнь (нем.).

Лондона. Глядя на эту статую, представляется, что Минотавра разрывают противоречия между человеческим разумом и звериной наружностью.

Интересную интерпретацию мифа об Ариадне привел Рихард Штраус в опере «Ариадна на Наксосе». После того как ее покинул Тесей, Ариадна предается страданиям, избегает людей и считает, что должна быть вовеки верна Тесею. Спутницы — наяда, дриада и нимфа Эхо — озабочены ее душевными муками. Сочувствует Ариадне и бродячая группа комедиантов, включая Цербинетту и Арлекина. Комедианты рассказывают Ариадне о радостях жизни, но она предпочитает прославлять царство мертвых и ждет Гермеса, который отведет ее в мир теней. Комедианты ее не понимают, а их попытки вернуть Ариадну к жизни лишь ухудшают ее душевное состояние. Наконец Цербинетта рассказывает ей по секрету о своих многочисленных романтических похождениях, добавляя, что как ни старается, ей не удастся быть верной одному человеку. Затем Цербинетта начинает кокетничать с Арлекином, завлекая того в любовные сети. Эта интрижка ставит Ариадну в тупик, и все же она с помощью наяды, дриады и нимфы Эхо готовится к встрече с Бахусом (Дионисом), которого принимает ошибочно за Гермеса, с коим должна отправиться в царство мертвых. Бахус, только что развлекавшийся с волшебницей Киркой, забывает о ней и пленяется Ариадной. Он воспекает не смерть, а радости жизни, и Ариадна, не в силах противиться, уступает ему и вновь познает любовь.

Миф о Дедале и его сыне Икаре также привлекал внимание писателей и художников. Еще в эллинистический период Диодор изложил другую версию мифа. По его словам, Дедал и Икар бежали с Крита на лодке, которую предоставила Пасифая, но когда они пытались высадиться на повстречавшийся в пути остров, Икар вывалился из лодки и утонул. А вот по Павсанию, Дедал изобрел не крылья, а паруса, но Икар неумело правил парусной лодкой и утонул, когда лодка перевернулась. Недаром Дедал символизирует изобретательность, находчивость и упорство, свойственные человеку, а Икар — неразумность и опрометчивость юности.

В 1558 году нидерландский живописец Питер Брейгель Старший написал картину «Ландшафт с падением Икара». Изображенные на картине пахарь, пастух и рыбак как ни в чем не бывало занимаются привычным трудом, не обращая внимания на необычное происшествие — падение Икара с высоты небес в море — и тем самым оправдывая пословицу: «Плуг продолжает пахать землю и после кончины пахаря».

В наше время тема Икара нашла свое отражение в джазовой и рок-музыке. Вот наиболее интересные композиции: «Вознесение Икара» (гитарист Стив Хэкетт), «Полет Икара» (группа «Айрон мэйден»), «Икар со стальными крыльями» (группа «Канзас»), «Икар» (англо-скандинавское музыкальное трио «Степанна»).

Отец Икара Дедал видится человеком, утверждающим себя не силой и не оружием, а мастерством и находчивостью. По мнению некоторых исследователей, мифический Дедал — разносторонне талантливый человек, каким оказался Леонардо да Винчи, но в то же время проживший жизнь, полную приключений, как Бенвенуто Челлини.

Дедал стал символом артистической креативности, которую, вероятно, наиболее выразительно показал Джеймс Джойс в романе «Портрет художника в юности» (1916); герой романа носит имя Стивен Дедал. Этот Дедал появляется и в другом романе Джойса — «Улисс» (1922). В этом романе Дедал выступает как исследователь неизвестных искусств. В «Портрете художника в юности» Джойс подчеркивает связь древних с нынешним миром и устами героев книги взывает к мифическому Дедалу:

Древний отче, древний искусник, будь мне отныне и навсегда доброй опорой.

Глава двенадцатая Дом Пелопа

Основные действующие лица

Тантал — Великий злодей, за свои преступления был подвергнут в подземном царстве «танталовым» мукам.

Пелоп — Царь Элиды, добился руки Гипподамии, выиграв состязание в беге на колесницах; эпоним Пелопоннеса.

Эномай — Отец Гипподамии **Гипподамия** — Возлюбленная, а затем супруга Пелопа.

Атрей — Царь Микен, отец Менелая и Агамемнона.

Фиест — Сын Пелопа, съел, не ведая о том, мясо своих детей; проклял Атрея.

Агамемнон — Сын Атрея, предводитель греков в Троянской войне.

Менелай — Сын Атрея, муж Елены.

Род Пелопа включает в себя немало персонажей греческой мифологии, участников ужасных событий, в центре которых столкновение чести, власти и зависти, понуждавшее людей, связанных кровными узами, вступать в противоборство друг с другом. Проявления этой вражды коснулись нескольких поколений дома Пелопа и нашли отражение в многочисленных произведениях литературы и живописи.

Дом Пелопа ведет свой род от Тантала, царя Сипила, что в Малой Азии. Как сын Зевса он посещал пиры олимпийских богов, но платил за это неблагодарностью: разглашал их тайны, похищал нектар и амброзию. Однажды Тантал совершил поистине страшное преступление, о котором Пиндар, древнегреческий поэт, хотя и не приняв за истину, рассказал в своих стихах. Так вот, пригласив олимпийских богов на пир, Тантал, чтобы испытать их всеведение, подал им мясо собственноручно убитого сына Пелопа.

Пиндар, не веря в это ужасное происшествие и мысленно обращаясь к Пелопу, писал:

А завистник-сосед
Стал, таясь, рассказывать людям,
Как в воду, кипящую на огне,
Острым изрубленное ножом,
Падало тело твое,
Как делили его за столом на куски и ели.
Нет!
Я не смею назвать людоедами богов!

По основной версии мифа, все боги тотчас постигли, чем их угощают, и только Деметра, задумавшись о судьбе своей дочери Персефоны, съела кусочек плеча Пелопа.

О том, какое наказание по повелению Зевса постигло Тантала за это страшное преступление, рассказывает Одиссей, герой эпической поэмы Гомера, после посещения подземного царства:

Видал потом я Тантала, казнимого страшною казнью:
В озере светлом стоял он по горло в воде и, томимый
Жаркою жаждой, напрасно воды захлебнуть порывался.
Только что голову к ней он склонял, уповая напиться,
С шумом она убегала; внизу ж под ногами являлось

Черное дно, и его осушал во мгновение демон.
Много росло плодоносных деревьев над его головою,
Яблонь, и груш, и фанат, золотыми плодами обильных,
Также и сладких смоковниц, и маслин, роскошно цветущих.
Голодом мучась, лишь только к плодам он протягивал руку,
Разом все ветви деревьев к облакам подымались темным.

По другому свидетельству, в дополнение к тому, о чем рассказал Одиссей, над головой Тантала висел большой камень, постоянно угрожавший падением.

Наказав Тантала, Зевс оживил Пелопа, для чего все части его тела собрали и погрузили в котел с кипящей водой, из которого Пелоп вышел почти целым и невредимым — у него не хватало плеча, но этот дефект устранила Деметра, изготовив плечо из слоновой кости. Из котла Пелоп вышел таким красивым, что Посейдон тут же в него влюбился и унес с собой на Олимп, где прошла юность Пелопа.

Когда Пелоп вырос и возмужал, он влюбился в Гипподамию, дочь Эномая, царя Писы в Элиде. Но Эномай выдавать свою дочь замуж не собирался, то ли по той причине, что испытывал к ней преступную страсть, то ли потому, что не желал иметь зятя, который, по предсказанию, должен был его убить. Поэтому Эномай заставлял претендентов на руку Гипподамии состязаться с ним в беге на колесницах, при этом царь неизменно сажал свою дочь в колесницу соперника, чтобы отвлекать внимание жениха. Правда, Эномай всякий раз предоставлял сопернику преимущество: отправиться в путь раньше на то время, которое требовалось ему самому, чтобы принести жертву Зевсу. Но это претенденту на руку Гипподамии не помогало: Эномай легко выигрывал состязание благодаря подаренным ему Аресом крылатым коням. Победив в состязании, царь поражал несчастного жениха ударом копья, также подаренного Аресом. Таким способом Эномай расправился с двенадцатью претендентами на руку Гипподамии, головы которых водрузил на воротах своего дома.

Сцена, случившаяся перед началом состязания между Пелопом и Эномаем, запечатлена на восточном фронте храма Зевса в Олимпии, воздвигнутом в середине V века до новой эры. Эномай, упершись рукой в бедро, объясняет условия состязания; Пелоп его внимательно слушает; между ними возвышается Зевс; рядом с Пелопом — Гипподамия, она нервничает, тербит покрывало; рядом с Эномаем, скрестив на груди руки, стоит Стеропа, его жена. Участники этой сцены друг друга физически не касаются, но драматизм сложившейся ситуации их объединяет, и лишь слуги и конюхи безразличны к происходящему.

О том, что случилось дальше, рассказывают по-разному. Согласно Пиндару, Посейдон подарил Пелопу золотую колесницу с крылатыми лошадьми, более резвыми, чем лошади Эномая, и Пелоп вышел победителем в состязании. По другой, наиболее распространенной версии мифа, Пелоп воспользовался помощью Миртилы, возничего Эномая, безнадежно влюбленного в Гипподамию. За помощь Пелоп пообещал ему полцарства Эномая и право провести брачную ночь с царской дочерью. Гипподамия, влюбившаяся в Пелопа, уговорила Миртилу оказать Пелопу содействие, и возничий заменил металлическую чеку в колеснице Эномая на восковую, вследствие чего колесница царя разбилась, и Эномай погиб при падении.

Эта сцена среди прочих знаменательных сцен, касающихся жизни героев, была выткана на плаще, подаренном Гипсипилой Ясону, о чем упоминается в «Аргонавтаке»:

И колесницы там две состязавшихся вытканы были,
Той, что неслась впереди, управлял Пелоп, сотрясая
Вожжи, а место бойца Гипподамия в ней занимала.
Правил другою Миртил, она вдогонку летела,
В ней Эномай уже руку занес, копье направляя, —
Но с колесницы упал, ибо ось подломилась в ступице,

Прежде чем в спину Пелопа успел он вонзить наконечник.

Умирая, Эномай проклял Миртила за предательство. После гибели Эномая Пелопу пришлось столкнуться с притязаниями Миртила, пожелавшего получить обещанное Пелопом. Но Пелоп не собирался выполнять своих обещаний, и тогда Миртил попытался овладеть Гипподамией. Узнав об этом, Пелоп хитростью заманил Миртила на берег моря и столкнул его с высокой скалы. Падая, Миртил проклял Пелопа и весь его род. Очищенный Гефестом от крови Миртила, Пелоп воздвиг храм Гермесу, его отцу, а на ипподроме в Олимпии возвел в честь Миртила курган, чтобы умиловить дух убиенного и избавиться от проклятия. Пелоп унаследовал власть в Элиде и распространил ее на всю южную Грецию, которая в честь него стала именоваться Пелопоннесом, что значит «остров Пелопа». А вот избавиться от проклятия Пелопу не удалось, и оно стало одной из причин трагических испытаний, выпавших на долю его сыновей, Атрея, Фиеста, и их потомков.

Когда в Микенах умер царь Еврисфей, оракул посоветовал местным жителям избрать себе в цари одного из двух сыновей Пелопа — Атрея или Фиеста. К тому времени Атрей был женат на Аэропе, родившей ему Агамемнона и Менелая. Однажды Атрей поклялся, что пожертвует Артемиде своего лучшего барана, но когда в его отаре появился златорунный барашек, Атрей выполнил обещание лишь частично: принес Артемиде в жертву мясо барашка, а из руна сделал чучело и спрятал его в сундук.

Тем временем боги постановили, что властвовать над Микенами будет тот, кому принадлежит златорунный барашек. Тогда Фиест, чтобы доказать свое право на царский престол в Микенах, соблазнил Аэропу и с ее помощью украл у Атрея барашка. Когда Фиест предъявил микенцам барашка, его провозгласили законным царем. Однако в дело вмешался Зевс. Он заявил, что царем Микен станет Атрей, если солнце на небе пойдет вспять. Фиест согласился, и Зевс сделал так, что солнце стало всходить на западе, а заходить на востоке. Тогда Атрей стал царем, а Фиеста изгнал из города.

Через какое-то время Атрей проведал об измене жены, разделившей ложе с Фиестом, и решил отомстить обоим. Сначала он утопил Аэропу, а потом, послав за Фиестом гонца, пригласил брата на пир, пообещав с ним примириться. Однако стоило Фиесту принять приглашение, как Атрей убил его трех сыновей, и из их плоти приготовил брату ужасную трапезу. Когда Фиест, насытившись, похвалил угощение, по повелению Атрея принесли блюдо, на котором лежали головы, руки и ноги детей Фиеста, чтобы тот понял, что за кушанье он только что похвалил. Обезумев от горя, Фиест призвал проклятие на Атрея и весь его род.

Решив отомстить Атрею, Фиест отправился за советом к оракулу. Тот посоветовал ему вступить в любовную связь со своей дочерью Пелопией, добавив, что та родит сына, который и сведет счеты с Атреем. В то время Пелопия жила в Сикионе. Фиест отправился в этот город и застал дочь за принесением ночных жертвоприношений Афине. Во время церемонии Пелопия поскользнулась на крови жертвенного животного, испачкала одеяние и пошла к реке его отстирать. Воспользовавшись благоприятным моментом, Фиест овладел собственной дочерью. Пелопия не узнала его, но сумела потихоньку вытащить его меч, а потом и припрятать оружие.

Спустя короткое время Атрей путешествовал по Феспротии и там случайно встретился с Пелопией. Решив, что она дочь Феспрота, местного царя, Атрей посватался к ней. Феспрот согласился, умолчав, что Пелопия вовсе ему не дочь и что она беременна. В положенный срок Пелопия родила сына, зачатого от Фиеста, и отнесла его в горы, бросив на произвол судьбы. Младенца нашли пастухи и вскормили козьим молоком. Прослышав о найденныше, Атрей усыновил мальчика и дал ему имя Эгисф («козья сила»). Когда Эгисф вырос, сыновья Атрея Агамемнон и Менелай встретили в Дельфах Фиеста и силой привезли его в Микены. Атрей заточил Фиеста в темницу и приказал Эгисфу его убить. Вооружившись мечом, Эгисф отправился выполнять волю Атрея.

О том, что произошло дальше, рассказывает Гигин:

Когда Фиест увидел Эгисфа и меч, который был у него, он узнал тот меч, который потерял во время изнасилования, и спросил, откуда он у него. Эгисф ответил, что его дала ему его мать Пелопия, и Фиест велел вызвать ее. Пелопия ответила ему, что вытаскала этот меч неизвестно у кого во время изнасилования, тогда, когда зачала Эгисфа. Узнав Фиеста, Пелопия выхватила меч и вонзила его себе в грудь. Эгисф вытащил меч из груди матери и окровавленный принес Атрею. Тот, считая, что Фиест убит, обрадовался. Эгисф убил его, когда он совершал жертвоприношение на берегу, и вернул себе и своему отцу Фиесту дедовское царство.

Расправившись с Атреем, Фиест изгнал из Микен его сыновей Агамемнона и Менелая, известных как Атриды («сыновья Атрея»). Спустя несколько лет спартанский царь Тиндарей вернул их в Микены, изгнав Фиеста. Агамемнон стал царем Микен, а Менелай, после того как Тиндарей уступил ему власть, — царем Спарты. Атриды женились на дочерях Тиндарея: Агамемнон на Клитемнестре, а Менелай на Елене. Однако проклятие, которое пало на род Атрея, повлияло на судьбы многих его потомков, среди которых наиболее пострадали Агамемнон, его сын Орест и дочери Электра и Ифигения.

Возвращаясь к событиям, касающимся дома Пелопа, любопытно отметить, что Тантал, стоявший у истоков этой семьи и жестоко наказанный за свои преступления, породил выражение «танталовы муки». Также стоит отметить, что, по мнению древних авторов, упоминание в мифе о солнце, «пошедшем вспять» и решившем исход соперничества за царствование в Микенах, указывает на то, что Атрей был астрономом, который первым определил, что солнце движется в направлении, противоположном движению звезд, и мог рассчитать наступление солнечного затмения.

Миф об Атрее и Фиесте послужил сюжетом многих произведений античной драматургии (в том числе Софокла и Еврипида), из которых до наших дней дошла трагедия Сенеки «Фиест» (I век нашей эры). В начале трагедии эриния Мегера предсказывает Танталу, что Фиест съест плоть двух сыновей. Пророчество мегеры становится явью. На пиру мстительный Атрей спаивает Фиеста и потчует кушаньем, приготовленным из мяса его сыновей. Наконец Атрей подает Фиесту чашу с вином и кровью и подносит на блюде головы сыновей. Фиест молит Атрея выдать ему тела, чтобы похоронить, и тогда Атрей поясняет брату, что за кушанье он только что ел. Обезумев от горя и ужаса, Фиест прокликает Атрея и весь его род.

В дальнейшем было создано немало переделок этой трагедии, порой с отклонениями от классического сюжета. В середине XII столетия бельгийский драматург Гуго Клаус адаптировал «Фиеста» Сенеки, в 1674 году английский писатель Джон Райт написал с похожим названием пародийную пьесу, а в 1771 году Вольтер издал трагедию «Пелопиды».

В наше время миф об Атрее и Фиесте нашел отражение в музыке. В 1999 году американская группа «Верджин Стил» издала музыкальный альбом в стиле «хэви метал» под названием «Дом Атрея — Акт I». Это своего рода одноактная метал-опера. В 2000 году та же группа издала продолжение под названием «Дом Атрея — Акт II», произведение более мелодичное.

В настоящее время туристам, приезжающим в Микены, показывают хорошо сохранившуюся купольную гробницу, получившую название «Сокровищница Атрея», но связь этой постройки с Атреем, к сожалению, не доказана.

Глава тринадцатая Троянская война

Главные действующие лица

Парис — Троянец, сын Приама, свершивший так называемый «суд Париса»; похитил Елену.

Елена — Спартанка; жена Менелая, «особа, спустившая на воду тысячу кораблей».

Одиссей — Один из лучших греческих воинов и стратегов.

Телеф — Сын Геракла и Авгии, ранен, а затем исцелен Ахиллом.

Ифигения — Дочь Агамемнона.

Троил — Троянец, сын Приама, убит Ахиллом.

Филоктет — Получил от Геракла его лук и стрелы, погиб от укуса змеи на Лемносе.

Ахилл — Сын Пелея и Фетиды, великий греческий воин.

Менелай, став царем Спарты, женился на Елене, самой красивой женщине в мире, но долгого счастья в супружестве не обрел, ибо троянец Парис похитил его жену.

Похищение Елены стало поводом для Троянской войны, но первым толчком к войне послужил спор между Герой, Афиной и Афродитой за обладание яблоком, которое на свадьбе Пелея и Фетиды подбросила богиням Эрида с надписью «Прекраснейшей». Чтобы рассудить заспоривших богинь, Зевс повелел Гермесу отвести их на гору Ида в Троаде, где пас стада юный Парис, и поручить тому решить спор. Желая склонить Париса на свою сторону, каждая из богинь посулила ему дары, о которых в трагедии Еврипида «Троянки» Елена рассказывает Менелая, называя Париса Александром — именем, которым прозвали его друзья за силу и храбрость:

...Александрю,
Когда судьей меж трех богинь он стал,
Обещано Палладой торжество
Над Грецией с фригийской ратью было,
А Гера царство Азии ему
И материк Европы посулила,
И наконец, Киприда красотой
Моей его манила.

Поставленный перед необходимостью выбора и прельщенный обещанием Афродиты (Киприды) сделать его обладателем самой красивой женщины, Парис признал прекраснейшей из богинь Афродиту.

Сюжет «суда Париса» пользовался большой популярностью в живописи. В 1529 году Лукас Кранах Старший написал под таким названием небольшую картину. На ней — три нагие богини, и каждая склоняет Париса на свою сторону, а Парис, похожий на фатоватого рыцаря времен Возрождения, их внимательно слушает. Рядом с Парисом стоит Гермес, но он вряд ли поможет советом, ибо в дело вмешивается Купидон, который вот-вот пустит стрелу, и тогда Парис, восплавав любовью к Елене, признает Афродиту прекраснейшей из богинь. На этот же сюжет написали картины Иоахим Эйтеваль (1615), Рубенс (1635–1638) и Клод Лоррен («Ландшафт с судом Париса», 1645–1646).

Менелай, по просьбе Париса, взял его с собой в Спарту, где Парис провел девять дней, а на десятый — когда Менелай уехал на Крит на похороны деда — соблазнил с помощью Афродиты Елену и бежал вместе с ней.

Существуют различные мнения по поводу уступчивости Елены, позволившей Парису увезти ее на чужбину. Одни объясняют поступок Елены безнравственностью; другие считают, что Парис увез ее силой, третьи объясняют похищение интригами Афродиты.

Существует и вовсе оригинальное мнение: Парис похитил не Елену, а ее призрак, а сама Елена во время Троянской войны пребывала в Египте, откуда после падения Трои ее забрал Менелай. Вряд ли Елена была порочна. Говорят, когда живший в VI веке до нашей эры греческий поэт Стесихор написал стихотворение, порочащее Елену, он лишился зрения, которое вернулось к нему после того, как он создал «Опровержение». Но какими бы мотивами ни руководствовалась Елена, согласившись бежать с Парисом, сам Парис, похитив чужестранку, несомненно, нарушил фундаментальные правила греческого гостеприимства, что всегда приводило к ужасным последствиям.

Отправившись вместе с Парисом в Трою, Елена оставила свою девятилетнюю дочь Гермению, но взяла с собой большую часть дворцовых сокровищ. На пути к Трое на море бушевала сильная буря, насланная мстительной Герой, все еще не забывшей о своем унижении, и Парису пришлось переждать бурю на Кипре, а потом и в Сидоне. Когда наконец Парис добрался до Трои, троянцы приветствовали Елену, пораженные ее божественной красотой. В Трое Елена стала женой Париса.

Узнав о похищении Елены, Менелай отправился к своему брату Агамемнону и стал упрашивать его снарядить войско, чтобы вместе выступить против Трои. Агамемнон посоветовал Менелая собрать героев, бывших претендентов на руку Елены, которые дали совместную клятву мстить за оскорбление ее мужа, и вместе с ними идти войной против Трои.

Многие герои без размышлений присоединились к походу, но не все. Одиссей, царь Итаки, не желая покинуть жену Пенелопу и только что родившегося сына Телемаха, решил не участвовать в походе на Трою, а чтобы его не заставили принять участие, задумал обмануть прибывших за ним героев во главе с Паламедом, сыном Навплия. Притворившись помешанным, Одиссей стал пахать поле, запрягши в плуг вола и лошадь (по другой версии, осла и вола), и засеять землю солью. Однако хитрость не удалась. Разгадав ее, Паламед взял завернутого в пленки Телемаха и положил в борозду, по которой шел Одиссей. По другой версии, Паламед вырвал младенца у Пенелопы и приставил к его груди меч. Как бы там ни было, Одиссей кинулся на вырубку сыну, чем доказал, что он в здравом уме, и ему пришлось отправиться на войну. Он не простил Паламеду несвоевременную смекалку. Во время Троянской войны Одиссей зарыл в палатке Паламеда мешок с золотом, а затем заставил пленного фригийца написать письмо, якобы адресованное троянским царем Приамом Паламеду; из текста следовало, что Паламед за большие деньги готов на предательство. Письмо передали Агамемнону, предводителю греков, и он нашел мешок с золотом. Паламеда обвинили в измене и побили камнями. Эта несправедливость имела пагубные последствия.

Смекалкой и хитроумием сам Одиссей привлек к походу Ахилла, которого, по воле Фетиды, скрывали на Скиросе. В походе приняли участие и многие другие греческие герои, включая Большого Аякса, сына Теламона, Малого Аякса, сына Ойлея, Диомеда, сына Тидея, а также мудрого старца Нестора.

Все греческие герои и их войска собрались в Авлиде, на северо-восточном побережье Беотии. Согласно «Илиаде» Гомера, в походе приняли участие воины из двадцати девяти греческих государств, которых возглавляли сорок три предводителя. В распоряжении войска было тысяча сто шесть кораблей. Перед выходом в море войско собралось у алтаря, находившегося под сенью платана с птичьим гнездом. Внезапно из алтаря выполз ужасный змей. Он влез на платан и съел самку и восемь птенцов, после чего превратился в камень. Прорицатель Калхас объяснил это чудо так: война с троянцами будет вестись девять лет, а на десятый год Троя падет.

Греческий флот отправился в Трою под началом Агамемнона. Однако греки по ошибке пришли в Мисию и, приняв ее за Трою, стали опустошать. Мисией правил Телеф, сын Геракла. Собрав войско, он вынудил греков вернуться на корабли. Но сам Телеф пострадал в сражении от копья Ахилла, представлявшего собою

...ясень,

Крепкий, огромный, тяжелый: его из героев ахейских
Двигать не мог ни один; но легко Ахиллес потрясал им,
Ясенем сим пелионским, который отцу его Хирон
Ссек с высоты Пелиона, на грозную гибель героям.

Во время боя с Ахиллом Телеф неожиданно запутался в виноградной лозе, и Ахилл ранил его в бедро.

Покинув Мисию, греки попали в сильную бурю и вернулись домой, ибо никто из них морского пути в Трою не знал.

Тем временем Телеф страдал от незаживающей раны, и Аполлон пояснил ему, что исцелить его может лишь тот, кто ранил. Одевшись в лохмотья, Телеф отправился к Ахиллу и попросил вылечить рану, пообещав за это указать грекам путь в Трою. Ахилл не обладал врачебным искусством, но Одиссей, истолковав совет Аполлона, уточнил, что Телеф получил рану не от Ахилла, а от его копья. Тогда Ахилл наскобил с копья ржавчины, посыпал ею рану Телефа, и та в скором времени зажила.

Поправившийся Телеф подтвердил свое обещание указать грекам путь в Трою. Но отплыть из Авлиды греки были не в состоянии: то с моря дул встречный ветер, то стоял штиль. Это оказались происки Артемиды, невлюбившей предводителя греков Агамемнона. На то у нее были причины: однажды убив на охоте оленя, Агамемнон громогласно похвастался: «Сама Артемида не выстрелила бы лучше!»; кроме того, отец Агамемнона Атрей не принес богине в жертву, как обещал, золотого барашка.

Наконец прорицатель Калхас объявил вождям греков, что корабли не смогут отплыть до тех пор, пока Агамемнон не принесет Артемиде в жертву свою дочь Ифигению. Это было неслыханное пророчество: принесение богам в жертву животных считалось естественным, жертвоприношение же людей выглядело ужасно. Агамемнону предстояло сделать тяжелый выбор: отказаться от похода на Трою или пожертвовать собственной дочерью.

Эсхил в трагедии «Агамемнон» рассуждает об этом выборе:

...Постигнет
Ослушника воли божьей кара.
Но грянет гнев и над отцом,
Дочь — кумир семейный —
Сгубившим, обагрившим руки
Отцовские детской кровью жертвенной.
Что здесь не грех? Все — грех!..

И в самом деле, чтобы наказать Париса за злодейство, Агамемнон сам должен совершить преступление.

Наконец он делает выбор:

Я ли дружину выдам?
Я ль корабли покину?
Царский мой долг — страшной ценой
Бурю унять.

Сделав такой выбор, Агамемнон послал гонца в Микены за Ифигенией якобы для того, чтобы выдать ее замуж за Ахилла. Участь Ифигении была решена, и когда ее обманом привезли в Авлиду,

На руки мужи ее, дрожащую телом, подъяли
И к алтарю понесли. Но не с тем, чтобы после обряда
При песнопеньях идти громогласных во славу Гимена,

Но чтобы ей, непорочной, у самого брака порога
Гнусно рукою отца быть убитой, как жертве печальной.

О судьбе Ифигении повествует и хор Аргивских старейшин в трагедии Эсхила «Агамемнон»:

Дочь обрекает на казнь отец,
Братнего ложа мститель, —
Только б войну воздвигнуть!
Ее мольбы, плач, к отцу взыванья,
Ее красы нежный цвет свирепых
Не тронули Арея слуг.
С молитвой царь подал знак, и жертву,
Не козочку — деву — тканью длинной
Покрыв, схватили; еле живую
Повергли на жертвенник;
Полных, как парус, милых уст
Звук заглушили томный, —
Чтоб не кляла злодеев.
Шафрановых волн ручей — блеск фаты —
Лия на луг, кроткий лик подьемлет
Невинная, — чья бы кисть этот лик явить могла? —
Вперяет в убийц немой,
Милосердья полный взгляд,
Как будто речь держит к ним.

Смерть ни в чем не повинной Ифигении привела в дальнейшем к убийству Агамемнона, его жены Клитемнестры и любовника последней Эгисфа. Однако существует и другой вариант мифа об Ифигении. Согласно трагедиям Еврипида «Ифигения в Авлиде» и «Ифигения в Тавриде», она во время жертвоприношения была похищена с алтаря Артемидой, заменившей девушку ланью. Сама же Ифигения была перенесена этой богиней в Тавриду и сделана жрицей в храме.

Но как бы там ни было, ветер переменился и стал попутным, что позволило грекам наконец выйти в море. Следуя пути, указанному Телефом, греки, прежде чем достичь Трои, пристали к Тенедосу, острову в северо-восточной части Эгейского моря. Островом тогда правил Тенес.

На Тенедосе определилась участь Ахилла. Его мать Фетида знала о том, что если Ахилл убьет Тенеса, то в скором времени погибнет и сам. Фетида не только предупредила об этом сына, но и обязала его слугу напоминать Ахиллу о предупреждении матери. На Тенедосе Ахилл влюбился в дочь Тенеса, которая уступила ему и поделила с ним ложе. Разгневанный Тенес попытался поквитаться с Ахиллом, но в завязавшемся поединке Ахилл поразил Тенеса в сердце. Лишь после этого Ахилл вспомнил о предупреждении матери. Он убил нерадивого слугу, но изменить свою участь оказался не в состоянии.

На Тенедосе произошло и другое тягостное событие. Филоктета, знаменитого лучника, укусила водная змея. Рана от укуса не заживала, принося Филоктету страшные муки. От боли он постоянно орал, досаждая всем окружающим. По совету Геракла греки высадили Филоктета на Лемносе, где он стал добывать себе пропитание охотой на диких птиц, пользуясь луком и не знающими промаха стрелами, смоченными ядом Лернейской гидры. Считается, что это оружие Филоктет получил от Геракла, который доверил ему поджечь свой погребальный костер на горе Эте. По другой версии мифа о Филоктете, он пострадал от одной из отравленных стрел. Говорят, что Геракл, взойдя на погребальный костер, взял с Филоктета клятву не разглашать местонахождение его могилы. Но случилось так, что греки

стали выпрашивать у Филоктета, где находится могила Геракла. Филоктет на это ничего не ответил, но не устояв перед напором, молча встал на то место, где раньше находился погребальный костер Геракла. На пути в Трою одна из отравленных стрел выпала из колчана Филоктета и вонзилась ему в ногу.

Прибытие в Трою

Оказавшись у берегов Трои, греки отправили Одиссея и Менелая для переговоров с троянцами о выдаче Елены и возвращении взятых ею с собой дворцовых сокровищ. Троянцы отклонили настояния греков и едва не убили послов — их спасло вмешательство Антенора, в доме которого они остановились. После этого война стала неотвратимой.

Но войну надо было начать, а по пророчеству, хорошо известному грекам, первый грек, сошедший на берег Трои, погибнет. И все же нашелся герой, согласившийся рискнуть своей жизнью. Им оказался Протесилай. Он добрался до берега, убил нескольких троянцев, а потом пал от руки Гектора.

Когда жена Протесилая Лаодамия узнала о смерти мужа, она обратилась с мольбой к богам оживить Протесилая на три часа, чтобы в последний раз встретиться с ним. Боги исполнили ее просьбу, но когда три часа истекли и Протесилай навеки испустил дух, Лаодамия окончательно сникла. И все же она нашла способ немного утешить себя.

Об этом рассказывает Гигин:

Она сделала медное изображение, похожее на ее супруга Протесилая, под предлогом священных действий поставила его в спальне и стала почитать его. Когда на рассвете слуга принес ей яблоки для жертвоприношения, он, заглянув в щелку, увидел, что она держит в объятиях изображение Протесилая и целует его. Думая, что у нее любовник, он сообщил это ее отцу Акасту. Когда пришел Акаст и ворвался в спальню, он увидел изображение Протесилая. Чтобы она не мучилась дольше, он приказал сложить костер и сжечь статую и утварь для священных действий. Лаодамия, не вынеся скорби, бросилась в костер и сгорела.

Последовав примеру Протесилая, греки дружно бросились с кораблей на троянцев. Ахилл сошел на берег вместе со своим войском, состоявшим из мирмидонов. В завязавшемся бою он убил неуязвимого Кикна. Ахилл сбил его с ног и задушил ремешком шлема. Троянцы отступили за городскую стену, что позволило грекам вытащить корабли на берег и разбить лагерь. Началась десятилетняя осада Трои.

Установить хронологию Троянской войны не представляется возможным. Разные источники повествуют о ней различно, расцветивая порой устоявшиеся мифологические сюжеты собственными представлениями и домыслами. О Троянской войне писали многие древние авторы, но лишь немногие сочинения дошли до нашего времени, да и то фрагментарно. А о некоторых событиях, произошедших в годы этой войны, можно узнать только из вазописи. Так, например, об игре Ахилла с Аяксом на борту корабля можно узнать из рисунка на амфоре чернофигурного стиля работы Эксекия (в настоящее время хранящейся в Ватикане). Из работ, дошедших до нас фрагментарно, можно отметить «Киприю», по всей вероятности, написанную Стасином (это произведение также приписывают кто — Гегесию, кто — Гомеру). В дошедшей до нас части сочинения рассказывается о Троянской войне, начиная с изъявления воли богов, пожелавших дать возможность прославиться своим отпрыскам, и заканчивая ссорой Ахилла с Агамемноном. Сам Гомер в «Илиаде» рассказывает лишь о коротком отрезке десятилетней Троянской войны.

Расправившись с Кикном, Ахилл поразил Троила, сына Приама. Он подстерег его в храме Аполлона Фимбрейского и в завязавшемся поединке отрубил голову. Это единоборство послужило сюжетом для вазописи. Обычно на рисунках изображен хрупкий

юноша, пытающийся устоять в поединке с могучим воином атлетического сложения. Гибель Троила была на руку грекам, ибо Трое было предсказано, что город останется неприступным, если царевич Троил доживет до двадцатилетнего возраста. Существует также миф о любви Троила и Хрисеиды (Крессиды). Впервые этот миф был изложен в XII веке в рыцарском «Романе о Трое», написанном Бенуа де Сен-Мором. Затем этот сюжет использовали Боккаччо в поэме «Филострато» (1340–1344), Чосер в поэме «Троила и Крессиды» (1385) и Шекспир в трагедии «Троила и Крессиды».

Во время ночной вылазки Ахилл взял в плен Ликаона, тоже сына Приама. Вот как об этом случае и его последствиях для царевича рассказывает Гомер:

Ночью... царевич смоковницы ветви молодые
Острою медью тесал, чтобы в круги согнуть колесницы;
Вдруг на него налетела беда — Ахиллес быстроногий.
Он Ликаона, в судах своих быстрых уславши на Лемнос,
Продад.

Затем Ахилл устроил набег на окрестности Трои и на горе Иде, оттеснив дарденца Энея от стада, и стал преследовать по лесистым склонам горы. Много позже, когда они сошлись в поединке, Ахилл напомнил Энею о его малодушии:

Ты уж и прежде, я помню, бежал пред моим Пелиасом.
Или забыл, как, тебя одного изловив я у стада,
Гнал по Идейским горам, и с какой от меня быстротою
Ты убегал? И назад оглянуться не смел ты, бегущий!

Со временем Ахилл захватил множество городов-союзников Трои: Фокею, Колофон, Смирну, Клазомены, Киму, Эгиал, Адрамитий, Сиду, Эндий, Линней, Колону, Гипоплакийские Фивы, Лирнесс, Антандрию, а также острова Лесбос и Тенос. Во время осады Лирнесса Ахилл взял в плен прекрасную Брисенду, которую затем у него отнял Агамемнон. Это явилось причиной ссоры между вождями (что послужило сюжетом для «Илиады» Гомера).

У троянцев, как и у микенцев, были союзники. По Гомеру, сторону троянцев держали четыре войска со стороны: войско с берегов Геллеспонта, войско с южного побережья Черного моря, войско с земель юго-восточнее Трои и войско с юго-запада Анатолии.

Немного истории

В комментарии к своему переводу труда Аполлодора английский историк и фольклорист Джеймс Фрэзер пишет: «Я согласен с мнением Уолтера Лифа [изложенным в книге „Гомер и история“, 1915], который полагает, что „Троянская война — не миф, а невыдуманная война, сопровождавшаяся теми самыми действиями, которые Гомер описал в своем эпосе“. Ничего не имею и против того, что главные герои и героини, описанные Гомером, — не иллюзорные боги, а мужчины и женщины из плоти и крови, чьи славные деяния сохранились в памяти поколений, хотя со временем эти деяния и обросли мифами». С Фрэзером трудно не согласиться: в Гомера хочется верить.

А вот то, что в стародавние времена греки сумели объединиться и выступить против Трои единой армией, представляется неправдоподобным. Косвенное подтверждение можно найти в труде Геродота, который писал, что во время греко-персидских войн (имевших место в первой половине V века до новой эры) греческие города-государства действовали против варваров разрозненно.

Миф о походе греков на Трою повествует не только об их воинственности, но и

рассказывает о колонизации Малой Азии. Троя, несомненно, когда-то была захвачена греками, а Авлида, как пишет Страбон, была тем местом, откуда эолийские колонисты отправлялись обживать новые земли. И все же весьма сомнительно, что «реальный» Агамемнон совершил длительный морской переход, да еще собрав более тысячи кораблей. Поэтому гораздо правдоподобнее, что Троя для греков слыла обобщающим названием поселений, основанных колонистами, своего рода мифологическим синтезом.

По мифу о Троянской войне интересно проследить, как со временем менялось отношение греков к троянцам (жителям Малой Азии). В «Илиаде» Гомера между греками и троянцами не существует этнических и культурных противоречий: Троя — прекрасный, цивилизованный город; греки и троянцы поклоняются одним и тем же богам; те и другие одинаково понимают добро и зло. Однако после греко-персидских войн отношение греков к троянцам резко меняется, теперь троянцы представляются варварами. У Гомера Приам — благородный, рассудительный человек, а у Эсхила в «Агамемноне» — высокомерный, любящий роскошь деспот. Когда Агамемнон возвращается из похода, Клитемнестра норовит устроить ему пышную встречу и повелевает служанкам устлать дорогу от колесницы до дворцовых дверей коврами.

Агамемнон активно противится:

Не варвар я, чтоб лестью раболепную
И земным поклоненьем утешаться мне,
И пышных не стели мне тканей под ноги:
Их зависть сглазит; так богов единых чтут,
Красы цветные, смертный, попирашь дерзнув
Стопой надменной, вышних оскорбил бы я:
Одна богам, другая человеку честь.
Делами, что я соделал, а не пурпуром,
Что я топтал, прославлен буду. Лучший дар
Смиренномудрый помысл. И лишь тот блажен,
Кто жизнь скончает в мирном благоденствии,
Что я правым чту, чего не смею, — я сказал.

Клитемнестра:

Что сделал бы, кичась, Приам, свершив твое?

Агамемнон:

По тканям пурпура вым, верно б, шествовал.

Агамемнон убежденно считает людей, подобных Приаму, варварами.

В IV веке до нашей эры спартанский царь Агесилай начал войну против персов, принеся в Авлиде перед выступлением жертву богам и тем самым последовав мифологическим нормам. В дальнейшем Александр Великий почти полностью отказался от этой традиции. В его время Илион стоял на границе между землями греков и варваров. Александр считал себя новым Ахиллом, полагал того своим предком и, как говорят, всегда держал при себе «Илиаду». Когда в 334 году он вошел в Трою, то посетил предполагаемую гробницу Ахилла и воздал ему почести. Конечно, Александр превосходил Ахилла видением мира и стремился своими завоеваниями связать Запад с Востоком. Взятие Трои явилось лишь эпизодом его экспансии, но все же отметим, что в этом городе Александр, следуя мифологическому обычаю, принес жертву богам, возложив ее на тот самый алтарь, у которого, по преданию, царя Трои Приама убил предок Александра Неоптолем, сын Ахилла.

Глава четырнадцатая «Илиада» Гомера: гнев Ахилла

Главные действующие лица

Ахилл — Могучий греческий воин, чей гнев послужил созданию «Илиады».

Агамемнон — Предводитель греков.

Гектор — Величайший троянский воин.

Приам — Царь Трои.

Одиссей — Хитроумный интриган, тактик и воин.

Большой Аякс — Отважный греческий воин.

Парис — Сын Приама, похитил Елену.

Менелай — Муж Елены.

Елена — Похищена Парисом, ее похищение послужило поводом для Троянской войны.

Гекуба — Жена Приама, мать Гектора.

Андромаха — Жена Гектора.

Гомер — поэт, стоящий у истоков не только греческой, но и европейской литературы, имя его неразрывно связано с героическим эпосом и мифологической традицией греков, центральное место в которой занимает миф о Троянской войне. Мы не знаем в точности, кем был Гомер, и он ли написал «Одиссею», но по тому, что касается «Илиады» (укладу быта и обычаям, в ней описанным), можно считать, что эта эпическая поэма была создана в VIII веке до новой эры. Гомер при ее написании пользовался песнями и героическими сказаниями, опираясь на эпические традиции, похоже, микенской культуры (1600–1100 гг.), сложившейся в эпоху развитого бронзового века, и, видимо, потому, хотя во время создания «Илиады» греки жили в железном веке, герои Гомера носят бронзовое оружие.

Сведения о микенской культуре, характеризовавшейся высоким уровнем ремесел, производства и роскошными строениями, украшавшими такие города, как Микены и Пилос, дошли, правда, до нас не благодаря поэмам Гомера, а в связи с находкой архивов с глиняными табличками, заполненными надписями на линейном письме Б. В «Пире», произведении Ксенофонта, один из персонажей по имени Никерат знает наизусть всю поэму Гомера. Конечно, у него была необыкновенная память, но именно благодаря запоминанию наизусть в стародавние времена передавались из поколения в поколение песни, мифы и героические сказания. Со временем они, возможно, переиначивались, прежде чем дойти до нас в том виде, который нам известен. Чтецы далекого прошлого знали свои декламации наизусть и были сродни современным джазменам, участвующим в джем-сейшпах, которые, исполняя произведение и не отклоняясь от гармонии и структуры, могут себе позволить импровизацию за счет того, что играли тему не раз и не два.

Гомер в «Илиаде» рассказывает лишь о десятом, последнем годе Троянской войны, а все события предшествующих лет каждый мифограф излагает по-своему, *м* потому невозможно доподлинно установить всю последовательность событий в годы осады Трои. «Илиада», написанная гекзаметром, содержит 15 693 строки. Еще в древности поэма была разбита на двадцать четыре песни — по числу букв в греческом алфавите.

На десятом году осады Трои — с чего и начинается «Илиада» — в стан греков пришел жрец Аполлона Хрис и попросил за выкуп вернуть его дочь Хрисеиду, которая была захвачена греками во время одной из вылазок, после чего досталась Агамемнону. После того как Агамемнон отклонил просьбу Хриса, да еще и оскорбил его, Хрис воззвал к Аполлону с мольбой отомстить за нанесенные греками оскорбления и обиду. Аполлон внял мольбе Хриса и наслал мор на греческих воинов. Тогда Ахилл созвал народное собрание, чтобы

решить, как умиловать богов. К неудовольствию Агамемнона, прорицатель Калхас поведал, что боги гневаются на греков за то, что они не вернули жрецу Аполлона дочь Хрисеиду. Агамемнон скрепя сердце вернул Хрисеиду отцу, после чего мор прекратился. Однако Агамемнон не унялся и потребовал себе компенсацию за возвращение Хрисеиды. Ахилл упрекнул Агамемнона в своекорыстии, напомнив о том, что ему уже отошла Брисеида, другая пленница. Однако Агамемнон (бывший выше Ахилла по положению в войске) стал грозить, что своей властью возместит себе понесенный убыток за счет того, что досталось в долю Ахиллу.

Ахилл гневно отвечал:

Я за себя ли пришел, чтоб троян, укротителей коней,
Здесь воевать? Предо мною ни в чем не виновны трояне.

Нет, за тебя мы пришли, веселим мы тебя, на троянах
Чести ища Менелаю, тебе, человек псообразный!
Ты же, бесстыдный, считаешь ничем то и все презираешь,
Ты угрожаешь и мне, что мою ты награду похитишь,
Подвигов тягостных мзду, драгоценнейший дар мне ахеян?

Нет, несмотря, что тягчайшее бремя томительной брани
Руки мои поднимают, всегда, как раздел наступает,
Дар богатейший тебе, а я и с малым, приятным
В стан не ропща возвращаюсь, когда истомлен ратоборством.
Ныне во Фтию иду: для меня несравненно приятней
В дом возвратиться на быстрых судах; посрамленный тобою,
Я не намерен тебе умножать здесь добыч и сокровищ.

Ахилл едва не схватился с Агамемноном, но поединку помешала появившаяся Афина. Разгневанный Ахилл ушел со своим другом Патроклом в шатер, а после того как тот утешил его, обратился за помощью к матери, богине Фетиде.

Та воззвала к Зевсу:

Сына отмсти мне, о Зевс! Кратковечнее всех он данаев,
Но его Агамемнон, властитель мужей, обесславил:
Сам у него и похитил награду, и властвует ею.
Но отомсти его ты, промыслитель небесный, Кронион!
Ратям троянским даруй одоленье, доколе ахейцы
Сына почтить не предстанут и чести его не возвысят.

На этом первая песнь «Илиады» заканчивается. После ссоры с Агамемноном Ахилл вместе со своим войском, состоявшим из мирмидонов, временно отошел от боев, что дало возможность проявить доблесть другим ахейским вождям: Менелаю, Большому Аяксу и Диомеду. В третьей песне рассказывается о поединке Менелая с Парисом, а в седьмой песне — о поединке Большого Аякса с Гектором. Но поединки эти не принесли победы ни одной из сторон. Среди греков наиболее отличился Диомед, ранивший Афродиту и бога войны Ареса, вступившихся за троянцев. После этого греки решили возвести защитную стену, чтобы обезопасить лагерь и корабли.

Сражения между греками и троянцами продолжились. Перед очередным боем троянец Гектор, самый выдающийся сын Приама, прощаясь со своей женой Андромахой, тревожился больше всего о том, что, если Троя падет, Андромаха достанется грекам, и говорит, что в этом случае

...тебя меднолатный ахеец,
Слезы лиющую, в плен повлечет и похитит свободу!
И, невольница, в Аргосе будешь ты ткать чужеземке,
Воду носить от ключей Миссеиса или Гиперея.

Но да погибну и буду засыпан я перстью земною
Прежде, чем плен твой увижу и жалобный вопль твой
услышу!

Однако когда сражение возобновилось, удача сопутствовала троянцам. Они оттеснили греков за возведенную теми стену и, как рассказывается в восьмой песни поэмы, встали лагерем близ греческих кораблей.

Встревоженный Агамемнон понял, что ссора с Ахиллом была ошибкой и, по совету умудренного жизненным опытом Нестора, отправил Аякса, Одиссея и Феникса, чтобы задобрить Ахилла дорогими дарами и обещанием вернуть Брисеиду, если он вновь вступит в войну.

Ахилл приветливо встретил посланцев Агамемнона, но примириться с ним отказался, сопроводив свое несогласие такими словами:

Даром гнушаюсь его и в ничто самого я вменяю!
Если бы в десять и в двадцать он крат предлагал мне
сокровищ,
Сколько и ныне имеет и сколько еще их накопит,
Даже хоть все, что приносят в Орхомен иль Фивы египтян,
Град, где богатства без сметы в обителях граждан хранятся,
Град, в котором сто врат, а из оных из каждых по двести
Ратных мужей в колесницах, на быстрых конях выезжают;
Иль хоть сколько давал бы мне, сколько песку здесь и праху,
—
Сердца и сим моего не преклонит Атрид Агамемнон,
Прежде чем всей не изгладит терзающей душу обиды!

Несмотря на все дальнейшие уговоры, Ахилл остался непреклонен и лишь сказал, что тогда снова выступит против Трои, когда троянцы доберутся до греческих кораблей и начнут их поджигать.

Этим событиям посвящена девятая песнь «Илиады», а в десятой — повествуется о ночной вылазке Одиссея и Диомеда. В одиннадцатой-восемнадцатой песнях поэмы рассказывается о дальнейших сражениях между греками и троянцами, в которых Агамемнон, Диомед, Одиссей, Эврипид и врачеватель, сын Асклепия Махаон получили ранения. Из лучших греческих воинов только Большой Аякс остался в строю, что позволило троянцам прорвать оборону греков и оттеснить их и кораблям. Помощь грекам пришла от Геры и Посейдона. Гера, ненавидевшая троянцев, увлекла Зевса на супружеское ложе, где в конце концов бог заснул, и Посейдону удалось переломить ход сражения в пользу греков. Но их торжество длилось недолго. Проснувшийся Зевс вмешался в ход боя, и греки под ударами Аполлона и Гектора снова начали отступать.

Положение дел решил исправить Патрокл, любимец Ахилла. Явившись к Ахиллу, он рассказал о плачевном положении греков и попытался уговорить его снова вступить в войну. Когда тот отказался, Патрокл попросил у Ахилла доспехи, рассчитывая на то, что, если он в них облачится, троянцы примут его за Ахилла и, отступив, выйдут из боя. Ахилл дал Патроклу не только доспехи, но и подчинил ему своих мирмидонов, а затем (называя Менетидом) напутствовал так:

...Отрази от судов истребленье;
Храбро ударь, да огнем не сожгут у нас супостаты
Наших судов и желанного нас не лишат возвращенья.
Но повинуйся, тебе я завет полагаю на сердце,
Чтобы меня ты и славой, и честью великой возвысил
В сонме данаев. Итак, чтоб данаи прекрасную деву
Отдали сами и множество пышных даров предложили,
Брань от судов отрази и назад, Менетид, возвратися!
Даже когда бы и славы добыть даровал громовержец,
Ты без меня, Менетид, не дерзай поражать совершенно
Храбрых троян, да и более чести моей не унизишь.

Облачившись в доспехи Ахилла и встав во главе мирмидонов, Патрокл спас корабли, обратил противника в бегство и собственноручно сразил немало троянцев, в том числе знаменитого Сарпедона, любимца Зевса. Однако увлеченный боем Патрокл забыл наставление Ахилла, повелевшего вернуться, как только противник отступит от ахейского лагеря. Троянцам снова помог Аполлон. Эвфорб, подкравшись сзади к Патроклу, нанес ему дар копьём в спину, а у стен Трои его добил Гектор. В завязавшейся схватке над убитым Патроплом Гектор снял с него доспехи Ахилла, тело же Патрокла греки отбили и унесли в лагерь.

Узнав о гибели Патрокла, Ахилл впал в отчаяние; мучили его и угрызения совести: ведь это он послал Патрокла на смерть. Но эти чувства сменились злобой и яростью к Гектору, покончившему с Патроплом. Теперь Ахилл желал лишь одного: скорее сразиться с Гектором и отомстить за Патрокла. Ахилла удерживало одно: у него не было подходящих доспехов. Тогда Фетида отправилась к Гефесту и тот спешно выковал для Ахилла новые доспехи и щит, украшенный различными сценами из военной и мирной жизни.

Получив то и другое, Ахилл созвал народное собрание, на котором заявил о своем намерении продолжить войну с троянцами и предложил Агамемнону забыть о ссоре.

Агамемнон пошел навстречу Ахиллу, найдя оправдание и себе:

Часто винили меня, но не я, о ахейцы, виновен;
Зевс Эгиох, и Судьба, и бродящая в мраках Эриннис:
Боги мой ум на совете наполнили мрачною смутой
В день злополучный, как я у Пелида похитил награду.
Что ж бы я сделал? Богиня могучая все совершила,
Дщерь громовержца, Обида, которая всех ослепляет,
Страшная; нежны стопы у нее: не касается ими
Праха земного; она по главам человеческим ходит,
Смертных язвя; а иного и в сети легко уловляет.

После этого Агамемнон приказал немедленно выдать Ахиллу все дары, обещанные за примирение.

Когда Ахилл уже предвкушал, как отомстит за гибель Патрокла, от поединка с Гектором его стал отговаривать Ксанф, вещий конь, заявивший Ахиллу, что если тот он убьет Гектора, то погибнет и сам.

Выслушав Ксанфа, которого прервали Эринии, Ахилл ответил:

Что ты, о конь мой, пророчишь мне смерть? Не твоя то забота!
Слишком я знаю и сам, что судьбой суждено мне погибнуть
Здесь, далеко от отца и от матери. Но не сойду я
С боя, доколе троян не насыщу кровавою бранью.

Тем временем Гектор надеялся, что троянцы вот-вот одержат решительную победу, и отверг совет укрыться за крепостными стенами Трои, не побоявшись того, что Ахилл во главе своих мирмидонов опять вступил бой. Зевс разрешил богам принять участие в битве на стороне греков или троянцев, и, когда войско Ахилла разило всех на своем пути, Посейдону пришлось спасать от смерти Энея, а Аполлону — удерживать Гектора от опрометчивых действий.

Ахилл находился в гуще сражения. Вот как описывает его безудержный натиск Гомер, сравнивая Ахилла с демоном:

Словно как страшный пожар по глубоким свирепствует
дебрям,
Окрест сухой горы, и пылает лес беспредельный;
Ветер, бушуя кругом, развеивает погибельный камень, —
Так он, свирепствуя пикой, кругом устремлялся, как демон;
Гнал, поражал; заструилось черною кровию поле.

Ахилл сразил так много троянцев, что речной бог Скамандр за то, что Ахилл завалил реку трупами, вознамерился его утопить, но Гефест принял сторону Ахилла и высушил реку испепеляющим пламенем. Тем временем Афина взяла верх над Афродитой и Аресом, Посейдон выиграл словесную войну у Аполлона, а Гера довела Артемиду до слез. За исключением Гектора, все троянцы укрылись за крепостными стенами.

Виня себя за гибель многих троянцев и чувствуя всеобщее осуждение соплеменников, с мрачным предчувствием наблюдавших за ним с крепостной стены, Гектор решил сразиться с Ахиллом, сопроводив рискованное намерение такими словами:

...троянский народ погубил я своим безрассудством.
О! стыжуся троян и троянок длинноодежных!
Гражданин самый последний может сказать в Илионе:
— Гектор народ погубил, на свою понадеявшись силу! —
Так илионяне скажут. Стократ благороднее будет
Противостоять и, Пелеева сына убив, возвратиться
Или в сражении с ним пред Троею славно погибнуть!

Однако когда Гектор наконец увидел Ахилла, то испугался и пустился бежать вокруг Трои, трижды обогнув город. Тем временем Зевс бросил на золотые чаши весов два жребия смерти, один — Ахилла, другой — Гектора, и чаша со жребием смерти Гектора пошла вниз. Покинул Гектора бог Аполлон, а к Ахиллу приблизилась богиня Афина, пообещав ему победу над Гектором.

Тогда

...как звезда меж звездами в сумраке ночи сияет,
Геспер, который на небе прекраснее всех и светлее, —
Так у Пелида сверкало копьё изошренное, коим
В правой руке потрясал он, на Гектора жизнь умышляя.

Наконец Гектор остановился, чтобы встретить Ахилла, и тот в завязавшейся схватке нанес ему смертельный удар копьем. После этого Ахилл привязал тело Гектора к своей колеснице и протащил вокруг Трои, а затем приволок к себе в лагерь.

На этом описание сражений и поединков в «Илиаде» заканчивается, и в последних двух песнях поэмы Гомер повествует о похоронах Патрокла и Гектора.

Ахилл устроил Патроклу пышные похороны. Над высоким погребальным костром в жертву герою были принесены животные и пленные троянцы. Затем состоялись

погребальные игры, включавшие состязания в беге, стрельбе из лука, кулачном бою, борьбе, метании тяжестей, а также в беге на колесницах.

Все еще оплакивая смерть своего любимца, Ахилл каждое утро протаскивал за колесницей тело Гектора вокруг могилы Патрокла, но Аполлон, помощью которого Гектор неоднократно пользовался при жизни, уберег тело павшего от увечий и разложения. Наконец Зевс повелел Гермесу привести Приама в греческий лагерь, чтобы выкупить тело Гектора.

Встретившись с Ахиллом в его шатре, Приам обратился к нему с такими словами:

«Храбрый! почти ты богов! над моим злополучием сжался,
Вспомни Пелея отца: несравненно я жалче Пелея!
Я испытую, чего на земле не испытывал смертный:
Мужа, убийцы детей моих, руки к устам прижимаю!»
Так говоря, возбудил об отце в нем плачевные думы;
За руку старца он взял, от себя отклонил его тихо.
Оба они вспоминая: Приам — знаменитого сына,
Горестно плакал, у ног Ахиллесовых в прахе простертый;
Царь Ахиллес, то отца вспоминая, то друга Патрокла,
Плакал, и горестный стон их кругом раздавался по дому.
Но когда наслаждался Пелид благородный слезами
И желание плакать от сердца его отступило, —
Быстро восстал он и за руку старца простертого поднял,
Тронут глубоко и белой главой, и бородой его белой;
Начал к нему говорить, устремляя крылатые речи:
«Ах, злополучный! много ты горестей сердцем изведаль!
Как ты решился, один, при судах мирмидонских явиться
Мужу пред очи, который сынов у тебя знаменитых
Многих повергнул? В груди твоей, старец, железное сердце!
Но успокойся, воссядь, Дарданион; и как мы ни грустны,
Скроем в сердца и заставим безмолвствовать горести наши».

Затем Гомер описывает похороны Гектора. Его смерть оплакивают Гекуба, Андромаха и, что несколько удивительно, Елена, которая горестно восклицает:

Гектор! деверь почтеннейший, сродник, любезнейший сердцу!

Но от тебя не слышала я злого, обидного слова.
Даже, когда и другой кто меня укорял из домашних,
Деверь ли гордый, своячина, или золовка младая,
Или свекровь (а свекор всегда, как отец, мне приветен),
Ты вразумлял их советом и каждого делал добрее
Кроткой твоею душой и твоим убеждением кротким.
Вот почему о тебе и себе я, несчастнейшей плачу!
Нет для меня, ни единого нет в Илионе обширном
Друга или утешителя: всем я равно ненавишна!

На этом «Илиада» заканчивается. Гомер начинает поэму словами, обращенными к Музе: «Гнев, богиня, воспой Ахиллеса, Пелеева сына»; и гнев воспет. Но Троянская война после похорон Патрокла и Гектора не завершена. Боевые действия возобновились и привели к гибели Ахилла и падению Трои.

Обычно считается, что «Илиада» — поэма для мужчин о мужчинах, об их доблести и отваге. Однако в этом произведении рассказывается не только о военных успехах греков, но и об их поражениях. Кроме того, в поэме воспеваются высокие чувства героев: любовь к

близким, друзьям, тревога за них.

Так, в шестой песне поэмы Гомер описывает сцену, случившуюся после возвращения Гектора с поля боя, в которой герой даже не мыслит о своем мужском превосходстве:

...сына обнять устремился блистательный Гектор;
Но младенец назад, пышноризой кормилицы к лону
С криком припал, устращаясь любезного отчего вида,
Яркою медью испуган и гребнем косматовласатым,
Видя ужасно его закачавшимся сверху шелома.
Сладко любезный родитель и нежная мать улыбнулись.
Шлем с головы немедля снимает божественный Гектор,
Наземь кладет его, пышноблестящий, и на руки взявши
Милого сына, целует, качает его и, поднявши,
Так говорит, умоляя и Зевса, и прочих бессмертных.

Рек — и супруге возлюбленной на руки он полагает
Милого сына; дитя к благовонному ложу прижала
Мать, улыбаясь сквозь слезы. Супруг умилился душевно,
Обнял ее.

Сентиментальностью окрашен и разговор Ахилла со своей матерью, в котором герой оплакивает Патрокла, а Фетида, страдая, предчувствует скорую гибель сына.

«Знаю, о мать, Зевес громовержущий все мне исполнил.
Но какая в том радость, когда потерял я Патрокла,
Милого друга! Его из друзей всех больше любил я;
Им, как моею главой, дорожил; и его потерял я!
Гектор убийца похитил с него и доспех тот огромный,
Дивный, богами дарованный, дар драгоценный Пелею
В день, как, богиню, тебя на смертного ложе повергли,
О, почто не осталась ты нимфой бессмертной моря!
О, почто и Пелей не избрал себе смертной супруги!
Должно теперь и тебе бесконечную горесть изведать,
Горесть о сыне погибшем, которого ты не увидишь
В доме отеческом! ибо и сердце мое не велит мне
Жить и в обществе быть человеческом, ежели Гектор,
Первый, моим копием пораженный, души не извергнет
И за грабеж над Патроком любезнейшим мне не заплатит!»
Мать, слезы лиющая, снова ему говорила:
«Скоро умрешь ты, о сын мой, судя по тому, что
вещаешь!
Скоро за сыном Приама конец и тебе уготован».
Ей, тяжело вздохнув, отвечал Ахиллес быстроногий:
«О, да умру я теперь же, когда не дано мне и друга
Спасть от убийцы! Далёко, далёко от родины милой
Пал он; и, верно, меня призывал, да избавлю от смерти!»

Но все же следует помнить, что «Илиада» — поэма о гневе Ахилла. Гнев этот обусловлен греческим понятием *tim*, которое ассоциируется с честью, достоинством, необходимостью получить компенсацию за урон и расправиться с недругами. В понятии героев честь требует воздаяния и становится главной человеческой ценностью. Конечная цель героев, у которых сильно развито чувство собственного достоинства, — завоевать себе

великую славу и уважение окружающих. Неудачи и нанесенные оскорбления воспринимаются тяжело. Когда Одиссей обсуждает с Агамемноном его ссору с Ахиллом, то порицает его зато, что ссора эта может привести к военному поражению греков, и тогда они после десятилетней войны вернутся домой с пустыми руками, что крайне предосудительно. Одиссей не вдается в подробности и не делает попытки установить виновного в ссоре, он хочет предотвратить пагубные последствия.

Не в чести у героев «Илиады» и малодушие. Когда Парис уклоняется от поединка с Менелаем, Гектор укоряет его:

Слышишь, смеются ряды кудреглавых данаев, считавших
Храбрым тебя первоборцем, судя#769; по красивому виду.
Вид твой красе#769;н, но ни силы в душе, ни отважности в
сердце!

Бывши таков ты, однако дерзнул в кораблях мореходных
Бурное море исплывать, с толпою клеветов любезных,
В чуждое племя войти и похитить из стран отдаленных
Славу их жен, и сестру, и невестку мужей браноносных,
В горе отцу твоему, и народу, и целому царству,
В радость ахейцам врагам, а себе самому в поношенье!
Что же с оружием не встретил царя Менелая?

На взгляд Гектора, Парис, уклонившись от поединка с Менелаем, проявил трусость, а вот когда тот же Парис похитил у Менелая Елену, он совершил геройский поступок. Отказ Париса от поединка унижает троянцев, а грекам позволяет насмехаться над неприятелем, и потому Гектор его осуждает. Таким образом, поступки героев оцениваются частично исходя из стереотипов образа действий, присущего настоящим мужчинам, а частично из обстоятельств, приносящих вред или пользу.

Ахилл, в отличие от Париса, заботится о своей репутации. Правда, современные читатели могут счесть, что многие его действия обусловлены жаждой мести, личными интересами и даже ребячеством. Так, английский писатель Клайв С. Льюис считал, что Ахилл, у которого отобрали невольницу, «лишь немногим превосходит капризного ребенка», у которого забрали игрушку. Однако существуют более основательные причины для гнева Ахилла: его *tim* — щепетильность в вопросах чести, нетерпимость к попранию собственного достоинства и потере добытого ратным трудом добра. Ахилл настойчиво отстаивает свою честь и права, превосходя в этом других героев, и даже самоуверенно заявляет Патроклу:

Если б, о вечный Зевес, Аполлон и Афина Паллада,
Если б и Трои сыны и ахеяне, сколько ни есть их,
Все истребили друг друга, а мы лишь, избывшие смерти,
Мы бы одни разметали троянские гордые башни!

Tim может иметь и конкретный смысл. Когда Сарпедон объясняет своему приятелю Главку, сыну Гипполоха, почему в греческом войске собралось так много героев, он говорит о существовавшей в то время системе жизненных ценностей, предоставлявшей героям имущественные блага и великое уважение, но подчеркивает: для того, чтобы извлечь из этой системы пользу, необходимо сражаться с врагом в первых рядах.

Сын Гипполохов! За что перед всеми нас отличают
Местом почетным, и брашном, и полной на пиршествах чашей
В царстве ликийском и смотрят на нас, как на жителей неба?
И за что мы владем при Ксанфе уделом великим,

Лучшей землей, виноград и пшеницу обильно плодящей?
Нам, предводителям, между передних героев ликийских
Должно стоять и в сраженье пылающем первым сражаться.

О важности материальных благ говорит и наставник Ахилла Феникс, когда рекомендует не только продолжить биться с врагами, но и принять от Агамемнона дары за понесенный ущерб:

...для даров знаменитых
Выйди, герой! И тебя, как бога, почтут аргивяне.
Если ж ты без даров, а по нужде на брань ополчишься,
Чести подобной не снищешь, хоть будешь и брани решитель.

Если бы Ахилл не получил компенсацию за причиненный ему Агамемноном ущерб, греки бы попросту не поняли, почему Ахилл пошел на уступки.

Соперничество между героями «Илиады» — важная движущая сила повествования. В центре ссоры Ахилла с Агамемноном — злободневный вопрос: кто более достоин военной добычи: лучшие воины или их предводители (вне зависимости от того, правы они или нет)? Умудренный жизненным опытом старец Нестор пытается урезонить противников:

Ты, Агамемнон, как ни могущ, не лишай Ахиллеса
Девы: ему как награду ее даровали ахейцы.
Ты, Ахиллес, воздержись горделиво с царем препираться;
Чести подобной доньне еще не стяжал ни единый
Царь скиптроносец, которого Зевс возвеличивал славой.
Мужеством ты знаменит, родила тебя мать-богиня;
Но сильнейший здесь он, повелитель народов несчетных.
Сердце смири, Агамемнон: я, старец, тебя умоляю,
Гнев отложи на Пелида героя, который сильнейший
Всех нам, ахейцам, оплот в истребительной брани троянской.

Можно понять, что в мире Гомера мастерство воина было лишь одним из многих достоинств, удовлетворявших понятию *timē*. Богатство, мужество, способность принять правильное решение и приневолить к нему прислушаться были одинаково важны для того, чтобы обрести достойное положение в обществе.

Героев «Илиады» Гомера можно сравнить с игроками спортивной команды, в которой во время соревнований постоянно отмечаются противоречия между личными амбициями и интересами коллектива. В то же время к сопернику все относятся одинаково — над ним необходимо взять верх, и сам соперник стремится к тому же. А когда игра происходит при зрителях, она становится движителем для завоевания популярности и признания. И, конечно, в случае поражения все объяснения бесполезны, не судят лишь победителей.

Гектор, решив сойтись с Ахиллом в единоборстве, отчетливо понимает, что его шансы на успех крайне малы, но тем не менее, чтобы не уронить собственное достоинство, не меняет принятого решения даже после мольбы Андромахи отказаться от боя.

Гектор отвечает:

...страшный
Стыд мне пред каждым троянцем и длинноодежной троянкой,
Если, как робкий, останусь я здесь, удаляясь от боя.

Публичное одобрение служило существенной мотивацией для свершения героических поступков, а публичное порицание низводило к тягостной доле, и Гектор, выйдя на поединок

с Ахиллом, сделал то, чего от него ожидали.

Гибель Гектора должна была бы принести довольство Ахиллу, но этого не случилось. Ахилл знал, что после смерти Патрокла вскоре умрет и сам. Гектор, выйдя на поединок с Ахиллом, не мог предвидеть судьбу, а Ахилл смотрел в глаза смерти.

В свое время Ахилл говорил Патроклу:

Нам обоим предназначено землю одну окровавить
Здесь, на троянском берегу! И меня, возвратившегося с боя,
В доме отцов никогда ни Пелей престарелый не встретит,
Ни любезная мать, но здесь покроет могила!
Если же после тебя, о Патрокл мой, в могилу сойти мне,
С честью тебя погребу; но не прежде, как здесь я повергну
Броню и голову Гектора, гордого смертью твоею!

После гибели Патрокла Ахилл решил отомстить человеку, который убил его ближайшего друга. Но он рискует жизнью не для того, чтобы завоевать себе вечную славу, а потому, что считает себя виновным за смерть Патрокла. Ахиллу не удастся избавиться от душевных страданий, и потому кажется удивительным, что он в конце концов проникается к Приаму симпатией, но все встает на свои места, когда соглашаешься с автором «Илиады», что жизнь выше отмщения, а человечество выше истребления неугодных.

Наследие «Илиады»

Описанные в «Илиаде» события нельзя назвать исторически достоверными, и все же они живы в памяти поколений.

В конце трагедии Еврипида «Троянки», когда Троя разрушена, хор троянских женщин горестно причитает:

Ах, скоро имя отчизны уйдет.
Дыхание смерти то здесь, то там.
А ты где, о город?

Однако «имя отчизны» — Трои — влету не кануло. «Илиада» позволила грекам заглянуть в свое прошлое, хотя это прошло далеко не безоблачно. Троянская война была настоящей войной, не крестовым походом и не «локальным конфликтом». Гибель Гектора послужила сигналом для разрушения Трои, что повлекло за собой гибель мужчин и порабощение женщин. В греческом мире этот случай не единичен. Та же горькая участь выпала и другим превращенным в развалины городам. Это была эпоха тотальной войны.

«Илиада» Гомера стала общенародным греческим достоянием и впоследствии сделалась образцом для римского национального эпоса и многочисленных эпосов новоевропейской литературы. В I веке до нашей эры римский поэт Вергилий сочинил «Энеиду», написанную в подражание «Илиады». Свою поэму Вергилий начинает словами «*arma virumquecano*» («Битвы и мужа пою»), где слово *arma* символизирует «Илиаду».

Вплоть до XV столетия «Илиаду» читали, главным образом, на византийском Востоке, а на Западе получил известность написанный в XII веке Бенуа де Сен-Мором «Роман о Трое» — сочинение, за которым в европейской литературе последовало множество подражаний. С наступлением Ренессанса Гомер перестал удовлетворять вкусам широкой публики, хотя в те времена Джордж Чэпмен перевел «Илиаду» на английский язык, и она вдохновила Шекспира на создание трагедии «Троил и Кассандра» Французский филолог Жюль Сезар Скалигер ценит Вергилия намного выше Гомера, произведения которого полагал «нелепыми и смешными, чисто гомеровскими». Английский поэт Джон Драйден считал, что Эней

Вергилия выписан несравненно более жизненно и рельефно, чем любой герой «Илиады». В 1714 году Антуан де Ла Мотт сделал «улучшенный» перевод «Илиады» на французский, освободив поэму от «варваризмов»: коварного своеволия богов и богинь и грубых выходок героев произведения.

В XVII веке поэмы Гомера отождествлялись с примитивностью античного мира, однако сто лет спустя под влиянием Роберта Вуда (написавшего в 1767 году «Опыт о самобытном гении Гомера») Гомер вновь был признан неподражаемым гением. Изображения сцен из его сочинений появились на веджвудском фарфоре, в конце XVIII столетия немецкий поэт Иоганн Генрих Фосс, используя старонемецкий гекзаметр, перевел «Одиссею» (1781) и «Илиаду» (1793), а в 1801 году французский художник Жан Энгр написал картину на сюжет девятой песни гомеровской «Илиады». С этого времени поэма Гомера стала оказывать сильное влияние и на классическую мировую литературу. В 1808 году Гете написал гекзаметром «Ахиллеса», сочинение, посвященное смерти древнегреческого героя.

В викторианскую эпоху Гомера стали изучать в английской общеобразовательной школе, а во второй половине XIX столетия при сооружении мемориала принца Альберта на фризе наряду с рельефами Шекспира, Данте и Мильтона появился и авантажный рельеф Гомера.

В 1905 году греческий поэт Константинос Кавафис (1863–1933) написал замечательное стихотворение «Троя»:

Вот усилия наши, усилия обреченных.
Мы в усилиях наших подобны защитникам Трои.
Порой удача улыбнется, чуть удача
Нам улыбнется, и сразу нам нисходят
И дерзость, и великие надежды.

Но вечно что-то останавливает нас.
Ахилл во рву является пред нами
И громовыми криками на нас наводит ужас.

Мы в усилиях наших подобны защитникам Трои.
Надеемся, что решимостью и отвагой
Мы рока злые козни отвратим
И за стеной продолжим нашу битву.

Когда же срок великий наступает,
Решимость и отвага оставляют нас;
Волнуется душа в нас, ослабев;
Мы вокруг троянских стен бежим, спасаясь,
И бегство — все, что остается нам.

О произведениях Гомера вспоминали и в Первую мировую войну. Описывая сражение на полуострове Галлиполи, английский поэт Руперт Брук, исходя из того, что зона боевых действий находилась неподалеку от Трои, писал:

Говорят, Ахилл шевельнулся...
Орудий залпами пробуждены,
Встают Приам и его сыны
И снова на стены спешат.

Об ужасах сражения на полуострове Галлиполи писал и другой английский поэт — Патрик Шоу-Стюарт, который в своем сочинении вспоминал героев гомеровской «Илиады»:

Повсюду ад кромешный,
Повсюду сущий ад...
Елена роковая,
К чему зазывный взгляд?
Пришел Ахилл под Трою,
Гневливый, прынул в бой...
И лишь три дня на отдых
Всего у нас с тобой.

Первая мировая война продолжалась, но литераторы больше Гомера не вспоминали. Английский писатель Джон Бьюкен отмечал: «Воспевать славу героев ужасающе неуместно. Вот почему теперь я не открываю Гомера».

О Гомере вспомнили уже после Второй мировой войны. Джордж Стейнер, английский филолог, писал:

Каждый раз, когда мы разрушаем город, каждый раз, когда мы видим людей, спасающихся бегством от бушующего огня, ужас этот напоминает события, описанные Гомером. Когда я был в Берлине в 1945 году и обозревал разрушенный бомбами город, у меня возникло желание перечитать «Илиаду», потому что в современной литературе и в литературе, что ей предшествовала, не найти столь же широкого и красочного рассказа об ужасах и трагизме войны.

Гомер в «Илиаде» не осуждает насилия, но, как считала Симона Вейль, французский религиозный мыслитель, сочувствие вызывают не только жертвы, описанные в поэме, но равно и победители, ибо сила не приводит к триумфу личности.

Она писала:

В европейской литературе не создано ничего более совершенного, чем самая первая появившаяся у нас эпическая поэма. Гомер станет для европейцев эпическим гением, когда они осознают, что от предначертанной судьбы не уйти, что нельзя восхищаться силой, ненавидеть врага, презирать неудачников и страдальцев. Другой вопрос, когда это время наступит.

Не все разделяют взгляды Симоны Вейль. Джордж Стейнер писал:

Есть нечто притягательное в описании битвы: красота боя, хореографические движения воинов, дерущихся на мечах, метающих копья или прыгающих с боевых колесниц, красота гибкого тела, схватывающегося с противником... Эффектность марширующих по Нюрнбергскому стадиону гитлеровских молодчиков с зажженными факелами в руках — сводящая с ума сцена в греческом духе. Это может привести в замешательство, но чтобы верно понять Гомера, нужно смотреть жизни в лицо.

В 2005–2006 годах художник Ансельм Кифер, для которого греческая мифология является одним из эзотерических источников вдохновения, написал две картины под одним и тем же названием «Весть о падении Трои». Первая картина размером семь с половиной метров представляет собой ландшафт — обширную открытую равнину, усыпанную то ли огненными цветами, то ли миниатюрными огоньками, на фоне которых горят восемь сигнальных костров, свидетельствующих о падении Трои и оповещающих об этом событии Клитемнестру, ожидающую в Микенах. На второй картине сюжет более очевиден, ибо месторасположение сигнальных костров поясняется географическими названиями, нанесенными на белую полосу, тянущуюся от Илиона до дома Атридов.

В 2004 году режиссер Вольфганг Петерсен поставил блокбастер «Троя», что позволило аналитикам провести аналогию между двумя нападениями на Трою с двумя ударами по Ираку, нанесенными США при участии союзников. Вряд ли Петерсен ожидал, что на его фильм взглянут с такой неожиданной стороны; стоит сказать, что сравнение аналитиков не выглядит убедительным. В самом деле, Ирак как противник агрессора намного слабее Трои; у врагов по Троянской войне общие язык, религия и культура; первая война в Персидском заливе ничем не похожа на осаду Гераклом Трои, когда там правил Ламеодонт. Причина, послужившая второму нападению на Ирак (поиски оружия массового поражения), не сравнима с похищением Елены Парисом, что послужило поводом для Троянской войны. И все же попытка провести аналогию между двумя нападениями на Трою с двумя ударами по Ираку свидетельствует, что тема Троянской войны актуальна и в наше время.

Петерсен попытался прочитать «Илиаду» правильно, но все же внес в сюжет несколько изменений, видимо, из коммерческих соображений. Так, в картине нет и намек на интимные отношения Ахилла с Патроком. Ахилл придерживается обычной сексуальной ориентации: в начале фильма он просыпается, деля постель с двумя игривыми женщинами. У Петерсена Ахилл и Патрокл — кузены, что согласуется с версией Псевдо-Гесиода. Брисеида в блокбастере — кузина Париса и Гектора (Хрисеида в фильме не выведена). После того как Брисеиду пленили, она пытается убить Ахилла в шатре, но эпизод заканчивается пристойно: Ахилл ее соблазняет. Атриды — грузные люди зрелого возраста, напоминающие манерами и одеждой викингов, славившихся разбоем. Агамемнон — убежденный завоеватель. Менелай жаждет свести счеты с троянцами, укрывающими Елену, но в конце фильма Гектор убивает его; Патрокл заимствует доспехи Ахилла без разрешения и тем самым снимает с него ответственность за гибель кузена и освобождает от горьких переживаний, вызванных угрызением совести. Встреча Ахилла с Приамом лишь отдаленно отражает события, о которых рассказывается в двадцать четвертой песни поэмы и сопровождается речами героев с отступлениями от оригинального текста. Ссора Ахилла с Агамемноном имеет место, а заканчивается фильм тем, что Агамемнон убивает Приама, Брисеида убивает Агамемнона, а Парис поражает Ахилла (угодив стрелой вязвимую пятю) и бежит с Брисеидой. Троянская война в фильме протекает не десять лет, как сказано у Гомера, а, насколько можно понять, — месяц-другой. Петерсен создал развлекательный приключенческий фильм, к сожалению, лишенный глубины понимания древнегреческой мифологии. И все же, несмотря на слабости фильма, его герои некоторыми поступками вызывают симпатию. Так, Ахилл идет на примирение с недругом, проявляет чувствительность.

Кинематографисты предоставляют экраны и современным Ахиллам, к примеру тем, роли которых играют Сильвестр Сталлоне, Арнольд Шварценеггер и Жан-Клод Ван Дамм. Однако Рембо не умирает молодым, Терминатор не испытывает страданий, а Универсальный Солдат не трапезничает с человеком, детей которого он убил.

Глава пятнадцатая Деревянный конь и осада Трои

Главные действующие лица

Пентесилея — Царица амазонок, убита Ахиллом.

Мемнон — Царь эфиопов, убит Ахиллом.

Ахилл — Величайший ахейский воин.

Парис — Убийца Ахилла, убит Филоктетом.

Большой Аякс — Могучий греческий воин, был побежден в споре за доспехи Ахилла, покончил жизнь самоубийством.

Одиссей (Улисс) — Хитроумный греческий воин, победил в споре за доспехи Ахилла; дал совет построить деревянного коня, что привело к падению

Трои.

Кассандра — Троянская прорицательница, но ее вещим словам никто не верил.

Малый Аякс — Обесчестил Кассандру.

Лаокоон — Убедил троянцев не вносить в город деревянного коня.

Приам — Царь Трои, убит после падения города.

«Илиада» не заканчивается завершением Троянской войны. Многие троянские герои погибли, но город так и не был взят греками. О дальнейших событиях рассказывается в других источниках. Так, в «Эфиопиде» Арктида Милетского повествуется о событиях, произошедших со времен появления в Трое воинственных амазонок, оказавших троянцам помощь, до самоубийства Аякса, а в «Малой Илиаде» действие развивается со дня смерти Ахилла до падения Трои и отбытия одержавших победу греков домой. О некоторых эпизодах Троянской войны рассказывается в различных драматических сочинениях, а о некоторых можно узнать из сохранившейся вазописи.

Ахиллу пришлось сражаться не только с троянцами, но и со вставшими на их сторону амазонками, пришедшими с севера, и эфиопами, пришедшими с юга. Прекрасная царица амазонок Пентесилея была бесстрашной воительницей, но в конце концов она уступила в поединке Ахиллу. Завершение этого поединка изображено на амфоре чернофигурного стиля работы Эксекия, хранящейся в Британском музее. Ахилл поражает Пентесилею ударом копья, но при взгляде на эту вазопись создается полное впечатление, что в роковое последнее быстротечное мгновение поединка в глазах непримиримых противников зажигается взаимная страсть. Терсит, лысый хромой горбун, единственный человек из народа, описанный в «Илиаде», насмеялся над любовью Ахилла к Пентесилее и, глумясь, выколол у погибшей глаза, за что тут же расстался с жизнью после удара Ахилла.

Войско эфиопов возглавлял Мемнон, сын Тифона и богини утренней зари Эос. Черная кожа не мешала ему быть весьма привлекательным, вдобавок его украшали доспехи, выкованные Гефестом. Под Троей Мемнон убил множество греков и наконец сошелся в поединке с Ахиллом. Едва начался поединок, матери того и другого обратились к Зевсу с мольбой заступиться за сыновей, но бог лишь взвесил судьбу обоих, и, когда чаша с судьбой Мемнона пошла вниз, Ахилл нанес смертельный удар. В Абидосе, а также в египетских Фивах были построены святилища Мемнона, а при фараоне Аменхотепе III воздвигли колосс Мемнона. Эта статуя до ее реставрации в III веке издавала на рассвете звуки, воспринимавшиеся как приветствие Мемнона своей матери Эос.

Вскоре после гибели Мемнона погиб и Ахилл. Когда он в очередной раз сражался с троянцами — на сей раз у Скейских ворот — в единственно уязвимое место на его теле, правую пятку, попала стрела, и он умер. О том, кто поразил Ахилла, судят по-разному. Гомер дважды упоминает в «Илиаде» о том, что в смерти Ахилла будут повинны двое: сначала говорящий конь Ксанф предсказывает Ахиллу, что его убьют бог и смертный, а затем Гектор, перед тем как испустить дух, называет Ахиллу не только имена бога и смертного (Аполлона и Париса), которые его истребят, но и место, где он погибнет (у Скейских ворот). Однако в той же «Илиаде» Ахилл сам говорит, что погибнет от стрелы Аполлона. Эта версия была подхвачена Эсхилом, Горацием и Софоклом. По Гигину, Ахилла также поразил Аполлон, предварительно приняв обличье Париса. По Вергилию и Овидию, Ахилл погиб от стрелы Париса, направленной рукой Аполлона. А вот по свидетельствам Плутарха и Еврипида, Ахилла убил Парис без помощи свыше.

В более позднем источнике гибель Ахилла получила романтическую окраску. Однажды он увидел Поликсену, прекрасную дочь Приама, которая бросала с крепостной башни свои украшения, чтобы выкупить тело Гектора. Ахилл влюбился в нее, и ему, как он посчитал позднее, представилась возможность жениться на ней, ибо Приам пообещал отдать Поликсену в жены, если осада Трои будет снята. Ахилл отправился безоружным для

переговоров о свадьбе в святилище Аполлона Фимбрейского (где до того поразил Троила). Однако в этом святилище Ахилл был предательски убит Парисом с помощью сына Приама Деифоба. Деифоб прижал Ахилла к своей груди, как бы в знак дружбы, а скрывавшийся за изваянием бога Парис вонзил ему в пятую меч или, как некоторые считают, — стрелу. Над телом поверженного Ахилла разгорелась жаркая схватка, но в конце концов его телом удалось завладеть Большому Аяксу, который под прикрытием Одиссея донес свою ношу до греческих кораблей.

Оплакать Ахилла пришла его мать Фетида вместе со своими сестрами nereидами, а с высокого Олимпа спустились музы.

Музы — все девять — сменялся, голосом сладостным пели
Гимн похоронный; никто из аргивян с сухими глазами
Слушать не мог сладкопения Муз, врачевательниц сердца;
Целых семнадцать там дней и ночей над тобой проливали
Горькие слезы бессмертные боги и смертные люди;
Но на осьмнадцатый день был огню ты торжественно предан;
Мелкого много скота и быков криворогих убили
В почесть твою; и в божественной ризе, помазанный сладким
Медом и мазью душистою, был ты сожжен; и ахейцы,
В медь облачась, у костра, на котором сгорал ты, кипели,
Конные, пешие, в быстрых блестя колесницах; великий
Говор и шум был.

После того как тело Ахилла сожгли на погребальном костре, его прах смешали с прахом Патрокла, поместили в золотую урну, изготовленную Гефестом, а урну зарыли у мыса Сигей на высоком холме. В дальнейшем, когда Одиссей во время своих странствий оказался в подземном мире, то на Асфодолинском лугу он повстречался с тенью Ахилла.

Ахилл пожаловался ему на безрадостную судьбу:

О Одиссей, утешения в смерти мне дать не надейся;
Лучше б хотел я живой, как поденщик, работая в поле,
Службой у бедного пахаря хлеб добывать свой насущный.
Нежели здесь над бездушными мертвыми царствовать,
мертвый.

По другой версии, душа Ахилла была перенесена на Левку, лесистый остров в устье Дуная, где герой продолжал жить жизнью блаженных вместе с женой Еленой и своими товарищами, Патроклом и Антилохом. По рассказам греческих мореходов, они, проходя мимо этого острова, слышали, как где-то не берегу Ахилл читает стихи Гомера, а если высаживались на остров, то слышали стук конских копыт, крики воинов и звон оружия. А вот по свидетельству Ивика, греческого поэта, Ахилл женился на Медее и стал жить вместе с ней в Элизии.

После похорон Ахилла в его честь состоялись погребальные игры — состязания по бегу, стрельбе из лука, метанию колец в цель и колесничному бегу. Затем Фетида повелела отдать доспехи Ахилла самому отважному греку из числа уцелевших. Претендентами на эти доспехи оказались Одиссей и Аякс. По словам Гомера, арбитрами в споре стали Афина и пленные троянцы, которые могли достоверно определить, кто из претендентов нанес им больший урон. Согласно вынесенному вердикту, доспехи Ахилла получил Одиссей. По другой версии, лазутчики Нестора подслушали разговор троянских девушек, обсуждавших заслуги Аякса и Одиссея. Когда содержание этого разговора поведали Нестору, он решил, что троянки отдали первенство Одиссею. А вот по Пиндару, греки отдали предпочтение Одиссею тайным голосованием.

Обиженный Аякс решил отомстить и ночью вышел с мечом из шатра, намереваясь разделаться с греками, нанеся им оскорбление. Однако Афина наслала на Аякса безумие, и он во тьме бросился на стадо быков и стал убивать их, полагая, что убивает греков. Этой теме посвящена трагедия Софокла «Аякс», в которой безумие героя сменяется ужасом, когда у него прояснился разум. Увидев, что он перебил большое число животных, Аякс решил смертью искупить свой позор.

Он восклицает:

...благородный должен славно жить
И славно умереть.

Текмесса, наложница Аякса и мать их малолетнего сына Эврисака, попыталась отговорить Аякса от опрометчивого поступка. Успокоив ее и своих соратников, Аякс все же свел счеты с жизнью, бросившись на воткнутый в землю меч, полученный им от Гектора в обмен на пурпурную перевязь после поединка. Однако первая попытка уйти из жизни не удалась: когда Аякс бросился на меч, тот неожиданно согнулся в дугу. Тогда Аякс воткнул меч в свое уязвимое место.

Когда тело Аякса нашли, Менелай и Агамемнон решили оставить его на растерзание стервятникам и собакам.

Этому воспротивился Одиссей:

...его позорить
Не стану, пусть он враг мой. Признаю:
Он был из нас, явившихся под Трою,
Всех доблестней, коль не считать Ахилла.

Агамемнон нехотя согласился, позволив похоронить Аякса и воздать ему почести как герою, но при этом оговорил условия похорон: погresti Аякса в фобу, а не сжечь, поскольку погибший не пал в сражении. Этим заканчивается трагедия, а ранее Афина осведомилась у Одиссея, кто из героев был «разумнее и решительнее» Аякса.

Одиссей ей ответил:

Нет никого... Горюю об Аяксе,
Пусть он мой враг, — он истинно несчастен,
Постигнутый тяжелым помраченьем.
Его судьба... моя, — не все ль одно?
Я думаю: мы все — живые люди —
Лишь призраки, одни пустые тени.

Выслушав Одиссея, Афина произнесла:

Вот видишь... Будь сдержан, никогда
Не оскорбляй бессмертных чванным словом.
Не будь надменен, ежели другого
Богатством ты иль силой превзошел.
Любой из смертных может в день единый
Упасть и вновь подняться. Мил богам
Благочестивый, гордый — ненавистен.

Впоследствии, когда Одиссей пришел в царство мертвых, Аякс был единственной тенью, так и не подошедшей к нему. А что касается доспехов Ахилла, владельцем которых стал Одиссей, то, согласно Павсанию, Одиссей потерял их во время кораблекрушения, и те

вынесло на берег рядом с могилой Аякса. По свидетельству Овидия, из крови Аякса, в тех местах, где она оросила землю, выросли гиацинты, на лепестках которых угадывались буквы А, I, являющиеся первыми буквами имени прославленного героя (Aias), и в то же время читающиеся как «Ай! Ай!» («Увы! Увы!»).

Троянская война продолжалась десятый год, когда Калхас (или троянский предсказатель Гелен, которого взял в плен Одиссей, чтобы пользоваться его даром пророчества) предсказал, что Троию невозможно завоевать без лука и стрел Геракла. Тогда Одиссей и Неоптолем, сын Ахилла, отправились на Лемнос, чтобы отыскать Филоктета, владельца оружия, которого греки на пути в Троию были вынуждены оставить на этом острове из-за незаживающей раны. Прибыв на Лемнос, Одиссей решил похитить несчастного Филоктета вместе с оружием, однако Неоптолем отказался участвовать в похищении. События, произошедшие в это время на Лемносе с участием Одиссея, Неоптолема и Филоктета изложены в трагедии «Филоктет» Софокла. Суть в том, что Филоктет все-таки отправился под Троию, где его излечили, а как только он выздоровел, то вызвал Париса на поединок в стрельбе из лука и нанес смертельную рану.

До того, как Парис похитил Елену, он был женат на нимфе Эноне, обладавшей даром пророчества. В свое время она сказала Парису, что ежели его ранят, лишь она может его излечить. Умиравшего Париса отнесли на гору Ида, но явившаяся Энона из-за ненависти к Елене отказалась исцелить бывшего мужа. Спустя какое-то время Энона умилостивилась и, захватив с собой целебное средство, бросилась в Троию, но Парис к ее появлению был уже мертв. С отчаяния Энона повесилась.

После смерти Париса на руку Елены стали претендовать Деифоб и Гелен, сыновья Приама. В конце концов Елена перешла к Деифобу, а Гелен был вынужден удалиться из города и поселиться на склонах Иды. Узнав от Калхаса, что только Гелену достоверно известны оракулы, защищающие Троию от неприятеля, Одиссей похитил Гелена и понудил его выдать тайну. Гелен сообщил, что Троя падет, лишь когда в лагерь греков будут доставлены кости Пелопа, в войну вступит Неоптолем и греки завладеют Палладием (деревянной статуей Афины, упавшей некогда с неба), поскольку пока эта статуя в городе, его стены несокрушимы.

В скором времени кости Пелопа доставили в Троию, а Неоптолема привезли с Лемноса, и он вступил в войско, приняв от Одиссея доспехи Ахилла. Оставалось похитить Палладий. По Аполлодору, для этого были предприняты две попытки. Сначала Одиссей пришел в Троию под видом нищего, однако его узнала Елена, но троянцам не выдала, и Одиссей благополучно вернулся в лагерь, собрав необходимые сведения о месторасположении и охране Палладия. В следующий раз Одиссей отправился в Троию вместе с Диомедом. Они проникли в Троию по сточной трубе, перебили в храме Афины стражу и, похитив Палладий, вернулись в лагерь.

Однако по другой версии, отличной от варианта Аполлодора, Одиссей с Диомедом решили пробраться в Троию, преодолев городскую стену. Диомед влез на стену, встав на плечи Одиссея, поскольку лестница, которую они с собой захватили, оказалась короткой. Однако дальше Диомед решил действовать в одиночку и оставил Одиссея, не ожидавшего такого подвоха, внизу, у стены. Диомед похитил Палладий и вместе с Одиссеем отправился назад, в лагерь. Но Одиссей захотел, чтобы вся слава досталась ему. Он поотстал от Диомеда и выхватил меч, но тот предательски блеснул при ярком свете луны. Диомед обезоружил Одиссея, скрутил ему руки и погнал к лагерю, ударяя мечом плашмя.

Хотя греки и выполнили все условия для того, чтобы овладеть Троей, взять город не удавалось. Тогда они, воспользовавшись советом то ли Одиссея, то ли Афины, решили действовать хитростью: соорудить огромного деревянного коня, в пустотелом чреве которого могли бы спрятаться самые отважные воины.

Деревянный конь

О широко известном деревянном коне, который ассоциируется со взятием Трои, почти не говорится в греческой мифологии. О нем лишь мельком упоминается в «Одиссее», а вот в «Илиаде» и в послегомеровском эпическом цикле произведений древнегреческих авторов не говорится ни слова. Об этом деревянном коне повествуется в сочинениях римских авторов, а наиболее подробно — в поэме Вергилия «Энеида».

Конь этот был сконструирован и построен Энеем, пустотелый, с дверцей сбоку. На противоположном боку было начертано: «В благодарность за будущее возвращение домой греки посвящают этот дар Афине». Количество воинов, забравшихся в чрево коня, называют по-разному: двенадцать, двадцать три, тридцать, пятьдесят и даже, что вовсе невероятно, три тысячи.

По Евстафию, в чреве коня укрывались двенадцать воинов: Менелай, Диомед, Филоктет, Мерион, Неоптолем, Эврипил, Эвридамант, Феидипп, Леонтей, Мег, Одиссей и Эвмел.

Согласно Квинту Смирнскому, в деревянном коне укрылись тридцать греческих воинов, а последним вошел в его чрево строитель коня Эней, который сел рядом с потайной дверью, ибо только ему был известен ее секрет. Греческие воины сидели в чреве коня как на угольях, дрожали от страха все — кроме Неоптолема, которого впоследствии Одиссей, оказавшись в подземном царстве, расхвалил в разговоре с духом его отца:

Все, при вступлении в конские недра, вожди отирали
Слезы с ланит, и у каждого руки и ноги тряслися;
В нем же едином мои никогда не подметили очи
Страх; не помню, чтоб он от чего побледнел, содрогнулся
Или заплакал. Не раз убеждал он меня из затвора
Дать ему выйти и, стиснув одною рукою двуострый
Меч, а другою обитое медью копье, порывался
В бой на троян.

После того как чрево заполнилось вооруженными воинами, остальные греки ночью сожгли свой лагерь, вышли в море и поплыли к Тенедосу. У стен Трои остался только Синон, чтобы было кому разжечь сигнальный костер — знак для возвращения кораблей.

На рассвете следующего дня троянцы увидели, что лагерь неприятеля опустел, а на морском берегу стоит деревянный конь. Этот конь вызвал великое подозрение у жреца Лаокоона, который воспротивился возникшему намерению перетащить его в город. Лаокоону принадлежит известная фраза «Не верьте грекам (данайцам), дары приносящим». Произнеся эти слова, он бросил в коня копье, и внутри зазвенело оружие, но троянцы не услышали этого звона. Хуже того, они поверили Синону, выдавшему себя за изгнанника, который уверил, что конь оставлен для того, чтобы умиловить Афину. И тут, словно в подтверждение его слов, из моря выползли два чудовищных змея, которые задушили Лаокоона и двух его сыновей. Этой теме посвящена скульптурная группа «Гибель Лаокоона и его сыновей», выполненная в стиле эллинистического барокко, хранящаяся ныне в Ватиканском музее.

А вот как описана эта сцена в «Энеиде» Вергилия:

Вдруг по глади морской, изгибая кольцами тело,
Две огромных змеи (и рассказывать страшно об этом)
К нам с Тенедоса плывут и стремятся к берегу вместе:
Тела верхняя часть поднялась над зыбями, кровавый
Гребень торчит из воды, а хвост огромный влачится,
Влагу взрывая и весь извиваясь волнистым движеньем.

Стонет соленый простор; вот на берег выползли змеи,
Кровью полны и огнем глаза горящие гадов,
Лижет дрожащий язык свистящие страшные пасти.
Мы, без кровинки в лице, разбежались. Змеи же прямо
К Лаокоону ползут и двоих сыновей его, прежде
В страшных объятьях сдавив, оплетают тонкие члены,
Бедную плоть терзают, язвят, разрывают зубами;
К ним отец на помощь спешит, копьем потрясая, —
Гады хватают его и огромными кольцами вяжут,
Дважды вокруг тела ему и дважды вкруг горла обвившись
И над его головой возвышаясь чешуйчатой шеей.
Тщится он разорвать узлы живые руками.
Яд и черная кровь повязки жреца заливают,
Вопль, повергающий в дрожь, до звезд подымлет несчастный,

—
Так же ревет и неверный топор из загривка стремится
Вытрясти раненый бык, убегая от места закланья.
Оба дракона меж тем ускользают к высокому храму.
Быстро ползут напрямик к твердыне Третонии грозной,
Чтобы под круглым щитом у ног богини укрыться.

Троянцы восприняли гибель Лаокоона как наказание за дерзость, ибо, как они посчитали, жрец осквернил ударом копья подношения богине Афине. Придя к этой мысли, они переправили деревянного коня в город. Правда, в «Одиссее» Гомера певец Демодик рассказывает, что принятому решению предшествовали жаркие споры: одни вызывались взломать коня и посмотреть, что внутри, другие настаивали на том, чтобы сбросить его в море с обрыва, третьи предлагали посвятить коня богине Афине. В той же поэме Менелай рассказывает, что Елена, прохаживаясь возле коня, стала обращаться к укрывшимся в коне грекам голосами их жен, и только вмешательство Одиссея помешало тому, чтобы греки себя выдали.

Возражала против переправления коня в город и предсказательница Кассандра, предрекая несчастье, но ее, как обычно, никто не слушал. Троянцы украсили храмы благодарственными венками и шумно отпраздновали окончание долгой осады Трои. Ночью, когда троянцы уснули, Sinon разжег сигнальный костер, и греческий флот возвратился в Трою. Вышедшие из коня воины открыли городские ворота, и греческое войско хлынуло в город. Трою постигла участь взятого противником города: последовали многочисленные убийства, насилия, грабежи.

Неоптолем убил Приама, пытавшегося найти прибежище у алтаря Зевса. Менелай расправился с Деифобом, последним мужем Елены, а саму Елену отправил на свой корабль. Малый Аякс обесчестил Кассандру в храме Афины, что побудило статую обратить глаза к небу, чтобы не взирать на небывалое святотатство. Малолетнего Астианакса, сына Андромахи и Гектора, сбросили с крепостной стены, а Поликсену, прекрасную дочь Приама, принесли в жертву богам на могиле Ахилла.

О том, как Поликсена храбро приняла смерть, рассказывается в трагедии Еврипида «Гекуба»:

[Неоптолем] взявшись за эфес,
Царь меч извлек сияющий. А свите
Отборной он кивает, чтоб схватила
Она юницу. Его царский знак
Уловлен был, и речь ее ответом
Была к толпе: «Вы, Аргоса сыны,

Что город мой разрушили! Своею
Я умираю волей. Пусть никто
Меня не держит. Я подставлю горло
Без трепета. Но дайте умереть
Свободною, богами заклинаю,
Как и была свободна я. Сойти
Рабынею к теням царевне стыдно».
И смутный гул покрыл слова.

А царь

Агамемнон сказал: «Освободите».
И, царское приявши слово, дочь
Приамова от самого плеча
И по пояс свой пеплос разорвала,
Являя грудь прекрасней изваяний.
Потом, к земле склонив колени, так
Сказала нам она отважно: «Вот,
О юноша, вот — грудь моя, коль хочешь
Разить ее, ударь; а если шею
Возжаждал нож, — мое открыто горло».
И, жалостью объят, Неоптолем
Невольной волей движимый, дыханью
Ударом быстрым пресекает путь.
Потоком кровь из раны льется. Дева ж —
Последний луч — старается упасть
Пристойно и скрывает, умирая,
То, что должно быть тайной для мужей.

Согласно римским источникам, единственной пощаженной греками троянской семьей была семья Энея. Эней, взвалив на плечи своего престарелого отца Анхиса и тем самым проявив ценившееся греками благочестие, беспрепятственно вынес старца из города, объятого дымом и пламенем.

За время странствий Эней достиг Лация в Италии и, согласно римской традиции, в конечном счете, через своих потомков Рема и Ромула, основал Рим.

После взятия Трои греки поделили добычу. Агамемнону досталась Кассандра, Неоптолему — жена Гектора Андромаха, а Одиссею (или Гелену) — Гекуба. Лаодика, самая красивая дочь Приама, решила умереть, чтобы не попасть в рабство. Она обратилась к богам с мольбой, чтобы ее поглотила земля. Мольба Лаодики возымела действие: земля разверзлась и поглотила девушку на глазах у всех.

После разграбления Трои, когда греки уже готовы были отплыть, Калхас сообщил, что прежде чем возвратиться домой, надо умиловать Афины за нанесенное Малым Аяксом оскорбление ее жрицы. Греки решили закидать Аякса камнями, но тот нашел убежище у алтаря Афины. Все же позднее он получил воздаяние за свое святотатство.

Отголоски падения Трои

В античном мире больше симпатизировали троянцам, чем грекам, и потому некоторые южные итальянские города претендовали на то, чтобы считаться основанными троянскими беженцами. В «Энеиде» Вергилия рассказывается, что Рим основали потомки Энея, а император Август настаивал на своем происхождении от Энея, поскольку это давало ему возможность претендовать на божественность, ведь Эней — сын Афродиты (римской Венеры).

Английский поэт Эдмунд Спенсер в поэме «Королева фей», называя Лондон Новой Тройей (именем, которое ассоциируется с германским племенем триновантов), писал, что этот город основан Брутом, потомком Энея и предком первых английских королей. Теодорих Великий, король остготов, проводивший политику сближения с франками, наделялся троянскими предками, а франки возводили свое происхождение к троянцу по имени Франк. В наше время немецкая писательница Криста Вольф написала роман «Кассандра», так сказать, взгляд на мир глазами троянцев, следуя давней и представленной многими знаменитыми именами традиции.

Нынешнее малоприятное представление о троянском коне (известно, что «троянские кони» допекают пользователей компьютеров) перешло из далекого прошлого не только вместе с греческим мифом, но и с его воплощением в произведениях изобразительного искусства. Наиболее известное и имеющее особую художественную и историческую ценность изображение троянского коня представлено на рельефном пифосе (сосуде для хранения зерна) микенской культуры. Конь этот стоит на колесах и снабжен семью окнами, из которых украдкой выглядывают греческие воины. В более поздние времена итальянский художник Джованни Доменико Тьеполо (1727–1804) набросал ряд рисунков, посвященных падению Трои. Один из них изображает мастеровых, занятых постройкой коня под стенами обреченного города.

Трагическая кончина Лаокоона и его сыновей (задушенных змеями) послужила сюжетом для одного из величайших произведений древней скульптуры — мраморной группы «Лаокоон», хранящейся в Ватикане. По словам Плиния, эта скульптурная группа была изваяна родосскими мастерами Агесандром, Атенодором и Полидором. На взгляд этого римского историка и писателя, мраморная группа «Лаокоон» «превосходит все известные произведения изобразительного искусства». На этой скульптуре одна из двух змей, застилая плечи Лаокоона и обвившись вокруг руки его старшего сына, кусает жреца в бедро; вторая змея, обвившись кольцами вокруг ног своих жертв, душит младшего сына; лицо Лаокоона искажено от мучительной боли, а сам он тщетно пытается освободиться.

Английский гравер Уильям Блейк, используя композицию скульптуры «Лаокоон» и мотивы древнееврейской живописи, создал впечатляющую гравюру «Иегова и два его сына, Сатана и Адам» (1826–1827). Чарльз Диккенс в «Рождественской песне» (1843) сравнивает Лаокооном персонажа этой повести Скруджа, запутавшегося в чулках.

В 2007 году в Лидсе институт Генри Мура устроил выставку «Новый Лаокоон», на которой, в частности, демонстрировались скульптуры лауреата премии Тернера Тони Крэгга «Святой Георгий, побеждающий дракона» и Ричарда Дикона «Лаокоон» — скульптура из пропаренного дерева и алюминия, представляющая собой конструкцию из переплетенных прямых и изогнутых секций, образующих вместе нескончаемую спираль, олицетворяющую извивающихся безжалостных змей (сам Лаокоон в этом произведении не представлен).

Исход Энея из Трои с отцом на плечах стал одним из сюжетов древнегреческой вазописи, а в более поздние времена этот сюжет использовали немецкий живописец Адам Эльсхеймер, написавший картину «Пожар Трои» (1604), и итальянский художник Федерико Бароччи, написавший картину «Бегство Энея из Трои». На картине Бароччи Эней, его отец Анхис и сын Асканий составляют тесную группу, отделенную от жены Энея Креусы, затесавшейся в толпу троянцев и греков; горести сцене добавляет собачка, с состраданием вззирающая на беженцев.

Произведения искусства посвящены и другим мифам, повествующим о падении Трои: пленению Андромахи, гибели малолетнего Астинакса, безжалостно сброшенного с крепостной стены города, попытке Менелая убить Елену, избежавшую гибели тем, что в драматичный миг обнажила свою прекрасную грудь, изнасилованию Малым Аяксом Кассандры, убийству Приама Неоптолемом (Пирром), зарубившим царя.

Так, краснофигурный килик, изготовленный около пятисотого года до нашей эры и хранящийся ныне в музее Пола Гетти в Малибу, снаружи и внутри покрыт росписью, посвященной сразу трем темам: надругательству над Кассандрой, смерти Приама и встрече

Менелая с Еленой (течение этой встречи направляет Эрот: у Елены обнажена грудь, а у Менелая падает из руки меч, которым он собирался ее убить).

В шекспировском «Гамлете» заезжие актеры разыгрывают при дворе Полония сцену убийства Приама (при котором присутствует Гекуба, его жена), но при этом играют ненатурально, переходя меру, с надрывом в голосе и с излишним потоком слез.

Первый актер:

Гася слезами пламя, босиком
Она металась с головной повязкой
Взамен венца, и обмотавши стан,
Сухой от многочадья, одеялом,
Случившимся в руках. Кто б увидал
Все это, ядовитыми словами
Фортуны бы позором заклеил.
А если б боги сами подсмотрели,
Как потешался над царицей Пирр,
Кромсая перед нею тело мужа,
И если смертный мог бы их пронять, —
Тогда бы вопль несчастной, переполнив
Слезами жаркие глаза небес,
Смягчил бессмертных.

Полоний:

Смотрите, он изменился в лице и весь в слезах!
Пожалуйста, довольно.

Разыгранная сцена позволяет Гамлету задать знаменитый вопрос:

Что он Гекубе? Что ему Гекуба?
А он рыдает.

Судьба Гекубы отражена во многих произведениях, начиная с трагедии Еврипида до оперы Гектора Берлиоза «Троянцы» и далее до оперы Майкла Типпетта «Царь Приам». В наше время Марта Грэм, американский хореограф, поставила на музыку Сэмюэла Барбера балет «Стенание Андромахи».

Разрушение Трои привлекает внимание публики с античных времен. Во времена Шекспира была популярна баллада с такими словами:

Великая Троя уступила место пустыне,
Там, где был город, царит запустение ныне.

В 1810 году в Троаде побывал Байрон, проведя в местности вокруг Илиона (Трои) семнадцать дней. Свои впечатления он изложил в «Дон Жуане»:

Равнины невозделанный простор,
Курганы без надгробий, без названья,
Вершина Иды над цепями гор
И берегов Скамандра очертанья;
Здесь обитала Слава с давних пор,
Здесь древности покоятся преданья.

Но кто тревожит Илиона прах?
Стада овец и сонных черепах!

Такие мысли могут прийти на ум и современным туристам. 11 января 1821 года Байрон сделал в своем дневнике такую запись:

Людей интересует подлинность мифа о Трое... Я чту этот миф как историческую действительность. Будь он небылицей, вымыслом, то не привел бы меня в восторг.

Открытие Трои и историчность троянской войны

Миф о Троянской войне выдержал испытание временем частично благодаря вдохновенной «Илиаде» Гомера, а частично благодаря последовавшему за этой поэмой большому числу произведений литературы, изобразительного и драматического искусства, не говоря о фильмах, поставленных Голливудом.

Древние греки были убеждены: Троянская война — историческая реальность. В Паросской хронике даже называется дата падения Трои — 5 июня 1209 года (до нашей эры). Правда, некоторые древнегреческие писатели (к примеру, Фукидид и Павсаний), хотя и считают, что поход греков на Трою имел место в действительности, в своих трудах дают более реалистичное, на их взгляд, объяснение отдельных событий. Так, Павсаний считал деревянного коня греков стенобитной машиной. Но подобные рассуждения не смогли выхолостить богатую поэтическими образами историю и не помешали попыткам найти месторасположение гомеровской Трои и подтвердить существование описанных в «Илиаде» героев. Результаты исследований, становясь достоянием публики стараниями средств массовой информации, порой обесценивают работы древнегреческих авторов в пользу довольно поверхностных взглядов на историческую и материальную «истину».

В центре дискуссии о реальности Троянской войны стали результаты археологических изысканий на холме Гиссарлык на северо-западе Турции. Эта местность отождествлялась древними греками с гомеровским Илионом. В самом деле, известно, что Гиссарлык был населен эолийцами (одним из четырех главных племен греческого народа), начавшими переселяться в эти края в VII веке до нашей эры. Однако в настоящее время некоторые ученые полагают, что Гиссарлык был не только местом действия «Илиады», но и центром хеттского царства Вилуса.

Более правильным названием Трои является Илион (по которому получила название «Илиада»), а вот жителей этих мест называли троянцами по имени Троса (Троя), мифического царя, основателя города, а местность вокруг Илиона (Трои) стала называться Троедой. Раскопки на холме Гиссарлык стали одним из наиболее знаменательных событий в археологии, но тот, кто в наше время посетит Трою, не увидит ни «гордых башен», ни «величественных ворот» и, вероятно, будет разочарован, не обнаружив ассоциаций с поэмой Гомера.

Раскопки на Гиссарлыке начались только в XIX веке усилиями американца Фрэнка Кольверта (1828–1908), а затем немца Генриха Шлимана (1822–1890), купца и археолога-любителя. Интуитивное помышление Шлимана, что Троя Приама располагалась на Гиссарлыке, подтвердилось обнаружением городских стен, ворот и «клада Приама». Шлиман был убежден, что откопал Трою и считал, что имеет право переименовать священное место, называвшееся доньше Гиссарлыком. Он писал: «Я делаю это ради божественного Гомера — даю ему [священному месту] то овечье бессмертной славой имя, которое наполняет сердце каждого радостью и энтузиазмом. Я даю ему имя „Троя“ и „Илион“». В слое раскопок, известном как Троя II, Шлиман обнаружил знаменитый «убор

Елены», хранящийся ныне в московском Музее изобразительных искусств имени Пушкина, но, к сожалению, эта находка Шлимана датируется XXV–XXIII веками до новой эры, то есть промежутком времени, отстающим от даты падения Трои, указанной в Паросской хронике, грубо говоря, на тысячу лет.

С 1882 года Шлиман стал сотрудничать с археологом Вильгельмом Дерпфельдом, который, научно обработав изыскания Шлимана, установил девять слоев материальной культуры Трои, покрывающих временной промежуток примерно с 3000 года до новой эры до времен падения Римской империи. Дерпфельд предположил, что Троя VI (1700–1280), существовавшая в период расцвета микенской культуры, и была городом, описанным в «Илиаде». Коалиционный состав ахейского войска (собранный из различных местностей Греции) исторически соответствует развитию греческих городов в бронзовом веке, что подтверждается надписями линейным письмом Б на табличках, найденных в Фивах. Американские археологи, проводившие изыскания в Трое в тридцатых годах XX века под руководством Карла Уильяма Блегена, уточнили заключения Дерпфельда, разбив определенные им девять слоев материальной культуры Трои на сорок шесть различных пластов. Блеген предположил, что Троя II была разрушена сильным землетрясением, а Троей, осаждавшейся греками, является Троя VII (1280–1180), пострадавшая от пожара.

Современный немецкий археолог Манфред Корфман, руководитель раскопок Трои, в значительной мере уточнил выводы, сделанные предшественниками. По его заключению, Гиссарлык представлял собой укрепленный район с крупным для тех времен городом (одним из самых больших на Ближнем Востоке, население которого составляло от пяти до десяти тысяч человек). Жители Гиссарлыка занимались теми же видами сельскохозяйственной деятельности (земледелием, виноградарством, скотоводством), что и ахейцы гомеровской «Илиады» (на знаменитом щите Ахилла — изображения пашни, виноградника, пасущегося скота). Гиссарлык был богатой, хорошо укрепленной, стратегически выгодно расположенной местностью с удобной надежной гаванью, способствовавшей торговле (металлическими изделиями, тканями, лошадьми). Гиссарлык был тесно связан с греческим миром, и можно предположить (судя по топографии, упомянутой в «Илиаде»), что Гомер был хорошо знаком с местностью, на которой велась война между греками и троянцами — ведь он даже упоминал о господствовавших в том районе ветрах, хотя, что кажется удивительным, ни слова не сказал о троянском флоте. Однако на самом деле за почти пять столетий, отделяющих действие «Илиады» от времен жизни Гомера, береговая линия Гиссарлыка значительно изменилась, и потому местность, существовавшая в бронзовом веке, Гомеру в действительности не могла быть известна. В «Илиаде» говорится о «златообильных Микенах», о роскошных дворцах, о героях, которые носят бронзовое оружие и ездят на колесницах, но только обо всем этом ни словом не упоминается в дошедших до нас табличках с надписями линейным письмом Б, в которых отразился хозяйственный уклад греков и в которых упоминается даже о мелочах. Скорее всего, Гомер сложил «Илиаду», опираясь на эпические традиции и действуя по единому плану, описал ее героический мир таким, каким он ему мысленно представлялся, и потому вовсе не значит что целью Троянской войны было взятие именно Илиона. Илион послужил лишь названием места, где развиваются события «Илиады».

Уместно отметить, что в летописях хеттского царя Тудхалии I (ок. 1440–1410 до н. э.) упоминаются географические названия, наводящие на мысль о Трое: Тариус (Троя?) и Вилусийя (Илион?).

Дошел до нашего времени и некий разговор времен правления хеттского царя Муватталли II (1296–1272), в котором фигурирует Вилуса, где царствует Александу. Примечательно сходство этого имени с Александром (прозвищем Париса). Сохранился также отрывок письма Муватталли II, в котором он рассказывает, что мятежник по имени Пийямарад (Приам?) захватил, возможно, Вилусу, что заставило собрать войско, чтобы восстановить власть в этом царстве.

[Гасс, хеттский военачальник)] прибыл и привел с собой хеттское войско. [Когда они] выступили опять против Вилусы, чтобы напасть на нее, я был болен. Я и сейчас тяжело болен, прикован к постели.

[Пропуск]

Когда Пийямарату унизил меня, он послал Атпу [против меня].

Этот документ повествует, по крайней мере о том, что вблизи Гиссарлыка стояло хеттское войско. Правда, неясно, отправилось ли оно освобождать Вилусу от Пийямарату — пропуск в письме не позволяет точно установить. Мифическая традиция может сохранить в памяти поколений имя истинного правителя Трои, но она не в состоянии подтвердить историчность «Илиады» Гомера.

В XIII веке до нашей эры западная часть Малой Азии являлась нестабильным районом, но существует косвенное свидетельство идентификации хеттского царства Ахиява (не отсюда ли у Гомера второе имя греков «ахейцы»?) с Микенским царством. Более того, сохранилось письмо хеттского царя Хаттусили III царю Ахиявы, в котором говорится, что Хаттусили и его ахиявский «брат» около 1250 года [до новой эры] имели разноречивые притязания на Вилусу, однако «теперь... мы достигли соглашения по Вилусе, из-за которой нам пришлось воевать».

Можно ли из этого письма сделать вывод, что Ахиява воевала с Вилусой? Вполне допустимо. Хетты, разумеется, оказали поддержку своему вассалу Вилусе и вступили в столкновение с Ахиявой, чем можно объяснить появление в Трое VI мощных крепостных укреплений. С другой стороны, этот конфликт мог быть улажен путем переговоров или военного столкновения, но без участия Вилусы в боевых действиях. Как там ни было, этот конфликт долго не длился и по своей продолжительности не может быть сравним с Троянской войной; кроме того, он не заставил жителей города спасаться бегством от неприятеля.

В другом дошедшем до нас письме, написанном в XIII веке до новой эры хеттским царем Тудхалией IV, он сообщает, что царь Вилусы Валму низложен, а сам он восстановлен в правах. Возможно, вернуть престол Тудхалии помогли войска Ахиявы, но об этой поддержке в документе не говорится, и Валму, быть может, изгнали его же подданные. Таким образом, имевшее место в XII веке до нашей эры соперничество за гегемонию над Вилусой не имеет никакого отношения к Троянской войне.

Есть и другие факторы, говорящие против историчности Троянской войны. Перечислим их.

1. История Вилусы носила бурный характер, но вряд ли значительно отличалась от истории других государств позднего бронзового века. Война в те времена была делом обыкновенным.

2. Взятию Трои (при Лаомедонте) Гераклом никаких исторических подтверждений не существует.

3. Десятилетняя война не подтверждена ни одним историческим документом; известная наиболее продолжительная осада города длилась всего несколько месяцев.

4. Нет никаких свидетельств разрушения греками хотя бы одного анатолийского города.

5. Не вызывает сомнения, что Троя времен Приама не была разрушена ни людьми, ни землетрясением. В Трое VI, правда, нашли оружие и наконечники стрел, но далеко не в таком количестве, которое позволило бы считать, что город пал под натиском неприятеля. Что касается землетрясения, то у Гомера нет и намека на буйство стихии, хотя Посейдон держал сторону греков.

6. Троя VII была частично разрушена, но не покинута жителями. Троя VII менее впечатляет строительными и хозяйственными успехами, но наличие определенной культуры сомнений не вызывает.

7. Троя была окончательно разрушена и покинута жителями около 1080 года до новой

эры (слой VI Ib), когда и греки страдали от нашествия неприятеля. Разрушить Трою могли так называемые «народы моря», о которых упоминается в египетских хрониках.

Конечно, «Илиада» Гомера, возможно, не лишена некоторых элементов исторической правды, но все же ее кажущаяся правдивость обязана гениальному автору, создавшему сочинение, в котором герои представляются живыми людьми, принимающими участие в реально происходящих событиях.

Все достижения, связанные с поисками правды о Троянской войне, заключаются в отыскании города, зависевшего от Хеттской империи и постоянно нуждавшегося в защите и помощи.

Есть и другие факторы, позволяющие не согласиться с историчностью Троянской войны. Известно, что греческий язык относится к индоевропейской языковой семье, в которую также входят латинский, английский, валлийский, русский, немецкий, санскрит, персидский, хеттский и многие другие языки. В ведах, древнейшем памятнике индийской религиозной литературы, созданном около 1450 года до новой эры, бог неба зовется Дьяус, а имя это происходит от санскритских корней *diut* («светить») и *diu* («небо» и «день»). *Dyaus pita* («Дьяус-отец») и *Zeus pater* («Зевс-отец») происходят от одного и того же индоевропейского корня, так же, как имена римского Юпитера (первоначально *Diespater*) и скандинавского бога неба Тиу, давший название вторнику.

Некоторые исследователи считают, что у народов, чьи языки имеют общие корни, возникали в стародавние времена и схожие мифы. Примером тому служат индоевропейские мифы о братьях-близнецах (имеющих связь с конями). Так, в древнеиндийской мифологии Ашвины («обладающие конями»), *Divo Napata* («сыновья Дьяуса»), вместе женятся на Сурье, дочери Сурьи (Солнца). В латышских народных песнях *Dieva deli* («дети Диеласа», верховного бога) оба сватаются к *Saules meita* («дочери Солнца»), катают ее в лодке по морю, по суше едут к ее дому на двух конях. В греческой мифологии Кастор и Полидевк, Диоскуры («сыновья Зевса»), покровители воинов, всадников и моряков (а Кастор еще и укротитель коней) отправляются спасти свою сестру Елену, чье имя, возможно, имеет связь с греческим *helios* («солнце») и, следовательно, с санскритским *Sutya* и латышским *Saule*. Но у этих «близнечных мифов» могли появиться и другие герои, и они появились: братья-близнецы Агамемнон и Менелай отправляются в Трою освобождать из неволи жену Менелая Елену. Так что Троянская война — вряд ли историческая реальность, ее описание, скорее, дань существовавшей традиции в индоевропейской мифологии. К тому же, как заметила Криста Вольф, «история выветривается из памяти, а мифы остаются в ней навсегда».

Следует также отметить, что при сложении «Илиады» Гомер, опираясь на эпические традиции, использовал более древние песни и героические сказания и соответственно присущие этим произведениям темы — темы мольбы, молитвы, жертвоприношения, кары богов, народного собрания, путешествия морем, гостеприимства, трапезы, боевого снаряжения, одежды, битвы и поединков, предзнаменования и пророчества.

Стоит также отметить, что «Илиада» Гомера созвучна некоторым другим эпическим произведениям древности — например, более древнему шумеро-аккадскому эпосу о Гильгамеше. Гильгамеш, подобно Ахиллу, рожден богиней, он тоже теряет близкого друга, скорбит о нем и пускается во все тяжкие, чтобы отомстить. И все же в области эпоса «Илиада» является высшим образцом поэтического произведения, однако это не значит, что события, в ней описанные и, в частности, Троянская война, происходили на самом деле.

Геродот писал:

Если бы Елена была в Илионе, то ее выдали бы эллинам с согласия ли или даже против воли Александра. Конечно, ведь ни Приам, ни остальные его родственники не были столь безумны, чтобы подвергать опасности свою жизнь, своих детей и родной город для того лишь, чтобы Александр мог сожительствовать с Еленой.

Правда, все же имеются сведения о проникновении эолийских греков на Гиссарлык, но нет никаких свидетельств того, что они когда-нибудь осаждали расположенный на нем город.

Манфред Корфман пишет:

Гомер использовал Трои лишь в качестве фона, на котором рассказал драматическую историю о столкновении между людьми, между богами,

Американский археолог Мозес Финли по этому поводу замечает: «Мы столкнулись с парадоксом: чем больше мы знаем о Троянской войне, тем больше возникает новых вопросов». На его взгляд, «Троянскую войну следует исключить из истории греческого бронзового века».

А вот по мнению Имана Уилкенса, Троянская война является фантазией автора «Илиады» или, по крайней мере, не имеет ничего общего с Гиссарлыком. Если она и велась, полагает Уилкенс, то в другом месте; при этом он выдвигает довольно эксцентрическую версию. Ссылаясь на то, что родство Галатеи, Кельтаса и Ахилла «неопровержимо доказано», Уилкенс считает, что «Илиада» Гомера может иметь кельтские корни, и потому помещает «священный город» на Гогмагогс, холмах неподалеку от Кембриджа.

В 2007 году немецкий писатель Б. Штраус опубликовал сочинение «Новая история Троянской войны» — «сомнительное писание для историка», как посчитал Питер Джоунс, знаток греческой мифологии. Комментируя это произведение, Джоунс приводит подходящую аналогию: если бы кто три тысячи лет назад прочитал занимательные истории о блистательном и находчивом Джеймсе Бонде и узнал, что «Данхилл», «Уайте», «Будлз» и картины существовали на самом деле, он решил бы, что «Живешь только дважды» — реальность, а не фантазия.

Такой процесс создания мифов прослеживается и в одном из эпизодов телевизионного сериала компании Би-би-си «Доктор Кто», в котором главный герой сначала убежденно считает, что троянский конь — вымысел Гомера, а затем вынужден сам построить коня, чтобы греки смогли одолеть троянцев.

Глава шестнадцатая Возвращение героев

Главные действующие лица

- Нестор** — Почтенный греческий воин.
- Диомед** — Могучий греческий воин.
- Менелай** — Муж Елены.
- Навплий** — Погубил греческие корабли, возвращавшиеся из-под Трои.
- Неоптолем** — Сын Ахилла.
- Агамемнон** — Убит по возвращении домой своей женой Клитемнестрой.
- Орест** — Сын Агамемнона, убил Клитемнестру.
- Электра** — Сестра Ореста.
- Эгисф** — Любовник Клитемнестры, умерщвлен Орестом.

Возвращение домой из-под Трои для многих участников Троянской войны сложилось неблагоприятно, а некоторые из греков, отплыв, и вовсе не вернулись на родину, осев в Малой Азии, Эпире, Фессалии, Македонии, Италии, Ливии, а также на Кипре, Крите, Сицилии и Иберийских островах, что, вероятно, отражает колонизацию греками в VIII веке до нашей эры сопредельных и несопредельных земель.

Слово «ностальгия» происходит от греческих *nostos* («возвращение домой»; множественное число *nostoi*) и *algos* («страдания»), и *nostoi* завоевателей Трои оказались полны невзгод и страданий.

Перед отплытием из-под Трои Агамемнон и Менелай завели разговор о том, стоит ли принести жертву Афине. Мнения разделились, братья поссорились, и их пути разошлись. Менелай отправился в путь вместе с Диомедом и Нестором, которые благополучно добрались до дома. А вот корабль Менелая попал в жестокую бурю. Не в силах добраться до Греции, Менелай долгое время скитался среди чужеземцев, правда, сумев при этом разбогатеть, и наконец прибыл в Египет. Затем ему удалось заставить морского старца Протея рассказать о том, как вернуться на родину. В конце концов, спустя восемь лет после отплытия из-под Трои, Менелай прибыл в Спарту в сопровождении прощенной им прекрасной Елены.

Однако согласно сюжету произведения Еврипида «Елена», та во время Троянской войны находилась в Египте, где ждала возвращения Менелая, а вся война велась только за ее призрак. В Египте ей покровительствовал Протей (по Еврипиду, царь этого государства) но когда он скончался, Феоклимен, его сын, попытался силой склонить Елену выйти за него замуж. Его планам помешало возвращение Менелая. Забрав Елену, он вернулся с ней в Спарту.

А вот согласно сюжету трагедии Еврипида «Орест», судьба Елены сложилась более драматично. Сын Агамемнона Орест со своим другом Пиладом попытался убить Елену, но Зевс ее обессмертил как защитницу мореходов, уподобив Диоскурам.

По Гомеру, морской старец Протей предсказал Менелая, что он не умрет, а удостоится как зять Зевса поселения в Элизии, стране блаженных.

Прорицатель Калхас домой не вернулся. Ему самому было предсказано, что он умрет, встретив прорицателя более сведущего, чем он. Этим прорицателем оказался Мопс, сын Аполлона и внук Тиресия. Повстречавшись с Мопсом, Калхас спросил у него, сколько смокв на стоящей рядом смоковнице. «Десять тысяч смокв и еще одна смоква», — последовал ответ Мопса, и он оказался прав. После этого Мопс задал вопрос Калхасу, указывая на супоросную свинью: «Сколько поросят в утробе этой свиньи, и когда она принесет приплод?» Калхас ответил, что восемь, но Мопс поправил его: «Поросят будет девять, все они самцы, а родятся завтра в шесть часов утра». Мопс опять оказался прав, и Калхас от стыда скончался.

Агамемнон принес жертву Афине и, в отличие от Менелая, благополучно возвратился с войны в Микены.

Неоптолем послушался совета Фетиды выждать несколько дней, прежде чем выйти в море, и тем самым избежал бури, в которую попали другие греки. Буря была наслана богиней Афиной в отместку за то, что Малый Аякс совершил святотатство в ее святилище, надругавшись в этом священном месте над Кассандрой. Буря разметала корабли греков, но Афина этим не ограничилась и поразила одолженным у Зевса Перуном корабль, на борту которого находился Аякс. Однако ему удалось добраться до берега и ухватиться за выступ скалы, и он бы остался целым и невредимым, если бы во всеуслышание не похвастался, что остался жив вопреки воле богов.

Дерзкое слово царем Посейдоном услышано было;
Сильной рукой он во гневе схватил свой ужасный трезубец.
Им по Гирейской ударил скале, и скала раздвоилась;
Часть устояла: кусками рассыпавшись, в море другая
Рухнула вместе с висевшим на ней святотатным Аяксом;
С нею и он погрузился в широкошумящее море;
Так он погиб, злополучный, упившись соленою влагой.

Уцелевшие в бурю корабли греков пошли к Эвбее, где многие из них разбились о скалы по злему умыслу Навплия.

Людей с таким именем было двое, и их зачастую путают. Один Навплий был сыном Посейдона и Амимоны, он основал город Навплий в Арголидском заливе. О родословной этого Навплия рассказывает Аполлоний Родосский в «Аргонавтике». Повествуя об общем сборе героев на площади в Микенах, он пишет:

...пришел и Даная преславного дальний потомок,
Навплий. Отцом его был Клитоней, сын Невбола, Невбол же
Лерна был сын. А про Лерна мы знаем, что был Навлиаду
Прету он сыном. Когда-то давно родила Посейдону,
С ним сочетавшись в любви, Данаева дочь Амимона
Навплия, что превзошел всех людей в мореплаванье смелом.

Другой Навплий был отцом Паламеда, который вынудил Одиссея, разгадав его хитрость, примкнуть к войску, отправлявшемуся под Трою. Одиссей, не забыв обиды, оклеветал Паламеда, обвинив в вероломстве (что произошло при осаде Трои), и Паламеда побили камнями. Навплий, чтобы отомстить грекам за гибель сына, при возвращении греческих кораблей из-под Трои, зажег ложные огни маяка на Кафрейском мысе, что привело к гибели кораблей.

В трагедии Еврипида «Елена» об этом сообщает хор пленных гречанок:

Их многих сгубил и пловец одинокий;
Там, на Евбее, огни он
Зажег, чтоб о скрытые скалы
Лодки разбило.
Их обмануло светило вдали.

Навплий отомстил грекам и другим способом. Он поочередно посетил жен убийц Паламеда, побуждая их к измене мужьям. В результате его усилий Клитемнестра изменила Агамемнону с Эгисфом, жена Диомеда Эгиалия сошлась с Кометом, а жена Идоменея Меда взяла в любовники Левка.

О возвращении Неоптолема на родину рассказывают по-разному. По одному варианту мифа, он отправился домой сушей, взяв с собой Феникса (который умер в пути) и Гелена. Придя в Эпир, Неоптолем покорил местных жителей молоссов, и стал править этой страной. После него в ней царили его потомки, а среди них, как сказывают, — Олимпия, мать Александра Великого. По другой версии, Неоптолем пошел морем в Фессалию и лишь после этого направил стопы в Эпир, чтобы по совету Гелена обосноваться в том месте, где увидит дом с основанием из железа, деревянными стенами и шерстяной крышей. В Эпире Неоптолем наткнулся на лагерь своих сородичей, ночевавших под растянутыми на остриях копий шерстяными одеялами. Еще по одной версии, Неоптолем воцарился во Фтии, откуда во время осады Трои был изгнан Пелей, его дед. По Гомеру, во Фтии Неоптолем женился на Гермione, дочери Менелая.

О смерти Неоптолема также рассказывают по-разному, а сходятся лишь в одном: он умер насильственной смертью в Дельфах. Одни говорят, что причиной кончины Неоптолема стало соперничество с Орестом за Гермione, с которой Орест был обручен еще до войны под Троей. Согласно трагедии Еврипида «Андромаха», Менелай пообещал Гермione Неоптолему (если тот возьмет Трою), невзирая на то, что она к тому времени уже была замужем за Орестом. Когда Неоптолем вернулся, Ореста преследовали Эринии за убийство матери Клитемнестры, и Неоптолем посчитал, что будет лишь справедливо, если Гермione теперь перейдет к нему. Орест протестовал, но впустую.

В «Андромахе» он изливает свои горести Гермione:

...Коль с этим
Поселена ты мужем, тут отец
Виною твой порочный... Обручил
Он нас с тобою задолго до похода,
Но изменил, чтоб обещать тебя
Ахиллову отродью, если Троию
Разрушит он.

Орест уступил Гермionу Неоптолеу, но решил отомстить, и случай для этого подвернулся, когда Неоптолем пришел в Дельфы. До этого он уже посещал святилище, вызвав негодование дельфийских жрецов своими упреками Аполлону, который под Троей помог Парису сразить Ахилла. Теперь же Неоптолем пришел в Дельфы, чтобы раскаяться в оскорблении, нанесенном Аполлону, и этим воспользовался притаившийся в храме Орест, направивший руку убийцы Неоптолема.

...Тут пал и сын Пелида,
Сраженный в бок железным острием...
Дельфиец был его убийцей, только
Он не один его убил.

По Павсанию, «Пирра, сына Ахилла, Пифия велела убить дельфийцам». Неоптолема (Пирра) убил жертвенным ножом дельфиец Махарей.

А вот по свидетельству Пиндара, Неоптолем

Сам же пришел к богу
С первинами троянских добыч,
Где в схватке над жертвенным мясом встретил его ножом
Человек.

Неоптолема похоронили на огороженной территории, примыкавшей к святилищу Аполлона, и Павсаний, путешествовавший по Греции во II веке, видел его могилу.

Убийство Агамемнона

Предводитель греков Агамемнон, вернувшись с войны в Микены, был убит своей женой Клитемнестрой и Эгисфом, ее любовником. Этой теме посвящена трагедия Эсхила «Агамемнон», первая часть трилогии «Орестея», впервые поставленная в Афинах в 458 году до нашей эры. В трагедии рассказывается о том, как осуществились в судьбе Агамемнона проклятия, призванные Фиестом, сыном Пелопа, на род Атрея. Эсхил вполне мог считать, что эти проклятия (послужившие фоном его трагедии) прекрасно известны публике, ибо о них рассказано в «Одиссее» Гомера. Правда, в этой поэме Клитемнестра лишь соучастница убийства Агамемнона, но Гесиод в «Каталоге женщин» называет ее непосредственной убийцей своего мужа.

Трагедия начинается со сцены, в которой раб Агамемнона увидел темной ночью яркий огонь на вершине далекой горы — условный сигнал, оповещающий о падении Трои и о возвращении домой Агамемнона. Тягостная ночная служба раба, продолжавшаяся в течение года, окончилась.

Перед тем как разбудить Клитемнестру раб восклицает:

Бегу поведать знаменье. Через миг она,

Воспрянув с ложа, радостный подымет клик,
Встречая ликованием вождельный луч,
Заголосит: «Победа! Рухнул вражий кремль!»

Раб удаляется в приподнятом настроении, и все же по его поведению можно понять, что он полон дурных предчувствий.

На сцене появляется хор старейшин, повествующий о бессмысленности Троянской войны:

Охраняет Кронион гостиный устав:
Покачать Александра внушал он царям
И поднять за жену многожизную спор.
Много схваток и сеч, где колена скользит
У воителей в прахе, как вдребезги щит
Разлетелся, в щепы сокрушилось копье, —
А врагов не разнять разъяренных, —
И Данаям судил, и троянцам равно
Промыслитель святых неотменных судеб;
И что ныне вершится, свершиться должно.

Представляется, что Эсхил хорошо понимал все превратности, ужасы и невзгоды войны, и хор далее рассказывает, что Агамемнон принес в жертву богам свою дочь Ифигению, чтобы обеспечить благополучное отплытие ахейского флота под Трою.

На сцене появляется Клитемнестра. Она тоже высказывает свое отношение к Троянской войне, но только с позиции побежденных:

Ахейцы ныне в Трое. Мнится, в ней стоит
Разноголосых кликов неслиянный гам.
Елей и уксус вылиты в один сосуд,
Смеяться ль? Нет! Дружить не станут. Так
Взыванья побежденных и осиливших
Звучат отдельно, — как различна их судьба.
Одни, припав к раскиданным окрест телам
Мужей и братьев, — дети — к старикам прильнув,
Родимым дедам, все — рабы, и стар и млад,
Вопят и воют, и сиротский плач творят.

Напряженность ситуации очевидна: казалось бы, появилась причина для празднества (Агамемнон возвращается с победой домой), но действующие лица трагедии успели создать тревожную обстановку, и публика чувствует, что назревают трагические события.

После слов Клитемнестры предводитель хора с удовлетворением замечает:

Как мудрый муж, высокая жена, ты речь
Отрадную держала.

Во времена Эсхила женщина в семье занимала подчиненное положение: она беспрекословно слушалась мужа, брата, а, бывало, и сына. Поэтому сравнение Клитемнестры с «мудрым мужем» подразумевает, что случилось нечто противное сложившемуся порядку, и этот порядок нарушила Клитемнестра.

Далее хор заунывно рассказывает о горе, которую война принесла «каждому крову», оплакивает погибших:

Каждый кров осиротел,
Покинутый. Плач творят
По родным, по кормильцам семьи.
Мужа за море слали:
Мужа взамен приемлют
Лишь доспехи, да пепла горсть
В погребальном ковчеге.
Меняла ты, сечи бог,
Злой Арей! В бой несешь,
Ростовщик скупой, весы:
Даешь в обмен — персть за кровь,
Золу за жизнь. Мужа взял —
Отдал прах... Не золото —
Прах; но весит с данью слез
Пепел в урне тяжело!
Ее приемля, мертвых славят: этот был
Испытанный воитель; тот
Дрался, как лев...
«Да за жену чужую кровь, —
Ропщет толпа, — мы щедро льем».
Так на владык-зачинщиков
Копит народ обиду.

Установившаяся гнетущая атмосфера скрашивается появлением Вестника. Он оповещает об одержанной победе в войне и о возвращении Агамемнона.

Клитемнестра, казалось бы, радостно, восклицает:

...уготовить я спешу прием
Торжественный супругу и властителю.
Ах, есть ли в доле женской лучезарней день,
Чем тот, когда пред мужем, что с войны пришел
И цел и здоров, ворота распахнет жена?

Но в речи Клитемнестры чувствуется притворство. Клитемнестра уходит, чтобы подготовиться к встрече Агамемнона, и тогда Вестник сообщает прискорбные новости, повествуя о гибели большого числа людей, возвратившихся на родину морем:

В ночи беда нагрянула. Фракийский ветр
Громил и бил с налета о корабль корабль
И, как быков, бодаться нудил. Вихрь, крутясь,
Метал их, буйных, рвал и гнал. И спутников
Мгла поглотила... Злобный пастырь стадо пас:
Когда же встало солнце над пучиной вод
Глядим, все море зацвело Эгейское
Мужей телами, кузовов останками.

Агамемнон избежал горькой участи этих греческих мореходов и вернулся домой со славой, но хор Язвительно повествует, что обретенная в боях слава и захваченная добыча — лишь «суетный блеск», если война велась с аморальными целями:

Дымит очаг, черен дом.
Скуден дом:

Если ты, Правда, в нем, —
Он светел весь.
Когда ж палаты в золоте, а с рук владык
Не смыта скверна крови, —
Ты, взоры отвращая, вон идешь, презрев
Заемных слав
Суетный блеск. Приводишь
Все ты к пределу, Правда!

Наконец на колеснице приезжает Агамемнон, которому приготовлена пышная встреча. У него нет и тени сомнения в справедливости Троянской войны.

Он восклицает:

Аргивские святыни, боги родины,
К вам первым речь! Вы были мне пособники
В пути возвратном и в отмщеньи праведном.
Исполнен приговор ваш...

... взыскано

Сторицею возмездье: за одну жену
Загрыз аргивский зверь и в прах зарыл народ.

В трагедии дается понять, что боги ревниво оберегают свершения, которые персонифицируют великолепие Агамемнона, и в то же время известно, что его руки обогреты кровью собственной дочери Ифигении, принесенной в жертву богам. Клитемнестра выходит его встречать, но сначала обращается к хору и в первую очередь извиняется за отсутствие в столь торжественный час сына Ореста (чье присутствие могло воспрепятствовать трагичной развязке, которая назревает). Затем Клитемнестра приветствует Агамемнона, восхваляя его, как бога, но публика не может не ощутить скрытого зловещего смысла в ее последних словах:

Та, что не спит, с богами все промыслила.

Клитемнестра напоминает рабыням о своем повелении устелить весь путь Агамемнона по дворцу пурпурными тканями:

...Рабыни, вам

Был дан приказ. Коврами царский путь устлать
Что медлите? Раскиньте ж ткань пурпурную!
Тропой багряной Правда поведет его
К нечаянному сретенью, в готовый дом.

Агамемнон чувствует себя неловко, стесненно, и полагает, что утешаться земным поклонением походит на варварство.

Клитемнестра уговаривает его, опровергает сомнения, Агамемнон выходит из колесницы, все еще ощущая неловкость. Он даже боится кары богов, если примет такие почести. Он снимает сандалии и ступает на пурпур, недовольно роняя:

Недобрым оком боги не взглянули бы
На эту расточительность! Стыжуся я
Топтать богатство, блеск волны бесценной мять.

Агамемнон направляется во дворец, за ним идет Клитемнестра, рассказывая, как ждала

его, как страдала в разлуке. Представляется, что между ними мир и согласие, но это впечатление тотчас рассеивается, ибо хор делится своими мрачными предчувствиями и снова нагнетает обстановку.

Возвращается Клитемнестра. Теперь она обращается к пленнице, которую привез с собой Агамемнон. Это дочь Приама, прорицательница Кассандра. Однако она молчит, на вопросы не отвечает и подает голос только тогда, когда Клитемнестра уходит вновь во дворец.

Войдя в транс, Кассандра предрекает убийство Агамемнона:

Оттоль — возмездье... Кто же мститель?.. Лев?.. Да, лев
Без мощи львиной, вор домашний, ложницы
Царевой вор, — умыслил на владыку зло,
Усталого от браней... Я — рабыня; мой
Владыка — он... А козней воровских герой
Не видит... Ноги лижет псица злобная;
Язык коварный лесть плетет; как Ата, сеть
Раскинула пред мужем в темноте жена!

Хор не понимает ее. Прежде чем удалиться, Кассандра предрекает и свою смерть:

Еще скажу я слово, — иль отходную
Себе спою. Молю, мои отмстители,
Я ради солнца этого последнего:
В день оный, день грядущий, день возмездия —
Один удар сразмаху — за меня, рабу!..
Иду — и в мертвых две судьбы оплакивать —
Свою и Агамемнона.

На сцене остается лишь хор старейшин. Неожиданно из дворца слышится пронзительный крик Агамемнона.

Агамемнон:

Секирой насмерть я сражен в моем дому!

Предводитель хора:

Тише! Чье стенанье слышу под ударом топора?

Агамемнон:

О горе мне! Другой удар!.. Уходит жизнь.

Предводитель хора:

Слышали?.. Царубийство свершено! Сомнений нет!

В греческих трагедиях публике не демонстрировались убийства, последствия их до зрителей доводились с помощью *ekkyklema*, театральной машины, фуры, на которой могли выезжать на оркестру внутренние покои дворца.

Во внутренних покоях дворца Агамемнон и Кассандра лежат бездыханными. Клитемнестра ликует, ее не мучают сомнения в своей правоте, она сознательно пошла на

убийство (которое представляет собой сложную связь причины и следствия, злодейства и наказания).

Клитемнестра вещает:

...Вот он лежит,
Супруг мой, Агамемнон, убиенный мной.
Рук женских дело! Я ль не рукодельница?

...Он ведь дочь убил.
О ней не больше царь жалел, чем о любой
Овечке, тонкорунной неоглядных стад.
Дитя мое, любимое из чад, что я
Рождала в муках, он заклал; ее ценой
Утешил бурю.

Старейшины спрашивают Клитемнестру, кто займется похоронами Агамемнона. Она гневно отвечает:

Что печешься, незванный печальник, — о чем?
Не твоя то печаль!
Я убила его — и зарюю его.
Причитаний и воя не нужно в дому.
Ифигении милой прилично, одной, —
Целованием уст
Бездыханных, дочерним приветом, отца
Повстречать и приветить и, нежно обняв,
Унести по волнам Ахерона.

На сцене впервые появляется любовник Клитемнестры Эгисф, которого автор изобразил трусливым, бесхарактерным человеком. Он хвастается тем, что с Агамемноном покончено, и объясняет это убийство мстью за зло, причиненное Фиесту, его отцу, отцом Агамемнона Атреем. Затем он рассуждает о том, как будет управлять государством, и из его слов можно понять, что он намерен тиранствовать. Ему возражают.

Предводитель хора:

Какой же ты над Аргосом тиран, когда
Коварен в ковах, а в открытом деле трус?
Кого убить замыслил, ведь не сам убил?

Эгисф:

Нужны тут были лесть и хитрость женские;
Я ж, враг природный, был на подозрении.
А, впрочем, ныне царский дом и скипетр — мои.
Возница — я; и тяжело мой хомут гнетет.
Беситься ль станет конь, овсом раскормленный, —
Пустые ясли, цепь, конюшня темная
Дурь, как рукою снимут: станет шелковый.

Старейшины возмущаются речью Эгисфа, готовы забить его посохами, но его спасает вмешательство Клитемнестры. Она успокаивает старейшин:

...о старцы, расходитесь по домам, —
Прежде чем беда случилась. А былому — так и быть.
Пусть страды, досель подъятой, всем довольно будет впредь!
Ах! Раздвоенным копытом тяжко демон нас ушиб!
Вам совет мой женский, мужи! Научитесь от жены!

Старейшинам нелегко смириться со свершившимся злодеянием, но они все же расходятся, выразив надежду, что Орест, сын Агамемнона, отомстит за отца. На этом первая часть трилогии «Орестея» заканчивается.

Действие второй части этой трилогии «Хоэфоры» (что значит «творящие возлияния на могиле в честь умершего») происходит в то время, в которое Орест вырос и возмужал.

В Древней Греции бытовало понятие «помогай друзьям и карай врагов», основной нравственный принцип, и месть вполне ладилась с этой нормой. Конечно, мститель затем сам становился объектом мести, и Эсхил мастерски использует этот порочный круг.

В «Хоэфорах» мстителем выступает Орест. Сначала он посещает Дельфы и спрашивает, стоит ли ему уничтожить убийц отца. Аполлон повелевает исполнить свой долг. Тогда Орест отправляется в Микены вместе с другом Пиладом, сыном Строфия. Прибыв тайно в Микены, Орест встречается со своей сестрой Электрой, затем под видом чужеземца проникает во дворец и убивает Эгисфа и свою мать Клитемнестру.

Этой же теме посвящены трагедии Софокла и Еврипида, имеющие одинаковое название «Электра». По Софоклу, Орест убивает Эгисфа и Клитемнестру под нажимом Электры. У Еврипида Орест — нерешительный человек, и Электра собственноручно помогает ему убить Клитемнестру.

В мифическом мире гражданского долга и справедливости, насилия и отмщения Орест должен был понести наказание, и вскоре после убийства Эгисфа и Клитемнестры его стали преследовать Эринии (Эвмениды), богини мщения, наславшие на Ореста безумие.

Последняя часть трилогии «Орестея» называется «Эвмениды». Эта трагедия начинается сценой прихода Ореста в Дельфы, где Аполлон очищает его от убийства. После этого Аполлон повелевает Оресту идти в Афины и там молить защиты у древнего изображения Афины Паллады. Однако Эринии преследуют его и в Афинах, где Орест предстает перед судом старейшин — ареопагом. По одной из версий, Орест был привлечен к суду Менелаем и (или) Эригоной, дочерью Эгисфа и Клитемнестры. В «Эвменидах» обвинительницами Ореста выступили Эринии, а защищал Аполлон. Когда голоса судей были подсчитаны, оказалось равное число оправдательных и обвинительных голосов, но Орест был оправдан благодаря решающему (при равенстве голосов) оправдательному голосу Афины. Эринии пришли в ужас — суд лишил их исконных прав карать преступников страшными муками, но Афина смягчила гнев: убедила Эриний навсегда остаться в Афинах в священной пещере, где все афиняне станут им воздавать великие почести. Таким образом, отмщение за убийство перестало быть нормой, и уголовные дела стали рассматриваться в суде.

С проклятием дома Атрея было покончено способом, который иллюстрирует связь между мифами и установившимся в годы жизни Эсхила новым мышлением. В его времена на смену тирании пришла демократия, и Эсхил защищал новый строй в битвах при Марафоне и Саламине. Наверное, не случайно, что голосование и свобода суждений, основные достижения демократии, покончили с проклятием дома Атрея. Новый политический порядок, в котором судьями стали афинские граждане (а не боги и не герои) полнее подходил для афинской демократии V века до новой эры.

После суда Орест вновь обрел ясность ума, но по другой версии мифа, отличной от той, что изложена в «Эвменидах», Аполлон повелел Оресту (чтобы тому вновь обрести здравомыслие) ехать в Тавриду и привезти оттуда деревянную статую Артемиды. По Геродоту, тавры приносили чужеземцев в жертву девственной богине или убивали ударом дубинки, отрубленную голову сажали на кол, а тело или погребали или бросали со скалы в

море, или швыряли в священный огонь, пробивавшийся наверх из Аида.

Согласно трагедии Еврипида, «Ифигения в Тавриде», Орест приезжает в эту страну вместе с Пиладом. Однако они попадают в плен, и царь Тавриды Фоант повелевает принести обоих в жертву Артемиде. К счастью пленников, Ореста узнает его сестра Ифигения, ставшая жрицей храма богини (после того как в Авлиде, когда ее саму собирались принести в жертву богам, она была похищена с алтаря Артемидой, заменившей девушку ланью). Ифигения спасает Ореста и его друга Пилада, и они все вместе, захватив с собой деревянную статую Артемиды, бегут на корабле в Грецию.

Вернувшись в Микены, Орест взшел на престол, а после смерти Менелая стал царствовать и в Лакедемонне. Электра вышла замуж за Пилада, а Орест женился на Гермионе. Он умер от укуса змеи и был похоронен в Тегее.

Английский поэт и художник Дэвид Джонс (1895–1974) написал примечательную картину «Афродита в Авлиде» (1940–1941), сюжет которой почерпнул из одноименного романа ирландского писателя Джорджа Мура. В этом романе повествуется о любви скульптора Реса и «прекраснозодой» женщины по имени Эрина. Создавая статую Афродиты, Рес лепил ее ягодицы с натуры.

Картина работы Джонса сначала задумывалась как изображение Ифигении, но замысел этот претерпел изменения,

чтобы собрать в одном образе все культовые женские образы и, соединив их, создать универсальный образ богини, которая одновременно и мать, и дева дев, и все ее первообразы.

На картине Афродита стоит на колонне, в которой сознательно смешаны дорийский и ионический ордера, а по обеим сторонам колонны стоят солдаты: слева — английский, справа — немецкий. Композиция ассоциируется со сценой распятия и подразумевается, что изображенная на картине богиня принадлежит любому месту и времени.

Миф и трагедия

Основу трагедий V века до новой эры составляли мифологические мотивы. Опираясь на эту тематику и придавая мифам «подходящую» направленность, драматурги создавали произведения, отражавшие актуальные интересы, рассматривали в этих произведениях отношение к жизненным ценностям, вопросы морали и справедливости и, в частности, отношение к наказанию за злодеяние. Вопросы правосудия в те времена (при установлении демократии в Аттике) приобрели особую злободневность. Они широко обсуждались всем населением — от философов до «людей горы» (свободных граждан, участвовавших в народных собраниях).

Если у Гомера Нестор безоговорочно оправдывает Ореста, убившего Клитемнестру, чтобы отомстить за отца, то у Эсхила виновность Ореста определяется правосудием. Разумеется, не все мифы рассматривали вопросы морали и жизненных ценностей, но в трагедиях, опирающихся на мифы о Троянской войне, Аргосского и Фиванского циклов этим вопросам уделено преимущественное внимание. Тематика этих мифов — семейные столкновения, перипетии войны, выигрышный материал для драматических сочинений.

В греческих мифах герои нередко совершают поступки, противоречащие жизненным ценностям: Агамемнон жертвует дочерью, Клитемнестра убивает мужа, Орест убивает мать, Эдип проливает кровь отца и женится на собственной матери, Федра возгорается любовью к пасынку, а когда он отвергает ее, кончает жизнь самоубийством. Конечно, такие сюжеты весьма подходили для драматических сочинений, но все же драматурги в трагедиях старались выделить, заострить основные ценности общества, живописуя ужасные последствия пренебрежения ими. Стоит также отметить, что трагические события в этих

произведениях свершаются не по причине закоренелой озлобленности и безжалостности героев; их поступки непросто предугадать, что придает трагедиям дополнительную интригу и подогревает интерес зрителей.

Эсхил, в отличие от Гомера, жил в условиях зародившейся в греческих полисах демократии, являвшейся достаточной движущей силой политической и культурной жизни городов-государств, и поэтому, создавая трагедии на сюжеты греческих мифов, он оценивал эти мифы с точки зрения современной ему действительности и, изменив, поставил на службу нормам и потребностям полисов.

В «Орестее» Эсхил интерпретирует миф об Оресте и Эвменидах как столкновение между прежним порядком, в котором главенствовали эпические герои, с порядком, установившимся в демократических полисах. Такая интерпретация лишней раз свидетельствует о том, что мифам можно придать новое назначение, созвучное новым социальным потребностям, и Эсхил, как никто другой, великолепно справлялся с этой задачей.

Глава семнадцатая Одиссея и ее последствия

Главные действующие лица

- Одиссей** — Сын Лаэрта, возвращается домой из-под Трои.
- Пенелопа** — Верная жена Одиссея.
- Афина** — Богиня, покровительница Одиссея.
- Посейдон** — Бог, противник Одиссея.
- Навсикая** — Дочь царя Алкиноя, приютившая Одиссея на острове Схерия.
- Полифем** — Киклоп.
- Кирка** — Волшебница, державшая у себя Одиссея в течение года.
- Калипсо** — Нимфа, державшая у себя Одиссея в течение семи лет.
- Эвмей** — Свинопас, верный Одиссею.
- Эвриклея** — Няня Одиссея.

Как и «Илиада», «Одиссея» состоит из двадцати четырех песней, но эта поэма короче — содержит 12 110 строк. Аристотель писал:

Содержание «Одиссеи» можно рассказать в немногих словах. Один человек странствует много лет. Его преследует Посейдон; он одинок. Кроме того, его домашние дела находятся в таком положении, что женихи [жены] расточают его имущество и составляют заговор против его сына. После бурных скитаний он возвращается, открывается некоторым лицам, нападает [на женихов}, сам спасается, а врагов перебивает. Вот собственно содержание поэмы, а остальное — эпизоды.

Отправившись на войну под Трою, Одиссей вернулся домой на Итаку лишь через двадцать лет, что и предсказал Алиферс, «многоопытный старец»:

...Во многих
Бедствиях... спутников всех потерявши,
Всем незнакомый, в исходе двадцатого года в отчизну
Он возвратится.

Из двадцати лет, которые Одиссей провел на чужбине, десять лет он находился под

Троей, семь лет прожил у нимфы Калипсо, а остальные три года провел в странствиях, полных удивительных приключений, о которых он рассказывает феакам в песнях с девятой по двенадцатую поэмы.

За три с небольшим года до возвращения Одиссея домой его жену Пенелопу стали осаждать многочисленные женихи, знатные молодые люди с островов, находившихся под владычеством Одиссея, вынуждая выбрать себе нового мужа, но Пенелопа отклоняла все предложения, хотя и не могла отвязаться от женихов.

Один из них сетует:

Три совершилося года, уже наступил и четвертый
С тех пор, как, нами играя, она подает нам надежду.

Гомер не перечисляет всех женихов поименно, а называет лишь их количество. Их было сто восемь: пятьдесят два с Дулихия, двадцать четыре с Зама, двадцать с Закинфа и двенадцать с Итаки. По Аполлодору, женихов было сто тридцать шесть (соответственно — 57, 23, 44 и 12); девяносто четырех он называет по именам (пятьдесят три с Дулихия и сорок один с Закинфа).

Женихи считали Пенелопу завидной невестой: она славилась не только богатством, но и разумностью, красотой, изысканными манерами. Когда они первый раз попросили Пенелопу сделать выбор, она ответила, что Одиссей без сомнения жив, ибо его возвращение на Итаку предсказал надежный оракул. Затем она отложила решение, сославшись на то, что прежде должна соткать погребальный саван на случай смерти своего свекра Лаэрта. Так она обманывала женихов на протяжении трех лет, поскольку

...День целый она за тканьем проводила, а ночью,
Факел зажегши, сама все натканное днем распускала.

Так продолжалось до тех пор, пока женихи не разгадали ее хитрость. Все это время они, расположившись во дворце Одиссея, жили за его счет, проводя время за пиршественными столами.

Повествований о странствиях Одиссея в поэме меньше, чем обещает ее название. Герой поэмы появляется только в пятой песне. В первых четырех песнях главное внимание уделяется Телемаху, сыну Одиссея. О странствиях Одиссея рассказывается лишь в восьми песнях (с пятой по двенадцатую), причем лишь в четырех из них (с девятой по двенадцатую) Одиссей сам рассказывает о своих приключениях, предавшись воспоминаниям. В песнях с тринадцатой по двадцать четвертую действие развивается на Итаке.

«Одиссея» начинается с обычного для эпических сочинений обращения к Музе:

Муза, скажи мне о том многоопытном муже, который,
Странствуя долго со дня, как святой Илион им разрушен,
Многих людей города посетил и обычаи видел,
Много и сердцем скорбел на морях, о спасенье заботясь
Жизни своей и возврате в отчизну сопутников; тщетны
Были, однако, заботы, не спас он сопутников: сами
Гибель они на себя навлекли святотатством, безумцы,
Съевши быков Гелиоса, над нами ходящего бога, —
День возврата у них он похитил. Скажи же об этом
Что-нибудь нам, о Зевесова дочь, благосклонная Муза.

Уместно отметить, что Одиссей не искатель приключений и не бродяга, каким его описал в одном из своих сочинений Альфред Теннисон. Путешествуя по свету, Одиссей руководствуется лишь одной целью: вернуться домой. Правда, по независящим от него

обстоятельствам, ему нередко приходится прерывать путешествие, но о доме он все же не забывает.

А вот люди, с которыми Одиссей возвращается из-под Трои, в массе своей безлики. В начале поэмы Гомер их называет «сопутниками» «многоопытного мужа», и хотя Одиссей с ними время от времени пререкается, он остается их предводителем, прилагающим усилия для того, чтобы домой возвратились все. Одиссей, правда, не преуспел в этом намерении — его «сопутники» погибли в пути, но случилось это по их собственной безрассудности.

Как уже отмечалось, Гомер далеко не сразу повествует о путешествии Одиссея. Сначала он рассказывает о совете богов, на котором Зевс решил по просьбе Афины вернуть Одиссея на родину, невзирая на то, что бог Посейдон (единственный из богов, кто не присутствовал на совете) всюду на море преследовал Одиссея, затаив на него злобу за то, что герой ослепил его сына киклопа Полифема.

Затем Гомер рассказывает, что после того, как боги решили вернуть Одиссея на родину, Афина, переодевшись мужчиной, отправилась на Итаку, где встретила с Телемахом, и увидела, как бесчинствуют женихи, проводя время за пиршественными столами и расхищая имущество Одиссея. Телемах, которому к тому времени исполнилось двадцать лет, формально был хозяином дома, но противиться женихам не мог: незваных гостей было слишком много. Телемаху (помимо слуг) подчинялась лишь мать, которую он наставляет:

...занимайся, как должно, порядком хозяйства,
Пряжей, тканьем; наблюдай, чтоб рабыни прилежны в работе
Были своей: говорить же не женское дело, а дело
Мужа, и ныне мое: у себя я один повелитель.

На правах хозяина дома Телемах оказывает гостеприимство Афине, принимая ее за странника:

Радуйся, странник; войди к нам, радушно тебя угостим мы;
Нужду ж свою нам объявишь, насытившись нашею пищей.

Женихи же чувствовали себя в чужом доме хозяевами.

По совету Афины, Телемах созвал народное собрание, но и оно не смогло обуздать развязных, беззастенчивых женихов, которые в своем ослеплении сами готовили себе гибель. Снова вняв совету богини, Телемах, чтобы узнать о судьбе отца, отправился на остров Пилос к благочестивому старцу Нестору, соратнику Одиссея по Троянской войне. Но Нестор рассказал Телемаху лишь о несчастьях, которые пришлось пережить грекам на пути из Трои домой. О судьбе Одиссея старцу было неизвестно.

Тогда Телемах отправился к другому соратнику Одиссея по Троянской войне, царю Спарты Менелаю. Царь рассказал Телемаху о подвигах Одиссея, о превратностях Троянской войны и наконец сообщил о том, что морской бог Протей открыл ему судьбу героев, возвращавшихся из-под Трои. Протей, рассказывая Менелаю о судьбе Одиссея, поведал:

Видел его я на острове, льющего слезы обильно
В светлом жилище Калипсо, богини богинь.

Тем временем женихи узнали о том, что Телемах покинул Итаку, и решили ждать его возвращения в море, чтобы неожиданно напасть и убить.

В пятой песне поэмы наконец начинается повествование о путешествии Одиссея.

Зевс повелевает Гермесу лететь на остров Огигия к нимфе Калипсо, дочери Атланта (чье имя происходит от греческого *kalypto* и означает «та, что скрывает»), и повелеть ей

отпустить Одиссея, который к тому времени провел у Калипсо семь лет. Нимфа все же попыталась удержать Одиссея, посулив герою бессмертие, если он останется с ней.

Но Одиссей отказался:

...желаю

Дом свой увидеть и сладостный день возвращения встретить.

Соорудив плот и поставив парус, Одиссей вышел в море, но Посейдон обрушил на его плот страшную бурю, и Одиссей наверняка бы погиб, если ему не помогла (под видом нырка) Левкофея (что звалась раньше Ино), а затем и Афина. С их помощью Одиссей достиг вплавь острова Схерия, а когда он вышел на берег

...под ним подкосились колена; повисли
Руки могучие: в море его изнурилося сердце;
Вспухло все тело его; извергая и ртом и ноздрями
Воду морскую, он пал, наконец, бездыханный, безгласный,
Память утратив, на землю; бесчувствие им овладело.

Обнаженного Одиссея, вступившего после пережитых кошмаров на берег, обнаруживает прекрасная Навсикая, дочь царя феаков Алкиноя и Ареты, пришедшая на берег вместе с подругами. Одиссей, прикрыв наготу свежими ветками, просит Навсикаю помочь. Она с готовностью соглашается и приглашает его во дворец. Феаки — гостеприимный народ, сказочно счастливый и беззаботный, живущий вдали от цивилизованных мест. Но прежде чем отправиться во дворец, Одиссей купается «в потоке в защитном от ветра месте».

Глядя на него, Навсикая говорит «густоволосым подругам»:

Прежде и мне человеком простым он казался; теперь же
Вижу, что свой он богам, беспредельного неба владыкам.
О, когда бы подобный супруг мне нашелся, который,
Здесь поселившись, у нас навсегда захотел бы остаться!

Навсикая вместе с родителями живет в роскошном дворце, окруженном вечнозеленым садом. Она влюбляется в Одиссея, а когда в конце концов с ним расстается, с горечью говорит:

«Радуйся, странник, но, в милую землю отцов возвратяся,
Помни меня; ты спасением встрече со мною обязан».
Юной царевне отвечал так Одиссей многоумный:
«О Навсикая, прекрасноцветущая дочь Алкиноя,
Если мне Геры супруг, громоносный Кронион, дозволит
В доме отеческом сладостный день возвращенья увидеть,
Буду там помнить тебя и тебе ежедневно, как богу,
Сердцем молиться: спасением встрече с тобой я обязан.»

Во время своего пребывания у гостеприимных феаков Одиссей сохраняет инкогнито, хотя Арета и спрашивает его: «Кто ты? Откуда?» Но все же Одиссей не может удержаться от участия в устроенных Алкиноем играх, тем более, что атлет Евриал, глядя на Одиссея, в его способностях сомневается: «С атлетом ты вовсе не сходишь». Одиссей опровергает это суждение и с большим преимуществом выигрывает состязание в метании диска.

Выдать себя Одиссея побуждают сказания, исполненные певцом Демодокком. Певец рассказывает о подвигах Одиссея, споре с Ахиллом, о троянском коне. Нахлынувшие

воспоминания вызывают у Одиссея горькие слезы, по просьбе Алкиноя он называет себя и рассказывает обо всем, что ему пришлось пережить за минувшие годы.

Отплыв из Трои, Одиссей пристал к берегу во Фракии у Исмара и овладел этим городом, населенном киконами. Из всех жителей города Одиссей пощадил лишь семью Марона, жреца Аполлона, который в благодарность преподнес двенадцать кувшинов со сладким вином. Но киконы, жившие за пределами города, неожиданно напали на греков и заставили их спешно вернуться на корабли. С каждого корабля Одиссей потерял по шесть человек.

Затем Одиссей оказался у берегов Северной Африки и там пристал к острову лотофагов. Высадившись на берег, Одиссей послал нескольких человек разузнать, что за народ населяет остров. Лотофаги встретили незнакомцев приветливо и накормили их сладким лотосом. Но лишь только те отведали угощение, как обо всем позабыли и захотели навсегда остаться на острове. Одиссею пришлось возвращать их на корабль силой.

Отправившись дальше, Одиссей бросил якорь у незнакомого острова, где пришлось противостоять Полифему, страшному и кровожадному великану.

Гомер в своем сочинении награждает Одиссея эпитетами *metis* («хитроумный») и *polymetis* («многоумный»), а также называет находчивым, ловким и изворотливым. Когда Одиссей сталкивается с несправедливостью и жестокостью, то благодаря хитрости, практическому уму и дальновидной способности ориентироваться в сложных обстоятельствах, он одолевает своих противников. Сумел Одиссей одолеть и кровожадного Полифема. Вот как это было.

Оставив корабль, Одиссей с двенадцатью спутниками отправился исследовать остров, оказавшийся землей

...сильных, свирепых, не знающих правды циклопов.
Там беззаботно они, под защитой бессмертных имея
Все, ни руками не сеют, ни плугом не пахут; земля там
Тучная щедро сама без паханья и сева дает им
Рожь, и пшено, и ячмень, и роскошных кистей винограда
Полные лозы, и сам их Кронион дождем оплодждает.
Нет между нами ни сходбищ народных, ни общих советов;
В темных пещерах они иль на горных вершинах высоких
Вольно живут; над женой и детьми безотчетно там каждый
Властвует, зная себя одного, о других не заботясь.

Вскоре Одиссей и его спутники увидели пещеру, заросшую лавровыми деревьями и обнесенную стеной из громадных камней. Войдя в пещеру, греки быстро освоились и стали жарить козлят, обнаруженных в загоне в глубине пещеры, не подозревая о том, что оказались в жилище киклопа Полифема сына Посейдона, великана, обладавшего чудовищной силой и имевшего лишь один глаз. Полифем пришел ближе к вечеру. Он загнал в пещеру коз и овец, пригнанных с пастбища, а выход завалил чудовищным камнем. Увидев киклопа, Одиссей и его спутники забились в самый темный угол пещеры. Полифем развел огонь, чтобы приготовить себе еду, и только тогда увидал Одиссея и его спутников.

Увидев незваных гостей, он грубо спросил:

Странники, кто вы? Откуда пришли водяною дорогой?
Дело ль какое у вас? Иль без дела скитаетесь всюду,
Взад и вперед по морям, как добычники вольные, мчась,
Жизнью играя своей и беды приключая народам?

Одиссей ответил, что он и его спутники — греки, чьи корабли занесло к острову бурей, и попросил принять их радушно, упомянув, что карает Зевс всякого, кто обижает странников

или оказывает им гостеприимство.

Полифем свирепо ответил, что до Зевса ему нет никакого дела, после чего

...быстро

Прянул, как бешеный зверь, и, огромные вытянув руки,
Разом... двоих, как щенят, подхватил и ударил
Оземь; их череп разбился; обрызгало мозгом пещеру.
Он же, обоих раскеша на части, из них свой ужасный
Ужин состряпал и жадно, как лев, разъяряемый гладом,
Съел их, ни кости, ни мяса куска, ни утроб не оставив.

Утром киклоп съел еще двух спутников Одиссея, после чего погнал стадо на пастбище, завалив вход в пещеру тем же огромным камнем, схожим с куском скалы. Отвалить от пещеры камень, чтобы бежать, было невысказано, и Одиссей решил действовать по-другому. Он сделал из ствола дикой маслины кол и припрятал его, чтобы достать в удобный момент и с его помощью одолеть Полифема. Вечером киклоп съел еще двух человек. Тогда Одиссей подошел к нему и предложил чашу вина, подаренного Мароном в киконском Исмаре. Выпив вина, Полифем потребовал еще чашу и, придя в благостное расположение духа, спросил у Одиссея его имя. Одиссей ответил: «Никто», и тогда киклоп со смехом пообещал, что съест его в последнюю очередь.

Выпив еще чашу вина,

...повалился он навзничь, совсем опьянелый; и набок
Свисла могучая шея, и всепобеждающей силой
Сон овладел им; вино и куски человеческого мяса
Выбросил он из разинутой пасти, не в меру напившись.

Выражение «всепобеждающей силой» в греческом языке передается словом *pandamator*. Это слово Гомер ранее использовал в «Илиаде», когда рассказывал, что Ахилл после долгих мучений, одолевших его после гибели любимца Патрокла, заснул «всепобеждающей силой сном». Такой сон обычно приносит успокоение, но Полифему сон принес не успокоение, а беду. Одиссей рассказывает:

Кол свой достав, мы его острием на огонь положили;
Тотчас зардел он; тогда я, товарищей выбранных кликнув,
Их ободрил, чтоб со мною решительны были в опасном
Деле. Уже начинал положенной на уголья кол наш
Пламя давать, разгоревшись, хотя и сырой был; поспешно
Вынул его из огня я; товарищи смело с обоих
Стали боков — божество в них, конечно, вложило
отважность;
Кол обхватили они и его острием раскаленным
Втиснули спящему в глаз; и, с конца приподнявши, его я
Начал вертеть, как вертит буравом корабельный строитель,
Толстую доску пронзая; другие ж ему помогают, ремнями
Острый бурав обращая, и, в доску вгрызаясь, визжит он.
Так мы, его с двух боков обхвативши руками, проворно
Кол свой вертели в пронзенном глазу: облился он горячей
Кровью: истлели ресницы; шершавые вспыхнули брови;
Яблоко лопнуло; выбрызгнул глаз, на огне зашипевши.

Дико завыл людоед — застонала от воя пещера.

В страхе мы кинулись прочь; с несказанной свирепостью
вырвав

Кол из пронзенного глаза, облитый кипучею кровью,
Сильной рукой от себя он его отшвырнул; в исступленьи
Начал он криком циклопов сзывать.

Несомненно, Одиссей проявил мужество и находчивость в столкновении с намного превосходившим его силой противником, но современному читателю расправа с киклопом может показаться ужасной.

На крик Полифема сбежались соседи, другие киклопы. Они стали спрашивать: что случилось? Полифем им ответил, что его губит Никто. Решив, что Полифем напрасно поднял тревогу, киклопы поворчали и разошлись.

Утром Полифем стал выпускать скот из пещеры, ощупывая спину каждой овцы и каждой козы. Казалось, выбраться из пещеры немислимо, но Одиссей нашел выход из положения. Он связал три барана, своих товарищей подвязал им под брюхо, а сам, вцепившись руками в густую шерсть самого большого барана, повис под ним. На безопасном расстоянии от пещеры Одиссей освободил от пут своих спутников, загнал на корабль стадо киклопа и отчалил. Когда гребцы навалились на весла, Одиссей не удержался и решил в насмешку попрощаться с киклопом, поднявшимся на прибрежный утес. Вместо ответа Полифем швырнул в море огромную скалу, едва не угодившую в нос корабля.

Тогда Одиссей крикнул киклопу:

Если, циклоп, у тебя из людей земнородных кто спросит.
Как истреблен твой единственный глаз, ты на это ответствуй:
«Царь Одиссей, городов разрушитель, героя Лаërта
Сын, знаменитый властитель Итаки, мне выколол глаз мой».

Полифему ранее предсказали, что «рука Одиссея зреньи его уничтожит», и все же киклоп удивленно проговорил:

Я все же думал, что явится муж благовидный, высокий
Ростом, божественной силою мышц обладающий смертный...
Что же? Меня малорослый урод, человечешко хилый
Зренья лишил, наперед вероломно вином опьянивши.

После этого Полифем обратился с мольбой к своему отцу Посейдону покарать Одиссея и сделать его возвращение домой невозможным, при этом оговорив, что если Одиссею все же удастся возвратиться домой, то тогда сделать так,

...чтоб во многих напастях, утратив спутников, поздно
Прибыл туда на чужом корабле он и встретил там горе.

После этих слов Полифем швырнул в море скалу еще больших размеров, едва не угодившую в корму корабля, зато поднятая ею волна отнесла судно на безопасное расстояние от негостеприимного острова.

Вскоре Одиссей пришел на Эолу, остров, которым правил Эол, по воле Зевса, Хранитель ветров, которых «мог возбуждать или обуздывать, как приходило желанье». Гостеприимный Эол, прощаясь с Одиссеем, подарил мех с заключенными в нем ветрами, в котором не было лишь западного ветра Зефира, чтобы он нес корабли Одиссея на родину. Однако когда Одиссей уже мог различить огни костров на Итаке, его вдруг одолела усталость, и он уснул. Спутники Одиссея, воспользовавшись удобным моментом и полагая, что в мехе лежат немалые ценности, полученные в дар от Эола, развязали завязки.

Вырвавшись на свободу, ветры прибили флот Одиссея опять к острову Эола, который на этот раз отказал Одиссею в помощи, сказав, что более не намерен помогать человеку, которого ненавидят и преследуют боги.

Отправившись дальше, корабли греческих мореходов пристали к неизвестному острову, и Одиссей послал нескольких человек разузнать, что за люди живут на острове. Они встретили дочь Антифата, как выяснилось, царя лестригонов, и девушка отвела их в царский дворец. Лестригоны оказались великанами-людоедами и, увидав пришельцев, Антифат схватил одного из них и убил. Остальные бросились в бегство. Лестригоны пустились в погоню, а, выбежав на берег стали разбивать корабли огромными камнями, а людей с них убивать, прежде чем отнести на съедение в город. С трудом спасся лишь Одиссей, и из двенадцати кораблей у него остался только один.

Уцелевший корабль пришел к острову Эя, где жила волшебница Кирка, дочь Гелиоса. Подойдя к земле, мореходы увидели вдали дымок, поднимающийся в глубине острова над деревьями. Тогда они бросили жребий, кому идти обследовать остров, в результате чего Эврилох, друг Одиссея, возглавил разведывательный отряд из двенадцати отобранных жребием человек. Вскоре отряд подошел к дворцу Кирки, около него бродили волки и львы, похожие своим поведением на домашних собак. Кирка, хозяйка дома, приветливо встретила мореходов и предложила откусать. Все с радостью согласилось, за исключением Еврилоха, который заподозрил неладное и во дворец не пошел. Кирка угостила гостей вином, подсыпав в него волшебное зелье. Когда они стали есть, Кирка, коснувшись каждого жезлом, превратила их всех в свиней. Еврилох стремглав побежал обратно и рассказал о случившемся Одиссею, который выхватил меч и отправился выручать своих спутников. На пути к дворцу волшебницы Одиссей, к своему удивлению, столкнулся с богом Гермесом, который вооружил его белоснежным цветком с черным корнем под названием «моли», отражающим действие всякого волшебства. С помощью моли Одиссей взял верх над волшебницей, и она освободила всех его спутников от навешанных ею чар, вернув им человеческий облик. Одиссей прожил у Кирки год, когда его вновь одолела тоска по дому.

По совету Кирки Одиссей отправился в «Аидову мгlistую область», чтобы от тени умершего прорицателя Тиресия узнать об опасностях, ожидающих его по пути на родину и в собственном доме. Подгоняемый попутным ветром корабль Одиссея пошел на север и в конце концов пристал к берегу страны киммерийцев, живущих в вечном марке, ибо к ним никогда не заглядывало солнце. Там Одиссей выкопал глубокую яму и принес жертву подземным богам. К яме слетелись души умерших. Первой явилась душа Эльпенора, спутника Одиссея, который, напившись пьяным, уснул на крыше жилища Кирки, а, проснувшись и не сообразив, где находится, шагнул вниз и разбился насмерть. Затем явилась душа Тиресия. Провидец предсказал Одиссею, что его ждут несчастья, по сути своей те же самые, что пытался накликасть Полифем. Прилетела к яме и душа Антиклеи, матери Одиссея, умершей после того как он ушел на войну. Одиссей хотел обнять горячо любимую мать, трижды простирал к ней руки, но всякий раз «легкая тень от него ускользала».

На этом Одиссей прервал свой рассказ, сославшись на то, что всем пора идти на покой, но на следующий день, по просьбе Алкиноя и Ареты, продолжил повествование.

По словам Одиссея, в царстве Аида он встретился также с тенью Агамемнона, который поведал ему об обстоятельствах своей смерти:

Тайно Эгист приготовил мне смерть и плачевную участь;
С гнусной женою моею заодно, у себя на веселом
Пире убил он меня.

Одиссей поговорил и с Ахиллом, порадовав того рассказом о подвигах Неоптолема и рассказав о судьбе Пелея. С Одиссеем отказался разговаривать только Большой Аякс, который так и не простил его после ссоры из-за доспехов Ахилла. Одиссей видел также в Аиде Миноса, судью умерших, охотника Ориона, Тития, чью печень терзали два коршуна,

Тантала, тщетно пытавшегося утолить голод и жажду, Сисифа, катившего в гору тяжелый камень. Поговорил Одиссей и с духом Геракла. Однако затем души подняли такой оглушительный крик, что Одиссей в страхе помчался к своему кораблю.

Покинув страну киммерийцев, Одиссей со спутниками вернулся на остров Эя, и там волшебница Кирка рассказала, какие опасности ожидают моряков в дальнейшем, и научила, как их избежать. Так, она поведала Одиссею, что ему придется идти мимо острова сладкоголосых сирен, которые завлекают своим чарующим пением мореходов, а затем предают их ужасной смерти.

Гомер не описывает сирен и не называет их поименно, но по используемой им форме множественного числа греческого слова «сирена» можно понять, что сирен было две.

Подойдя к острову сирен, Одиссей, по совету Кирки, предписал всем спутникам залепить уши воском, а сам решил не упускать редкую возможность услышать сладкоголосое пение и потому повелел накрепко привязать себя к мачте и ни в коем случае не отвязывать, даже если он об этом попросит. Пришло время, и он услышал чарующие волшебные голоса. Они завораживали, манили, притягивали, обещая, казалось, даровать покой и усладу. Очарованный этим пением, Одиссей приказал товарищам, чтобы они его отвязали, но Перимед и Еврилох еще крепче прикрутили его к мачте. Вскоре остров сирен скрылся из вида.

Впереди Одиссея ожидало новое испытание: кораблю следовало пройти между плавающими в море и сталкивающимися скалами, а также через узкий пролив между Скиллой Харибдой, двумя чудовищами.

Скилла была ужасной:

...Двенадцать

Двигется спереди лап у нее; на плечах же косматых
Шесть подымается длинных, изгибистых шей; и на каждой
Шее торчит голова, а на челюстях в три ряда зубы,
Частые, острые, полные черною смертью, сверкают;
Вдвинувшись задом в пещеру и выдвинув грудь из пещеры,
Всеми глядит головами из лога ужасная Скилла.

Не менее свирепа была и Харибда:

...пожирала

Жадно Харибда соленую влагу: когда извергались
Воды из чрева ее, как в котле, на огне раскаленном,
С свистом кипели они, клокоча и буровясь; и пена
Вихрем взлетала на обе вершины утесов; когда же
Волны соленого моря обратно глотала Харибда,
Внутренность вся открывалась ее: перед зевом ужасно
Волны сшибались, а в недрах утробы открытым кипели
Тина и черный песок.

Идя проходом между чудовищами, Одиссей, по совету Кирки, чтобы понести меньше потерь, направил корабль чуть ближе к Скилле, и та своими шестью огромными пастями с тремя рядами острых зубов схватила шестерых мореходов — по одному на каждую глотку — и у входа в свою пещеру их сожрала.

Оставшихся в живых членов команды, Одиссей потерял близ острова Тринакрия, на котором паслись быки и овцы титана Гипериона/Гелиоса. Высадившись на остров, Одиссей заставил спутников поклясться, что они не похитят ни быка, ни овцу, а будут довольствоваться той пищей, что добудут охотой и рыбной ловлей. Изо дня в день дул неблагоприятный ветер, и уйти с острова не представлялось возможным. Так прошел месяц,

и спутников Одиссея стал мучить голод. Однажды, когда Одиссей заснул, его спутники выбрали из стада Гипериона лучших быков и убили.

Дождавшись наконец попутного ветра, мореходы покинули Тринакрию. Однако Зевс наслал на море жестокую бурю, в результате чего мачта корабля поломалась. После этого в палубу ударила молния и разбила корабль в щепы. Спасся лишь один Одиссей, сумевший связать оставшиеся на плаву мачту и киль сыромятным ремнем. Одиссей оседлал этот плот, но его понесло к Харибде. Ухватившись за ветви смоковницы, росшей на скале рядом с Харибдой, он повис и оставался в таком положении, пока Харибда не поглотила мачту и киль и не извергла их через некоторое время назад. Тогда Одиссей отпустил ветви смоковницы, бросился вниз на плот и стал руками грести в сторону от чудовища. Через десять дней плот Одиссея прибило к острову нимфы Калипсо.

На этом Одиссей закончил рассказ о своих приключениях. Выслушав повествование Одиссея, Алкиной преподнес ему богатые дары, после чего феаки, погрузив Одиссея в сон, на быстроходном корабле доставили его на Итаку. Одиссей проснулся в гавани Форкиса, морского старца.

После двадцатилетнего отсутствия на Итаке Одиссей, вернувшись на родину, сталкивается с трудной задачей: вернуть себе царство, прежде расправившись с развязными женихами, расхищающими его добро и вынуждающими Пенелопу выбрать себе нового мужа.

Одиссей смел и решителен, легко приспосабливается к сложившимся обстоятельствам, но и он допускает промахи: по недомыслию вошел в пещеру киклопа, не уберег спутников от нападения лестригонов, не сумел удержать сотоварищей от опрометчивого поступка на острове Тринакрия. И все же благодаря своему хитроумию, неустанной энергии, способности ориентироваться в, казалось бы, безвыходном положении, умению красноречиво и убедительно говорить и искусству обхождения с окружающими, Одиссею удается выходить целым и невредимым из самых затруднительных ситуаций, которыми полон мир странствий, радикально отличающийся от мира повседневной действительности.

Одиссей уверен в своем мужестве, стойкости и смелости.

Спутники в бедствиях, мы не безопытны; все мы сносили
Твердо; теперь же беда предстоит не страшнее постигшей
Нас, заключенных в пещере свирепую силой циклопа.
Мужеством, хитрым умом и советом разумным тогда я
Всех вас избавил; о том не забыли вы, думаю: будьте ж
Смелы и ныне, исполнив покорно все то, что велю вам.

Преодолев за годы странствий множество испытаний, Одиссей, вернувшись на родину, не сомневается в том, что расправится с чванливыми женихами и вернет себе царство.

И все же Одиссей не отказался от помощи, а помогла ему богиня Афина. Она обратила его в убогого нищего и повелела идти к свинопасу Эвмею, служившему при дворце. Тепло принявшему его свинопасу Одиссей рассказал о себе вымышленную историю. Тем временем Афина направилась в Спарту и повелела Телемаху возвратиться домой, но прежде чем идти во дворец, зайти в хижину свинопаса Эвмея. Встретившись с Эвмеем, Телемах попросил его сходить к Пенелопе, чтобы уведомить ее о возвращении сына. Эвмей отправился выполнять поручение, и это дало Одиссею возможность принять свой обычный облик.

Сын и отец узнали друг друга.

...Телемах в несказанном волнении
Пламенно обнял отца благородного с громким рыданьем.
В сердце тогда им обоим проникло желание плача:
Подняли оба пронзительный вой сокрушенья.

Весть о возвращении Телемаха донеслась и до женихов. Антиной советовал убить Телемаха, но ему воспротивился Амфином — он боялся прогневить Зевса.

После встречи с отцом Телемах направился во дворец. Афина обратила Одиссея в нищего, чтобы вернувшийся свинопас его не узнал. После того как Эвмей вернулся и рассказал о том, что видел в городе, Одиссей вместе с ним тоже направился во дворец. Подороге им встретился козопас Меланфий, который накинулся с бранью на Одиссея и даже его ударил, но Одиссей, чтобы не выдать себя, обидчику не ответил. Придя во двор, Одиссей увидел старого Аргуса, своего верного пса. Аргус узнал своего хозяина даже под видом нищего, шевельнулся, вильнул хвостом, и Одиссей украдкой смахнул слезу, увидев, как верный пес испустил свой последний вздох.

Придя во дворец, Одиссей вошел в пиршественный зал и стал просить у женихов подавание. Вскоре он убедился, что люди эти не только бездушные, но и жадные. Самым бессердечным и жадным проявил себя Антиной — он запустил в Одиссея скамейкой, на которую ставят ноги. Пенелопа, узнав о том, что в ее доме оскорбили чужестранца, повелела Эвмею привести странника к ней. Одиссей попросил Эвмея передать Пенелопе, что он придет после захода солнца. Эвмей отправился к Пенелопе и рассудительно ей сказал, что странник

...умно рассуждает, и с ним ты должна согласиться;
Он, женихов необузданно-дерзких, царица, бояся,
Просит тебя терпеливо дожидаться, чтоб Гелиос скрылся;
Думаю также и я, что гораздо удобнее будет,
Если его ты одна обо всем на досуге расспросишь.

Тем временем Ир, местный нищий, известный пьяница и обжора, попытался выгнать Одиссея из зала. Когда попытка не удалась, Ир, которого подстрекали женихи, вызвал Одиссея на кулачный бой. Одиссей решил проявить осторожность и не убивать нахрапистого соперника, чтобы не привлекать к себе повышенного внимания. Бой длился недолго.

...в плечо кулаком Одиссея ударил
Ир. Одиссей же его по затылку близ уха: вдавилась
Кость сокрушенная внутрь, и багровая кровь полилася
Ртом; он, завыв, опрокинулся; зубы его скрежетали,
Об пол он пятками бил.

После этого Пенелопа вышла к женихам, с восторгом смотрели они на прекрасную жену Одиссея,

...Колена
Их задрожали при виде ее красоты, и сильнее
Вспыхнуло в каждом желанье ложе ее разделить с ней.

Пенелопа стала укорять женихов за то, что те принуждают ее вступить в брак и разоряют своими пирами дом Одиссея. Настоящие женихи ведут себя по-другому, — говорила она, — стараются дарами склонить к браку невесту и не расхищают чужое имущество. Тогда женихи послали слуг за дарами и вручили их Пенелопе. Она, молча приняв дары, удалилась в свои покои.

...В грудь Одиссея проникло веселье, понеже
Было приятно ему, что от них пожелала подарков,
Льстя им словами, душою же их ненавидя, царица.

После этого Одиссею снова пришлось стерпеть оскорбления: одна из служанок, Меланто, охотно принимавшая благорасположение Эвримаха, стала издеваться над странником, а Эвримах опять кинул в него скамейку. Женихи подняли шум, стали кричать, что с тех пор как на пиру появился странник, начались постоянные ссоры. Телемах им возразил, сказав, что причина ссор в том, что все захмелели, и потому пора кончать пир.

Когда женихи разошлись, Одиссей с Телемахом вынесли из пиршественного зала все висевшее на стенах оружие, после чего Одиссей отправился к Пенелопе. Она его не узнала и стала расспрашивать об Одиссее. Он рассказал, что встречался с Одиссеем на Кипре, когда тот по дороге в Троию сделал на острове остановку, после чего уверенно заявил, что Одиссей скоро вернется. Пенелопа внимательно выслушала рассказ странника и велела Евриклее, старой кормилице Одиссея, обмыть ему ноги. За этим занятием Евриклея увидела рубец на его ноге — шрам от глубокой раны, которую однажды получил Одиссей, охотясь на вепря. По этому рубцу Евриклея узнала Одиссея. Тогда он заставил ее поклясться, что она не сообщит никому о его возвращении.

Продолжив разговор с Одиссеем, Пенелопа сказала страннику, что хочет испытать женихов, пояснив:

...предложить им стрельянье
Из лука в кольца хочу я: супруг Одиссей здесь двенадцать
С кольцами ставил, бывало, жердей, и те жерди не близко
Ставил одну от другой, и стрелой он принижывал кольца
Все. Ту игру женихам предложить я теперь замышляю;
Тот, кто согнет, навязав тетиву, Одиссеев могучий
Лук, чья стрела пролетит через все, их не тронув, двенадцать
Колец, я с тем удалюся из этого милого дома.

На следующий день Пенелопа достала лук Одиссея и объявила женихам, что согласна выйти замуж за того, кто согнет тугой лук и пустит стрелу так, чтобы она пролетела через двенадцать колец, прикрепленных к шестам. Телемах первым попытался натянуть лук, но Одиссей кивком головы удержал его. Женихи решили по очереди попытаться натянуть тугой лук. Первым сделал такую попытку Лейод, но совладать с луком не смог. Тогда женихи решили смазать лук салом, за которым и послали слугу.

Воспользовавшись паузой, Одиссей открыл свое имя Эвмею и Филотию, еще одному пастуху, верному ему человеку. Оба с радостью согласились помогать Одиссею. Тогда он повелел Эвмею пойти к Евриклее и сказать ей, чтобы она посадила под замок всех служанок, а Филотия послал запереть ворота. Отдав эти распоряжения, Одиссей вернулся в пиршественный зал.

Следующим попытался натянуть тугой лук Эвримах, но и он оплошал. Тогда Одиссей обратился к женихам с просьбой позволить и ему попытаться натянуть лук. Женихи воспротивились, но Пенелопа настояла на том, чтобы и страннику дали лук. Предвидя, что вот-вот начнется побоище, Телемах попросил Пенелопу удалиться в свои покои.

Тем временем под насмешки женихов Одиссей взял лук,

Крепкую правой рукой тетиву потянувши, он ею
Щелкнул: она провизжала, как ласточка звонкая в небе.
Дрогнуло сердце в груди женихов, и в лице изменились
Все — тут ужасно Зевес загремел с вышины, подавая
Знак.

Тщательно прицелившись, Одиссей пустил стрелу через все двенадцать колец. Следующую стрелу он пустил в Антиноя и пронзил ему горло. После этого Одиссей открыл женихам свое имя и с гневом воскликнул:

А! Вы, собаки! Вам чудилось всем, что домой уж из Трои
Я не приду никогда, что вольны беспощадно вы грабить
Дом мой, насильствуя гнусно моих в нем служанок, тревожа
Душу моей благородной жены сватовством ненавистным,
Правду святую богов позабыв, не страшась ни гнева
Их, ни от смертных людей за дела беззаконные мести!
В сеть неизбежной гибели все, наконец, вы попали.

Эвримах попытался сплотить женихов, чтобы всем вместе противостоять Одиссею, но упал, сраженный меткой стрелой, чтобы больше никогда не подняться. На Одиссея бросился Амфином, но его пронзил копьем Телемах. Тем временем козопасу Меланфию удалось вооружить нескольких женихов, но когда он попытался прокрасться в оружейную еще раз, Эвмей и Филотий его схватили и подвесили к потолочной балке. В это время в зал, где началась схватка, под видом Ментора явилась Афина, и когда женихи стали бросать в Одиссея копья, она их все отклоняла. Вскоре женихи понесли очередные потери: пали Демоптолем, Евриад, Элатоп и Писандр. Но и женихи относительно преуспели: Телемах и Эвмей получили ранения. Тем не менее, избивание женихов продолжалось: погибли Эвридамант, Амфимедон, Полиб, Ктесипп, Агелай и Леокрыт. Когда Афина потрясла над головами и без того растерявшихся женихов своей страшной эгидой, к Одиссею подбежал Лейод и стал молить о пощаде, но пронять мольбой Одиссея не удалось. Он пощадил лишь, по просьбе Телемаха, певца Фелия и глашатая Медона.

Когда со всеми женихами было покончено, Евриклея довела до сведения Одиссея, что двенадцать служанок в его отсутствие вели себя непристойно: распутничали, угождая беззастенчивым женихам. Тогда всех виновных служанок заставили убирать трупы и отмывать зал от крови. Когда служанки исполнили эту работу, Телемах их повесил.

...канат корабля черноносого взял он и туго
Так натянул, укрепивши его на колоннах под сводом
Башни, что было ногой до земли им достать невозможно.
Там, как дрозды длиннокрылые или как голуби, в сети
Целою стаей — летя на ночлег свой — попавшие (в тесных
Петлях трепещут они, и ночлег им становится гробом),
Все на канате они голова с головою повисли;
Петлями шею стянули у каждой; и смерть их постигла
Скоро: немного подергав ногами, все разом утихли.

Эвмей и Филотий разделались с предателем Меланфием. Они отрубили ему конечности и бросили тело на съедение собакам. Затем Одиссей повелел Евриклее принести очистительное курение и окурил им весь зал, в котором происходило кровопролитие.

Наконец Пенелопа согласилась войти в пиршественный зал. Гомер часто называет ее «осмотрительной», и прежде чем признать в страннике своего мужа, она захотела в этом окончательно убедиться.

Пенелопа сказала:

...когда он
Подлинно царь Одиссей, возвратившийся в дом свой, мы
способ
Оба имеем надежный друг другу открыться: свои мы
Тайные, людям другим неизвестные, знаки имеем.

После того Пенелопа повелела Евриклее приготовить страннику ложе, но только не в

спальне, а на постели, которую прежде нужно из спальни вынести. Это распоряжение привело Одиссея в недоумение. Он сам сделал эту постель из громадного пня маслины, и сдвинуть ее с места никому не под силу.

Убедившись, что странник действительно Одиссей, Пенелопа бросилась в объятия мужу.

...Скорбью великой наполнилась грудь Одиссея.
Плача, прикинул он к сердцу испытанной, верной подруги.
В радость, увидевши берег, приходят пловцы, на обломке
Судна, разбитого в море грозой Посейдона, носяся
В шуме бунтующих волн, воздымаемых силою бури;
Мало из мутносоленой пучины на твердую землю
Их, утомленных, изъеденных острою влагой, выходит;
Радостно землю объемят они, избежав потопленья.
Так веселилась она, возвращенным любясь супругом,
Рук белоснежных от шеи его оторвать не имея
Силы.

Истреблением женихов и встречей Одиссея с верной Пенелопой, ждавшей возвращения мужа в течение двадцати лет, «Одиссея», как, возможно, некоторые считают, не завершается. Впереди еще встреча Одиссея с Лаэртом, его отцом, и примирение с жаждавшими отмщения родственниками поверженных женихов. Одиссей пошел к дому Лаэрта. Встретившись с ним, Одиссей поначалу рассказал вымышленную историю о себе, упомянув также о том, что ему доводилось принимать у себя Одиссея. Вспомнив о сыне, Лаэрт застонал от невыносимого горя, и тогда Одиссей открылся ему. Лаэрт потребовал доказательств. Одиссей показал шрам на ноге и перечислил все пятьдесят плодовых деревьев, которые Лаэрт подарил ему в детстве. Радость встречи омрачилась мыслью о возможных неприятных последствиях истребления женихов.

И действительно, отец Антиноя, старец Эвпейт, подбил родственников поверженных женихов отомстить Одиссею. Они двинулись к дворцу. Их встретили вооруженные Одиссей, Телемах и Лаэрт. Завязалось сражение, но его остановила Афина. Одиссей попытался снова навязать бой противнику, но в это время Зевс бросил на землю молнию, и этот повелительный знак сражение окончательно прекратил. Вскоре между враждовавшими сторонами был заключен прочный мир, утвержденный Афиной.

О дальнейшей судьбе Одиссея и Пенелопы толкуют по-разному. В поэме «Телегония» рассказывается, что Одиссей, чтобы умиловить грозного Посейдона, решил воспользоваться советом Тиресия (о котором упоминается и в «Одиссее») и отправился в путь-дорогу, неся на плечах весло, чтобы прийти в ту страну, где люди даже не слышали о мореходстве и приняли бы его весло за лопату. Придя в такую страну, Одиссей принес жертвоприношение Посейдону и был прощен.

После этого, уже согласно Аполлодору, Одиссей женился на Каллидике, царице феспротов, которая родила ему Полипойта. Затем Одиссей вернулся домой на Итаку, где Пенелопа за время его отсутствия родила Полипорта. Спустя какое-то время на Итаку, приняв этот остров за Корсику, напал Телегон, сын Одиссея от Кирки, отправившийся на поиски отца. Одиссей попытался отразить нападение, и Телегон убил его копьем, которому наконечником служил шип ската. Узнав, кого он убил, Телегон доставил на остров Кирки тело отца, а также Телемаха и Пенелопу, и Кирка сделала их бессмертными.

Аполлодор излагает и другую версию мифа об Одиссее и Пенелопе. Согласно этому варианту мифа, Пенелопа уступила домогательствам Антиноя, за что Одиссей отправил ее в изгнание, и она от Гермеса родила Пана. По другому свидетельству, Пенелопа уступила домогательствам Амфинома, и Одиссей ее за это убил. Также рассказывают, что Одиссей по требованию родственников поверженных женихов удалился в Италию. По Аполлодору,

Одиссей удалился в Этолию, где умер в почтенном возрасте.

Новые одиссеи

Одиссей, как говорят некоторые, блуждал в водах Ливии: другие же утверждают, что он блуждал вокруг Сицилии. Но есть и такие, которые сообщают, что Одиссей долго странствовал в Океане или же в Тирренском море.

Со времен античности ведутся бесконечные споры о путях странствий Одиссея. Однако из-за длительности устной традиции, по своей природе разноречивой, фактически невозможно определить, насколько правдиво «Одиссея» Гомера отражает историческую среду и географические познания своего времени. Поэтому следует весьма осторожно относиться к соображениям, соотносящим события, описанные в этой поэме, и места с историческими и географическими реалиями. Географ Страбон посчитал, что Гомер изложил в «Одиссее» лишь половину правды, а другой географ Эристорфен, настроенный к поэме еще более недоверчиво, заявил, что поверит в путешествия Одиссея только тогда, когда ему предъявят мастерового, изготовившего мешок, в котором Эол держал ветры.

Гомер упоминал о направлении ветров, сопутствующих путешествию Одиссея, но, как замечает современный исследователь Питер Джоунс, лишь вскользь, не заостряя на них внимания. К тому же в девятой песни поэмы Гомер рассказывал, что корабль Одиссея отклонился от курса под влиянием ветра. Джоунс пишет также, что если принять во внимание несомненные параллели между путешествием Одиссея и плаванием аргонавтов, а также учесть, что маршрут аргонавтов неоднозначен, хотя некоторые пункты его имеют некоторую историческую реальность, то при определении маршрута путешествия Одиссея не следует делать поспешных выводов. Тем не менее известные путешественники Тур Хейердал и Тим Северин сочли, что прошли по стопам Одиссея.

Не утихают споры и о месторасположении царства Одиссея, Итаки. Этот вопрос обсуждается как археологами, так и учеными в области классической филологии. По наиболее распространенному мнению, Итака — часть Закинфа, острова в Ионическом море. Но вполне вероятно, что в бронзовом веке существовал самостоятельный остров с таким названием.

Приключения Одиссея со времен античности — излюбленный объект литературы и искусства. К сюжетам мифа обращались Данте, Гете и Теннисон. В первой четверти XX века ирландский писатель Джеймс Джойс написал роман «Улисс», воспользовавшись мифом об Одиссее. Проводя постоянные параллели между современностью и стародавними временами, Джойс использовал этот миф как «способ контролировать, упорядочивать, придавать форму и значение той громадной панораме тщетности и анархии, которую представляет современная история». Согласно другому источнику, Джеймс считал историю Одиссея «более человеческой и значительной, чем истории Гамлета, Дон Кихота и Фауста». Греческий писатель Никос Казандзакис (1883–1987) написал поэму «Одиссея» (состоящую из 33 333 строк), в которой Одиссей покидает Итаку, встречается с Буддой, Дон Кихотом и Иисусом Христом и познает все тяготы западной цивилизации. В 1997 году студия «Холлмарк энтертейнмент инк» поставила фильм «Одиссей», сопровождающийся спецэффектами и располагающий звездным составом исполнителей. Одиссея сыграл Арман Ассанте, Афины — Изабелла Росселлини, Антиклею — Ирен Папас. В 1968 году Стенли Кубрик поставил по роману Артура Кларка «2001: Космическая одиссея» фильм с одноименным названием, действие которого разворачивается в космосе.

В 2000 г. Джоэл и Этан Коэны написали роман «О где же ты, брат?», в котором рассказывается о необыкновенных приключениях Эверетта Улисса Макгилла, бежавшего с каторги с Миссисипи, который в пути, застав за стиркой белья распеваящих «южных

красавиц», принимает их за сирен, а увиденного позже одноглазого продавца Библии считает киклопом. В 1990 году Дерек Уолкотт написал поэму «Омерос», позаимствовав некоторые сюжетные линии из «Одиссеи» Гомера. Действие поэмы происходит главным образом на острове Сент-Люсия, причем и сам остров является одним из героев произведения. Поэма включает в себя множество сюжетных ветвей. Так, в ней рассказывается о любви Ахилла и Гектора к Елене, а также история Филокета, ранившего ногу о якорь и преисполненного по этому поводу чувством собственного достоинства. Все происходящие в поэме события истолковывает рассказчик, который и сам, путешествуя по Атлантике, переживает множество приключений.

В 1911 году греческий поэт Кавафис написал замечательное стихотворение «Итака», в котором говорится, что из «Одиссеи» Гомера можно извлечь полезные жизненные уроки.

Когда задумаешь отправиться к Итаке,
Молись, чтоб долгим оказался путь,
Путь приключений, путь чудес и знаний.
Гневливый Посейдон, циклопы, лестригоны
Страшить тебя нисколько не должны.
Они не встанут на твоей дороге,
Когда душой и телом будешь верен
Высоким помыслам и благородным чувствам.
Свирепый Посейдон, циклопы, лестригоны
Тебе не встретятся, когда ты сам
В душе с собою их не понесешь
И на пути собственноручно не поставишь.

Пусть в помыслах твоих Итака будет
Конечной целью дальнего пути.
И не старайся сократить его, напротив,
На много лет дорогу растяни,
Чтоб к острову причалить старцем —
Обогащенным тем, что приобрел в пути,
Богатств не ожидая от Итаки.

Какое плаванье она тебе дала!
Не будь Итаки, ты не двинулся бы в путь.
Других даров она уже не даст.

Глава восемнадцатая Платон и миф об Атлантиде

Главные действующие лица

Платон — Афинский философ IV века до новой эры, первым изложил миф об Атлантиде.

Сократ — Афинский философ IV века до новой эры, основной персонаж диалогов Платона.

Тимей — Астроном из Локр, Италия.

Гермократ — Сиракузский политический деятель.

Критий (младший) — Девяностолетний прадед Платона, рассказал ему миф об Атлантиде, услышанный им в девятилетнем возрасте от своего деда Крития

(старшего).

Критий (старший) — Услышал миф об Атлантиде от Солона.

Солон — Афинский политический деятель и поэт VI века до н. э. Услышал историю об Атлантиде во время посещения Саиса, города в Египте.

Кто станет категорически отрицать, что через сто лет крупнейшие музеи не обогатятся драгоценностями, статуями, оружием и приборами, обнаруженными в дотопе загадочной Атлантиде, а библиотеки не пополнятся текстами, проливающими свет на историю человечества и на те животрепещущие проблемы, которые волнуют мыслителей наших дней?

Эти строки написаны американским писателем-атлантологом Игнатиусом Доннелли в 1882 году; с тех прошло более ста лет, но Атлантида так и не обнаружена. Возможному существованию в прошлом и поискам Атлантиды посвящено множество публикаций, но редко когда эти занимательные вопросы связывают с греческой мифологией. Тому есть и причина. В трудах Аполлодора, Павсания и Овидия, да и других древних авторов, об Атлантиде не говорится ни слова. Не говорится о ней и в драматических сочинениях тех времен, и она сроду не становилась объектом изобразительного искусства.

Первое свидетельство о существовании Атлантиды появилось в незавершенной трилогии греческого философа Платона, которая, по замыслу автора, должна была состоять из трех сочинений: «Тимей», «Крития» и «Гермократа» («Крития» Платон не закончил, а «Гермократа» даже не начал). «Тимей» и «Критий» имеют форму диалогов, состоявшихся во время афинских праздников, вероятно, 425 года, когда Платон еще был малым ребенком. Один лишь возраст Платона внушает большие сомнения в исторической реальности разговоров, которые вели философ Сократ, астроном Тимей, девяностолетний прадед Платона Критий и сиракузский политический деятель Гермократ.

Собеседники рассуждают о природе идеального государства, когда Критий неожиданно вспоминает историю, услышанную им в детстве от деда (тоже Крития), которую тому рассказал Солон, афинский политический деятель и поэт, разработавший в девяностых годах VI века до нашей эры первые положения демократии.

Критий говорит:

«Послушай же, Сократ, сказание хоть и весьма странное, но, безусловно, правдивое, как засвидетельствовал некогда Солон, мудрейший из семи мудрецов. Он говорил деду нашему Критию — а старик в свою очередь повторял это нам, — что нашим городом в древности были свершены великие и достойные удивления дела, которые были потом забыты по причине бега времени и гибели людей».

На вопрос, что это было за сказание, Критий отвечает:

«Оно касалось величайшего из деяний, когда-либо совершенных нашим городом, которое заслуживало бы стать и самым известным из всех, но по причине времени и гибели совершивших это деяние, рассказ о нем до нас не дошел».

Крития просят:

«Расскажи с самого начала, в чем дело, при каких обстоятельствах и от кого слышал Солон то, что рассказывал как истинную правду».

Однако то, что Платон преподносит как истину, нельзя безоговорочно принимать за чистую монету. Надо учитывать, что в подобной манере он нередко подает и мифический

материал. Например, в произведении Платона «Горгий» его персонаж Сократ, рассказывая историю об Островах блаженных и Тартаре, предваряет ее такими словами:

«Тогда внемли, как говорится, прекрасному преданию, которое ты, верно, сочтешь сказкой, а я полагаю истиной, и потому я рассказывать буду так, как рассказывают про истинные события».

В произведении Платона «Государство» Сократ говорит:

«Малым детям сперва рассказываем мифы. Они, вообще говоря, ложь, но есть в них и истина».

В диалоге «Протагор» слушатели просят Сократа показать, что добродетели можно научиться.

Он отвечает:

«Но как мне вам это показать: с помощью ли мифа, какие рассказывают старики молодым, или же с помощью рассуждения?.. Мне кажется, приятнее будет рассказать вам миф».

Сомнения в истинности рассказов Платона обобщает заглавный герой его произведения «Федр», обращаясь к Сократу:

«Ты, Сократ, легко сочиняешь египетские и какие тебе угодно сказания».

В связи с этим необходимо учитывать, что история о загадочной Атлантиде также подана Платоном как мифический материал. Солон, на которого Платон ссылается в своих сочинениях, услышал историю об Атлантиде во время посещения Саиса, города в Египте.

В «Тимее» рассказывается, что Солон в Саисе «приняли с большим уважением, когда же он стал расспрашивать о древних временах самых сведущих среди жрецов, ему пришлось убедиться, что ни он сам, ни вообще кто-либо из эллинов, можно сказать, почти ничего об этих предметах не знает».

В VI веке до новой эры Египет не был таким могучим в военном и культурном отношении государством, как в прежние времена, и сведения, почерпнутые в Египте Солоном, являли собой, как кажется, смесь неточностей, небылиц и извращения фактов.

Когда Солон спрашивает египетского жреца о Девкалионовом потопе, то получает весьма неопределенный ответ:

«Ах, Солон! Солон! Вы эллины, вечно остаетесь детьми, и нет среди эллинов старца... Все вы юны умом, ибо умы ваши не сохраняют в себе никакого предания, искони переходившего из рода в род, и никакого учения, поседевшего от времени. Причина же вот тому какая. Уже были и еще будут многократные и различные случаи гибели людей, и притом самые страшные — из-за огня и воды, а другие, менее значительные, — из-за тысяч других бедствий».

Заведя далее речь о греческой мифологии, жрец объясняет миф о Фээтоне следующим образом:

«Положим у этого сказания облик мифа, но в нем содержится и правда: в самом деле, тела, вращающиеся по небосводу вокруг Земли, отклоняются от своих путей, и потому через известные промежутки времени все на Земле гибнет от великого пожара. В такие времена обитатели гор и возвышенных либо сухих мест подвержены более полному истреблению, нежели те, кто живет возле рек или моря; а поэтому постоянный наш благодетель Нил избавляет нас от беды,

разливаясьсь».

Жрец назидательно продолжает:

«Какое бы славное или великое деяние или вообще замечательное событие ни произошло, будь то в нашем краю или в любой стране, о которой мы получаем известия, все это с древних времен запечатлевается в записях, которые мы храним в наших храмах... Так вы храните память только об одном потоке, а ведь их было много до этого; более того, вы даже не знаете, что прекраснейший и благороднейший род людей жил некогда в вашей стране. Ты сам и весь твой город происходите от тех немногих, кто оставался из этого рода, но вы ничего о нем не ведаете, ибо их потомки на протяжении многих поколений умирали, не оставляя никаких записей и потому как бы немотствуя. Между тем, Солон, перед самым большим и разрушительным наводнением государство, ныне известное под именем Афин, было и в делах военной доблести первым и по совершенству своих законов стояло превыше сравнения; предание приписывает ему такие деяния и установления, которые прекраснее всего, что нам известно под небом».

Следует отметить, что не известно ни одной египетской записи, описывающей доисторические Афины, равно как и всемирные катаклизмы, возникшие по причине всесветного опустошительного пожара или потопа. Более того, первые египетские записи появились на рубеже четвертого-третьего тысячелетий до новой эры.

Тем не менее египетский жрец хвастается:

«Древность наших городских установлений определяется по священным записям в восемь тысячелетий. Итак, девять тысяч лет назад жили эти твои сограждане, о чьих законах и о чьем величайшем подвиге мне предстоит тебе рассказать».

Согласно данным археологии, в те времена, о которых толкует жрец, люди занимались охотой и собирательством, жили в мелких деревнях; больших городов в ту пору не было и в помине, не говоря уже о городах-государствах, подобных Афинам, или империях, какой умозрительно представляется легендарная Атлантида.

Несмотря на сомнительность рассказа жреца, на Солона он производит благоприятное впечатление, и гость просит рассказчика поделиться с ним и другими историческими сведениями, а затем и сам рассказывает о политическом и социальном устройстве Афин, что напоминает описание Платоном идеального государства.

В беседу, ничем особо не примечательную, неожиданно вторгается удивительное сообщение египетского жреца:

«По свидетельству наших записей, государство ваше положило предел дерзости несметных воинских сил, отправлявшихся на завоевание всей Европы и Азии, а путь державших от Атлантического моря. Через море это в те времена возможно было переправиться, ибо еще существовал остров, лежавший перед тем проливом, который называется на вашем языке Геракловыми столпами. Этот остров превышал своими размерами Ливию и Азию, вместе взятые».

Далее жрец поясняет, что остров тот, именовавшийся Атлантидой, являлся центром империи, чьи границы простирались до Тиррении и Египта, однако владыки той могучей империи намеревались расширить ее огромную территорию за счет Греции и Египта.

Жрец продолжает:

«Именно тогда, Солон, государство ваше явило всему миру блистательное доказательство своей доблести и силы... Оно сначала встало во главе эллинов, но

из-за измены союзников оказалось предоставленным самому себе, в одиночестве встретилось с крайними опасностями и все же одолело завоевателей и воздвигло победные трофеи. Тех, кто еще не был поработан, оно спасло от угрозы рабства; всех же остальных, сколько ни обитало нас по эту сторону Геракловых столпов, оно великодушно сделало свободными».

Позволим себе два замечания. Во-первых, предполагаемая война, о которой вещает жрец, должна была иметь место не раньше девятого тысячелетия до новой эры, когда, по словам того же жреца, в Египте начали вести записи. Во-вторых, рассказ о победе над захватчиками-атлантами звучит как классическая афинская пропаганда, восхваляющая победы греков над вторгшимися в их страну персами в битвах при Марафоне (490 г. до н. э.), Саламине (480 г. до н. э.) и Платеях (479 г. до н. э.). Платон писал свои сочинения для соотечественников и ему было важно прославить Афины, одержавшие и в давние времена победы над неприятелем.

По воле Платона, египетский жрец рассказывает Солону об ужасном стихийном бедствии:

«Но позднее, когда пришел срок для невиданных землетрясений и наводнений, за одни ужасные сутки вся ваша воинская сила была поглощена разверзнувшейся землей; равным образом и Атлантида исчезла, погрузившись в пучину. После этого море в тех местах стало вплоть до сего дня несудоходным и недоступным по причине обмеления, вызванного огромным количеством ила, который оставил после себя осевший остров».

Некоторые исследователи считают, что Платон, рассуждая о загрязнении и непригодности Атлантического океана для судоходства, передал познания финикийцев о Саргассовом море с его громадным скоплением водорослей, действительно затрудняющих мореплавание. Другие исследователи считают, что информация о непригодности для мореходства Атлантики была специально распространена финикийцами, не желавшими, чтобы их возможные конкуренты добрались до Тартесса (севернее Кадиса), где находилось торговое поселение финикийцев, покинутое после сильного засорения илом Гвадалквивира, что произошло после 500 года до новой эры.

Нельзя не заметить того очевидного обстоятельства, что рассказ о воинственной Атлантиде служит фоном для возвеличивания «идеальных Афин». Также отметим, что цикличность всемирных разрушительных катастроф — одно из излюбленных соображений Платона.

Во второй части трилогии — «Критии» — содержится описание Атлантиды.

Критий говорит:

«Прежде всего вкратце припомним, что, согласно преданию, девять тысяч лет тому назад была война между теми народами, которые обитали по ту сторону Геракловых столпов, и всеми теми, кто жил по сю сторону: об этой войне нам и предстоит поведать [чего не случилось, ибо „Крития“ Платон не закончил]. Сообщается, что во главе последних вело войну, доведя ее до самого конца, наше государство, а во главе первых — цари острова Атлантида».

Платон — философ, а не историк, и это становится очевидно, когда он словами Крития утверждает, что древние афиняне — образцы нравственной и физической безупречности и этим славятся на весь мир.

Далее Критий приводит детальное описание Атлантиды, правда, он начинает с мифа о том, как боги делили мир. По версии Крития, Афине и Гефесту достались Афины (весьма сомнительно, что в египетских записях могли оказаться подобного рода сведения), а во владение Посейдона перешла Атлантида (подобное утверждение не встречается ни в

сочинениях Гесиода, ни в других текстах, рассказывающих о происхождении богов и людей).

Наконец Критий переходит непосредственно к описанию Атлантиды:

«От моря и до середины острова простиралась равнина, если верить преданию, красивее всех прочих равнин и весьма плодородная, а опять-таки в середине этой равнины примерно в пятидесяти стадиях от моря, стояла гора, со всех сторон невысокая. На этой горе жил один из мужей, в самом начале произведенных там на свет землею, по имени Евенор, и с ним жена Левкиппа; их единственная дочь звалась Клейто. Когда девушка уже достигла брачного возраста, а мать и отец ее скончались, Посейдон, воспылав вожделием, соединяется с ней; тот холм, на котором она обитала, он укрепляет, по окружности отделяя его от острова и огораживая попеременно водными и земляными кольцами (земляных было два, и водных — три) все большого диаметра, проведенными, словно циркулем из середины острова и на равном расстоянии друг от друга. Это ограждение было для людей непреодолимым, ибо судов и судоходства тогда еще не существовало... Произведя на свет пять раз по чете близнецов мужского пола, Посейдон взрастил их и поделил весь остров Атлантиду на десять частей».

Далее в «Критии» говорится, что Атлантида, да и Атлантический океан, названы в честь Атланта, первого царя острова (этот Атлант не имеет ничего общего с героем греческого мифа, поддерживающим небосвод). Цари Атлантиды обладали бесчисленными богатствами. На острове имелись любые виды ископаемых твердых и плавких металлов, в том числе мифический металл *orikhalkon* («орихалк»), по ценности своей уступающей только золоту. На острове произрастали самые различные виды деревьев и водились все виды домашних и диких животных, включая слонов. Атлантида была подлинным раем, и все же атланты ввозили товары из других районов обширной империи.

План Атлантиды, а, вернее, столицы этой империи, обрисован Платоном в «Критии» достаточно ясно, и потому не составляет труда воспроизвести этот план графически, причем рисунок напоминает совершенные начертания Пифагора.

Атланты возводили город, сооружая водные кольца вокруг дворца Клейто. Всего таких колец было три, ширина самого большого из них (наружного) равнялась 600 метрам; такой же была и ширина самого большого земляного кольца; ширина вторых по величине водного и земляного колец равнялась 400 метрам, а ширина водного кольца вокруг центрального острова — 200 метрам. Центральный остров, на котором находился дворец, представлял собой круг (диаметром 1 км). От моря до наружного водного кольца тянулся десятикилометровый канал, а водные кольца между собой соединялись туннелями.

На центральном острове, кроме дворца, находился храм Посейдона и Клейто, окруженный стеной из чистого золота. Храм представлял собою строение длиной 200 м и шириной 100 м (Парфенон в Афинах имел длину 70 м и ширину 30 м). Храм был декорирован золотом, серебром, слоновой костью и орихалком и украшен большим количеством статуй; на примыкающей к нему огороженной территории паслись породистые быки. На острове имелись два источника: один с холодной, другой — с горячей водой, поставлявшейся в бассейны и бани. Также наличествовали дома и помещения для лошадей и вьючных животных. В священной роще Посейдона, располагавшейся рядом с храмом, произрастали великолепные деревья разных пород.

На кольцевых островах располагались храмы, сады, гимнасии, ипподромы, казармы дворцового караула, а также доки, в которых ремонтировались и строились корабли. На расстоянии 10 км от наружного водного кольца возвышалась круговая крепостная стена, до которой доходили жилые постройки города.

Город располагался на окруженной горами обширной равнине размером 600 × 400 км. Равнину окружал широкий и глубокий искусственный ров, куда стекали воды горных рек и ручьев, а из него исходила целая сеть каналов, использовавшаяся для передвижения по воде, а также для орошения полей и садов, что позволяло снимать два урожая в год. Площадь гор, окружавших равнину в «Критии» не указана, но она, должно быть, была огромной; если учесть, что «остров превышал своими размерами Ливию и Азию вместе взятые». Если же учитывать площадь одной равнины, тогда выйдет, что Атлантида всего лишь вдвое больше Сицилии.

Далее в «Критии» рассказывается о деспотизме правителей Атлантиды, которые вместе с тем были благоразумными и отстаивали высокие нравственные устои. Но, тем не менее, благоденствию атлантов пришел конец, причину чего объясняет Критий:

Когда унаследованная от бога доля ослабела, многократно растворяясь в смертной примеси, и возобладал человеческий нрав, тогда они оказались не в состоянии долее выносить свое богатство и утратили благопристойность. Для того, кто умеет видеть, они являли собой постыдное зрелище... И вот Зевс, бог богов, блюдущий законы, хорошо умея усматривать то, о чем мы говорили, помыслил о славном роде, впавшем в столь жалкую развращенность, и решил наложить на него кару, дабы он, отрезвев от беды, научился благоразумию.

Далее рассказывается, что Зевс собрал всех богов, чтобы обратиться к ним с речью. Однако на этом «Критий» обрывается. Платон не закончил диалог, а «Гермократа» даже не начал.

Поиски Атлантиды

В своих работах «Тимей» и «Критий» Платон, по существу, преднамеренно проводит контраст между роскошью и сибаритством атлантов и завуалированной умеренностью и скромностью добродетельных афинян. Критий упоминает, что атланты не говорили по-гречески, что, в глазах греков, низводило их до варваров, а монархическое государство атлантов и его конечное разложение лишь усиливали неодобрительное к нему отношение.

У Солона не было особой нужды получать подробные сведения о государстве атлантов из египетских записей, ибо у Платона уже был материал, который он, вероятно, держал в уме, работая над «Тимеем» и «Критием».

Вот сведения, которые Платону были, несомненно, известны:

Описание Геродотом великолепия Вавилона с «висячими садами» Семирамиды.

В столице Мидии Эктабане имелось семь кольцевых стен с проложенными сквозь них туннелями.

В Карфагене существовала круглая гавань, окруженная доками, а на центральном острове гавани располагалась «штаб-квартира» карфагенского флота.

Афины находились во враждебных отношениях с Сиракузами, хотя жители этого города не считались варварами. Однажды тиран Сиракуз Дионисий I напал на Тиррению. Сиракузы находились на большом острове, располагавшем богатыми сельскохозяйственными угодьями и полезными ископаемыми, не говоря уже о холодных и горячих источниках. На мысе между двумя удобными гаванями стояла крепость, защищавшая город с моря от нападения неприятеля. Жители Сиракуз населяли окруженную горами равнину. (В скобках заметим, что Платон пытался реализовать в Сиракузах свои политические идеи, но безуспешно).

На острове Схерия (из «Одиссеи» Гомера), где Одиссей встретился с Навсикаей,

располагался город, обнесенный неприступными стенами и имевший две гавани. Царский дворец был весь из блестящей меди, в него вела дверь из чистого золота, притолоки из серебра, а порог медный. При дворце находился вечнозеленый сад, который орошался двумя источниками. Был на острове и храм Посейдона.

Приведенные сведения, которые Платону были, несомненно, известны, могут служить предостережением тем, кто собирается найти Атлантиду. Стоит добавить, что исследования и анализ тектонических явлений с достоверностью показали, что в Атлантическом океане не существует какого-либо затонувшего континента. С другой стороны, на Земле неоднократно случались разрушительные стихийные бедствия, и о некоторых из них Платону, должно быть, было известно. Так, в 426 году до новой эры в Греции произошло сильное землетрясение, сопровождавшееся цунами.

Это стихийное бедствие описал Фукидид:

Из-за продолжавшихся землетрясений в Оробиях (что на Евбее) море отступило от тогдашней береговой линии, а затем гигантские приливные волны обрушились на город и частично его затопили, а потом вновь отхлынули, так что там, где раньше была земля, теперь — море. При этом погибло много людей, не успевших заблаговременно бежать на высоты. Подобное же наводнение случилось и на Атапанте (острове против Опунтской Локриды).

Все же многие исследователи считают, что Платон вряд ли придумал легенду об Атлантиде, опираясь на реалии современной ему истории и на сведения, почерпнутые из доступных источников, помимо трудов Солона. Они полагают, что Платон в самом деле получил информацию о загадочной Атлантиде из работы Солона, а с Солоном этими сведениями поделились египетские жрецы. В то же время существует предположение, что Платон сам, или повторив ошибку Солона, неверно истолковал даты, которые использовал египетский жрец в разговоре с Солоном. Он не учел того, что «годом» жрецы Египта называли лунный месяц, так как пользовались лунным календарем. Если принять во внимание эту возможную ошибку Платона, то события, которые, по Платону, произошли за восемь и девять тысяч лет до беседы египетского жреца с посетившим его Солоном, случились в действительности за восемьсот и девятьсот лет до этого разговора. Но, возможно, Платон намного преувеличил размер Атлантиды и потому поместил ее за Геракловыми столпами в Атлантическом океане, а не в Средиземном море, где она просто не помещалась.

Одним из кандидатов на тождественность Атлантиде является Крит времен минойской культуры, достигшей расцвета примерно в период с 2100 по 1450 год до новой эры, что по времени соответствует эпохам Среднего и начала Нового царства в Египте. В те времена Египет и Крит поддерживали разносторонние, главным образом, торговые отношения, и не существует никаких свидетельств того, что между Египтом и Критом или между Египтом и Грецией происходили военные столкновения. Египтяне считали Крит островом, расположенным между Ливией и Азией, и не исключено, что Платон, изучая работу Солона, принял греческое слово *meson* («между») за *meisdon* («больше чем») и в результате этого недосмотра посчитал, что Солон пишет о существовавшем ранее острове, который «превышал своими размерами Ливию и Азию вместе взятые». Конечно, это только предположение.

В 1909 году в «Таймс» появилась привлекающая внимание публикация, в которой говорилось, что гибель минойской культуры связана с гибелью Атлантиды, вызванной страшным стихийным бедствием, случившимся около 1450 года до новой эры. В конце тридцатых годов XX века греческий археолог Спиридон Маринатос заметил сходство

минойской цивилизации с культурой Атлантиды Платона. В действительности дворец царя Миноса в Кноссе мало похож на царский дворец в Атлантиде. Можно согласиться лишь с тем, что символ быка широко использовался в минойском искусстве, а также, конечно, и с тем, что минойцы ходили в баню. А вот слонов на Крите доподлинно не было. В шестидесятых годах XX века Маринатос, производя раскопки на острове Санторин (Фера) возле селения Акротири, отрыл погибший в результате чудовищной катастрофы засыпанный вулканическим пеплом город, чья культура была родственна минойской цивилизации.

Крит находится всего лишь в 100 км от Санторина. Извержение вулкана на Санторине, вероятно, превышало своей мощностью извержение Кракатау 1883 года, когда грохот взрыва был слышан за 3000 км, а вызванные землетрясением цунами унесли жизни 35 000 человек. Кратер Санторина в четыре раза шире и значительно глубже кратера Кракатау, и можно предположить, что землетрясение, воздушные ударные волны, пожар, цунами и вулканический пепел подорвали экономику Крита и привели к гибели царство Миноса, а сведения об этом ужасном бедствии дошли до Египта и там были записаны. По гипотезе Маринатоса, чудовищное извержение вулкана на Санторине привело не только к гибели минойской цивилизации, но и послужило толчком для возникновения мифа об Атлантиде. Завоевание Крита греками, имевшее место около 1400 годадо новой эры, возможно, дало повод к суждению, что афиняне победили атлантов.

Однако между гибелью Атлантиды и крахом на Крите минойской цивилизации, вызванным чудовищным извержением вулкана на Санторине, существует определенная нестыковка. По Платону, Атлантида погибла не в результате взрыва вулкана, а в результате «невиданных землетрясений и наводнений», которые привели к тому, что Атлантида «исчезла, погрузившись в пучину». Если сведения о постигшей Крит катастрофе, вызванной извержением вулкана на Санторине, дошли до Платона, и если сведения эти послужили сюжетом для мифа об Атлантиде, то представляется весьма странным, что философ, повествуя о гибели этого государства, не сказал ни единого слова о первопричине «невиданных землетрясений и наводнений». К этому можно добавить, что Геродот, посетивший Саис в Египте между визитом туда Солона и временем создания Платоном «Тимея» и «Крития», в своем труде ни еловой не обмолвился ни о катастрофе, постигшей Крит, ни о гибели Атлантиды. Не упоминают об этих событиях и другие авторы, жившие раньше Платона. О Санторине, а точнее о его мифическом зарождении, рассказывает живший позже Платона Аполлоний Родосский, глава библиотеки в Александрии (аргонавт Эвфем бросил в море ком земли, подаренной Тритоном, и из этого кома возник остров Каллисто/ Фера/Санторин), но и Аполлоний ни слова не говорит о гибели Санторина.

Извержение вулкана на Санторине оказало пагубное влияние на всю восточную часть Средиземного моря, ударные волны затронули огромную территорию от Турции до Коса, Родоса, Крита и Египта. В результате этих ударов пострадали жилые здания и хозяйственные постройки; на Крите выпал вулканический пепел слоем от одного до пяти сантиметров, а высота волн, обрушившихся на северный берег острова была не менее восьми метров, так что пепел, вероятно, погубил весь урожай и превратил плодородную землю в пустыню, а цунами уничтожили критский флот.

Связь гибели Атлантиды с гибелью минойской цивилизации поколебали в восьмидесятых годах XX века данные радиоуглеродного анализа обнаруженных артефактов (путем измерения содержания в материале радиоактивного изотопа). Эти исследования показали, что извержение вулкана на Санторине могло произойти в 1628–1606 годах до новой эры, то есть намного раньше гибели минойской цивилизации. Эти исследования подтверждаются данными дендрохронологии, которые показали, что сильное извержение вулкана может создать на земной поверхности «морозобойный эффект», который приводит к аномально узким годовым кольцам деревьев. Такие аномально узкие кольца появились на американских бристольтских соснах в 1628–1626 годах до новой эры, на ирландских болотных дубах в 1628 году, а также на деревьях, произраставших в то время в Англии и Германии. На эту аномалию могло повлиять извержение вулкана на Санторине. А вот на

деревьях, произраставших в то время на территории Малой Азии, в 1628 году появились аномально широкие кольца, из чего следует, что год тот выдался менее жарким и более сырым, чем обычно. На эту аномалию также могло повлиять извержение вулкана на Санторине.

Извержение вулкана может сопровождаться выбросом в атмосферу диоксида серы, что приводит к кислотным дождям и взаимодействию осадков с годовыми слоями льда полярных ледяных шапок. Датские ученые проводившие исследования в Гренландии, предположили, что извержение вулкана на Санторине произошло в 1645 году до новой эры с погрешностью в двадцать лет, что согласовывается с данными дендрохронологического анализа, установившего, что около 1628 года случилось мощное извержение вулкана, вызвавшее глобальное изменение климата.

Эти исследования показали, что извержение произошло в XVII веке до новой эры, и потому не оно стало причиной гибели минойской цивилизации. Конечно, эту датировку можно оспорить, тем более что при раскопках в египетском Телльэль-Дабэ археологи нашли куски пемзы, образовавшейся, согласно анализу, в результате извержения вулкана на Санторине. Однако и новые данные не позволяют связать гибель минойской цивилизации с гибелью Атлантиды.

В 1984 году геоархеолог Эберхард Цангер выпустил книгу «Потоп, пришедший с небес». В этой книге автор высказывает суждение, что зарождению мифа об Атлантиде послужила история Трои.

Гипотеза Цангера основывается на двух посылах:

1. Египетские жрецы пересказали Солону под видом истории Атлантиды историю Троянской войны, которая к тому времени при длительной передаче из уст в уста значительно изменилась. Солон просто не понял истинного смысла того, о чем ему поведали.

2. Троя схожа с описанным Платоном главным городом Атлантиды. Укрепленная часть того и другого города равно невелики; и в Трое, и в Атлантиде многие жители столичного города селились за пределами укрепленной части; оба города имели удобные гавани и искусственные каналы.

Раскопки Трон действительно показали, что этот город, вероятно, являлся значительным культурным и хозяйственным центром в Средиземноморье в позднем бронзовом веке, но этого, даже вкупе с некоторым градостроительным сходством Трои и Атлантиды, мало, чтобы отождествлять эти города-государства. К тому же Гиссарлык вовсе не остров, и хотя там случались землетрясения, ни один из городов, располагавшихся в этой местности, не погрузился в пучину.

В двадцатых годах XX века шотландский этнолог Льюис Спенс высказал мнение, что Антильские остров являются остатками Атлантиды. Спенс весьма непринужденно отождествил ацтекский Ацтлан с Атлантидой (невзирая на то, что ацтеки, насколько известно, покинули Ацтлан, свою мифическую прародину, в 1168 году новой эры), нимфу Клейто — с Коатликуэ, ацтекской богиней, а Атланта — с богом солнца Уицилопочтли.

С помощью компаративной методологии Спенс вставил историю Атлантиды в ацтекский миф:

Париакака, полубог, прибывший водном из «яиц» (ковчегов), пришел подобно Посейдону, в холмистую местность, где люди стали оскорблять его. В гневе он наслал на них потоп, и деревня их была уничтожена [По Платону, Посейдон явился на остров, и атланты стали поклоняться ему и, естественно, не оскорбляли его]. Недалеко от того места он встретил очень красивую девушку по имени Чоке Сусо, которая горько плакала. [Спенс отождествляет ее с Клейто Платона, хотя в то же время отождествляет Клейто с Коатликуэ]. Он спросил, почему она плачет, и она рассказала ему, что от недостатка воды погибал урожай маиса. Париакака влюбился в девушку с первого взгляда и пообещал ей достать необходимую воду, если она ответит на его страсть взаимностью. [У Платона в

рассказе об Атлантиде ничего подобного не случается]. Она ответила благосклонностью на его ухаживания, и он оросил водой всю землю, также, как сделал Посейдон в Атлантиде. Впоследствии Париакака превратил свою жену в статую. [Посейдон не превращал Клейто в статую].

Спенсу не откажешь в воображении, и, когда он в конце своего труда, нимало не сомневаясь в том, что Атлантида располагалась в Карибском море, с пафосом восклицает: «Разве можно в каком другом месте найти больше схожестей с Атлантидой?», с ним так и хочется согласиться, вопреки разумению.

Подобных теорий великое множество, и все они подкрепляются, на взгляд авторов, «вескими доказательствами», опирающимися на новые археологические находки или просто на голословные утверждения, подкрепленные ссылками на «исторические реалии». Поиски и обнаружение Атлантиды поставлены на поток. Ее останками называют Санторин, Крит, Кипр, Азорские, Канарские и Багамские острова. С таким же успехом Атлантиду помещают на территории Швеции, Англии, Боливии, американских штатов Юта, Алабама и Пенсильвания, а также на территории Арктики, Антарктики и Сахары.

Американский писатель Пол Джорден в работе «Синдром Атлантиды» пишет: «Многое без каких-либо свидетельств и доказательств принимается человеком на веру». Действительно, все необычайное и загадочное имеет для людей особую привлекательность, и потому возникает естественное желание докопаться до истины, но в случае с Атлантидой это мало реально: Платон не указал ни ее точного месторасположения, ни точного времени ее гибели.

Американский фантаст Лайон Спрэг де Камп заметил:

Нельзя в рассказанной Платоном истории изменить ее составляющие и после этого утверждать, что это все та же история, рассказанная Платоном. Утверждать подобное — все равно что сказать, что легендарный король Артур на самом деле — царица Клеопатра. Все, что нужно сделать для этого, так это изменить пол Клеопатры, ее годы жизни, национальность, характер, нравственные устои, и тогда сходство будет очевидным.

Слишком много препон для того, чтобы принять историю Платона на веру: развитая цивилизация, по Платону, существовала во времена мезолита; геологические изыскания показали, что в Атлантическом океане не существует образований, похожих на затопленный континент; в найденных и расшифрованных древних текстах об Атлантиде не говорится; не упоминается о ней и в трудах авторов (включая Солона и Геродота), живших раньше Платона. Словом, Платон — единственный, кто поведал миру об Атлантиде. История Атлантиды, как заметил австралийский писатель Тревор Брайсё — «наиболее яркая и устойчивая из всех когда-либо существовавших мистификаций».

Следует также отметить, что исследователи сочинений Платона так и не пришли к однозначному выводу, что за цель он преследовал, вставив в свои труды историю Атлантиды. Некоторые древние авторы, включая Теофраста, ученика Аристотеля, сочли, что Атлантида существовала на самом деле, и Платон отразил в своих сочинениях историческую действительность. А вот сам Аристотель, не соглашаясь с подобным мнением, считал, что «Тимей» и «Критий» Платона — произведения философского толка. Страбон в своем труде «География» назвал историю Атлантиды вымыслом и категорически заключил: «Тот, кто породил Атлантиду, обрек ее на гибель».

Атланты существовали только в воображении Платона.

Часть третья

Изучение греческой мифологии

Со времен античности люди пытаются интерпретировать мифы, понять, откуда они взялись и что означают, а в последнее время предпринимается немало попыток добраться до «истины», скрытой за мифами, и доказать, что они основаны на исторических фактах. Описанию этих попыток посвящаются книги, к примеру, такие, как «Путешествие Улисса», «По пути Одиссея», «История Троянской войны», «Поиски гомеровской Итаки», «Божественный Одиссей и космогоническая история Древней Греции»; а по этим книгам ставятся телевизионные передачи, служащие для развлечения зрителей и понуждающие наиболее пытливых из них ознакомиться с текстами древних мифов или перечитать эти книги (что само по себе отрадно).

Однако на самом деле греческие мифы не отражают истинную действительность (даже если претендуют на это), не служат только для развлечений (потому что имеют большую социальную значимость), они не схожи со священным писанием (хотя тесно связаны с религией) и не являются руководством в жизни. В связи с этим возникает вопрос: если мифы не отражают историческую действительность, не предназначены напрямую для развлечений и не являются религиозными догмами, каково же их тогда назначение? Этот вопрос пытались решить большое число исследователей, и часть суждений приведена в этой книге, но ни одно из этих суждений не решает вопроса полностью. Как сказал один из исследователей, универсального ответа на этот вопрос просто не существует.

Некоторые исследователи считают, что мифы отражают реальные исторические события, которые со временем исказились. Такой подход позволил Генриху Шлиману заявить (когда он откопал золотую маску в Микенах), что он «смотрел в лицо Агамемнону», а также назвать откопанное в Трое сокровище «украшениями Елены». Тот же подход к греческой мифологии побуждает современных исследователей определить точный маршрут странствия Одиссея и местоположения Атлантиды.

Подобным подходом к греческой мифологии руководствовался еще Евгемер, философ из Мессены (около 300 года до новой эры). В своем труде «Священная запись» он повествует о некоей колонне, на которой были начертаны достижения древних царей, к которым он среди прочих относил Урана, Кроноса и Зевса. Согласно его теории, получившей название «евгемеризм», все божества суть лучшие люди первобытного времени, впоследствии обожествленные.

По другому суждению мыслителей древности, миф представляет собой аллегория (греч. *allegorie* — «говорить иначе») и маскирует тайные философские и теологические суждения, которые могут быть поняты путем расшифровки иносказаний.

Псевдо-Гераклит в своем произведении «Гомеровские проблемы» (I век новой эры) писал:

Гомер использовал Одиссея как инструмент для превозношения добродетелей, ибо питал отвращение к порокам людей. Когда Одиссей оказывается в стране лотофагов, находивших странное удовольствие в поедании лотоса, он, хотя ему очень хочется есть, выказывает сдержанность и отправляется в дальнейшее путешествие. Посещение Одиссеем подземного мира свидетельствует о том, что мудрость должна охватить весь мир (даже подземный), дабы всякая часть была досконально изучена. Сирены ничему не могут научить человека, если он постиг всю премудрость, накопленную веками. Киклоп — олицетворение первобытных желаний и человеческой неразумности. Харибда олицетворяет чрезмерную расточительность и беспорядное пьянство. Скилла — аллегория беззастенчивого бесстыдства в различных его проявлениях, потому она наделена собачьими головами, олицетворяющими жадность, прожорливость и насилие.

Аллегорического подхода к греческой мифологии (правда, с другим уклоном) придерживался и Фридрих Макс Мюллер (1823–1900), автор «Сравнительной мифологии». Он с неудовольствием отмечал (что типично для мыслителя XIX столетия) схожесть между мифологией «дикарей» и мифологией древних европейцев, в частности, греков.

Тем не менее Мюллер писал:

Чем больше мы восхищаемся самобытной одаренностью древних греков, тем больше удивляемся незрелостью и абсурдностью их религиозных воззрений... Они верили в большое число богов и приписывали всем, в особенности Зевсу, добродетели и пороки, присущие человеку. Вместе с тем древнегреческие поэты описывали богов такими всеильными, что если бы американские дикари узнали о подобном могуществе, то задрожали бы от ужаса.

Стремясь показать, что древние греки не были дикарями, а греческие мифы — не вздор, Мюллер разработал теорию, согласно которой мифы в первооснове — творения первобытных людей, которые с их помощью выражали свой страх перед естественными феноменами природы, такими, как солнце и утренняя заря. По Мюллеру, первобытные люди персонифицировали светило, наделяя его личными свойствами, но по мере того как развивался язык, они потеряли подлинное осмысление мифов, и значение этих мифов может быть снова обретоено лишь путем выявления оригинального смысла и имен персонажей.

К примеру, Мюллер объясняет, что имя «Эндимион» произошло от греческого *duo* («исчезаю», «ныряю»), которое использовалось применительно к заходящему солнцу. Мюллер добавляет, что слово *enduo* использовалось точно в таком же смысле, и от него образовалось слово *endymto* («заход солнца»), поэтому имя «Эндимион» значит «заходящей солнце». Со временем значение этого имени было забыто, и выражение «заход солнца» стало именем бога, и люди вместо того, чтобы сказать «Наступает ночь», начали говорить «Селена (Луна) целует Эндимиона и препровождает его ко сну».

Такой подход к мифологии получил признание в викторианской Англии, но со временем перестал считаться достаточно обоснованным. И все же теория Мюллера легла в основу сравнительной мифологии, концепцию которой предложил Джеймс Джордж Фрэзер (1854–1941). В своей работе «Золотая ветвь» Фрэзер сравнивает мифы разных народов и находит между ними взаимосвязи.

Его подход к мифологии заключается в следующем:

1. Взять миф, привлечший внимание. Если он противоречив по своему содержанию, странный и нелогичный, то это, вероятно, по той причине, что миф зародился на ранней стадии культурного становления.
2. Найти наибольшее число схожих мифов в мифологиях других стран и народов.
3. Найти общее объяснение этих мифов, подходящее для любого из них.
4. Использовать общее объяснение для толкования первоисточника.

Например, Фрэзер собрал тридцать шесть историй, по своему происхождению относящихся к XII–XIX векам новой эры, которые схожи с историей Одиссея и Полифема. Диапазон этих историй — от рассказа о слепом скрипаче с острова Айли до подходящих сказок из «Тысячи и одной ночи» и рассказа об одноглазом великане-людоеде Депе-Гезе, персонаже монгольского фольклора.

Проанализировав эти повествования, Фрэзер пишет:

Сходство историй об ослеплении одноглазого великана настолько велико,

что они, очевидно, произошли из одного и того же источника, которым, возможно, стало повествование об Одиссее и Полифеме или, что более вероятно, произведения устного народного творчества, которыми воспользовался Гомер.

На основании сравнения рассмотренных сказаний об одноглазом великане-людоеде Фрэзер делает выводы:

1. Все изученные повествования, в сущности, одинаковы и отличаются друг от друга лишь частностями.

2. Существует «первородное» отправное сказание, а все остальные повествования являются его вариантами.

Назначение сравнительной мифологии — реконструировать оригинальный рассказ, используя варианты, отличающиеся от первоисточника. Сравнительную мифологию можно соотнести со сравнительно-историческим языкознанием. Опираясь на эту теорию, лингвисты, к примеру, определили, что слово «брат» происходит от *bhrater*, а пришли они к этому заключению, изучив варианты слова: *brodthor* (в староанглийском), *bruodar* (в староверхненемецком), *frater* (в латыни), *bhratr* (в санскрите). Таким же способом с помощью сравнительной мифологии пытаются реконструировать мифы.

Рассмотрев сказания об одноглазом великане-людоеде, Фрэзер выделил наиболее общие элементы:

1. Герой и его спутники заключены в пещеру одноглазого великана, держащего скот.
2. Великан поедает всех или только часть спутников главного действующего лица, зажарив их на металлическом вертеле.
3. Великан засыпает после совершения трапезы.
4. Герой берет вертел, нагревает на огне и вонзает в глаз великану.
5. Утром великан выгоняет из пещеры овец, и герой выбирается на свободу на четвереньках, накинув на себя шкуру овцы или уцепившись за овцу снизу.
6. Герой надевает на палец магическое кольцо, которое возглашает: «Я здесь».
7. Герой спасается, отрубив себе палец с кольцом.

По Гомеру, Одиссей решает остаться в пещере киклопа, чтобы получить от него подарки. Это выглядит странным, ибо все имущество великана состояло из овец, коз и сыра. В других историях, которые Фрэзер отобрал для сравнения, герои проникают в пещеру киклопа, чтобы его обобрать или хоть чем-нибудь поживиться. Компаративисты считают, что, согласно изначальному мифу (лежащему в основе других, более поздних мифов на ту же тему), герой проникает в пещеру одноглазого великана, чтобы найти в ней пристанище и еду, после чего, когда киклоп приходит домой, оказывается в ловушке. Однако такое суждение не принимает в расчет мотивы, которые присутствуют у Гомера в мифе о Полифеме и Одиссее (любопытность героя, гостеприимство, отношение к богам).

Кроме того, миф о Полифеме и Одиссее имеет свои особенности:

1. Полифем поедает мясо сырым.
2. Одиссей усыпляет киклопа, напоив допьяна.
3. Предмет, которым Одиссей ослепляет киклопа, — деревянный, не металлический.
4. Одиссей обманывает Киклопа, придумав себя имя — Никто.
5. Одиссей не пользуется волшебным кольцом.
6. Одиссее не отрубает себе палец.

Эти особенности довольно существенны. Так, Полифем поедает мясо сырым, что подчеркивает его низменные инстинкты; хитроумие Одиссея позволяет одолеть грозного великана; раскрываются личные качества Одиссея, что присуще всей поэме Гомера.

Руководствуясь тем, что тема магического кольца присутствует в большинстве сказаний об одноглазом великане-людоеде, а в «Одиссее» отсутствует, Фрэзер пришел к заключению, что тема эта является частью изначального мифа, а история, рассказанная Гомером, — вариант еще более старого мифа. Однако допустимо предположить, что тема

магического кольца является добавлением к гипотетически изначальной мифу. Также допустимо предположить, что отобранные Фрэзером многочисленные сказания об одноглазом гиганте хотя и схожи тематически, но по происхождению все же различны. Сравнительная мифология — интересное начинание, но дефиниция происхождения мифов — дело столь же рискованное, как и путешествие Одиссея.

Труды Фрэзера продолжила Джейн Харрисон, главным образом, в работе «Фемида» (1912). Харрисон особенно интересовалась связью мифов с обрядами, ритуалами и считала, что мифы — повествования (*logomena*, «нечто рассказанное»), которое соотносится с ритуалами (*dromena*, «нечто представленным»), или другими словами, мифы эквивалентны обрядам. Ритуалистическая доктрина дала начало кембриджской школе классической филологии, к которой, кроме Харрисон, принадлежали, в частности, Ф. М. Корнфорд и Гилберт Мюррей. По мнению Корнфорда, греческая комедия произошла от новогодних обрядов, а по суждению Мюррея, и греческая трагедия зародилась от укоренившихся ритуалов.

В двадцатые годы XX века сравнительная мифология получила свое развитие в трудах Жоржа Дюмезиля, положившего начало структурного изучения мифов. Дюмезиль, специалист по сравнительной мифологии индоевропейских народов, предложил теорию трехфункциональной структуры индоевропейских мифов и других культурных феноменов: религиозная и светская власть, военная сила, плодородие. По Дюмезилю, Парис, верша нелегкий суд, выбирал между религиозной властью (Герой), военной силой (Афиной) и плодородием (Афродитой). Дюмезиль объясняет падение Трои тем, что Парис, презрев иерархию, предпочел Афродите, отдав пальму первенства плодородию.

Зигмунд Фрейд, известный как исследователь эдипова комплекса, для обоснования разработанного им психоанализа нередко прибегал к греческим мифам. В своей работе «Толкование сновидений» (1900) Фрейд доказал, что комплекс Эдипа — это группа связанных понятий, инстинктивных влечений и страхов, наблюдаемая у мальчиков в возрасте от трех до семи лет. В этом периоде, соответствующему типу фаллической фазы психосексуального развития, интерес ребенка сосредоточен преимущественно на родителе противоположного пола и сопровождается агрессивностью по отношению к родителю своего пола. Комплекс этот назван по имени героя греческого мифа царя Эдипа, который, не зная того, убил собственного отца и женился на собственной матери. В «Толковании сновидений» Фрейд также предположил, что сновидения связаны с формой и содержанием мифов, легенд и сказаний.

По Фрейду, человеку, помимо сознания, присуще также и бессознательное, чьи желания часто противоречат друг другу — желания бессознательного сталкиваются с сознательными желаниями, а сновидения становятся замаскированным исполнением неудовлетворенных в бодрствующем состоянии желаний. Мифы важны потому, что они позволяют бессознательному, обычно подавленному, выразиться в обычной, социально приемлемой форме.

По Фрейду, сновидение состоит из двух составляющих: явного содержания и скрытых мыслей. Явное содержание сновидения — образы сновидения, оставшиеся в памяти после сна. Скрытые мысли — бессознательное содержание сновидения, скрывающееся за явными, искажающими его содержаниями. С помощью работы сновидения (похожей на перевод текста с одного языка на другой) из скрытых мыслей сновидения формируется явное содержание сновидения. Образы, полученные в результате работы сновидения, называются «символами», которые могут быть личными (понятными лишь тому, кому привиделось сновидение) и универсальными (непонятными для того, кому привиделось сновидение, но очевидными для психоаналитика).

По Фрейду, психосексуальное развитие мальчика включает четыре фазы:

1. Аутоэротизм — удовлетворение сексуальных влечений и получение наслаждения с помощью органов и участков собственного тела; это влечение находится под влиянием Ид, средоточия слепых инстинктов, стремящихся к немедленному удовлетворению.

2. Комплекс Эдипа — в возрасте от трех до семи лет мальчик испытывает половое влечение к матери и ревность по отношению к отцу; мальчику кажется, что отец ему угрожает, и потому он страшится возможной кастрации; в то же время из-за любви к отцу и боязни за него, вызванной враждебным к нему отношением, ребенок испытывает страх и чувствует себя виноватым.

3. Латентный период — ребенок подавляет свою сексуальность за счет развития сверх-Я, высшей инстанции в сфере духовной жизни, которая берет Ид под контроль.

4. Зрелость — ребенок достигает полового развития, отделяет себя от матери, примиряется с отцом и пытается отыскать объект сексуального влечения, по половому признаку похожий на мать.

Если общество похоже на индивидуумов, то, по Фрейду, «из анализа мифов с большой вероятностью следует, что это всего лишь искаженные остатки желаний — грез целых народов, вековые мечтания юного человечества». Для Фрейда содержание мифов имеет символический смысл, но содержание это не слишком искажено работой сновидения, поэтому Фрейд легко пользуется анализом сновидений и объясняет скрытые в этих сновидениях мысли. Используя мифы, легенды, сказания, Фрейд составил список универсальных «фрейдистских» символов.

Вот толкование этих символов:

Примером толкования Фрейдом символов может служить миф о Медузе:

- Отсечение головы — кастрация.
- Ужас, который она внушает = боязнь кастрации.

Такой ужас может охватить мальчика, когда он видит женские гениталии (например, материнские), окруженные волосами.

• Змеиные волосы Медузы служат для смягчения ужаса, ибо фаллические змеи символизируют пенис. Здесь Фрейд использует техническую норму, названную им «компенсация», ибо многочисленность символов пениса обозначает кастрацию.

• Вид головы Медузы обращает наблюдателя в камень, что является эмоциональной реакцией на кастрацию.

• Быть обращенным в камень — символ эрекции; это благоприятно: наблюдатель ощущает свой пенис, его эрекцию.

• Афина, девственная богиня, носит голову Медузы, символ ужаса на своей эгиде, демонстрируя ужасные гениталии матери, чтобы отвратить сексуальные помышления.

• Образ женщины, угрожающей мужчине кастрацией, мог быть воспринят только отъявленно гомосексуальными греками.

Суждение Фрейда о том, что за явным содержанием мифа коренится еще и другой — скрытый — смысл, получило распространение, и теперь многие исследователи считают, что в мифах рассматриваются проблемы, актуальные для того общества, в котором эти сказания создаются, насыщение мифа таким содержанием не является непременно сознательным.

Карл Юнг (1875–1961), последователь Зигмунда Фрейда, выдвинул положение о том, что помимо индивидуального подсознательного существует также коллективное бессознательное. Он считал, что сходные символы существуют в мифах и сновидениях. Юнг утверждал, что фундамент духовной жизни составляет исследуемый опыт предшествующих поколений (включая мифы и коллективные желания-грезы), образованный совокупностью архетипов, которые исследуются подобно тому, как наследуется строение тела. По Юнгу, архетипы структурируют понимание мира, себя и других людей и с особой отчетливостью проявляются в мифах и сновидениях. Юнг определил целую серию архетипов (ребенок, наделенный даром предвидения, мудрый старец, мать и дочь и др.), которые появляются из

предсознательной психики и находят выражение в мифе. Однако когда коллективная психика становится сознательной, она нуждается в подавлении для развития индивидов, и такая победа символически отражается в мифах, повествующих о различных славных свершениях. Юнг считал, что главные выражения коллективного бессознательного можно найти в знакомых мифах. Работы Юнга не общеприняты, но они иллюстрируют важность и значительность мифов и в жизни современного общества.

Важной работой в изучении мифов стала работа русского фольклориста Владимира Проппа «Морфология сказки» (1928). Изучая русские волшебные сказки, Пропп заметил, что персонажи этих сказок меняются, а содержание практически неизменно, и выступил пионером структурной фольклористики, создав модуль сюжетного синтаксиса волшебной сказки в виде линейной последовательности функций действующих лиц.

Проанализировав русские волшебные сказки, Пропп обнаружил, что хотя персонажи их различны и совершаемые ими поступки своеобразны, функции действующих лиц одинаковы: царь дает герою орла, и тот переносит героя в другое царство; старец дает Сученко коня, и тот переносит Сученку в иное царство; принцесса дает Ивану кольцо, раб которого переносит Ивана в другое царство. С точки зрения структуралиста, определяющим в этих сказках являются не персонажи и не сами по себе действия, а действия в контексте отношений с общей структурой сказок.

Пропп проанализировал большое количество русских волшебных сказок и заключил:

1. Общее число функций действующих лиц — 31 (хотя не все они наличествуют в отдельно взятой конкретной сказке).
2. Последовательность функций всегда одинакова.

№ — Функция

1. Один из членов семьи отлучается из дома.
2. К герою обращаются с запретом.
3. Запрет нарушается.
4. Антагонист пытается произвести разведку.
5. Антагонисту даются сведения о его жертве.
6. Антагонист пытается обмануть свою жертву, чтобы овладеть ею или ее имуществом.
7. Жертва поддается обману и тем невольно помогает врагу.
8. Антагонист наносит одному из членов семьи вред или ущерб.
- 8а. Одному из членов семьи чего-либо не хватает, ему хочется иметь что-либо.
9. Беда или недостача сообщается, к герою обращаются с просьбой или приказанием, отсылают или отпускают его.
10. Искатель соглашается или решается на противодействие.
11. Герой покидает дом.
12. Герой испытывается, выспрашивается, подвергается нападению и пр., чем подготавливается получение им волшебного средства или помощника.
13. Герой реагирует на действия будущего дарителя.
14. В распоряжение героя попадает волшебное средство.
15. Герой переносится, доставляется или приводится к месту нахождения предмета поиска.
16. Герой и антагонист вступают в непосредственную борьбу.
17. Героя метят.
18. Антагонист побеждается.
19. Начальная беда или недостача ликвидируется.
20. Герой возвращается.
21. Герой подвергается преследованию.
22. Герой спасается от преследования.

23. Герой неузнанным прибывает домой или в другую страну.
24. Ложный герой предъявляет необоснованные требования.
25. Герою предлагается трудная задача.
26. Задача решается.
27. Героя узнают.
28. Ложный герой или антагонист изобличается.
29. Герою дается новый облик.
30. Враг наказывается.
31. Герой вступает в брак и воцаряется.

Интересно отметить, что Пропп посчитал, что мифы о Персее, Тесее и аргонавтах также основаны на этой системе функций и возможно провести их анализ, правда, отойдя от жестких рамок системы.

В 1955 году французский этнолог Клод Леви-Строс опубликовал работу «Структурное изучение мифа», в которой изложил структуралистскую теорию мифа, получившую распространение в шестидесятых-семидесятых годах XX века.

Леви-Строс рассматривал мифы как форму коммуникации, аналогичной речи и музыке, в которых значение имеют не отдельные звуки, а взаимосвязь между ними. Методология Леви-Строса заключается в сборе всех версий мифа (независимо от того, когда, где и кто их изложил) и расчленении на базовые единицы (названные структуралистом «мифемами»). Эти мифемы взаимосвязаны, и связь эта порождает много вопросов. Задача структуралиста — их выяснить.

К примеру, мифы о Кадме, Эдипе и Семерых против Фив могут быть рассмотрены с помощью нижеследующей таблицы.

Миф можно прочесть диахронно (соблюдая логическую последовательность событий), следуя по таблице сверху вниз. В таком виде миф напоминает собой мелодию музыкального сочинения. Миф также можно прочесть синхронно, следуя по таблице справа налево, колонка за колонкой. В таком виде миф постигается, напоминая собой гармонию музыкального сочинения. Структуралисту необходимо определить, что собой представляют вопросы, образующие заголовки колонок и как они связаны. Проблема состоит в том, чтобы выяснить, как соотносятся между собой третья и четвертая колонки. Леви-Строс полагает, что убийство чудовищ объясняется «отрицанием автохтонного происхождения человека» (дракон рожден Землей и должен быть убит, чтобы появились на свет спарты; Сфинга — чудовище, стремящееся погубить человека). Таким образом, третья колонка относится к четвертой колонке так же, как первая относится ко второй, и Леви-Строс заключает: «Невозможность объединить два вида взаимоотношений преодолевается (или, вернее, замещается) утверждением, что противоречивые взаимоотношения идентичны в той же мере, в какой идентичны их внутренние противоречия».

Для Леви-Строса основная структура разума бинарна, разум постоянно имеет дело с бинарными оппозициями, а мифы служат медиаторами, к примеру, в оппозициях «сырой — сваренный», «жизнь — смерть», «охотник — жертва», «природа — культура». При анализе мифов по методологии Леви-Строса рассматриваются бинарные оппозиции, диаметрально противоположности, антитезы, и это, в конечном счете, ведет к своего рода разрешению фундаментальных противоречий. По Леви-Стросу, кровосмесительный брак Эдипа и убийство им собственного отца сами по себе значения не имеют, а являются частью кода; эти поступки при анализе мифа не вызывают у Леви-Строса ассоциаций, которые Фрейд непременно бы выявил.

Позднее при анализе мифов получила распространение ритуалистическая доктрина. Джейн Харрисон пришла к заключению, что мифы связаны с ритуалами, а немецкий ученый Вальтер Буркерт уточнил, что традиционные рассказы не могут быть истолкованы вне культурного и исторического контекста. По его мнению, мифы удовлетворяют потребностям, как рассказчика, так и аудитории, а миф — это «рассказ, основанный на обычаях». Так, миф об истреблении мужчин амазонками Буркерт объясняет укоренившимся на Лемносе ритуалом отмечать новогодний праздник мужчинами и женщинами отдельно, а миф о прибытии аргонавтов на этот остров — обычаем после приношения мертвым доставлять морем на Лемнос новый огонь с алтаря Аполлона на Делосе, после чего возобновлялись брачные отношения.

Анализируя мифы о Каллисто, Данае, Авге, Ио и Антиопе, Буркерт пришел к заключению, что у этих мифов одна и та же структура, а последовательность происходящих в них действий может быть сведена в пять *motifemes* — мотивем (аналогичных мифемам Леви-Строса и функциям Проппа).

Буркерт также указал, что героини этих мифов — матери или основателей городов или прародителей греческих племенных групп.

- Каллисто — мать Аркада, прародителя аркадян.
- Даная — мать Персея, основателя Микен.
- Авга — мать Телефа, основателя Пергама.
- Ио — мать Эпафа, прародителя данайцев.
- Антиопа — мать Амфиона и Зета, основателей Фив.

Буркерт пришел к заключению, что «трагедия девы», лежащая в основе каждого из перечисленных мифов, отражает укоренившиеся обычаи, обусловленные естественными причинами: половой зрелостью, потерей девственности, беременностью и родами. В некоторых греческих племенных группах девушек отлучали от дома после первой менструации, и они обретали статус взрослого человека только после рождения сына (и структура перечисленных мифов строится на этом обычае).

Бытует мнение, что анализ древнегреческих мифов, созданных несколько тысячелетий назад, должен быть давно завершен или, по меньшей мере, находиться в статистическом состоянии, однако на самом деле процесс этот весьма динамичен и находит новое отражение в появляющихся в разных странах работах. Современный анализ мифов зачастую не лишен эклектизма, когда ученые совмещают в исследованиях сильные стороны теорий и положений, рассмотренных нами выше, чтобы найти новый подход к толкованию мифов. При толковании и анализе мифов также используются идеи и положения других, смежных областей знаний. Французские антропологи Жюль-Пьер Вернан, Пьер Видаль-Наке и Марсель Детьен, которых иногда называют структуралистами (что их, кажется, раздражает), при анализе мифов использовали исторический материал вкупе с антропологическими подходами.

Мифы интерпретируют и в идеологических целях. В 1913 году отрывки из трагедии Еврипида «Медея» зачитывались на собрании суфражисток, взявших на вооружение подходящие выдержки в борьбе за предоставление женщинам одинаковых с мужчинами избирательных прав. Марксисты, интерпретируя миф о Геракле, видят в нем человека, занимавшегося наемным или даже рабским трудом.

А вот Джим Уилли, американский финансовый аналитик, использовал мифы для иллюстрации своих экономических построений. В его статье «Современная американская экономическая мифология» Дельфийский оракул — это Федеральная резервная система во главе с ее председателем Аланом Гринспеном; Зевс — Роберт Рубин, отец-основатель политики сильного доллара; Гера — Японский центральный банк, возрождающийся после

каждого краха; Ахилл — доблестные американские воины, готовые защищать Грецию, находящуюся в сфере американских экономических интересов; нимфы, использующие себе на благо сексуальность, — ростовщики, дельцы и банкиры; сатиры, преследующие нимф, — домовладельцы, которые чувствуют себя выжатыми, как лимон, после уплаты банковских кредитов. Уилли делает вывод: «Современная американская экономическая мифология скоро превратится в греческую трагедию».

Мифам придают и вовсе экстраординарное толкование. Так, Эрик фон Дэникен в своей работе «Божественный Одиссей и космогоническая история Древней Греции» высказывает суждение, что охранявший Крит медный великан Талое есть не что иное, как робот. Он пишет: «Откуда взялся в греческих мифах металлический великан? Такого существа, как и огнедышащего дракона (еще одного персонажа мифов) на Земле за все время ее развития явственно не имелось, и придумать их невозможно». Фон Дэникен также считает, что золотое руно — это своего рода летательная машина.

Рассмотренным подходам к греческой мифологии присуща общая слабость: все они — историзм, аллегория, сравнительная мифология, психоанализ, ритуалистическая доктрина, структурализм — ударяются в крайности, и все же, несмотря на недостатки, внесли несомненный вклад в анализ и толкование мифов. Со времен возникновения греческих мифов последние сочетали в себе развлекательное начало и способность проникновения в суть вещей, и не наблюдается очевидных примет того, что их значение умалется.

Итальянский писатель Роберто Калассо в своей работе «Брак Кадма и Гармонии» пишет:

Столетиями люди рассуждают о том, что греческие мифы следует пробудить от вековой спячки и открыть заново. Однако правда заключается в том, что это мифы ждут нашего пробуждения, чтобы мы могли посмотреть на них, как на дерево, которое ждет, когда на него обратят внимание и посмотрят на него свежим взглядом.

Книга Калассо предваряется цитатой из произведения Саллюстия, греческого ритор-неоплатоника IV века, «О богах и о мире»:

Миф — то, чего никогда не было, но что всегда есть.

Саллюстий прав. У греческих мифов, хотя они и возникли в стародавние времена, по-прежнему славное и разностороннее будущее.

Библиография

Источники¹³⁴

Аполлодор. Мифологическая библиотека. Перевод В. Г. Боруховича // Мифологическая библиотека. М., 1993.

Аполлодор. Эпитома. Перевод В. Г. Боруховича// Мифологическая библиотека. М., 1993.

¹³⁴ Для удобства отечественного читателя приведен список источников на русском языке. — *Ред.*

- Аполлоний Родосский.* Аргонавтика. Перевод Г. Церетели // Александрийская поэзия. М., 1972.
- Аристотель.* Поэтика // Собрание сочинений. М., 1975.
- Аристофан.* Осы. Перевод Н. Корнилова под редакцией В. Ярхо // Комедии. М., 1954.
- Аристофан.* Лисистрата. Перевод Д. Шестакова под редакцией Ю. Шульца // Комедии. М., 1954.
- Аристофан.* Лягушки. Перевод Ю. Шульца // Комедии. М., 1954.
- Байрон Дж.* Дон Жуан. Перевод Т. Гнедич // Избранные произведения. М., 1987.
- Вакхилид.* Дифирамбы. Перевод М. Л. Гаспарова // Оды. Фрагменты. М., 1980.
- Вергилий.* Энеида. Перевод С. А. Ошерова под редакцией Ф. А. Петровского // Буколики. Георгики. Энеида. М., 1979.
- Геродот.* История. Перевод Г. А. Стратановского. М., 1993.
- Гесиод.* Теогония // Эллинские поэты в переводах В. В. Вересаева. М., 1963.
- Гесиод.* Работы и дни // Эллинские поэты в переводах В. В. Вересаева. М., 1963.
- Гигин.* Мифы. Перевод Д. О. Торшилова под редакцией А. А. Тахо-Годи. СПб., 1997.
- Гомер.* Илиада. Перевод Н. И. Гнедича. М., 1980.
- Гомер.* Одиссея. Перевод В. Жуковского. М., 1981.
- Гомеровские гимны // Эллинские поэты в переводах В. Вересаева. М., 1963.
- Грейвс Р.* Мифы древней Греции. Перевод под редакцией А. А. Тахо-Годи. М., 1992.
- Еврипид.* Алкеста. Перевод И. Анненского // Трагедии. М., 2001.
- Еврипид.* Андромаха. Перевод И. Анненского // Трагедии. М., 2001.
- Еврипид.* Вакханки. Перевод И. Анненского // Трагедии. М., 2001.
- Еврипид.* Гекуба. Перевод И. Анненского // Трагедии. М., 2001.
- Еврипид.* Елена. Перевод И. Анненского // Трагедии. М., 2001.
- Еврипид.* Ион. Перевод И. Анненского // Трагедии. М., 2001.
- Еврипид.* Ипполит. Перевод И. Анненского // Трагедии. М., 2001.
- Еврипид.* Медея. Перевод И. Анненского // Трагедии. М., 2001.
- Еврипид.* Умоляющие. Перевод И. Анненского // Трагедии. М., 2001.
- Еврипид.* Троянки. Перевод И. Анненского // Трагедии. М., 2001.
- Еврипид.* Финикиянки. Перевод И. Анненского // Трагедии. М., 2001.
- Кавафис К.* Троя. Перевод А. Величанского // Лирика. М., 1984.
- Кавафис К.* Итака. Перевод С. Ильинской // Лирика. М., 1984.
- Каллимах.* К острову Делосу. Перевод С. С. Аверинцева // Александрийская поэзия. М., 1972.
- Катулл Валерий.* «Некогда челн из сосны...». Перевод С. Шервинского // Катулл. Тибулл. Проперций. М., 1963.
- Лукреций.* О природе вещей. Перевод Ф. А. Петровского. М., 1958.
- Марло К.* Трагическая история доктора Фауста. Перевод Е. Бируковой // Сочинения. М., 1961.
- Овидий.* Метаморфозы. Перевод С. Шервинского // Собрание сочинений. СПб., 1994.
- Павсаний.* Описание Эллады. Перевод С. П. Кондратьева. М., 1994.
- Пиндар.* Истмийские песни. Перевод М. Л. Гаспарова // Оды. Фрагменты. М., 1980.
- Пиндар.* Немейские песни. Перевод М. Л. Гаспарова // Оды. Фрагменты. М., 1980.
- Пиндар.* Пифийские песни. Перевод М. Л. Гаспарова // Оды. Фрагменты. М., 1980.
- Пиндар.* Олимпийские песни. Перевод М. Л. Гаспарова // Оды. Фрагменты. М., 1980.
- Платон.* Горгий. Перевод С. П. Маркиша // Собрание сочинений. М., 1983.
- Платон.* Государство. Перевод А. Н. Егунова // Собрание сочинений. М., 1983.
- Платон.* Критий. Перевод С. С. Аверинцева // Собрание сочинений. М., 1983.
- Платон.* Протагор. Перевод Вл. С. Соловьева // Собрание сочинений. М., 1983.
- Платон.* Тимей. Перевод С. С. Аверинцева // Собрание сочинений. М., 1983.
- Платон.* Федр. Перевод А. Н. Егунова // Собрание сочинений. М., 1983.
- Рильке Р. М.* Сонеты к Орфею. Перевод В. Микушевича // Стихотворения. М., 1999.

- Софокл.* Антигона. Перевод Ф. Ф. Зелинского // Драмы. М., 1990.
- Софокл.* Аякс. Перевод С. Шервинского. // Трагедии. М., 1988.
- Софокл.* Трахинянки. Перевод С. Шервинского // Трагедии. М., 1988.
- Спенс Л.* Проблемы Атлантиды. Перевод М. Н. Авдейчика. М., 2002.
- Страбон.* География. Перевод Г. А. Стратановского. М., 1964.
- Феокрит.* Идиллии. Перевод М. Грабарь-Пассек // Александрийская поэзия. М., 1972.
- Филогелос.* Перевод М. Л. Гаспарова // *Федр. Бабрий.* Басни. М., 1962.
- Фрейд З.* Художник и фантазирование. Перевод Р. Додельцева // Художник и фантазирование. Сборник. М., 1995.
- Фукидид.* История. Перевод Г. А. Стратановского. М., 1999.
- Шекспир В.* Венера и Адонис. Перевод Б. Томашевского // Собрание сочинений. М., 1994.
- Шекспир В.* Гамлет. Перевод Б. Пастернака // Собрание сочинений. М., 1994.
- Шекспир В.* Генрих VIII. Перевод Б. Томашевского // Собрание сочинений. М., 1994.
- Шекспир В.* Два веронца. Перевод В. Левики // Собрание сочинений. М., 1994.
- Эзон.* Рабыня и Афродита. Перевод М. Л. Гаспарова // Басни. М., 1993.
- Эсхил.* Агамемнон. Перевод Вяч. Иванова // Трагедии. М., 1971.
- Эсхил.* Гелиады. Перевод М. Л. Гаспарова // Трагедии. М., 1971.

Энциклопедии и словари

- Сегодня доступно множество мифологических словарей и энциклопедий, в том числе:
- Grimal P.* The Penguin Dictionary of Classical Mythology, edited by Stephen Kershaw from the translation by A. R. Maxwell Hyslop. Penguin, 1991.
- March J.* Cassell's Dictionary of Classical Mythology. Cassell, 2001.
- Price S.* and *Kearns E.* The Oxford Dictionary of Classical Myth and Religion. Oxford University Press, 2003.

Исследования

- Ниже приводятся книги, которые могут заинтересовать вдумчивого читателя:
- Anderson M. J.* The Fall of Troy in Early Greek Poetry and Art. Oxford University Press, 1997.
- Arafat K. W.* Classical Zeus: A Study in Art and Literature. Oxford University Press, 1990.
- Armstrong K.* A Short History of Myth. Canongate, 2005.
- Bernal M.* Black Athena: The Afroasiatic Roots of Classical Civilisation. 2 vols. Rutgers University Press, 1987–1991.
- Bremmer J.* (ed.). Interpretations of Greek Mythology. Routledge, 1988.
- Brisson L.* Plato the Myth Maker, tr. G. Nadaff. University of Chicago Press, 1998.
- Brisson L.* How Philosophers Saved Myths: Allegorical Interpretation and Classical Mythology. University of Chicago Press, 2004.
- Brittlestone R.* with *Diggle J.* and *Underhill J.* Odysseus Unbound: The Search for Homer's Ithaca. Cambridge University Press, 2005.
- Bull M.* The Mirror of the Gods: Classical Mythology in Renaissance Art. Penguin, 2006.
- Burkert W.* Structure and History in Greek Mythology and Ritual. University of California Press, 1979.
- Burkert W.* Greek Religion: Archaic and Classical, tr. J. Raffan. Basil Blackwell, 1985.
- Buxton R. G. A. B.* The Complete World of Greek Mythology. Thames & Hudson, 2004.
- Caldwell R.* The Origin of the Gods: A Psychoanalytic Study of Greek Theogonic Myth. Oxford University Press, 1989.
- Carpenter T. H.* Art and Myth in Ancient Greece: A Handbook. Thames & Hudson, 1991.
- Castleden R.* The Attack on Troy. Pen & Sword Military, 2006.

- Davies J. K.* and *Foxhall L.* (eds.). *The Trojan War: Its Historicity and Context*. Bristol Classical Press, 1984.
- Doty W. G.* *Mythography: The Study of Myths and Rituals*. 2nd edn. University of Alabama Press, 2000.
- DuBois P.* *Centaurs and Amazons: Women and the Pre-History of the Chain of Being*. University of Michigan Press, 1982.
- Easterling P. E.* and *Muir J. V.* (eds.). *Greek Religion and Society*. Cambridge University Press, 1985.
- Erskine A.* *Troy Between Greece and Rome: Local Tradition and Imperial Power*. Oxford University Press, 2001.
- Forsyth P. Y.* *Thera in the Bronze Age*. Peter Lang, 1997.
- Galinsky G. K.* *The Herakles Theme: The Adaptations of the Hero in Literature from Homer to the Twentieth Century*. Rowman & Littlefield, 1972.
- Graf F.* *Greek Mythology: An Introduction*, tr. T. Marier. Johns Hopkins University Press, 1993.
- Hughes B.* *Helen of Troy: Goddess, Princess, Whore*. Pimlico, 2006.
- Jenkyns R.* *The Victorians and Ancient Greece*. Blackwell, 1980.
- Kirk G. S.* *Myth: Its Meaning and Functions in Ancient and Other Cultures*. Cambridge University Press, 1970.
- Kirk G. S.* *The Nature of Greek Myths*. Penguin, 1974.
- Lefkowitz M. R.* *Heroines and Hysterics*. Duckworth, 1981.
- Lefkowitz M. R.* and *Rogers G. M.* *Black Athena Revisited*. University of North Carolina Press, 1996.
- Levi-Strauss C.* *Structural Anthropology*, tr. C. Jacobson and B. Grund-fest Schoepf. Penguin, 1968.
- Logue C.* *War Music: An account of Books 1–4 and 16–19 of Homer’s Iliad*. Faber & Faber, 2001.
- Luce J. V.* *Celebrating Homer’s Landscapes: Troy and Ithaca Revisited*. Yale University Press, 1998.
- Reid J. D.* *The Oxford Guide to Classical Mythology in the Arts, 1300–1990s*. Oxford University Press, 1993.
- Seznec J.* *The Survival of the Pagan Gods: The Mythological Tradition and Its Place in Renaissance Humanism and Art*. tr. B. F. Sessions. Princeton University Press, 1972.
- Strauss B.* *The Trojan War: A New History*. Hutchinson, 2007.
- Veyne P.* *Did the Greeks Believe in Their Myths? An Essay on the Constitutive Imagination*, tr. P. Wissing. University of Chicago Press, 1988.
- Winkler M. M.* *Troy: From Homer’s Iliad to Hollywood Epic*. Blackwell, 2007.
- Wood M.* *In Search of the Trojan War*. BBC Books, 1985.
- Woodford S.* *The Trojan War in Ancient Art*. Duckworth, 1993.
- Woodford S.* *Images of Myths in Classical Antiquity*. Cambridge University Press, 2003.